СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ
Союза ССР

4

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИЗЮ СССР
★ 1937 ★

СОДЕРЖАНИЕ № 4

	Стр. 1
На историческом повороте _____	
А. Вышинский. — Роль процессуального закона в социалистическом государстве рабочих и крестьян _____	4
С. Булатов. — Закон 7 апреля 1935 г. в системе советского уголовного права _____	14
В. Тадевосян. — Прокурор и следователь по делам несовершеннолетних _____	25
Б. Утевский. — Преступность детей и молодежи в капиталистических странах _____	27
Д. Горвиц. — Несовершеннолетние перед судом _____	34
Ц. Фейнберг. — Основные вопросы советской судебно-психиатрической экспертизы _____	39
А. Лещинский. — Значение и место судебно-психиатрической экспертизы в зале суда _____	53
А. Винберг. — Исследование оттисков шрифта пишущих машинок _____	56
М. Строгович. — Некоторые процессуальные вопросы защиты на суде _____	63
С. Митричев. — Расследование поджогов _____	66
П. Тарасов-Родионов. — Овладеть высоким уровнем своей техники _____	70
Б. Ошерович. — О работе Харьковского института советского строительства и права _____	74
Лопухов. — О надрах для кадров _____	79
Н. Н. — Слова и дела _____	82
Обмен опытом _____	84
Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза _____	93
По союзным республикам _____	101
Право-процесс-судоустройство в капиталистических странах _____	108
В Всесоюзном институте юридических наук _____	121
Второй пленум Центрального комитета работников суда и прокуратуры _____	122
Библиография _____	125
Памяти Внукова _____	

Ответственный редактор **А. Я. ВЫШИНСКИЙ**

Редколлегия: **Г. И. Волков** (зам. отв. редактора), **Г. И. Едвабный**, **Г. М. Сегал**, **М. С. Строгович**

ИЗДАТЕЛЬ: Юридическое издательство НКЮ СССР. Технический редактор **Н. Журавлев**
Адрес издательства: Москва, Красная площадь, зд. ЦИК, пом. 28.

Рукопись поступила в издательство 13/III 1937 г. Сдано в производство 23/III 1937 г.
 Подп. к печ. 20/IV 1937 г. 8 п. л.; 20,45 авт. листа. В одном бум. листе 220 800 печ. знаков.

Уполном. Главлита Б—13909. Формат бум. 70×108/16. Заказ № 285. Ю—4 п.; 252. Тир. 20.250 экз

Типография Профиздата. Москва, Крутицкий вал, 18.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ СССР

АПРЕЛЬ

1937 г.

4

Редакция:

Москва, Пушкинская, д. 15

НА ИСТОРИЧЕСКОМ ПОВОРОТЕ

Великая Сталинская Конституция — Конституция замечательных побед социализма в нашей стране — открыла новую эпоху в политической жизни Советского союза, эпоху дальнейшего развертывания и величественного расцвета социалистической демократии, обеспечивающей огромным массам советского народа непосредственное участие в демократическом управлении Советским государством. Устанавливая государственную форму диктатуры рабочего класса на новой ступени ее развития в условиях социалистического общества, наша новая советская Конституция знаменует поворот в политической жизни страны, глубина и разносторонность которого не могут быть переоценены.

Введение новой Конституции с ее подлинно-демократической избирательной системой означает, прежде всего, усиление всенародного контроля в отношении советских органов и усиление ответственности советских органов в отношении масс. Выборы в высшие органы советской власти являются при новой избирательной системе высшей формой этого контроля масс и, вместе с тем, высшей формой проявления политической активности всего советского народа.

Наша партия, являющаяся «передовым отрядом трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя и представляющая руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных» (ст. 126 Конституции СССР), должна возглавить эту политическую активность масс, идя впереди масс, политически руководя ими, организуя и направляя творчество масс в русло дальнейшего укрепления мощи социалистического государства.

Заключившийся на днях пленум Центрального комитета Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) — первый пленум боевого штаба социалистической революции после введения Сталинской Конституции — принял решения огромной важности о перестройке партийно-политической работы в соответствии с задачей возглавить крутой поворот в политической жизни страны, встретить этот поворот во всеоружии и обеспечить полностью руководящую роль партии в предстоящих выборах высших органов страны.

Значение пленума в жизни нашей партии и

всей Советской страны огромно. Боевой штаб ленинско-сталинской партии собрался после того, как весь народ в течение нескольких месяцев широко обсуждал проект Сталинской Конституции, после того, как волей Чрезвычайного VIII всесоюзного съезда советов этот проект стал незабываемым, основным законом социалистического государства рабочих и крестьян. Во время всенародного обсуждения проекта Конституции, в дни VIII съезда советов народные массы прошли замечательную политическую школу, неизмеримо повысившую уровень политического сознания масс, еще более укрепившую в сердцах народа чувство величайшей преданности своей родине, гордости ее величественными победами и огромное чувство собственного достоинства, достоинства гражданина могучей социалистической державы.

Пленум ЦК ВКП(б) происходил после того, как партия и советская власть разоблачили и разгромили подлую и презренную агентуру фашизма в нашей стране, после того, как органы диктатуры рабочего класса нанесли сокрушительный удар троцкистско-зиновьевской террористической банде наемников японо-немецкого фашизма, шпионов, вредителей и диверсантов и их пособников — правых реставраторов капитализма. Разоблачение подлой работы троцкистских прохвостов, гнусных изменников родине мобилизовало революционную бдительность партии и всего народа, объединило всю страну в ненависти и отвращении к заклятым врагам народа.

Наконец, пленум ЦК ВКП(б) собрался тогда, когда страна победно вступила в последний год второй пятилетки, когда перед ней во весь рост встают новые огромные задачи хозяйственного строительства, когда усиление весенней опасности, опасности нападения на нашу страну фашистских поджигателей войны, требует напряженной работы для дальнейшего роста оборонной мощи нашей родины.

Собравшись в этих сложных и ответственных условиях, пленум Центрального комитета ВКП(б) обсудил вопрос о задачах партийных организаций в связи с предстоящими выборами Верховного Совета СССР на основе новой Конституции. Кроме того, пленум рассмотрел важнейшие вопросы хозяйственного и партийного строительства, приняв соответствующие практические решения. Наконец,

пленум рассмотрел также вопрос о гнусной антипартийной деятельности правых отщепенцев Бухарина и Рыкова, приняв решение об исключении их из рядов ВКП(б).

Пленум проделал огромную работу по проверке готовности большевистских рядов к работе в новых условиях, в условиях создаваемого Сталинской Конституцией поворота политической жизни страны. «Существование этого поворота заключается в проведении дальнейшей демократизации избирательной системы в смысле замены не вполне равных выборов в советы равными, многостепенными — прямыми, открытыми — закрытыми» (из решения пленума ЦК ВКП(б)).

Прямым следствием введения всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании будет огромный рост политической активности масс, вовлечение в управление государством новых слоев трудящихся. База диктатуры рабочего класса расширяется, ее основа становится еще более прочной. Диктатура рабочего класса «становится более гибкой, а стало быть, более мощной системой государственного руководства рабочего класса обществом».

В этих условиях от каждой партийной организации требуется, как никогда, величайшая организованность, огромная авторитетность каждой организации и каждого члена партии в глазах широких масс трудящихся, умение возглавить растущую политическую активность масс, большевистское умение довести лозунги партии до сознания всех без исключения граждан нашей страны. Все организации нашей партии должны на деле возглавить массы, храня и всемерно укрепляя тот огромный авторитет ленинско-сталинской партии, который так высок в глазах трудящихся всего мира и завоеван всей ее всемирно-исторической борьбой за торжество коммунизма. Никогда звание коммуниста и роль коммунистической партийной организации не были так ответственны, как теперь, в эпоху Сталинской Конституции, в эпоху расцвета социалистической демократии.

Что же требуется для того, чтобы партия возглавила поворот в политической жизни страны, чтобы она могла стать во главе новых до конца демократических выборов? Резолюция пленума ЦК ВКП(б) по докладу т. Жданова дает исчерпывающий ответ на этот вопрос. «Для этого требуется, чтобы партия сама проводила последовательную демократическую практику, чтобы она проводила до конца в внутрипартийной жизни основы демократического централизма, как этого требует устав партии, чтобы она сама имела необходимые условия, в силу которых все органы партии являлись бы выборными, чтобы критика и самокритика развивались в полной мере, чтобы ответственность партийных органов перед партийной массой была полная и чтобы сама партийная масса была полностью активизирована».

Принципы демократического централизма, как основы внутрипартийной жизни, выкованы всей историей строительства нашей партии, всей историей борьбы — борьбы за воспитание большевистских кадров. Без точного и строжайшего соблюдения основ внутрипартийного централизма и уставных требований,

обеспечивающих активное участие всех членов партии во всей ее жизни и работе, невозможен надлежащий рост активности коммунистов, их участие в руководящей работе парторганизаций, правильные взаимоотношения между руководящими и партийными массами, невозможно развитие критики и самокритики, необходимых нам, как воздух. Не случайно во всех важнейших документах партии, касающихся вопросов внутрипартийной жизни, в решениях съездов партии и постановлениях Центрального комитета всегда с особой силой подчеркивалась задача неуклонного проведения в жизнь принципа демократического централизма.

Пленум ЦК ВКП(б) со всей решительностью указал, что новые задачи партии, возникшие в связи с ростом поворота политической жизни страны, с принятием новой Конституции и с предстоящими выборами верховных органов страны на началах новой избирательной системы, не могут быть выполнены без перестройки всех партийных организаций и партийно-политической работы на демократический лад. Такая перестройка — необходимое условие дальнейших побед нашей партии в деле политического руководства народными массами в эпоху расцвета социалистического демократизма.

Между тем, «можно ли сказать, что все партийные организации уже готовы выполнить эти условия, что они уже перестроились полностью на демократический лад.

К сожалению, нельзя этого сказать с полной уверенностью».

Об этом говорит имеющаяся в некоторых организациях практика нарушения устава партии и основ внутрипартийного демократизма» (из решения пленума ЦК ВКП(б)).

С высокой большевистской принципиальностью, с ленинско-сталинской неприкосновенностью пленум ЦК ВКП(б) подверг резкой и беспощадной критике недостатки и прямые извращения в партийной работе ряда партийных организаций.

Пленум резко осудил допущенные этими организациями нарушения выборности партийных органов путем широкого распространения нетерпимой практики кооптации различных руководящих работников в члены партийных комитетов, нарушения установленных уставом партии сроков выборов парторганов, превращение порядка утверждения вышестоящими парторганами секретарей парткомитетов в фактическое назначение. Пленум особенно подчеркнул недопустимость существующей в ряде организаций практики выборов парторганов с нарушениями внутрипартийного демократизма, превращающими выборную процедуру в пустую формальность: обсуждением кандидатов лишь на всевозможных предварительных совещаниях, голосованием кандидатов списком, а не персонально и т. д.

Резолюция пленума по докладу т. Жданова указывает, что «все эти факты нарушения основ демократического централизма наносят партии вред, так как они тормозят рост активности членов партии, лишают актив, имеющих особое политическое значение в жизни нашей партии, возможности участия в руководящей работе, лишают членов партии их за-

кольных прав контроля над деятельностью парторганов и тем самым нарушают правильные взаимоотношения между руководителями и партийными массами».

Центральный комитет нашей партии по-большевистски резко осудил эти ошибки и извращения, подчеркнув обязанность всех руководителей партийных организаций не только учить массы, но и учиться у них самим, не отрываясь от массы рядовых членов партии, используя их огромный опыт и будучи всегда подконтрольными выбравшим их партийным организациям. Нарушения этих элементарных требований большевистской партийности грозят неисчислимыми вредными последствиями. Там, где нет постоянной заботы о полном соблюдении требований внутрипартийного демократизма и устава партии, там создается благоприятная обстановка для обюрокращения партийных партработников, для зажима самокритики, для подхалимства. В таких организациях слабеет пульс живой партийной работы, расплывается партийный актив, появляется казенщина, благодушие, беспечность и самотек в работе, притупление бдительности. Этим и пользуются враги народа, троцкисты-мерзавцы и двурушники всех сортов для того, чтобы вести свою предательскую работу.

Пленум Центрального комитета нашей партии указал всем партийным организациям пути преодоления недостатков и извращений в партийной работе, пути перестройки партийно-политической работы на новый лад. Ликвидация практики кооптации в члены парткомитетов и восстановление выборности парторганов, воспрещение голосования кандидатов списками, введение закрытого (тайного) голосования кандидатов при выборах парторганов, обязательное соблюдение уставных сроков выборов, обязательность выборов парткомов на общих собраниях членов партии, не допускающая подмены последних конференциями, — все эти решения пленума ЦК ВКП(б) должны обеспечить решительную борьбу с извращениями и перестройку партийной работы «на основе безусловного и полного проведения в жизнь начал внутрипартийного демократизма, предписываемого уставом партии».

Центральный комитет предложил всем партийным организациям провести до 20 мая выборы парторганов, начиная от парткомов первичных организаций и кончая крайними, областными комитетами и ЦК нацкомпартий.

Эти выборы должны пройти под знаком подлинной большевистской самокритики, беспощадно вскрывающей все недостатки партийной работы и помогающей выбросить из партии все чуждое большевизму. Для этого необходимо довести все глубокое содержание и огромное значение решений пленума до сознания всех без исключения членов партии,

обеспечив глубокое и всестороннее их изучение.

Партийные организации судебно-прокурорских органов, в частности, обязаны организовать изучение решений пленума ЦК ВКП(б), особо учитывая ту ответственнейшую задачу, которую выполняют они в деле охраны социалистической законности и борьбы со всеми врагами народа, изменниками нашей великой родины. Опыт серьезных политических ошибок, вскрытых в деятельности отдельных звеньев судебно-прокурорского аппарата, опыт борьбы с оппортунистическим благодушием и ротозейством в наших рядах, борьбы с засоренностью судебно-прокурорских органов, с проникающими в них врагами народа должен многому научить партийные организации суда и прокуратуры. Большевистская самокритика, невзирая на лица, разоблачение тех из руководителей, которые шотеряли вкус к партийной работе, раскрытие серьезных недостатков партийного воспитания судебно-прокурорских кадров, как-то: притупление бдительности, идиотской беспечности и ротозейства, карьеризма и подхалимства, изгнание из наших рядов двурушников и контрреволюционеров, — вот те вопросы, о которых постоянно должен помнить каждый коммунист, — прокуроры и судья, над разрешением которых он должен неустанно трудиться.

Новая Конституция, охраняющая священные права и блага народов СССР, завоеванные в кровавой и бескровной, но одинаково героической борьбе трудящихся за социализм, требует от советского суда и прокуратуры беззаветного служения своему народу, беспощадной расправы с врагами, неутомимой и последовательной борьбы с последними капиталистическими пережитками в сознании и психологии граждан СССР.

Новая Конституция делает в области организации советской судебной системы дальнейший шаг вперед, расширяя до невиданных в истории юстиции пределы принципов судебной демократии — выборности, независимости и сменяемости судей.

Прокуроры и судьи единственного в мире подлинно-демократического социалистического государства рабочих и крестьян должны быть на высоте своей исторической задачи. Большевистская партийность должна пронизать всю их практическую работу. Настоящий советский прокурор, судья, следовательно — это, прежде всего, настоящий большевик, активный партиец, преданный до конца великой ленинско-сталинской партии, живущий ее жизнью и историческими задачами. Воспитать каждого судебно-прокурорского работника в духе этой большевистской партийности — ответственнейшая и почетная задача партийных организаций суда и прокуратуры. Эта задача будет разрешена на путях, указанных для всей партии решениями исторического пленума ЦК ВКП(б).

Роль процессуального закона в социалистическом государстве рабочих и крестьян¹

Вопросы уголовного процесса органически связаны с общими вопросами права; они органически связаны и с вопросами уголовно-материального права. Но в свою очередь и материальное уголовное право связано с общей теорией права, и мне представляется, что нельзя правильно решать процессуальные проблемы в специальном и узком смысле этого слова без того, чтобы не иметь под своими ногами прочную почву общей теории права.

Можно было бы обойтись без этой связи, можно было бы осветить вопросы уголовного процесса, независимо от вопросов общей теории права только при одном условии, если на уголовный процесс смотреть не как на право, а как на технику.

Совершенно естественно, что те из юристов и ученых, которые рассматривают уголовный процесс и уголовно-процессуальное право как совокупность технических правил, а вовсе не как право в собственном смысле этого слова, не испытывают ни необходимости, ни особой нужды связывать вопросы уголовного процесса с вопросами общей теории права.

Мы, однако, должны неизбежно их связать, потому что процесс это не техника. Уголовный процесс и уголовно-процессуальное право — это есть право, а не совокупность технических правил, подобно, скажем, правилам железнодорожного движения. И уже поэтому совершенно неизбежно для правильного понимания процессуальных правовых принципов и для правильного понимания роли и значения правовой формы в процессе остановиться на вопросе о роли и значении права, о природе права.

Это понимали и те, кто сделали своей специальностью общую теорию права и, в частности, в нашей советской юридической литературе. Это понимали и те, кто умел сочетать свои «теории» с вредительской работой на практике, они понимали и отражали в своих работах эту связь между вопросами организации судебной системы, судостроительства и уголовного процесса, с одной стороны, и вопросами, относящимися непосредственно к общей теории права, с другой.

Не случайно поэтому у Пашуканиса в изложенной в его книжке «Общая теория права и марксизм» вредительской «теории» вопросы общей теории увязаны с вопросом уголовного материального и процессуального права.

В этой книжке «Общая теория права и марксизм» Пашуканис, извращая взгляды Маркса, утверждает, что Маркс «переход к развернутому коммунизму представлял себе не как переход к новым формам права, но как отмирание юридической формы вообще, как освобождение от этого наследия буржуазной эпохи, которому суждено пережить самое буржуазное». И дальше: «Общество, которое по состоянию своих производительных

сил вынуждено сохранять эквивалентное отношение между затратами труда и вознаграждением в форме, хотя бы лишь отдаленно напоминающей обмен товарными стоимостями, вынуждено будет сохранить и форму права».

Отсюда Пашуканис приходит к утверждению, что правовая форма должна исчезнуть, как только исчезнет это «эквивалентное отношение». А вместе с исчезновением «правовой формы», естественно, исчезнет и суд и процесс. И это неудивительно. Ведь и буржуазные ученые находят возможным еще до исчезновения «эквивалентного отношения» обходиться и без суда, и без юристов.

И дальше: «Ведь теоретически, — пишет Пашуканис, — даже буржуазная передовая криминалистика пришла к убеждению, что борьба с преступностью сама по себе может рассматриваться как медицински-педагогическая задача, для разрешения которой юрист с его «составами преступлений», кодексами, понятием «виновности», «полной или уменьшенной вменяемости», с его тонкими различиями между соучастием, пособничеством, подстрекательством и т. д. вовсе не нужен. И если это теоретическое убеждение до сих пор не привело к уничтожению уголовных кодексов и судов (а значит, и процесса, — А. В.), то, конечно, лишь потому, что преодоление формы права связано не только с выходом за рамки буржуазного общества, но и с радикальным избавлением от всех пережитков последнего».

Таким образом, по Пашуканису, суд и уголовный процесс сохраняются только в меру того, что у нас сохраняются некоторые буржуазные предрассудки. Иначе говоря: по мере исчезновения буржуазных предрассудков должен исчезнуть суд, а значит, и судебный процесс. По Пашуканису выходит, что если до сих пор у нас сохранился этот суд, как и уголовный кодекс, если они не уничтожены до сих пор, то лишь потому, что преодоление формы права связано не только с выходом за рамки буржуазного общества, но и с радикальным избавлением от всех пережитков последнего. Следовательно, советский суд существует в меру существования, сохранения пережитков буржуазного общества. Выходит, что наш суд есть пережиток буржуазного общества и наш процесс есть, следовательно, пережиток буржуазного общества потому, что суд — это судебный процесс.

Одно от другого неотделимо. Следовательно, с этой точки зрения в социалистическом обществе уже судебного процесса быть не должно. Здесь перекликаются, несомненно, те, кто, как Пашуканис и иные с ним, пытались сознательно дискредитировать советское право как право социалистическое с теми, которые, хотя может быть и бессознательно, дискредитировали наше право в практической работе, культивируя процессуальный нигилизм, который по сути дела является практическим выражением вредительских теорий, отрицаю-

¹ Вторая лекция, прочитанная 9 марта во Всесоюзной правовой академии.

щих социалистическую природу советского права.

Процессуальный шигизм, который нередко прикрывается архиреволюционными фразами, по сути вещей всеми своими корнями уходит в принципиальное отрицание социалистического характера советского процесса, советского суда, означает признание такого положения, что наши суд и процесс существуют лишь в меру того, что существуют еще некие буржуазные предрассудки и что, следовательно, по мере исчезновения этих процессуальных предрассудков должны ослабевать и процессуальные формы, и значение, и роль наших судов и всей судебной деятельности. Вы представляете себе, какую действительно величайшую путаницу, прямой вред для формирования нашего сознания может принести и в значительной степени принесла эта, по существу, контрреволюционная пашуканисовская «теория»!..

Вы вместе с тем тут легко можете убедить еще в одном обстоятельстве, именно в том, что вопросы уголовного процесса переплетаются с вопросами уголовно-материального права, а вместе с тем и вопросы уголовного процесса и вопросы уголовно-материального права, и не вообще вопросы, а принципиальные вопросы, установочные положения в свою очередь неизбежно органически переплетаются с проблемами общей теории права.

Все это органически связано одно с другим. Совершенно поэтому естественно, что, став на путь отрицания кодексов, неизбежно было притти и к отрицанию судебного процесса. Став на путь отрицания соучастия, пособничества и т. п., неизбежно было притти к отрицанию судебного процесса. Став на путь отрицания вины и виновности, вменяемости и т. д., неизбежно было притти к отрицанию процесса. Почему? По одной простой причине, что если суд откажется от понятия составов преступления, то ему нечего делать, потому что задача суда и заключается в том, чтобы установить в действиях обвиняемого наличие или отсутствие состава преступления, а если мы откажемся от самого понятия состава преступления, если мы растворим это понятие состава преступления в какой-то совершенно бесформенной интуиции, то ясное дело, что суду здесь делать уже нечего, то есть суду в его подлинном смысле, суду как организованному учреждению, действующему в соответствии с какими-то положениями, подчиняющемуся каким-то правилам, руководствующемуся какими-то принципами.

Совершенно ясно, что если отвергнуть понятие виновности, то опять-таки суду делать будет нечего, потому что задача суда в том и заключается, чтобы определить, виновен человек или не виновен, а когда отказываемся мы от самого понятия виновности, то что же тогда делать суду? Тогда суду делать нечего.

Ясно, что если мы станем отрицать кодексы, если мы станем отрицать составы преступления, если будем отрицать такие основные принципы, основные понятия уголовного материального права, как вина, виновность, наказание, наказуемость, то отсюда совершенно неизбежен переход к отрицанию уголовного процесса. Это Пашуканис и продемон-

стрировал блестящим образом в этой самой своей вредительской книге. Он показал нам, к чему приводит утверждение о том, что в период социализма можно обойтись без кодексов и т. п. Пашуканис ссылается на «передовую буржуазную криминалистику». Он имеет в виду, конечно, социологическую и антропологическую школу Листа, фашиста Ферри и др., которых Пашуканис выдает за представителей «передовой» буржуазной юридической мысли, тогда как в действительности ни Ферри, ни Гарофалло, ни Лист никогда не были представителями передовой буржуазной мысли, потому что все эти антропологи и социологи, все эти Листы, Ферри, Гарофалло и прочие являются представителями подлинной фашистской юриспруденции.

Ясно совершенно, что, став на путь отрицания в области материально-уголовного права кодексов, вменяемости, вины и т. д., неизбежно должно было притти к отрицанию уголовного процесса. С другой стороны, откуда явились эти антиленинские установочки в области уголовно-материального права и в области уголовного процесса? Они явились из общей теории права. Если уголовно-процессуальные принципы, изложенные здесь, как я процитировал из книжки Пашуканиса, навеяны идеями материально-уголовного права этого вредителя, то в свою очередь идеи материально-уголовного права, несомненно, уходят своими корнями в его «Общую теорию права». Поэтому каждый грамотный процессуалист, который хочет разобраться в этих вопросах теории уголовного процесса, неизбежно должен обратиться к общей теории права. Поэтому разоблачение и познание ошибок и извращений в области теории уголовного процесса невозможны без разоблачения ошибок и в области общей теории права. Величайший недостаток у нас преподавателей уголовного процесса и судебного права, заключается в том, что мы были далеки от общей теории права, считая, что общая теория права нас особенно не касается, что мы — процессуалисты, что наша область это область процесса и что нам не следует соваться ни в область уголовного права, ни тем более в область общей теории права. «Всяк сверчок, знай свой шесток». И получилось, что у нас завелись в разных областях «сверчки», которые так верещали, что в голове кое-кого все перепуталось, что получился громадный вред, извращение марксистско-ленинского учения о государстве и праве и, в частности, об уголовном праве. Наша задача — разоблачить эти преступные вредительские извращения, которые отнюдь не являются просто всякого рода теоретическими выкрутасами, а своими корнями уходят в антисоветские, антиленинские установочки, уходят в практическую работу, направленную на подрыв Советского государства, советской системы, советской власти, на прямую борьбу с Советским государством и советским строем, на борьбу, которая, как вы видите, ведясь на фронте теоретическом, имеет непосредственную связь и с практическими делами. Поэтому неизбежно обратиться, хотя и было и было, к разбору и анализу некоторых вопросов, связанных как с общей теорией права, так и с теорией материально-уголовного права.

Несомненно, что эта извращающая марксистско-ленинское учение о суде и праве «теория» Пашуканиса является вредительской, вред которой несколько не уменьшился от того, что на съезде государственников-марксистов в 1931 г. Пашуканис якобы отказался от целого ряда своих ошибочных положений. В действительности, это был двурушнический отказ.

Пашуканис исходил из своих общих предположений, что, в сущности говоря, социалистическому государству никакого права не нужно, а если социалистическое государство еще и пользуется каким-то правом, то оно пользуется, говоря языком проф. Рейснера, «чужим правом», то есть правом буржуазным.

Пашуканис исходил при таком утверждении из основного своего принципиального положения, что право есть вообще категория только буржуазная, что там, где нет буржуазных отношений, не может существовать и права. Чтобы это доказать, он не останавливается перед прямым извращением взглядов Ленина («Государство и революция») и Маркса («Критика Готской программы»), пытается, извращая Ленина и Маркса, доказать, что если в социалистическом государстве и существует какое-то право, то это буржуазное право.

Тут же кстати скажу, что это, к сожалению, была точка зрения не одного Пашуканиса, но и целого ряда наших теоретиков, в известной части даже и П. И. Стучка, который боролся в свое время против ряда извращений в работах Пашуканиса.

Пашуканис начинает свою «Общую теорию права» с утверждения, что «остатки эквивалентного обмена в сфере распределения, которые сохраняются и при социалистической организации производства (до перехода к развернутому коммунизму), заставляют социалистическое общество, как он пишет, временно замкнуться в «узких горизонтах буржуазного права».

Здесь Пашуканис допускает прямую фальсификацию. Вы слышите об «узких горизонтах буржуазного права» и вы думаете, что это что-то очень знакомое; это, конечно, из «Критики Готской программы» Маркса, это из «Государства и революции» Ленина. И сразу у вас получается такое впечатление, что Пашуканис исходит из марксистско-ленинских установок, а в действительности он извращает Маркса и Ленина и достигает этого таким образом, что он незаметно вводит в текст только два своих слова.

Он говорит: эти «остатки эквивалентного обмена... заставляют (это—первое слово, А. В.) социалистическое общество... (временно) замкнуться (это—второе слово, А. В.) в «узких» горизонтах буржуазного права».

Если вы возьмете «Критику Готской программы» или если вы возьмете Ленина «Государство и революция», и именно те места, где говорится об этих «узких горизонтах буржуазного права», то вы не найдете указания на то, что социалистическое общество должно замкнуться, хотя и временно, в этих горизонтах. Что значит замкнуться? Замкнуться—это значит потерять возможность развития; это значит стоять на мертвой точке: приехали, мол, к буржуазному обществу, прие-

хали к кодексам, которые-де представляют собой простой сколок с буржуазных кодексов.

Пашуканис исходит из общей своей неправильной предпосылки о том, что право есть выражение эквивалентного обмена, рыночных отношений, что право — это есть форма отношений товаропроизводителей...

Выходит, что и советское право есть форма общения «эгоистических субъектов», «автономных частных собственников». Выходит, что наше общество состоит не из свободных строителей социализма, а из... частных собственников... Выходит, что наше право — это то же самое буржуазное право. Разве это не явная клевета на социализм?

Вся концепция Пашуканиса сводится к тому, что право есть выражение буржуазных отношений. Он говорит: «Только буржуазно-капиталистическое общество создает все необходимые условия для того, чтобы юридический момент в социальных отношениях достиг полной определенности». Юридический момент в социальных отношениях... Когда этот «момент» достигает полной определенности? Где? На какой почве? Пашуканис отвечает: при капитализме, на почве капитализма, при условии господства капиталистических отношений.

Один из учеников Пашуканиса, Сизонов, в брошюрке «Вопросы советского права в реконструктивный период» пишет, что «право, будучи реальной формой общественных отношений, во всяком классовом обществе, основанном на господстве частной собственности, выступает... как историческая давность...» Следовательно, там, где есть частная собственность, там есть право, а там, где уничтожена частная собственность, хотя бы на средства производства, там нет и права.

Если послушать этого пашуканисовского подголоска, то окажется, что правовые отношения возможны «только в классовом обществе, основанном на отношениях частной собственности, на отношениях эксплуатации, на отношениях разделения труда».

По этой гнилой «теории», право может быть только в эксплуататорском обществе, а в социалистическом обществе его не может быть, так как здесь нет частной собственности. По этой «теории» выходит, что социалистическое общество не может построить социалистического права, так как такого права не может быть в природе. Эта «теория» указывает, таким образом, невозможность построения социалистического права... Не есть ли это *mutatis mutandis*, тот же троцкистский тезис о невозможности построения социализма в нашей стране? Ведь социализм не есть только тяжелая социалистическая промышленность, хотя она и является фундаментом социализма. Социализм не есть только кора социалистическая транспортная сеть — кровеносная артерия нашего государственного организма, хотя это тоже есть важная основная часть фундамента нашего социалистического общества. Социализм не есть только особая система распределения и не только особая система обмена, опирающаяся на особые принципы, неведомые, неизвестные капиталистическому обществу.

Социализм есть и идеология, социализм есть и школа, социализм есть и суд, социа-

лизм есть и право. Кто отрицает социалистический характер нашей школы, нашего искусства, нашей культуры, тот отрицает, по сути дела, социализм.

Если нам скажут, что наш суд не социалистический суд и что нельзя построить социалистического суда, что наш судебный процесс не социалистический процесс и что нельзя построить социалистического процесса, ибо не бывает социалистического процесса, не бывает социалистического суда, как не бывает социалистического права, то это будет равносильно отрицанию социализма в нашей стране в целом, потому что суд и судебный процесс должны выражать собой и не могут не выражать те отношения, которые господствуют в обществе.

Поэтому это просто перепев троцкистского тезиса о невозможности построения у нас социализма: если нельзя построить социализм, то нельзя построить и социалистическое право.

Пашуканис утверждает, что принципиальная сущность правовой формы заключается в абстракции. Он писал: «Можно согласиться с Карнером (буржуазный юрист, автор книги «Социальные функции права»), что наука «назначается там, где кончается юриспруденция». Остроумно, но абсолютно неправильно, потому что юриспруденция — это и есть наука о праве.

«Но из этого, — добавляет Пашуканис, — не вытекает, что наука о праве должна просто-напросто выкинуть за борт основные абстракции, выражающие принципиальную сущность правовой формы».

Неправильно утверждение, что будто бы принципиальным содержанием или принципиальной сущностью правовой формы или права является абстракция. Такое утверждение нельзя не рассматривать иначе, как плохо замаскированную попытку лишить советское право практического значения. Сводя право к абстракции, господа вредители на правовом фронте сводят на-нет практическое значение советского права, дискредитируют его, лишают его или, по крайней мере, пытаются лишить его необходимого авторитета, необходимого практического смысла. К этому же сводится и уже цитированное мною утверждение Пашуканиса о том, что «только буржуазно-капиталистическое общество создает все необходимые условия для того, чтобы юридический момент в социальных отношениях достиг полной определенности». Что это значит? Пашуканис этого не раскрывает. Но надо раскрыть и сказать, что это есть, очевидно, разграничение различных функций государственного управления, что это есть точное определение прав и обязанностей граждан и органов; определение правового положения в общественной и государственной системе различных учреждений, органов, лиц, определение различных юридических последствий, вытекающих из правового положения, из общественного поведения тех или других органов и отдельных лиц, — все это «юридический момент». Если Пашуканис говорит о том, что только в буржуазном капиталистическом обществе имеются условия для того, чтобы «юридический момент в социальных отношениях достиг полной определенности», то этим

самым он говорит, что в нашем обществе невозможно юридическое разграничение функций различных учреждений, что в нашем обществе невозможно точное юридическое определение положения различных органов, точное юридическое определение положения отдельных лиц, то есть, в сущности говоря, невозможна конституция. Этот тезис Пашуканиса есть отрицание возможности в нашей стране конституции, и в особенности такой, как великая Сталинская Конституция. Потому что товарищ Сталин говорил, что наша Конституция является «регистрацией и законодательным закреплением того, что уже добыто и завоевано на деле». Таково значение юридического момента, который вредители вроде Пашуканиса отрицают в наших условиях, отрицая значение юридического оформления завоеваний пролетарской революции. Между тем, это юридическое, законодательное оформление завоеванного и добытого, запечатленное в нашей Конституции, является могучим оружием для новых боев за новые успехи социализма, за новые социалистические победы. Не ясно ли, что этот вредительский тезис означает разоружение нашей страны в борьбе за окончательную победу коммунизма? Вот что означает эта невинная с внешней стороны формула о том, что «юридический момент в социальных отношениях» у нас не может достигнуть своей полной определенности. Это антисоветский, контрреволюционный тезис.

Почему не может быть «юридического момента», о котором говорит Пашуканис, в социалистическом обществе? Пашуканис объясняет это тем, что новые правовые понятия не могут возникнуть в социалистическом обществе, так как это означает «прокламирование бессмертия формы права».

«Требую, — пишет Пашуканис, — для пролетарского права своих новых обобщающих понятий, это направление является как будто революционным *par excellence*. Однако оно на деле прокламирует бессмертие формы права, ибо оно стремится вырвать эту форму из тех определенных исторических условий, которые обеспечили ей полный расцвет, и объявить ее способной к постоянному обновлению».

Пашуканис потому отрицает возможность новых юридических форм и правовых понятий, то есть наполнения права новым содержанием при социализме — социалистическим, что, по его мнению, это означало бы провозглашать бессмертие права, это означало бы, что право идет не к своему закату или отмиранию, а наоборот.

Выходит, что если признать возможность новых, то есть не буржуазных обобщающих правовых понятий, то это означает признание бессмертия права, означает попытку вырвать право из исторических условий, которые обеспечили его полный расцвет (а полный расцвет правовых явлений и права в целом, как вы знаете, обеспечен развитием буржуазного капиталистического общества), и объявить правовую форму способной к постоянному обновлению.

Таким образом, по Пашуканису, выходит, что советское право — это отмирающее буржуазное право, что отмирание права началось с первых дней Октябрьской революции. Пашуканис пишет: «Отмирание категорий (именно

категорий, а не тех или иных предписаний) буржуазного права отнюдь не означает замены их новыми категориями пролетарского права... Отмирание категорий буржуазного права в этих условиях будет означать отмирание права вообще...»

И здесь новая передержка, потому что, если мы признаем, что право нам нужно на известные исторические периоды, то это вовсе не означает, что оно нам нужно навсегда. Если мы признаем, что право должно существовать и должно быть использовано пролетариатом на первой фазе коммунизма, то это не значит, что мы тем самым признаем неизбежность существования права и на последней фазе коммунизма. Абсолютно нет. Право необходимо и будет существовать в первой фазе коммунизма; но это вовсе не означает, что оно будет существовать на всех фазах коммунизма, вплоть до того, когда мы вступим в фазу развернутого коммунизма. Абсолютно не значит. Пашуканис делает просто логический *salutis*, желая доказать, что в эпоху социалистического строительства на первой фазе коммунизма право как новое право, как новое, не буржуазное по своему содержанию и форме существовать не может, что на первой фазе коммунизма право, если и существует, то существует только как право, наполненное старым буржуазным содержанием.

Он утверждает: «Отмирание категорий буржуазного права отнюдь не означает замены их новыми категориями пролетарского права». Следовательно, раз право отмирает, то оно отмирает не как буржуазное право, оно отмирает как право вообще. Если право отмирает, следовательно, оно отмирает целиком, уже не восстанавливаясь в какой-то новой форме, то есть, в сущности говоря, здесь нарушается основной принцип марксистской диалектики, потому что представлять себе процесс отмирания таким образом, что идет сплошное отмирание, — это же не диалектика. Это ничего общего с марксизмом не имеет.

Абсолютно неправильно положение, что буржуазным правом оканчивается развитие права, что дальше праву не суждено существовать, что социализму и пролетариату право не нужно. А как говорят Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин? Они говорят прямо противоположное. Если социализму не нужно право, то почему социализму нужно государство? Право это есть форма политики, то есть форма деятельности государства. Если есть государство, то в известных исторических условиях государственная политика может выражаться и в форме права. Право есть один из способов регулирования общественных отношений, укрепления общественной дисциплины.

Основной закон Советского государства — Конституция «нужна для того, чтобы закрепить общественные порядки, удобные и выгодные трудящимся» (Сталин).

Как известно, особенность нашей Конституции состоит в том, что она «не ограничивается фиксированием формальных прав граждан и переносит центр тяжести на вопрос о гарантиях этих прав, на вопрос о средствах осуществления этих прав» (Сталин). Эти средства дает советский строй, вся советская система, дает Конституция, закрепляющая в

законодательном порядке завоевания пролетариата.

Такова роль закона в Советском государстве. На Чрезвычайном VIII съезде советов товарищ Сталин сказал: «Надо, наконец, покончить с тем положением, когда законодательствует не один какой-нибудь орган, а целый ряд органов. Такое положение противоречит принципу стабильности законов. А стабильность законов нужна нам теперь больше, чем когда бы то ни было» (Сталин, О проекте Конституции СССР).

Ясно, что в нынешних исторических условиях право и закон необходимы, так как они служат опосредством, являются формой закрепления социалистических побед.

Ясно также, что наше право и наш закон могут выполнить эту роль как право социалистическое, как социалистический закон и что задача стабилизации советских законов есть задача стабилизации социалистического советского права. Это исключает возможность говорить об отмирании советского права, как это делает пашуканиновская «школка».

Поэтому ставить так вопрос, как его ставят эти господа, — отмирание категорий буржуазного права отнюдь не означает их замены новыми категориями социалистического права, — это значит утверждать, что пролетарское государство может обойтись без права, что нам не нужно создавать и укреплять свое право. Пашуканис так и говорил: «Отмирание категорий буржуазного права в этих условиях будет означать отмирание права вообще, то есть постепенное исчезновение юридического момента в отношении людей».

Но Пашуканис признает, что до того момента, как отомрет право, то есть до наступления вышей фазы коммунистического общества у нас будет действовать какое-то право. Какое же это право? Очевидно, буржуазное право. Но что такое буржуазное право? Это есть право, которое освящает буржуазные общественные отношения и которое не только освящает, но которое определяется ими, ибо никогда право не бывает выше уровня экономического развития данного общества — вот основной марксистско-ленинский принцип. Выше уровня общественно-экономических отношений данного общества, данной эпохи никогда право подняться не может.

Следовательно, если наше право буржуазное (хотя бы и отмирающее) и если оно должно соответствовать известному уровню общественно-экономических отношений, то, следовательно, наши общественно-экономические отношения тоже буржуазные. Вот что получается — получается клевета и вранье.

А разве это не похоже на то, что утверждал в свое время Сокольников, что, в сущности говоря, Государственный банк у нас — капиталистический банк, что наша торговля ничем не отличается от буржуазной и т. д.? Разве это не похоже на клеветнические утверждения этих самых Пятаковых, Радеков и Троцких, что наши предприятия не социалистические предприятия и что вообще у нас нет социализма, так как и социализма построить в одной стране нельзя.

Но Пашуканису, наше право — буржуазное право, ибо иным оно и не может быть.

Не значит ли это, что наш строй буржуазный? Ведь право не может быть выше уровня определенных экономических отношений. В таком случае не притти ли к выводу, что уровень наших общественно-экономических отношений таков, каково наше право? Иначе говоря, буржуазный характер советского права означает, что советский строй — буржуазный строй. Вот до какой клеветы и извращений доходят эти господа, пытающиеся своей quasi ученостью прикрыть свое предательство и измену делу социализма!.

Правильно ли даже, независимо от всех этих «философских», а по существу явно вредительских рассуждений, что у нас действительно право не социалистическое? Конечно, не правильно.

Во-первых, можно указать на основные категории нашего права, которые являются совершенно неизвестными праву буржуазному. Первое — это то, что наше право — форма политики диктатуры пролетариата. Где в буржуазном праве можно найти что-либо похожее? Нигде. Самая постановка такого вопроса нелепа. И это главное и основное. Наше право имеет своей не только основной, а исключительной задачей — защиту такого государственного и общественного строя, который опирается не на частную собственность на средства производства, не на капиталистическую частную собственность, а на социалистическую собственность на средства производства. Наше право не только не опирается на эксплуатацию и не только не охраняет эксплуатацию, но, наоборот, ведет смертельную борьбу с эксплуатацией, уничтоженной пролетарской революцией. Разве это не новые категории права, не оставляющие никакого сомнения, что какими бы словами мы ни выразались, сходными со словами, употребляемыми в буржуазной юриспруденции, что наше право не рецепция буржуазного права, не «сколок» с буржуазного права?

Нелепо говорить, что наше право не социалистическое право. Мы имеем алиментное право, которого не знает ни одно буржуазное право; наше право проникнуто духом социалистической солидарности трудящихся.

В капиталистическом обществе говорится: homo homini lupus est — человек человеку волк. Капиталистическое общество учит тому, что каждый должен изловчаться, чтобы надуть, обвешорить, обойти, обехать друг друга «на кривой». Капиталистическое общество учит, что «на бога надейся, а сам не плошай». Слопдаець — тебя слопают, поэтому торопись сам слопать соседа. Это находит свое отражение во всех «культурных» проявлениях жизни при капитализме. А у нас? У нас такого рода принципы вызывают осуждение, насмешку; их клеймят, гонят, людей с такими принципами бьют, критикуют и т. д. У нас принципы другие: на бога не надейся, надейся на коллектив. Сам не плошай и другому плошать не давай. Иди вперед и тащи за собой отстающего. Вот у нас какие принципы, совершенно иные принципы.

Разве не клеветой является поэтому утверждение о том, что наше право не социалистическое право? Это явная клевета; это вредительство, это контрреволюция, потому что такого рода «теориями» можно только ди-

скредитировать советское право, уронить его авторитет, внушить неуважение к этому праву.

Говорят: позвольте, но Ленин еще говорил, что «не только при коммунизме остается в течение известного времени буржуазное право, но даже и буржуазное государство без буржуазии»¹.

Но Ленин неоднократно разъяснял, что пролетарское государство нельзя смешивать ни с каким иным государством, что это есть именно пролетарское государство, что это особое государство, новая форма государства. Сталин писал, что «Новое у Ленина состоит в этой области в том, что: а) он открыл Советскую власть, как государственную форму диктатуры пролетариата, используя для этого опыт Парижской Коммуны и русской революции»².

Товарищ Сталин еще в 1924 г. подчеркивал, что «Советская власть является новой формой государственной организации, принципиально отличной от старой, буржуазно-демократической и парламентарной формы, новым типом государства, приновленным не к задачам эксплуатации и угнетения трудящихся масс, а к задачам полного их освобождения от всякого гнета и эксплуатации, к задачам диктатуры пролетариата»³.

Товарищ Сталин подчеркивает, что «Республика советов является, таким образом, той искомой и найденной, наконец, политической формой, в рамках которой должно быть совершенно экономическое освобождение пролетариата, полная победа социализма»⁴.

А вредитель Пашуканис в 1929 г. позволял себе выдавать за марксизм антиленинское утверждение, что «мораль, право и государство суть формы буржуазного общества», позволял себе утверждать, что «если пролетариат вынужден ими пользоваться, то это вовсе не обозначает возможности дальнейшего развития этих форм в сторону наполнения их социалистическим содержанием. Они неспособны вместить это содержание и должны будут отмирать по мере его реализации».

Совершенно бесспорно, что попытки отрицать социалистический характер советского права и не только в настоящий момент, когда оно вступает в полосу своего наиболее полного и широкого развития, но отрицать его социалистический характер с первых же дней его возникновения, с первых дней Октябрьской революции, это значит решительно извращать марксистско-ленинское учение о праве и государстве.

Неправильным поэтому, грубо ошибочным, преступным, вредительским извращением является утверждение Пашуканиса, что переход к развернутому коммунизму Маркс представлял себе не как переход к новым формам права, но как отмирание юридической формы вообще, как освобождение от этого «наследия буржуазной эпохи, которому суждено пережить самое буржуазное». Неправильно мыслить первую фазу коммунистического общества такой, что здесь нет места праву, что уже в эту эпоху право вместе с государством должно быть сдано в музей древностей вместе с каменным топором и прялкой. Неправильно

¹ Ленин, т. XXI, стр. 438.

² Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 170.

³ Там же, стр. 32.

⁴ Там же, стр. 33.

думать, что отмирание права и государства произойдет как-то механически, что этому не будет предшествовать громадный период и вероятно даже не один период, а целый ряд периодов, эпох.

Говоря о том, как после осуществления равенства всех членов общества по отношению к владению средствами производства... перед человечеством неминуемо встанет вопрос о том, чтобы идти дальше, от формального равенства к фактическому, то есть к осуществлению правила: «каждый по способностям, каждому по потребностям», Ленин писал: «Какими этапами, путем каких практических мероприятий пойдет человечество к этой высшей цели, мы не знаем и знать не можем»¹.

Следовательно, и к отмиранию права мы придем через ряд этапов. Говоря об «отмирании» эксцессов, Ленин писал: «Мы не знаем, как быстро и в какой постепенности, но знаем, что они будут отмирать. С их отмиранием отомрет и государство».

Ленин писал: «Поэтому мы и в праве говорить лишь о неизбежном отмирании государства, подчеркивая длительность этого процесса, его зависимость от быстроты развития высшей фазы коммунизма и оставляя совершенно открытым вопрос о сроках или о конкретных формах отмирания, ибо материалу для решения таких вопросов нет»².

Ясно, отмирание государства — длительный процесс. До того, как этот процесс завершится, «пока наступит «высшая» фаза коммунизма, социалисты, добавлял Ленин, требуют строжайшего контроля со стороны общества и со стороны государства над мерой труда и мерой потребления, но только контроль этот должен начаться с экспроприации капиталистов, с контроля рабочих за чиновниками и проводиться не государством, а государством вооруженных рабочих».

Вопросом об отмирании государства и права Пашуканисы пробуют подменить вопрос, имеющий громадное практическое значение, — вопрос о задачах и методах осуществления при помощи государства и права пролетарской диктатуры великих целей борьбы за коммунизм.

Они подменяют этим вопросом вопрос о конкретных задачах советского права и советской юстиции на пути к коммунизму, болтая об отмирании права, вместо того, чтобы ставить вопрос об укреплении советского права.

К отмиранию права мы придем через ряд этапов, эпох, периодов развития права. Это длительный путь. Этот путь мы пройдем через максимальное укрепление социалистического права, укрепление, которое послужит средством укрепления социалистического государства.

Путь к отмиранию права лежит через развитие и укрепление социалистического права. Путь к отмиранию лежит через укрепление нашего права как права социалистического, и только тогда, когда мы поднимем наше право как социалистическое право на всю высоту

его исторического роста, тогда будут подготовлены условия к его отмиранию.

«Высшее развитие государственной власти в целях подготовки для отмирания государственной власти — вот марксистская формула» (Сталин).

Это полностью применимо и к советскому праву, отмирание которого может быть подготовлено лишь высшим его развитием.

Похоже ли это на то, что говорит Пашуканис? Ясно, что ничуть не похоже, хотя Пашуканис оперирует именами Маркса, Ленина и их великими теоретическими работами, являющимися источником организации нашей борьбы и за утверждение наших правовых принципов. Пашуканис утверждает, что «мораль, право и государство суть формы буржуазного общества». Абсолютно неправильна такая постановка вопроса. Пашуканис говорит: «Если пролетариат вынужден ими пользоваться»... Оказывается, у нас буржуазная мораль! Какая? Слой сосед, если не хочешь, чтобы сосед тебя слопал? Пашуканис утверждает, что у нас нет ни своего права, ни своей морали, ни своего государства, что мораль, право и государство — формы буржуазного общества и что пролетариат берет их у буржуазии напрокат. Так ли это у Маркса, Ленина, Сталина? Абсолютно не так. Насчет государства Маркс, Ленин и Сталин утверждают, что пролетариат не может воспользоваться буржуазной государственной машиной, что он должен это буржуазное государство разбить вдребезги. Ленин говорит: надо сломать его и вместо этого государства, сломанного, разбитого, построить новое, свое. А по Пашуканису выходит, что пролетарская революция не разбила буржуазное государство, а сохранила и использовала его в своих целях. Это — абсурд. Государство — это не совокупность наименований учреждений, это есть система управления, это люди, это принципы и цели, это методы и задачи. Вот что такое государство.

Неправильно утверждают, что мы пользуемся будто бы государством, которое является формой буржуазного общества. Также неправильно, что мы пользуемся правом, которое является формой буржуазного общества. Также неправильно, что мы используем мораль, которая является формой буржуазного общества. Все это — грубое извращение, потому что наша мораль — это наша мораль, наше право — это наше право и наше государство — это наше государство. Ни то, ни другое, ни третье ничуть не похожи на буржуазные «формы».

Из таких грубо ошибочных общих своих установок Пашуканис исходит и для конструирования своих положений уже и в области материально-уголовного права. В этой области Пашуканис дал также ряд вредных, антиленинских и антисоветских утверждений, грубо извращающих марксистско-ленинскую теорию уголовного права. Пашуканис отрицает понятие ответственности, вины, наказания.

Пашуканис отрицает «идею ответственности», а вместе с тем и наказание, изображая дело так, что наказание может иметь место только при эквивалентности, то есть опять-таки при господстве товарно-капи-

¹ Ленин, т. XXI, стр. 439.

² Там же, стр. 436.

талистических отношений. Вот где лежат корни отрицания наказания и «дозировки» известного проекта УК Комакадемии (автор т. Крыленко). Пашуканис говорит, что «наказание, соразмерное с виной, принципиально представляет собой ту же форму, что и возмездие, соразмерное с ущербом». Это опять-таки грубая ошибка. Говоря об ответственности, он пишет: «Идея ответственности необходима, если наказание выступает как средство расплаты. Преступник отвечает своей свободой за преступление и отвечает таким куском свободы, который соразмерен тяжести им содеянного. Эта идея ответственности совершенно не нужна там, где наказание освобождено от характера эквивалентности. Но там, где от этих начал действительно не осталось и следа, там наказание перестает быть наказанием в юридическом смысле слова». Совершенно неправильно, будто «идея ответственности» обязательно предполагает то, что здесь приписывается этому понятию Пашуканисом, — око за око, зуб за зуб. Тут понятие эквивалентности довольно условно. Разве тогда, когда я наказываю одного человека меньше, а другого больше, это обязательно талион, это обязательно возмездие, это обязательно эквивалент в буржуазном смысле этого слова? Разве не справедливо человека, укравшего 25 тыс. руб., наказать крепче, чем укравшего 25 руб.? Следовательно, нельзя говорить, что раз мы отказываемся от буржуазного понимания наказания как возмездия, от буржуазных принципов эквивалентности, то, следовательно, нам не нужно разбираться в степени вины и в степени ответственности преступника, и что нам не нужно никакого различия степеней, форм и видов наказания. На такой точке зрения в свое время стоял проект Уголовного кодекса Комакадемии (1931 г.), мы все повинны в его ошибках.

Неправильно, что «идея ответственности» — это обязательно есть расплата. Пашуканис ополчается против «юридического понятия вины», объявляя это понятие ненаучным, ведущим якобы «прямым путем» к индетерминизму.

Вот что он писал в своей книжонке «Общая теория права и марксизм»:

«С точки зрения сцепления причин, вызвавших то или иное событие, нет ни малейшего основания отдавать предпочтение одному звену перед другим. Действия человека ненормального (невменяемого) точно так же обусловлены рядом причин, то есть наследственностью, условиями жизни, средой и т. д., как и действия человека вполне нормального (ответственного)». Выходит, что нужно относиться к ненормальному так же, как и к нормальному, — какая разница? Действия ненормального ведь обусловлены теми же самыми объективными факторами, что и действия нормальных людей. Следовательно, понятие вины не научно. Следовательно, по-научному выходит так: сумасшедшего суди так же, как и нормального, вот это будет научно. Он тебе петухом кричит на скамье подсудимых, а ты говоришь: знаем мы этих петухов, десять лет покричишь у меня петухом. По Пашуканису, вменяемый это не тот, кто сознательно относится к своим действиям, а тот, кто поддается «воздействию в определенном

направлении». Отсюда прямая дорога к признанию уголовно-ответственными сумасшедших.

Надо признать, к сожалению, что в этих нелепых рассуждениях о вине, ответственности, наказании и пр. Пашуканис не одинок.

Пашуканис за так называемые неопределенные приговоры. Пашуканис пишет: «Лишение свободы на определенный, заранее указанный в приговоре суда срок есть та специфическая форма, в которой современное, то есть буржуазно-капиталистическое, уголовное право осуществляет начала эквивалентного воздаяния». Значит, на определенный, заранее указанный в приговоре суда срок наказывать нельзя, а нужно наказывать на неопределенный срок, может быть, как говорится, ad Kalendas Graecas? До греческих календ, которых никогда не было у греков? Самый лучший приговор — сиди, пока сидишь. Теперь мы знаем, что на путь неопределенных приговоров охотно переходят фашисты, а вот шесть лет тому назад это провозглашалось как высшее выражение коммунистической мудрости из института, во главе которого до последнего времени стоял Пашуканис.

Но я говорю это не для того, чтобы поиздеваться над тем, кто достоин большего, а для того, чтобы послать упрек самому себе и сидящим здесь товарищам профессорам-криминалистам, не удосужившимся своевременно разоблачить эту «теорию».

Причина этого кроется отчасти в том, действительно буржуазном, профессорском предрассудке, который можно выразить поговоркой: «Всяк сверчок, знай свой шесток».

Криминалисты не считали себя обязанными вмешиваться в процесс, процессуалисты — в уголовное право, и те и другие — в общую теорию права, считая, что «suum cuique» — «каждому свое».

Хуже этого. Мы все пренебрегли важнейшим принципом нашей партии и общественности: самокритикой. В Институте советского строительства и права самокритикой не пахло. Там царил вечный, чисто академический покой — тиф да гладь. Мы все поминны в этом, ибо это благоприятствовало расцвету таких «теоретических» упражнений всяких Пашуканисов, которые иначе как вредительством назвать нельзя.

До последнего времени у нас царили такие настроения, что общая теория права — это дело специалистов этой отрасли права, а мы — процессуалисты, это нас не касается. Мы рассуждали так, что вот в Институте советского строительства и права сидит Пашуканис и разрабатывает общую теорию права, государственное право. Около него сияют учеников, вроде Сизонова, Ашрафьяна и пр., которые, дескать, занимаются уголовным правом. В Институте советского строительства и права — «методологический центр», а мы — «прикладники». Вышло же так, что важнейшую область права мы отдали в руки врагов!

Пашуканис издевается над истреблением лишения свободы определенными сроками. Он пишет: «Характерным является прежде всего числовое математическое выражение для «тяжести» приговора: количество дней, месяцев и т. д. лишения свободы, та или иная сумма денежного штрафа, лишение таких-то и та-

ких-то прав». А как же можно лишение свободы мыслить без числового выражения? Можно лишение свободы высвободить от «числового выражения», но это значит перейти к неопределенным приговорам! Этого хотят вредительские «теоретики»?

Развитие советского уголовного права Пашуканис видит в стремлении окончательно ликвидировать наказание. Говоря о задаче превращения наказания «из возмездия и воздаяния в целесообразную меру защиты общества и исправление данной социально-опасной личности», Пашуканис считает, что это означает разрешение «громоздкой организационной задачи, которая не только лежит вне судебной деятельности, но по существу, при успешном ее выполнении, делает излишними судебные процессы и судебные приговоры».

Вот к чему пришел Пашуканис. Яснее ничего не может быть. Он против судебных процессов, ибо они связаны с применением наказаний, а это несовместимо-де с задачами исправления. Здесь новое извращение ленинско-сталинского принципа о сочетании задач подавления и принудительного воспитания. Пашуканис отождествляет наше наказание с наказанием буржуазного права.

Тут все перепутано. Наше наказание не есть буржуазное наказание, оно вовсе не лишено моментов педагогического характера. Наоборот, наше наказание тем-то и отличается от наказания буржуазного, что оно, заключая в себе элементы насилия, неизбежно свойственного всякому наказанию, заключает в себе нечто такое, что не свойственно капиталистическому строю, именно это воспитательное воздействие. Поэтому само наказание должно быть организовано так, чтобы оно было разумным, т. е. чтобы оно могло воспитывать. Даже тогда, когда сажают человека на энное количество лет в лагерь, надо организовать отождивание этих лет не так, чтобы он в конце концов превратился в какую-то тень человека, абсолютно бесполезную впоследствии для общества, а нужно сделать, наоборот, так, чтобы он вышел из этого испытания окрепшим физически и морально, иначе говоря перевоспитавшимся.

Но от этого наказание не перестает быть наказанием. Конечно, нельзя сюсюкать здесь и сентиментальничать. Нельзя говорить так, что всякое наше наказание должно быть обязательно одобрено вот этими элементами воспитания. Этого нельзя говорить потому, что мы вынуждены наказывать так, что уже никакое воспитание не поможет, применяя в известных, хотя и исключительных, случаях высшую меру наказания, расстреливая наших врагов.

Следовательно, представлять себе наше наказание, как наказание, обязательно соединенное с воспитанием, неправильно. Но также неправильно представлять себе, что у нас наказание сохраняет старый буржуазный характер. Это тоже клевета. Пашуканис клеветает на наши уголовные кодексы, доказывая, что общая часть всякого уголовного кодекса (в том числе и нашего) с ее понятиями пособничества, соучастия, покушения, приготовления и т. д. является не чем иным, как «способом более точного взвешивания виновности». Это, во-первых, неверно потому, что

определить, кто пособник, кто организатор, это означает не только задачу более точно определить виновность, но и то, кто более опасен, ибо более опасен организатор преступления, чем пособник или укрыватель. Это совершенно ясно. Поэтому неправильно говорить о том, что пособничество, соучастие, покушение, приготовление нужны только для того, чтобы «взвесить» виновность. Нет. Если человек идет на преступление, а по дороге добровольно отказывается от своего преступного замысла, то выявление этого факта играет громадную роль для установления не только того, насколько он виноват, но и насколько опасен. В частности, по делу антисоветского троцкистского центра наш советский суд встал на точку зрения, что, например, Арнольд, дважды добровольно оставивший свой злодейский замысел, должен отвечать за это ниже, чем если бы он оставил свой преступный замысел не добровольно. Я думаю, что это совершенно увязывается с нашим пониманием. Многие недовольны, что Арнольда не расстреляли. Но дело не в том, кто доволен и кто недоволен, но в судебном приговоре относительно Арнольда есть логика и мудрость. И мы преклоняемся перед ними.

Для Пашуканиса нет разницы в степенях виновности, нет разницы даже между умыслом и неосторожностью. Известно, что наши уголовные кодексы эту разницу проводят достаточно резко. Возьмите, например, ст. 10 УК РСФСР. А Пашуканис это отвергает. Это можно объяснить прямым вредительством...

Ведь Пашуканис дошел (кстати сказать, этого до сих пор наши коллеги по кафедре уголовного права не разоблачили, хотя это их прямая обязанность) до полного отрицания разницы между умыслом и неосторожностью. «Что представляет собой разграничение умысла и неосторожности, как не разграничение степеней виновности?» — восклицает Пашуканис, отрицающий понятие виновности и степени виновности. Таким образом он против того, чтобы разграничивали, где преступление, совершенное с умыслом, и где преступление, совершенное по неосторожности.

Но, товарищи, когда мы говорим — вредительская теория, мы говорим, это не для красного слова, а потому что действительно с такой «теорией» подойти к судебной деятельности, построить судебную практику на основе такой «теории» и на основе таких «принципов» — это значит играть наруку врагам нашего государства. Ведь если наши суды будут судить по-пашуканисовски, то есть не будут разбираться в том, умышленно или неосторожно совершено преступление, по умыслу или по случайности, все равно катая одним и тем же порядком, — это будет такая дискредитация суда, что едва ли такой суд может кто-нибудь терпеть! Это прямая провокация, прямая попытка такой «работой» взорвать суд, уронить авторитет суда, возбудить негодование всех здравомыслящих людей, не только социалистов, не только коммунистов, а просто здравомыслящих людей, ибо если суд будет работать таким образом, что человека, совершившего преступление по неосторожности, будет так же наказывать, как совершившего преступление умышленно, только потому, что получается один и тот же результат, то это

будет полная неразбериха, полная каша, полный подрыв авторитета государственной власти, разума, государственного строительства, разума государственного авторитета, а это хуже всего. Если государственный аппарат действует таким образом, какое же это государство? Такое государство терпеть нельзя. Пашуканисы на это и шли, и не только в «теории», но и на практике, как об этом можно судить по ряду вскрытых теперь дел и преступлений.

Отрицая меры наказания, Пашуканис приходит к отрицанию и Особенной части Уголовного кодекса. И в самом деле, зачем нужна Особенная часть Уголовного кодекса, если дело идет только о мерах социальной защиты? Пашуканис доказывает, что «последовательное проведение принципа охраны общества требовало бы не зафиксирования отдельных составов преступления (с чем логически связана мера наказания, определяемая законом и судом), но точного описания симптомов, характеризующих общественно-опасное состояние, и разработки тех методов, которые нужно в каждом данном случае применять для того, чтобы обезопасить общество».

Известно, что Институт советского строительства и права и, особенно, т. Крыленко упорно защищали в течение ряда лет аналогичную позицию, энергично борясь против «составов преступления», что является грубо ошибочным.

Все грубейшие политические извращения Пашуканиса в области уголовного права уходят своими корнями в его антиленинскую «общую теорию права». Именно поэтому Пашуканис представляет себе уголовное право, так же как и право вообще, как «форму общения эгоистических обособленных субъектов, носителей автономного, частного интереса или идеальных собственников».

С этим абсолютно неправильным утверждением связано и другое его утверждение, что «понятия преступления и наказания, как это

ясно из всего вышесказанного, суть необходимые определения правовой формы, от которых можно будет освободиться лишь тогда, когда начнется отмирание юридической надстройки вообще. И поскольку мы на деле, а не в декларациях только, начнем изживать эти понятия и обходиться без них, — это будет лучшим симптомом того, что перед нами, наконец, раздвигаются узкие горизонты буржуазного права».

Итак, Пашуканис нашу задачу видит в отказе от понятий преступления и наказания, не задумываясь, очевидно, над тем, что дело не в понятиях, а в реальной жизни, в реальных общественных отношениях, внушая мысль о том, что если мы откажемся от понятия преступления и наказания, то тем самым мы раздвинем узкие горизонты буржуазного права.

Пашуканис и его контрреволюционная «школа» разоружают наше государство в борьбе против наших врагов, пытающихся своими преступлениями поколебать мощь нашего государства.

Итак, если он начал с того, что нам только буржуазные пережитки мешают обходиться без уголовных кодексов, а в уголовных кодексах они же — эти буржуазные предрассудки — мешают нам обходиться без Особенной части, то кончил он тем, что только буржуазные предрассудки мешают нам обходиться без уголовного права.

По существу нашу задачу в области уголовного права Пашуканис видит не в преодолении буржуазной науки права и буржуазного права, а в «преодолении» нашего уголовного права.

Эту попытку надо беспощадно разоблачить как попытку буржуазных реставраторов под прикрытием «левых» фраз оказать помощь нашему врагу, как попытку ослабить пролетарское государство, подорвать пролетарскую диктатуру, одним из могущественнейших средств которой является советское право, социалистическая законность и советская юстиция.

(Продолжение следует)

Закон 7 апреля 1935 г. в системе советского уголовного права

7 апреля 1937 г. исполнилось два года действия постановления ЦИК и СНК Союза ССР «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних».

Этот закон означал серьезный поворот советской уголовной политики в этой области. Закон 7 апреля явился только первым звеном в целой системе законов и мероприятий, направленных не только на борьбу с преступностью несовершеннолетних, но и на ликвидацию причин, ее порождающих, на ликвидацию детской беспризорности и безнадзорности в первую очередь.

Чтобы уничтожить преступность в Советской стране, а такую задачу ставит перед собой социалистическое государство рабочих и крестьян, нужно ликвидировать и такое «родимое пятно», оставшееся от капитализма, каким является преступность несовершеннолетних.

Нужно лишить сохранившиеся еще уголовные элементы, профессионалов преступного мира, всякой возможности набирать себе «смену» среди беспризорных и безнадзорных детей.

Все это показывает большое значение, которое имеет закон 7 апреля 1935 г. не только для решения своей особой непосредственной задачи — борьбы с преступностью несовершеннолетних, но и для решения целой цепи общих основных вопросов советской уголовной политики, в первую очередь вопросов о ликвидации профессиональной преступности, вопросов, которые советское право может и должно ставить перед собой.

Понятно поэтому то исключительное внимание, которое привлек закон 7 апреля 1935 г. и мероприятия, связанные с ним, не только в среде советских юристов, не только в самых широких кругах советской общественности, но и в стане наших врагов. Враг и здесь как бы чуял своим классовым чутьем, что дело идет о большом политическом вопросе, что из его рук победное социалистическое строительство вырывает один из тех крапленых козырей, которыми он рассчитывал играть.

Небольшой по своему объему закон 7 апреля 1935 г., содержащий всего лишь две статьи, за небольшой, всего двухлетний, срок своего существования успел вызвать значительную журнальную литературу, поднимающую вопросы практики его толкования и применения, вызывавшие оживленные обсуждения и горячие споры в среде работников советской юстиции.

Этот закон вызвал немало статей и в буржуазной, в особенности в фашистской прессе, содержащих ожесточенную клевету против советского права, против советского законодательства.

Все это не позволяет пройти мимо двухлетней годовщины закона 7 апреля 1935 г. Сле-

дующая статья в нашей юридической прессе даст ответ буржуазным клеветникам на наше право.

Насущные практические вопросы не позволяют, конечно, ограничиться этим. У работников советского права есть потребность в известном обобщении пройденного пути, в систематизации законодательного материала и практического опыта.

Мы не можем еще подвести сейчас итоги действия закона 7 апреля и других законов, связанных с ним. Сообщения из различных районов и областей не носят одинакового характера. Наряду с большими достижениями, которые отмечались, например, по Баку, Украине, Москве, есть немало отрицательных фактов.

Статистические данные о движении преступности несовершеннолетних имеются только за 1935 и первую половину 1936 г., то есть всего за год с небольшим действия закона. Это слишком короткий срок для того, чтобы можно было подводить итог, так как этот итог сформулирован в определении целей закона и может быть только один — ликвидация преступности несовершеннолетних. Право подвести этот итог нами еще не завоевано. Нужно усилить и улучшить работу органов суда и прокуратуры, работу органов Народного комиссариата просвещения и других государственных и общественных организаций, в первую очередь комсомола, чтобы добиться решающего успеха в этой области.

Одним из моментов, необходимых для успешной правовой работы, является систематическая и точная разработка самого нашего законодательства, систематическое изучение его, без которого в судебной работе неизбежно будет прорываться случайность и дилетантизм. Без этого систематического изучения законодательства нельзя обеспечить единства действия.

В значительной литературе, посвященной закону 7 апреля, преобладают статьи, выясняющие политические условия, вызвавшие закон, его задачи, статьи практических работников, выдвигающих отдельные конкретные вопросы в практике применения закона. Очень немного работ, пытающихся систематизировать весь материал в целом, охватить вопросы применения этого закона в системе нашего права. Можно упомянуть по существу, как такую обобщающую работу, едва ли не одну статью г. Тадевосяна, опубликованную в №№ 10 и 12 журнала «Социалистическая законность» за 1936 г. Эта статья посвящена преимущественно вопросам процессуальной практики.

Систематическое исследование закона как части целой системы советского законодательства Союза и отдельных республик еще не сделано, а необходимость в этом велика.

уже получились различия в приведении уголовных кодексов отдельных республик в соответствие с этим законом, а тем самым получились различия в практическом осуществлении борьбы с преступностью несовершеннолетних, которые должны быть устранены.

Историческое развитие законодательства в борьбе с преступностью несовершеннолетних

Для правильной оценки сущности и значения изменений, внесенных законом 7 апреля 1935 г. в систему советского права, необходимо хотя бы вкратце остановиться на историческом развитии законодательства о борьбе с преступностью несовершеннолетних. Этот вопрос привлекает внимание советского законодательства уже в первые месяцы существования советской власти.

14 января 1918 г. издается декрет об учреждении комиссии по делам несовершеннолетних. Этот декрет отбрасывал полностью систему царского права в этой области. Он объявлял, что «суды и тюремное заключение для малолетних и несовершеннолетних упраздняются». Все дела о преступлениях несовершеннолетних передавались в ведение особых комиссий, учрежденных при Народном комиссариате общественного призрения.

Декрет не детализировал понятия малолетства и несовершеннолетия. По мнению Люблинского, «ввиду того, что в то время еще охраняли свою силу наши старые уголовные законы (поскольку они не были отменены революционным правосознанием), то возраст несовершеннолетия у нас понимался на практике до 17 лет, как то было по дореволюционному праву»¹.

С этим замечанием нельзя согласиться уже и с формально-юридической стороны. Отменяя уголовную ответственность несовершеннолетних, декрет 14 января 1918 г. тем самым отменял все царское уголовное законодательство по этому вопросу.

Еще более очевидна неправильность этого замечания, если оценить фактическую обстановку того периода времени. Руководствоваться старым царским законодательством могли только бывшие мировые судьи и другие юристы, в очень небольшом числе попавшие в новые суды. Судьи из числа рабочих и крестьян не могли руководствоваться старым сложным законодательством уже потому, что просто его не знали. Поэтому в определении возраста малолетних и несовершеннолетних практически существовали большие расхождения.

Неясность положения и чрезмерно широкое определение границ уголовной безответственности скоро потребовали законодательного разрешения вопроса.

«Декрет 1918 г., — как пишет Люблинский, — при всей его гуманности и широте реформ, не принес благотворных результатов. Правда, тысячи детей на протяжении республики были избавлены от мытарств по судам и тюрьмам, но, с другой стороны, полный отказ от ответственности и неучитывание типических особенностей морально-дефективного ребенка

привели к необычайному росту детской и юношеской преступности, как то мы видели из статистического обзора.

Дети с признаками моральной дефективности¹, попадая в общие детские дома, разлагающе влияли на других; отсутствие ответственности приводило к частым нарушениям дисциплины, побегам, новым правонарушениям».

Нельзя согласиться с Люблинским, что рост детской преступности вытекал из недостатков декрета 1918 г. Действительные причины лежали, конечно, в более глубоких социально-экономических основаниях — в войне, разрухе и их последствиях для существования семьи. Тем не менее необходимо признать, что именно в этой напряженной обстановке скоро стала очевидна необходимость в более твердой и четкой линии.

«Руководящие начала уголовного законодательства», принятые 12 декабря 1919 г., сделали необходимые выводы из создавшегося положения. Эти выводы учитывали сложившийся уже опыт работы новых судов, установление новых воспитательных методов судебной работы, учитывали также недостатки чрезмерно широкого определения границ уголовной безответственности несовершеннолетних.

Статья 13 «Руководящих начал» установила две возрастные границы уголовной ответственности. Несовершеннолетние до 14 лет вообще «не подлежат суду и наказанию. К ним применяются лишь воспитательные меры приспосабливания».

Несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет, которых закон называет «лицами переходного возраста», освобождаются от уголовной ответственности только в том случае, «если будут признаны действующими без разума».

Неопределенный критерий «разумения» был разъяснен декретом 4 марта 1920 г. «О делах несовершеннолетних, обвиняемых в общественно-опасных действиях». Декрет предусматривал передачу дел о несовершеннолетних от 14 до 18 лет в народные суды, если «комиссией будет установлена невозможность применения к несовершеннолетнему мер медико-педагогического воздействия»².

Дальнейшее уточнение вопроса о передаче дел несовершеннолетних в суд дает инструкция комиссиям о несовершеннолетних, изданная в июле 1920 г. Инструкция предусматривает передачу дел в народный суд при недостаточности медико-педагогических мер. Она

¹ Понятие моральной дефективности, кстати сказать, чуждо марксистскому пониманию вопроса. Это понятие характерно для буржуазной криминалистики и педологических извращений.

² Необходимо также отметить, что вопрос об установлении в советском законе границ несовершеннолетия неправильно освещался и в советской литературе и в заграничной. Маурах указывает, что декрет 1918 г. установил безответственность несовершеннолетних до 17 лет. Люблинский в своем обстоятельном обзоре законодательства пропускает, как ни странно, «Руководящие начала» и связывает решение этого вопроса только с декретом 4 марта 1920 г.

¹ П. И. Люблинский, Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте, М. 1923, стр. 227.

указывает, что медико-педагогических мер недостаточно при упорных рецидивах, систематических побегах из детских домов и при явной опасности для окружающих оставления несовершеннолетнего на свободе. Ст. 10 инструкции развивает последнее положение. Передача дела несовершеннолетнего в суд даже в стадии предварительного производства необходима, если имело место посягательство на человеческую жизнь, причинение тяжких ран и увечья, изнасилование, разбой, грабеж, поджог, подделка денежных знаков и документов, взяточничество, крупные хищения из советских или общественных учреждений и крупная спекуляция.

Инструкция 1920 г., таким образом, определяет условия уголовной ответственности несовершеннолетних очень близко к условиям, указанным законом 7 апреля 1935 г. Эта инструкция во многом и надолго определила дальнейшую практику в решении этого вопроса.

При разработке Уголовного кодекса 1922 г. возрастные границы малолетства и несовершеннолетия, установленные «Руководящими началами», были приняты проектом. На сессии ВЦИК, обсуждавшей проект, граница несовершеннолетия была понижена до 16 лет. Уголовный кодекс не содержал указаний об условии ответственности лиц от 16 лет до 18 лет. Поэтому вскоре специальным постановлением Президиума ВЦИК Уголовный кодекс был дополнен запрещением применять расстрел к лицам, не достигшим 18 лет.

После некоторых изменений, внесенных IV сессией ВЦИК в 1922 г., имевших процессуальное значение (вопрос о возможности ограничиться мерами медико-педагогического воздействия в отношении несовершеннолетних от 14 до 16 лет должен был решаться не комиссией, а судом), получилось противоречие с Уголовно-процессуальным кодексом, сохранившим старый порядок. 10 июля 1923 г. постановлением ВЦИК было поэтому установлено, что «в отношении обвиняемых несовершеннолетних от 14 до 16 лет рассмотрение дела судом может иметь место только по постановлению комиссии».

Октябрьской сессией ВЦИК в 1922 г. в Уголовный кодекс были введены две новые статьи—18-а и 18-б, требовавшие обязательного смягчения наказания для несовершеннолетних от 14 до 16 лет на половину и от 16 до 18 лет—на одну треть.

Эти нормы ответственности несовершеннолетних были восприняты уголовными кодексами и всех других республик. Принятие «Основных начал уголовного законодательства СССР» не привело к каким-либо изменениям. «Основные начала» в ст. 8 устанавливали, что к малолетним могут быть применены только меры медико-педагогического воздействия. К несовершеннолетним меры судебного-исправительного воздействия могут быть применены лишь в том случае, если комиссия по делам о несовершеннолетних не признает возможным ограничиться мерами медико-педагогического воздействия. Суду было предоставлено право применять медико-педагогические меры и в других случаях. Определение возрастных границ малолетства и несовершеннолетия было отнесено к компетенции уголовных кодексов отдельных республик.

Произведенные после издания «Основных начал» изменения уголовных кодексов республик не затронули вопроса об ответственности несовершеннолетних вплоть до издания закона 7 апреля 1935 г. Исключение представляло только УК РСФСР, о чем будет сказано ниже.

За этим исключением во всех республиках до издания закона 7 апреля к несовершеннолетним до 14 лет никакие «меры судебного-исправительного воздействия» или, проще говоря, меры наказания не могли быть применены. К несовершеннолетним в возрасте от 14 до 16 лет меры наказания могли быть применены лишь, если комиссией по делам о несовершеннолетних будет признано, что в данном случае невозможно ограничиться применением мер медико-педагогического характера. Кроме того, суд в свою очередь мог в отношении несовершеннолетних от 14 до 16 лет а иногда (Уголовный кодекс Украины) делалась специальная оговорка об этом праве суда и в отношении несовершеннолетних от 16 до 18 лет, «заменять меры судебного-исправительного воздействия мерами медико-педагогического характера».

Расстрел, являющийся исключительной мерой наказания, не мог быть применен к лицам, не достигшим 18 лет.

В случаях применения к несовершеннолетним срочных мер наказания (лишение свободы и исправительные работы)¹ суд обязан был снизить наказание для несовершеннолетних в возрасте от 14 до 16 лет на половину, а для несовершеннолетних в возрасте от 16 до 18 лет—на одну треть.

В Уголовном кодексе РСФСР значительное отступление от этих общих для уголовных кодексов всех остальных республик положений было сделано новеллой 30 октября 1929 г.

Этот закон повысил возраст абсолютной уголовной безответственности несовершеннолетних до 16 лет. Обязательное смягчение наказания в отношении несовершеннолетних было установлено в очень сложной форме и в большей степени, чем в законодательстве других союзных республик.

Ст. 50 Уголовного кодекса требовала в отношении несовершеннолетних от 16 до 17 лет не только снижения конкретной меры наказания на одну треть по сравнению с наказанием, которое было бы вынесено взрослому, но и устанавливала дополнительный лимит. Срок назначенной меры социальной защиты должен был во всяком случае не превышать половины максимального срока, установленного Уголовным кодексом за данное преступление.

В советской литературе по вопросам уголовного права механическое требование обязательного снижения сроков наказания несовершеннолетним неоднократно подвергалось критике. Однако сама критика зачастую также грешила и механистичностью и формализмом. Суть вопроса нередко сводилась к борьбе за искоренение пресловутой «эквивалентной буржуазной формы наказания». Так и в этом частном вопросе абстрактно-схоластические споры о пропорциональной форме права, пря-

¹ Ссылка и высылка к несовершеннолетним по понятным причинам почти совершенно не применялась.

мо или косвенно выражавшие влияние вредительской «концепции» Пашуканиса приводили на деле к отрыву формы от содержания и мешали сосредоточить внимание на реальной сущности практических задач борьбы с преступностью. Именно с последней точки зрения приходится признать, что обязательное снижение репрессии, применяемой к несовершеннолетним, приводило к ненужному и необоснованному либерализму. Содержание наказания в советском праве, как это указывала уже партийная программа, написанная в 1919 г., в корне изменилось. В лишении свободы, в особенности в формах, применяемых к несовершеннолетним преступникам (исправительно-трудовые колонии, ФЗУ НКЮ и т. п.), преобладающая роль моментов воспитания и образования была вполне очевидна.

Обязательное сокращение срока наказания, требуемое законом в интересах несовершеннолетнего, практически могло означать поэтому сокращение срока за пределы, минимально необходимые именно в интересах самого несовершеннолетнего для его воспитания, для его профессионального обучения. Преобладающее число преступлений несовершеннолетних — кражи. За это преступление советское уголовное законодательство устанавливало и так чрезвычайно легкие наказания, чрезвычайно короткие сроки лишения свободы. Обязательное сокращение их приводило к тому, что именно краткосрочное, то есть исключаящее возможность воспитательной работы, лишение свободы должно было быть наиболее часто применяемо к несовершеннолетним.

Практика показала, что в лучших из наших исправительно-трудовых колоний для несовершеннолетних воспитанники их остаются иногда в колонии добровольно по отбытию обязательного срока наказания, чтобы закончить свое обучение, или в порядке вольного найма.

Учет этих особенностей советской исправительно-трудовой политики привел к несогласованности отдельных постановлений в уголовных кодексах РСФСР и ряда других республик. Ст. 50 Уголовного кодекса РСФСР требует обязательного снижения сроков лишения свободы для несовершеннолетних. Напротив, ст. 57 устанавливает, что «несовершеннолетние, приговоренные к лишению свободы и помещенные в трудовые дома для несовершеннолетних, остаются там впредь до исправления, однако не более достижения ими 18-летнего возраста».

В литературе по советскому праву не получило совершенно отражения повышение возраста полной уголовной ответственности несовершеннолетних до 16 лет. Это нововведение УК РСФСР прошло совершенно незамеченным советской юридической литературой. Между тем вряд ли может быть спор о том, что вопрос о полном устранении наказуемости несовершеннолетних в таких широких границах и практически и теоретически более важен, чем вопрос о формах снижения наказания для этой группы.

Уже опыт первого декрета от 14 января 1918 г. показывал серьезные последствия, серьезные недостатки чрезмерно широкого устранения ответственности несовершеннолетних. Отказ УК РСФСР от установившихся на

протяжении ряда лет во всех кодексах всех республик границ ответственности несовершеннолетних представлял серьезную ошибку.

Трудно подыскать объективные основания для такого расширения возраста уголовной безответственности, которое вносила новелла 30 декабря 1929 г., в особенности если вспомнить специфические условия этого периода.

Такие объективные причины, как голод, разруха, война, порождавшие беспризорность и преступность несовершеннолетних и объяснявшие решение вопроса в декрете 14 января 1918 г., уже не играли роли. Налицо были, напротив, возможности улучшения борьбы с преступностью несовершеннолетних не путем отказа от этой борьбы, а путем создания специальных учреждений для перевоспитания. Обострение классово-борьбы, характерное для реконструктивного периода, для года великого перелома (1929 г.), делало особенно опасным использование классово враждебными элементами и элементами разложения старого общества широких границ уголовно-правовой безответственности несовершеннолетних, делало особенно опасными попытки этих элементов вовлечь несовершеннолетних, пользуясь их неустойчивостью и безответственностью, на путь преступлений.

Внесенное в УК РСФСР в 1929 г. изменение имело вредные последствия. Среди беспризорников, среди несовершеннолетних преступников укоренилось представление об их полной безответственности. Даже анализом статистических данных о преступности несовершеннолетних можно доказать вредные влияния столь широкого определения границ уголовной безответственности в законе.

Широкими границами уголовной безответственности несовершеннолетних широко воспользовались взрослые профессионалы преступного мира. Содержатели различных притонов и преступники-профессионалы посылали детей на преступления, успокаивая безнаказанностью до 16 лет любого совершенного ими действия. Эти же мотивы помогали декассированным элементам из среды самих несовершеннолетних втягивать на путь преступления других детей, в том числе школьников, оказавшихся без надзора, без правильного влияния семьи.

Закон 7 апреля решительно выправил эту ошибку. «Правда», в передовой от 9 апреля 1935 г., с полным основанием писала, что этот закон «несомненно создаст перелом в том недопустимом положении, в котором находится сейчас эта область общественной жизни и, прежде всего, он разорвет цепочку безответственности и безнаказанности, окружающую преступление подростка».

Закон 7 апреля и законы о ликвидации беспризорности и безнадзорности

Значение закона 7 апреля и причины его издания не исчерпываются, однако, вопросом о необходимости уничтожить, разорвать эту цепочку безответственности и безнаказанности подростков, мешавшую ликвидации преступности несовершеннолетних.

Закон 7 апреля 1935 г. не только поправил ошибку Уголовного кодекса 1926 г. Этот за-

кон поставил вопрос о дифференцировании ответственности несовершеннолетних шире, чем все предшествовавшие законы, именно потому, что он был создан не только для преодоления некоторых трудностей момента, указанных выше, но и на основе достигнутых успехов социалистического наступления. Эти успехи позволили поставить вопрос о ликвидации беспризорности и безнадзорности вообще, о ликвидации причин и очагов детской преступности. В этом случае, как и во всех остальных вопросах нашей уголовной политики, репрессия выступила только как вспомогательный, а не главный элемент социалистического наступления.

В буржуазной, в особенности фашистской печати делались попытки оклеветать закон 7 апреля 1935 г., изобразить его как «брутальное», грубое применение голых репрессий, представляющей безнадежную попытку остановить бурный рост преступности несовершеннолетних.

Фашистские критики вроде доктора Маураха, посвятившего закону 7 апреля обширную статью¹, пытаются по своему обыкновению праздновать именины и на Антона и на Онуфрия, как известный гоголевский городничий.

Маурах вынужден признать, что причины, порождавшие беспризорность и преступность несовершеннолетних раньше, — разруха в результате гражданской войны, голод 1921 г. в Поволжье и т. п., — не являются сейчас источником и объяснением детской преступности. Рост детской преступности Маурах приписывает «сверхиндустриализации» во второй пятилетке. В результате этого, скорбит Маурах, в производство были втянуты не только мужчины, но и женщины. В результате этого в новых индустриальных городах жилищное строительство не поспевало за промышленным. Отсюда, торжествует Маурах, плохие семейные и жилищные условия, отсюда — тяга детей на улицу, отсюда и безнадзорность и преступность несовершеннолетних.

Плохо должны обстраять дела фашистских критиков советского права, если такие причины им приходится объявлять неустраняемыми причинами несуществующего «бурного роста» преступности несовершеннолетних.

Отставание жилищного строительства, в частности, в ряде случаев вызванное вредительской деятельностью троцкистских агентов германо-японского фашизма, которому служит и господин Маурах, конечно, причинило нам вред и в этой области. Но такие причины мы преодолеваем и можем преодолеть до конца. Только Советская страна отпускает миллиардные суммы на детские ясли и школы. Только Советская страна обеспечивает не только воспитание всех детей, но и помощь роженицам, многодетным и т. д.

Достаточно сопоставить эту картину с постоянной безработицей, существующей в капиталистических странах, с постоянно прогрессирующим обнищанием все растущих масс трудящегося населения, чтобы понять ничтожность такой критики. Естественно поэтому, что даже в «богатейшей» стране мира — в

Соединенных штатах Северной Америки в 1930 г. количество несовершеннолетних правонарушителей достигало 300 тыс. человек. В том же году только за одно такое серьезное преступление, как кража автомобилей, было осуждено 2639 несовершеннолетних.

За последние годы кризиса число несовершеннолетних преступников по всем странам Западной Европы выросло не менее чем в полтора раза. Вот это действительно бурный рост. Совершенно очевидно, что продолжающаяся безработица и растущий экономический гнет, в первую очередь в самой Германии, должны привести и к дальнейшему росту преступлений.

В РСФСР население по численности больше, чем в Соединенных штатах, а несовершеннолетних преступников, осужденных судами, по крайней мере в десять раз меньше, не говоря уже о том, что самые преступления их носят менее серьезный характер¹. Еще более невыгодное сопоставление для капиталистических стран можно было бы сделать при сравнении удельного веса несовершеннолетних преступников в СССР и в Германии.

За I полугодие 1936 г. в РСФСР было осуждено несовершеннолетних на основании закона 7 апреля 1935 г., то есть в возрасте от 12 до 16 лет, всего 5½ тыс. человек. Если наша печать, наша общественность и наше законодательство постоянно привлекают общественное внимание к борьбе с преступностью несовершеннолетних, то причина этому лежит никак не в угрожающем росте и не в высоком удельном весе этой преступности. Именно потому, что у нас уничтожены объективные предпосылки осуществления преступности несовершеннолетних, для нашей страны совершенно недопустимым фактом, который должен быть устранен до конца, который не может иметь места в нашей стране, является самая возможность совершения преступлений несовершеннолетними. Мы не можем помириться с тем, что хотя бы один несовершеннолетний пошел по пути преступления, ибо это растущие люди растущей социалистической страны.

Критики закона 7 апреля из числа «дипломированных лакеев буржуазии», как величал Ленин подобных «ученых», в своих «обстоятельных» обзорах стараются замолчать поэтому те объяснения действительного положения вещей и всей совокупности мероприятий и борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью, которые дает постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г.

«СНК СССР и ЦК ВКП(б). — указывает» это постановление, — отмечают, что в настоящее время в условиях непрерывного улучшения материально-культурного положения трудящихся города и деревни и при производимом государством отпуске огромных средств на содержание детских учреждений, наличие беспризорных детей в столицах и других городах страны объясняется плохой работой местных советских органов и партийных, профсоюзных и комсомольских организаций в области ликвидации и предупреждения детской беспризорности и отсутствием организованного

¹ См. „Monatschrift für kriminal Psychologie und Strafrechtsreform“, 1936, № 5 — 6.

¹ См. Сборник «Преступность несовершеннолетних в капиталистических странах».

участия в этом деле советской общественности».

Это постановление развертывает широкую систему мероприятий, которые должны устранить все эти бесспорно устранимые при хорошей работе недостатки. Это постановление дает реальную программу действительного искоренения детской беспризорности и безнадзорности до конца, а тем самым обеспечивает решительный успех в ликвидации преступности несовершеннолетних.

Конечно, в нашей стране находятся еще иногда плохие отцы и плохие матери, которые не занимаются воспитанием своих детей. Конечно, у нас в отдельных случаях, очень редких, находятся даже негодяи, полные такого мещанского эгоизма, которые способны убить ребенка, чтобы избежать ответственности, чтобы избежать платежа алиментов. Но это единицы, это редкие негодяи, на которых может и должна обрушиться суровая рука советского закона, защищающего общий интерес, выражающего единые общие взгляды 170-миллионного социалистического народа.

Во исполнение постановления ЦК и СНК о ликвидации детской беспризорности и безнадзорности советское законодательство приняло поэтому не только ряд мероприятий, обеспечивающих материальную возможность уничтожения всякой беспризорности, но и ряд законов, которые должны бороться с людьми, нарушающими свои социальные обязанности перед своими детьми и перед страной.

Постановление ЦИК и СНК от 29 июля 1935 г. предлагает правительствам союзных республик дополнить их уголовные кодексы статьями, карающими «использование опеки в корыстных целях (занятие жилплощади, использование имущества, оставшегося после смерти родителей, и т. д.) и оставление опекаемых детей без надзора и необходимой материальной помощи». Эти преступления закон предлагает карать лишением свободы на срок до 3 лет.

Постановление о ликвидации беспризорности и безнадзорности предусматривает реальную ответственность руководителей общественных и государственных учреждений за непринятие необходимых мер охраны и заботы о воспитании детей-сирот.

Уголовный кодекс РСФСР на основании этого постановления в новелле, воспроизводящей указанное выше постановление ЦИК и СНК СССР от 29 июля 1935 г. (ст. 158-1), карает поэтому непринятие мер охраны и заботы о воспитании детей-сирот председателями сельских советов и назначенными сельскими советами опекунами, допустившими своими действиями или бездействием вступление этих детей на путь бродяжничества. Эти преступления караются в отношении опекунов лишением свободы на срок до 2 лет, в отношении председателей сельсоветов по ст. 111 Уголовного кодекса, то есть лишением свободы до 3 лет или принудительными работами.

Важнейшей частью самого закона 7 апреля 1935 г. является вторая статья его. Она карает заключением в тюрьму на срок не ниже 5 лет лиц, «уличенных в подстрекательстве или в привлечении несовершеннолетних к участию в различных преступлениях, а также в понуждении несовершеннолетних к за-

нятию спекуляцией, проституцией, нищенством».

27 июня 1936 г. союзный закон установил миллиардные ассигнования в помощь роженицам, многодетным, на развитие сети учреждений для воспитания детей. Этот же закон изменил постановление уголовных кодексов отдельных республик об ответственности за неплатеж алиментов в пользу детей, повысив наказание за это преступление до 2 лет лишения свободы. Эта суровая охрана интересов детей возможна и реальна только в условиях социалистического государства, обеспечившего право на труд, отдых и образование за каждым, обеспечившего непрерывное повышение материально-культурного положения трудящихся города и деревни.

В нашей стране оставлять детей без помощи или толкать их на путь нищенства может только негодный, недобросовестный человек, к которому можно и нужно применить меры уголовного принуждения.

И в этом вопросе мы видим совершенно иную картину по сообщениям самой прессы капиталистических государств. Даже фашизированная германская пресса не может обойти молчанием многочисленные случаи, когда вовсе не отдельные негодяи, а многие и хорошие люди вынуждены посылать детей нищенствовать или даже убивать детей, зачастую кончая одновременно с ними жизнь самоубийством. Это делают зачастую не негодяи, а честные люди, потому что самоубийство легче, чем голодная смерть, потому что легче задушить своего ребенка, чем видеть, как он сохнет от голода, потому что легче столкнуться в реку свою дочь, чем видеть ее малолетней проституткой.

Страшная картина беспросветного обнищания и эпидемических смертей от изнурения и голода, нарисованная талантливым польским писателем Курек в его книге «Грипп свирепствует в Направе», типична не только для польского захолустья. Застойная безработица и растущее обнищание масс сделали картину «зимних бедствий»¹ типичной и для крупнейших центров капиталистических государств, в первую очередь для фашистских государств, разоряющих свое население для подготовки войны.

Беглый обзор отличия в причинах, порождающих детскую преступность в капиталистических государствах и государстве социалистическом, делает понятным различие значения законодательства о борьбе с преступностью несовершеннолетних.

Как бы ни была организована репрессия в капиталистических государствах, она не может не быть безрезультатной, ибо она не может устранить причин, порождающих явления детской преступности.

Закон 7 апреля, взятый как часть системы советского права, полностью укладывается в сталинское определение задач и места уголовной репрессии.

Этот закон, разрывая представление о безответственности малолетних преступников, изымая наиболее опасных из них для воспитания в специальных учреждениях, выполнит возложенную на него задачу ликвидации пре-

¹ Это официальный термин в Германии.

ступности несовершеннолетних. Он выполнит эту задачу именно потому, что центр тяжести не в нем, а в законах, устраняющих причины преступности. Он выполнит эту задачу потому, что основная сила репрессии обрушивается нашим законом на тех взрослых преступников, живых носителей «пережитков капитализма в сознании людей», представителей гниения и разложения старого общества, которые пытаются вовлечь детей на путь преступления или же не выполняют своих минимальных обязанностей перед детьми.

Закон 7 апреля выполнит свою задачу именно потому, что он является только вспомогательным средством социалистического наступления. И в этой области — области борьбы с преступностью несовершеннолетних — полностью применимо указание товарища Сталина о роли, месте и удельном весе репрессии в социалистическом наступлении. И здесь центр тяжести в нашем экономическом наступлении, в результате которого Сталинская Конституция незыблемо закрепила право на труд, право на отдых, право на образование, право на достойное и свободное существование за всеми гражданами социалистического государства. И здесь центр тяжести в организационной работе в массах и в ряде специальных организационных мероприятий, экономически и политически укрепленных законом 31 мая 1935 г., законом о помощи многодетным семьям и всей системой социального обеспечения и всеобщего бесплатного образования, которое создано в социалистическом государстве и закреплено его Конституцией.

Закон 7 апреля и уголовные кодексы союзных республик

По своей юридической структуре закон 7 апреля 1935 г. представляет большой интерес. Изменения, вносимые им, это не только изменения наказания за определенную группу преступлений. Изменения, вносимые этим законом, касаются Общей части уголовного права, Особой части уголовного права и уголовного процесса¹.

Сделанный выше обзор уголовного законодательства Союза показал ряд отличий, имеющих в кодексах отдельных республик. Закон требует, между тем, в определенных пределах единства уголовного законодательства во всем Советском союзе. Уже поэтому представляет большой практический интерес результат осуществления ст. 4 этого закона, требующей приведения в соответствие с ним уголовных кодексов отдельных республик.

Первый вопрос, встающий при юридическом анализе всякого нового закона, — вопрос о пределах его действия во времени и пространстве. Действие закона 7 апреля как союзного закона распространяется на всю территорию Союза. Отсюда неизбежно требование, чтобы во всех кодексах союзных республик он был воспроизведен одинаково. Требование это, как покажет дальнейшее изложение, оказалось далеко не так просто осуществить.

Закон 7 апреля устанавливает более высо-

кую ответственность несовершеннолетних преступников за определенные преступления, чем уголовные кодексы отдельных республик, в своих постановлениях по этому вопросу действовавших до издания закона. Поэтому, в соответствии с общими принципами уголовного законодательства СССР, этот закон не имеет обратной силы. Он не может быть применен к преступлениям, совершенным несовершеннолетними до его издания.

Однако в этом правиле приходится сделать некоторые исключения. Закон содержит определенные процессуальные изменения, предусматривая рассмотрение дел по определенной группе преступлений судом. На основании закона 31 мая 1935 г. комиссии по делам о несовершеннолетних упразднены. Между тем именно эти комиссии до издания закона должны были рассматривать дела о преступлениях, охваченных им. В результате неизбежен вывод, что в более важных случаях дела о преступлениях, возникших до издания закона 7 апреля, придется рассматривать или органам Наркомпроса или, что более правильно, судебным органам, так как комиссий по делам о несовершеннолетних уже нет.

При этом суд должен будет применить необходимые меры медико-педагогического характера или же меры наказания, но последние только в тех пределах, которые допускались кодексами до издания закона.

Закон 7 апреля написан по типу ленинских декретов, по типу сталинских законов 7 августа, 8 декабря, 10 июля. Закон открывает мотивировочную часть. В отличие от всех других законов, как причина его издания, указывается не развитие соответствующей группы преступлений, не рост жалоб рабочих и колхозников на эти преступления, как это сделано в законе 7 августа, не повышение общественной опасности данного преступления ввиду изменения экономических и технических условий, как это сделано в законе 8 декабря, — впервые в истории советского законодательства мотивировочная часть закона указывает такую причину издания законодательного акта, как необходимость ликвидации и, мало того, необходимость скорейшей ликвидации определенного вида преступности.

Эта мотивировочная часть при всей своей лаконичности и краткости имеет громадное принципиальное значение. Она не могла быть включена в уголовные кодексы отдельных республик по техническим причинам. Мотивировочное определение нельзя уложить ни в обычную форму статей Общей части, ни в обычную форму статей Особой части Уголовного кодекса. Но это постановление ЦИК и СНК СССР, требовавшее «быстрейшей ликвидации преступности среди несовершеннолетних», является общесоюзным законом. Оно обязательно для всех судов всех отдельных республик. Это требование определяет цель закона, дает ключ к его толкованию, применению указанных в нем мер борьбы.

Ни одна мера наказания по закону 7 апреля не может быть назначена судом, если она не является необходимым средством для достижения этой цели. Поэтому в применении закона 7 апреля особенно недопустим формализм. Здесь особенно необходимо внимание

¹ На изменениях в области уголовного процесса мы в этой статье не останавливаемся.

суда к таким условиям, исключаящим целесообразность применения уголовной репрессии в конкретном случае.

Малозначительность и отсутствие вредных последствий действия, которое хотя формально подпадает под признаки какой-либо статьи Особенной части Уголовного кодекса, но лишено характера общественно-опасного, безусловно исключает возможность применения закона 7 апреля.

Необходима особенно тщательная оценка и другого ограничительного требования Общей части. Нельзя применять меры наказания, если в силу изменения социально-политической обстановки данное действие перестало быть опасным, или если лицо, его совершившее, к указанному моменту не может быть признано общественно-опасным.

Другая характерная особенность закона 7 апреля — его язык. Это не специальный юридико-технический язык, обычный для статей Уголовного кодекса. Это язык политических декретов революции, обращенных к массам, требующих массового действия. Это язык закона 7 августа. Декрет 7 апреля написан так, что он понятен не только для юристов-специалистов, но для всякого грамотного человека, более того, даже для неграмотного, для беспризорника, который услышит чтение этого закона.

Закон, определяя круг преступлений, ответственность за которые он устанавливает, не отсылает к точному, но зато совершенно неопытному для неспециалиста, перечню номеров статей Уголовного кодекса, эти преступления предусматривающих.

Закон считает нужным упомянуть об ответственности не только за убийство, но и за попытку к убийству. Закон умышленно пользуется здесь более понятным народным словом, чем обычный юридический термин, — покушение. Закон выделяет этот вопрос, чтобы привлечь к нему внимание именно не специалиста, а всякого гражданина. Для юриста-специалиста это упоминание обязательно, так как общая часть уголовных кодексов устанавливает по общему правилу ответственность и за покушение и за приготовление к любому преступлению.

Вносимые законом изменения касаются прежде всего общей части уголовных кодексов отдельных республик. Ст. 3 закона исключила из Основных начал упоминавшуюся выше ст. 8, определявшую общие рамки уголовной ответственности несовершеннолетних.

Это не означает, конечно, по мысли законодателя, необходимости заменить все постановления о несовершеннолетних в общей части отдельных уголовных кодексов одной первой статьей закона.

Ст. 1 закона устанавливает ответственность несовершеннолетних начиная с 12-летнего возраста, уличенных в совершении определенных преступлений. Она не требует изменения ответственности несовершеннолетних за все другие преступления.

Это показывает, что неправильно было бы расширительное толкование закона — установление уголовной ответственности несовершеннолетних начиная с 12-летнего возраста по всем видам преступлений, в законе не указанным.

Также неправильно было бы ограничиться в уголовных кодексах указанием ответственности несовершеннолетних только в пределах, указанных законом. Исключение из уголовных кодексов всякого упоминания об ответственности несовершеннолетних по другим преступлениям естественно могло бы быть истолковано как отсутствие уголовной ответственности несовершеннолетних за эти преступления, либо привело бы к не опирающемуся на закон расширительному толкованию, которое показано выше.

В циркуляре Верховного суда и Прокуратуры СССР № 36—37 от 21 июля 1935 г. эта мысль находит подтверждение.

«Одним из существенных недочетов, — указывает этот циркуляр, — является тенденция судебно-следственных работников к расширительному толкованию постановления ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних», выражающаяся в привлечении к уголовной ответственности детей, не достигших 12-летнего возраста, привлечении за преступления, совершенные до издания этого закона, а также за преступления, им не предусмотренные».

В другом пункте циркуляр указывает, что все остальные случаи нарушений со стороны детей в возрасте от 12 до 16 лет в уголовном порядке не наказуются. Это положение циркуляра выражает правильную мысль, однако, в форме, согласованной только с законодательством РСФСР, но не законодательством всех остальных союзных республик.

Как было показано при обзоре этого законодательства, лишь в Уголовном кодексе РСФСР уголовная ответственность несовершеннолетних начиналась с 16 лет. Циркуляр Верховного суда и Прокуратуры СССР правильно указывает, что в отношении преступлений, не предусмотренных законом 7 апреля, ответственность, предусмотренная Уголовным кодексом РСФСР, сохраняется в прежнем объеме, то есть начиная с 16-летнего возраста. Однако циркуляр упускает из виду, что по уголовным кодексам всех остальных республик уголовная ответственность начиналась не с 16, а с 14 лет.

Нет никаких оснований издание закона, усиливающего уголовную ответственность по определенной группе преступлений, считать поводом для устранения существовавшей ранее уголовной ответственности по всем остальным преступлениям начиная с 14-летнего возраста. Эта неточность циркуляра, рассчитанного на общесоюзное применение, должна быть устранена.

Уголовные кодексы отдельных республик разрешали вопрос об изменении уголовной ответственности несовершеннолетних в соответствии с законом 7 апреля не всегда правильно.

Уголовный кодекс Белорусской ССР уже 17 апреля, то есть через 10 дней после издания общесоюзного закона, изменил ст. 15¹. Поместив постановление, содержащееся в ст. 1 закона 7 апреля, УК БССР дополнил его второй частью, которая гласила:

¹ Определявшую условия ответственности несовершеннолетних.

«В остальных случаях меры уголовного наказания применяются к несовершеннолетним от 12 до 16 лет только тогда, когда комиссия по делам о несовершеннолетних признает невозможным применить к ним меры медико-педагогического характера». Требование обязательного снижения наказаний несовершеннолетним было отменено.

Это означало расширительное толкование закона 7 апреля — общее снижение возраста уголовной ответственности несовершеннолетних и за преступления, законом не предусмотренные, до 12 лет. Правда, в последнем случае уголовная ответственность кодексом БССР предусматривалась факультативно.

Очень скоро потребовалось изменение этого закона. Постановлением ЦИК и СНК БССР от 8 сентября 1935 г. (СУ БССР № 34, ст. 180) изложенная нами ч. 2 ст. 15 была отменена. Предшествовавшая ей ст. 14 УК, которая в результате изменения ограничила неприменение мер уголовного наказания возрастом до 12 лет, была изменена вторично и изложена в следующей редакции: «Меры уголовного наказания не применяются к несовершеннолетним до 12 лет. К несовершеннолетним от 12 до 16 лет меры уголовного наказания применяются только по преступлениям, указанным в ст. 15, то есть в пределах, предусмотренных законом 7 апреля». Таким образом окончательная редакция, принятая УК БССР, совпадает с указаниями циркуляра Верховного суда и Прокуратуры СССР полностью. Однако устранение факультативной ответственности несовершеннолетних с 14 лет не вытекает, по нашему мнению, из смысла закона 7 апреля 1935 г.

Уголовный кодекс Украинской ССР (СЗ УССР 1935 № 11—12, ст. 49) изменил ст. 11, дополнив ее примечанием, воспроизводящим ст. 1 закона 7 апреля. Это примечание было введено постановлением ЦИК и СНК УССР 9 апреля 1935 г., то есть немедленно после издания союзного закона.

Затем была изменена вся редакция ст. 11. Было устранено указание о факультативной ответственности несовершеннолетних в возрасте от 14 до 16 лет и возможности применения мер медико-педагогического характера к несовершеннолетним от 16 до 18 лет и исключена ст. 12 об обязательном снижении наказания. Тем самым Уголовный кодекс УССР фактически усилил ответственность несовершеннолетних и по другим преступлениям, сохранив, однако, для них прежнюю границу уголовной ответственности (14 лет), более высокую, чем по преступлениям, предусмотренным законом 7 апреля. В своей теперешней редакции ст. 11 УК Украины гласит: «Меры социальной защиты судебно-исправительного характера не могут быть применимы в отношении малолетних до 14 лет». Далее следует примечание, воспроизводящее ст. 1 закона 7 апреля.

Таким образом Уголовный кодекс Украинской ССР разрешает вопрос об ответственности несовершеннолетних в полном объеме, но попрежнему отличается от УК РСФСР в его прежней редакции и от возрастных границ уголовной ответственности, намеченных циркуляром Верховного суда и Прокуратуры

СССР для преступлений, не предусмотренных законом 7 апреля.

В Уголовном кодексе Грузии¹ изменения первоначально выразились в том, что по всем преступлениям несовершеннолетних от 12 до 16 лет в случаях, не предусмотренных законом 7 апреля, была допущена уголовная ответственность в том случае, если невозможно ограничиться мерами медико-педагогического характера. В этих случаях наказание подлежало обязательному смягчению на половину. Кроме того, была введена ст. 11¹, воспроизводящая ст. 1 закона 7 апреля (20 апреля 1935 г. — СЗ № 14, ст. 81; 4 июня 1936 г. — СЗ 1936 г. № 18, ст. 109). Ст. 11 была исключена. Таким образом вопрос об уголовной ответственности несовершеннолетних в случаях, не предусмотренных законом 7 апреля Уголовным кодексом Грузии, остался не урегулированным.

Уголовный кодекс Азербайджана дополнил ст. 12, определявшую общие правила ответственности, оставшуюся без изменений, статьей 12¹, воспроизводящей ст. 1 закона. Кроме того, к ст. 56, устанавливающей обязательное снижение наказаний для несовершеннолетних, было добавлено примечание, исключающее применение этих правил к несовершеннолетним, совершившим преступления, предусмотренные законом 7 апреля.

Таким образом в уголовных кодексах республик Закавказья уголовная ответственность несовершеннолетних в случаях, не предусмотренных в законе 7 апреля, определяется различно.

Весьма своеобразно разрешил Азербайджанский УК вопрос о положении ст. 2 закона, устанавливающей наказание за подстрекательство и понуждение несовершеннолетних к совершению преступлений. Эта статья (18¹) помещена как развитие статьи 18, определяющей соучастие. Таким образом в Общей части УК Азербайджана оказалась статья, содержащая и состав преступления и полагающуюся за него меру наказания, то есть статья, безусловно относящаяся к Особой части (10 августа 1935 г. — СЗ Азербайджанской ССР № 10, ст. 155).

Уголовный кодекс Туркменской ССР, на основании постановления ЦИК и СНК ТуркССР от 28 апреля 1935 г., изменил статью, определяющую условия ответственности несовершеннолетних, снизив общие границы ответственности до 12 лет. Установив общее правило, что меры судебно-исправительного характера не подлежат применению к несовершеннолетним до 12 лет, этот кодекс поместил дальше ст. 1 закона от 7 апреля. Ст. 46 кодекса, предусматривавшая обязательное снижение ответственности несовершеннолетних от 14 до 16 лет на половину и от 16 до 18 лет на одну треть, была исключена. Поэтому образовался пробел, и неясно, должна ли уголовная ответственность по всем преступлениям определяться одинаково с 12 лет или, напротив, по преступлениям, не упомянутым в законе 7 апреля, уголовная ответственность наступает только с 18 лет.

¹ Изменениями, внесенными на основании закона 7 апреля в УК Армении, при работе над этой статьей автор не располагал.

В Уголовном кодексе Таджикистана, введенном в действие только 15 июля 1935 г., вопрос об ответственности несовершеннолетних разрешает статья 11. Она воспроизводит только текст ст. 1 закона от 7 апреля. В этом кодексе вопрос об ответственности несовершеннолетних за другие преступления совершенно не предусмотрен. Приходится считать, что во всех неуказанных случаях нет ответственности до 18 лет, а это противоречит общим установкам закона 7 апреля.

Уголовный кодекс Узбекистана, исключив на основании специального постановления ст.ст. 17, 18 и 56, устанавливавшие правила ответственности несовершеннолетних, изменил редакцию ст. 25. Эта статья указывает, что меры медико-педагогического характера подлежат применению к несовершеннолетним, не достигшим 12-летнего возраста. Часть 2 этой статьи воспроизводит ст. 1 закона от 7 апреля. Здесь также совершенно неясен вопрос об ответственности несовершеннолетних за остальные преступления.

Этого недостатка не избежал и УК РСФСР. Ст. 12 этого кодекса, определявшая условия ответственности несовершеннолетних, полностью заменила ст. 1 закона. Ст. 50 УК, определявшая условия смягчения наказания несовершеннолетних, была исключена. Напротив, в ст. 57 сохранилось оставление несовершеннолетних в трудовых домах впредь до исправления, но не дольше 18 лет.

Обзор уголовных кодексов отдельных республик показывает, что многими из них ст. 1 закона 7 апреля была воспринята как общее решение вопроса об ответственности несовершеннолетних. Вопрос об ответственности несовершеннолетних за преступления, не упомянутые в законе 7 апреля, остался неурегулированным законодательным путем. Необходимо, чтобы в уголовных кодексах РСФСР, Грузии, Туркменистана, Таджикистана и Узбекистана этот недостаток был исправлен. Необходимо также, чтобы весьма ценный циркуляр Верховного суда и Прокуратуры СССР был в части, определяющей ответственность несовершеннолетних за преступления, не предусмотренные законом 7 апреля, дифференцирован и приведен в соответствие с возрастом несовершеннолетних, предусматриваемым кодексами отдельных республик.

Вопрос о других элементах юридического состава ст. 1 и закона 7 апреля вызывал разногласия не в законодательстве, а в судебной практике, в попытках толкования этого закона.

Вся судебная практика без исключения к понятию насилия, употребляемому законом, относилась не только различные виды тяжких повреждений, поби и истязания, но также и изнасилование.

Расхождения обнаружились по вопросу об ответственности за хулиганство и за мошенничество. Верховный суд РСФСР в постановлении президиума от 14 ноября 1935 г. признал, что несовершеннолетние не могут привлекаться к уголовной ответственности по ст. 74 и 69 УК РСФСР, то есть за хулиганство и мошенничество, так как эти действия не предусмотрены непосредственно законом.

55 пленум Верховного суда СССР признал это постановление неправильным. Пленум

указал, что хулиганство несовершеннолетних, сопряженное с насилием, телесными повреждениями и другими преступлениями, по которым несовершеннолетние могут привлекаться к ответственности согласно закону 7 апреля, должно влечь ответственность по ст. 74 УК.

Это указание юридически бесспорно; как мы указывали выше, термины, употребленные законом 7 апреля, вовсе не стремились воспроизвести терминологию УК. Вопрос о квалификации решает сущность действительно совершенного преступления. Поэтому за хулиганство, связанное с насилием, несовершеннолетние несут ответственность с 12-летнего возраста, а хулиганство, не связанное с такими действиями, под закон 7 апреля не подпадает.

Более спорным, однако не по существу, а по своей формулировке, является указание пленума об ответственности несовершеннолетних за мошенничество. Пленум указывает: «Кражи, то есть такие преступления, по которым согласно закону от 7 апреля 1935 г. могут привлекаться к ответственности несовершеннолетние, могут совершаться ими при помощи мошенничества, что влечет за собой уголовную ответственность по ст. 169 УК РСФСР».

Это толкование юридически неточно. Кража и мошенничество отличаются друг от друга именно способом своего совершения. Кража, как определяют и закон и теория, есть тайное похищение чужого имущества. Мошенничество есть злоупотребление доверием или обман в целях получения имущества или иных личных выгод. Верховный суд, видимо, хотел сказать, что по закону 7 апреля должны преследоваться опасные случаи мошеннического получения имущества. Меры наказания в таком случае, конечно, должны определяться по ст. 169.

Точно так же нужно признать, что по закону 7 апреля должно преследоваться и открытое похищение чужого имущества или грабеж, хищение социалистической собственности, предусмотренное законом 7 августа, бандитизм и разбой. Во всех этих случаях мера наказания будет определяться по соответствующим статьям Уголовного кодекса. Закон 7 апреля не перечисляет непосредственно этих преступлений, а говорит о краже и различных видах насилия, но несомненно, что все эти преступления подходят под точный смысл закона.

Следующий вопрос, связанный с толкованием ст. 1 закона, — вопрос о мерах наказания, допускаемых в отношении несовершеннолетних. Закон, который стремился покончить с представлением о безответственности несовершеннолетних, написан нарочито суровым языком. Он говорит о применении всех мер уголовного наказания. Он не делает оговорок о неприменимости к несовершеннолетним до 18 лет высшей меры наказания, то есть расстрела.

Возможно, что отсутствие этой оговорки вызвано нежеланием ослаблять впечатление репрессивной силы закона. Но эта оговорка и не нужна. Закон указывает ту статью Основных начал, которую он отменяет, — ст. 8. Закон говорит, правда, о всех мерах уголовного наказания, но расстрел не входит в об-

щую систему этих мер. Он признается нашим законодательством мерой исключительной и временной. Основные начала и все уголовные кодексы устанавливают неприменимость расстрела к несовершеннолетним до 18 лет. Эти постановления «сохранены и в Основных началах и во всех уголовных кодексах. Отсюда ясен клеветнический характер выступлений в фашистской прессе, в которых указывалась и такая нелепость, что «в СССР начали расстреливать 12-летних детей».

Ст. 2 закона 7 апреля не вызвала особых затруднений и различий при включении ее в систему уголовных кодексов отдельных республик.

Поскольку она говорит о подстрекательстве и привлечении несовершеннолетних к участию в различных преступлениях, она представляет особое исключение из правил о соучастии, даваемых в Общей части УК. По этим общим правилам ответственность подстрекателей, как и всех других соучастников, определяется по той же статье, что и ответственность исполнителя преступления, а следовательно, и карается мерами наказания, предусмотренными этой статьей. Опасность подстрекательства несовершеннолетних заставила закон 7 апреля установить за эту специфическую форму соучастия в любом преступлении высокую меру наказания — тюремное заключение не ниже 5 лет. Это наказание обязательно, хотя бы само преступление, подстрекательство к которому имело место, каралось несравненно легче, как, например, кража, подстрекательство к которой несовершеннолетних является наиболее распространенным видом этого преступления.

Различия между кодексами отдельных республик в отношении этой статьи закона 7 апреля были только систематического порядка. Только один Азербайджанский кодекс, как указано выше, поместил ст. 2 закона 7 апреля в Общую часть, расценив ее как особое правило о соучастии. Все остальные кодексы рассматривают этот вид соучастия как преступление особого рода (*delictum sui generis*). Так же, как самостоятельное преступление особого рода, советское право расценивает участие в контрреволюционной организации.

Между кодексами отдельных республик нет единообразия в понимании основного значения этой статьи.

Уголовные кодексы РСФСР, Украины, Грузии рассматривают это преступление как преступление против порядка управления. УК РСФСР помещает его (ст. 73²) в непосредственном соседстве с сопротивлением власти (ст. 73) и угрозой, убийством и т. п. до отношению к должностным лицам или общественным работникам (ст. 73³). Такое расположение статьи о подстрекательстве несовершеннолетних к преступлениям мало понятно. УК Украины помещает эту статью (67¹) в более понятном соседстве со статьей 67, карающей призыв к совершению некоторых преступлений против порядка управления (призыв к невыполнению налогов и повинностей).

Весьма неудачно в смысле системы соответствующая статья включена в УК Грузии

(ст. 82¹), где она поставлена непосредственно за статьей, карающей побег из-под стражи.

Более правильна однако, с нашей точки зрения, позиция тех уголовных кодексов, которые относят подстрекательство несовершеннолетних к преступлению, к числу преступлений против личности. При такой системе эта статья располагается по соседству со статьей, карающей неплатеж алиментов (см. ст. 210¹ УК Узбекской ССР, ст. 232¹ УК Белоруссии). В кодексе Туркменской ССР она (ст. 158¹) помещена, однако, непосредственно после статьи, карающей возвращение малолетних или несовершеннолетних (ст. 158). В кодексе Таджикской ССР она (ст. 182) отнесена в раздел о телесных повреждениях и насилиях над личностью и непосредственно граничит со статьей, карающей похищение чужого ребенка.

Наконец, все кодексы, за исключением Уголовного кодекса РСФСР, правильно исключили из статьи, говорящей о неплатеже алиментов и оставлении родителями малолетних детей без поддержки, понуждение детей к занятию нищенством, караемое более строго ст. 2 закона 7 апреля.

Особых споров толкование ст. 2 на практике не вызывало, но дефекты в применении ее как раз наиболее значительны. И в целом ряде статей в наших юридических журналах и в указаниях Верховного суда и Прокуратуры СССР неоднократно отмечалось, что органы юстиции не умеют еще достаточно выявлять подстрекателей несовершеннолетних к преступлениям. Кроме того, закон нарушается судом слишком часто и в отношении выносимых мер наказания. Здесь политика суда недостаточно жестка. В некоторых областях до 50% приговоров по ст. 2 закона 7 апреля нарушают установленный законом лимит, устанавливая наказания ниже 5 лет тюремного заключения.

Обзор уголовных кодексов отдельных республик по этому специальному вопросу показывает не только необходимость немедленного устранения ряда отдельных недостатков и противоречий, которые были указаны. На этом примере можно почувствовать лишний раз, насколько своевременно и необходимо установленное Конституцией СССР единство уголовных законов для всего Союза, единство законодательного центра, единство верховного органа толкования закона. Эти постановления Конституции в то же время уже сейчас обязывают не допускать ни малейшего отклонения от принятых Союзом законов. Постановления Конституции обязывают к исключительно тщательной технической работе всех законодательных органов. Пробелы в законе делаются особенно недопустимыми, когда суд подчинен только закону, когда требования стабильности законов означают и требования твердой единой судебной практики. Без этого нельзя добиться единой законности для всего Союза, а этот принцип, выдвинутый Лениным еще в 1922 г. в его известном письме к товарищу Сталину, превращен сейчас в непререкаемой силы требование основного закона нашей страны — Сталинской Конституции.

Прокурор и следователь по делам несовершеннолетних

Прошло два года с тех пор, как перед органами юстиции во весь рост была поставлена историческая задача скорейшей ликвидации преступности среди несовершеннолетних в нашей стране. Абсолютная нетерпимость детской беспризорности и преступности в социалистической стране стала ясной уже давно, но особенно ощутимой и невыносимой стала детская беспризорность и вместе с ней детская преступность в условиях зажиточной и веселой жизни в стране. Ведомственные сводки, почти ежедневные газетные статьи и сообщения, партийно-профсоюзные собрания на фабриках, заводах, колхозах в конце 1934 г. и начале 1935 г. приводили многочисленные факты недопустимого отношения к детям со стороны школы, детдомов, семьи, общественных организаций, комсомола, сообщали о преступлениях детей, которые оставались безнаказанными, а потому не прекращались, и требовали ликвидации этих позорных наследий капиталистического прошлого. Органы юстиции до 1935 г. оказались в стороне от активной борьбы с детской преступностью, считая, что это дело одних лишь комнесов.

Поэтому, когда 7 апреля 1935 г. с изданием закона о мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних было решено передать дела о наиболее серьезных и часто встречающихся преступлениях несовершеннолетних в возрасте от 12 лет на рассмотрение судов, последние, как и органы расследования и прокуратуры, стали перед совершенно новыми для них задачами и трудностями. Специфический характер этих дел требовал выделения особых работников, которые могли бы специализироваться в этой новой области работы органов юстиции.

Инициатива в этом вопросе была в руках Прокуратуры Союза ССР. Еще до издания закона 7 апреля 1935 г., 17 марта 1935 г. на совещании работников прокуратуры, милиции, суда, комнесов, научных и общественных организаций, ведущих борьбу с детской преступностью, созванном Прокуратурой Союза ССР, выявилась необходимость решительной перестройки работы органов прокуратуры, суда и милиции. 22 марта оперативное совещание при Прокуроре Союза ССР наметило ряд конкретных мероприятий в этом направлении, причем тут же было решено выделить как при Прокуроре Союза ССР так и при республиканских, краевых и областных прокурорах специальных прокуроров по делам о несовершеннолетних. В циркуляре Прокурора СССР от 31 марта 1935 г. все эти мероприятия были сообщены местам для исполнения. Позднее, после издания законов 7 апреля и 31 мая 1935 г., в циркуляре от 21 июля 1935 г. («Соц. законность» № 9 за 1935 г.) Прокурор Союза ССР предложил прокурорам республики, краев и областей в целях повышения качества расследования по делам о

несовершеннолетних выделить специальных следователей во всех крупных городах и фабрично-заводских центрах.

Указания Прокурора Союза ССР о выделении специальных прокуроров и следователей по делам несовершеннолетних, а также о конкретных мерах к улучшению работы в этой области дали повсеместное оживление и активизацию борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и преступностью. Прокуроры по делам несовершеннолетних, особенно в столицах и крупных городах СССР, сумели быстро мобилизовать внимание всех работников, ведущих борьбу с детской преступностью, вокруг трудностей и недостатков в этой работе. Они связались с органами Наркомпрора, профсоюзов, комсомола, секциями советов и провели большую и полезную деятельность, приобретая одновременно опыт и навыки в незнакомой им до сего времени области работы. Однако далеко не везде было правильно понято и проведено в жизнь предложение о том, чтобы определенные прокуроры и следователи занимались делами о несовершеннолетних. Многие руководители республиканских краевых и областных прокуратур поняли это дело как очередную кампанию — выделили людей, те поработали немного, написали отчетный доклад, циркуляр и «хватит».

Достаточно сказать, что в Прокуратуре РСФСР за два года действия закона 7 апреля 1935 г. сменилось четыре прокурора, которые попеременно занимались делами о несовершеннолетних. Какое же может быть в подобном случае приобретение опыта и квалификации со стороны этих прокуроров, которые без нужды перемещаются из отдела в отдел, не успев нигде как следует поработать? Только неумением правильно организовать работу и расставить силы можно объяснить такое положение, когда так часто меняют людей, перемещают их без крайней необходимости, искусственно создают текучесть в аппарате, не дают работникам специализироваться, полюбить свою работу, понимая все ее тонкости и цену ее результаты. В Прокуратуре Союза ССР также к моменту издания закона 7 апреля 1935 г. не было ни одного работника, знакомого с вопросами борьбы с преступностью среди несовершеннолетних. Однако так как работа эта была выделена и возложена на определенное прокурора, состоящего при Прокуроре СССР, это дало возможность указанному прокурору овладеть предметом и стать специалистом в своей области. Нередко приходится слышать от руководителей местных органов прокуратуры о том, что нехватает у них квалифицированных работников, однако, далеко не все эти руководящие работники умеют выращивать у себя квалифицированные кадры простейшим путем, путем закрепления их в определенном месте, определенной отрасли и

дачи им возможности специализироваться, приобрести опыт и знания.

Объем работы прокуроров по делам несовершеннолетних в различных местах весьма различен; в то время как в г. Москве специальный отдел прокуратуры по борьбе с преступностью среди несовершеннолетних, имея трех работников, едва справляется с делами несовершеннолетних, и то не всех, а лишь в возрасте от 12 до 16 лет (а не до 18 лет, как это должно было быть), в Воронежской, Курской и целом ряде других областей и краев работы нехватает даже на одного работника прокуратуры. Тем не менее специализация необходима, так как необходимо знание особенностей этих дел, умение обращаться с детьми, допрашивать их и т. д. Расследования дел о несовершеннолетних имеют свои особые трудности. Эти дела сплошь и рядом оказываются более сложными, чем аналогичные дела о взрослых, например, дела о кражах, когда дети отказываются выдавать соучастников, боятся сказать, кто из взрослых преступников является подстрекателем, путают следствие оговорами, признаниями и т. д., несмотря на то, что эти дела во многих случаях должны были бы быть предметом расследования наиболее квалифицированных следователей, далеко не во всех органах прокуратуры крупных городов и фабрично-заводских центрах имеются специально выделенные для этого следователи. Вопросу выращивания специальных следователей по делам несовершеннолетних уделяется еще меньше внимания, чем вопросу о прокурорах по делам несовершеннолетних. Московская и Ленинградская прокуратуры, ссылаясь на то, что милиция имеет специальные бригады, ведущие расследование дел о несовершеннолетних, почти не принимают к своему производству дел для предварительного расследования силами следователей. На Украине же и в некоторых областях и краях РСФСР дела о несовершеннолетних, как правило, расследуются народным следователем или же после расследования милицией проходят через прокуратуру для выполнения необходимых следственных действий со стороны народных следователей.

Общее количество дел о несовершеннолетних, расследуемых следственным аппаратом прокуратуры, увеличивается в 1936 г. до 30—35%. Таким образом процент дел, расследуемых милицией, все еще довольно высок. Однако надо иметь в виду, что в таких городах, как Ленинград, Москва, это расследование со стороны милиции ведется опытными работниками, знающими детскую преступность и условия борьбы с ней.

Тем не менее плохое качество расследования дел продолжает иметь место и до сих пор, особенно в тех случаях, когда это расследование поручается милицией неопытным работникам ее, а прокуроры не наблюдают за ходом и правильным ведением следствия.

Количество дел, которые были расследованы милицией, а затем прекращены производством, равняется 20% всех дел о несовершеннолетних, расследованных милицией (в то время как тот же процент по делам, расследованным следователями, равен 12%). Кроме того, цифры показывают, что расследование

дел в органах милиции ведется значительно медленнее, чем в органах прокуратуры. Сводные показатели за I полугодие 1936 г. говорят о том, что в органах милиции 35% всех дел расследуются в сроки свыше месяца, в то время как следователи ведут следствие свыше месяца только по 18% дел.

Прокуратура Азово-Черноморского края в своем докладе сообщает о том, что к началу 1936 г. больше половины всех дел о несовершеннолетних расследовалось милицией; в результате брак в работе был равен 53%. К концу же 1936 г. почти 3/4 всех этих дел расследовалось уже следователями, и процент брака сократился до 15—18%.

Недостаточный процент дел, расследование которых ведется следователями по делам несовершеннолетних, частично возмещается тем, что, как правило, повсюду дела направляются в суд не иначе, как по утверждению обвинительных заключений прокурорами по делам несовершеннолетних. Однако это необходимое мероприятие так же, как и участие прокурора по всем делам в подготовительных заседаниях суда, во многих случаях оказывается запоздалым, прокурорам не удается своевременно замечать и устранять недостатки расследования. Характерно в этом отношении дело о преступлениях в Московском центральном детском кино, о котором писала «Правда» в декабре 1936 г. Суть этого дела заключалась в том, что вследствие безобразного отношения к внешкольной воспитательной работе с детьми, вследствие явного попустительства администрации кино к хулиганскому поведению некоторых детей в кино, оно было в течение нескольких месяцев превращено из прекрасного культурно-воспитательного учреждения для детей в место массового детского хулиганства и других преступлений. Расследование этих преступлений было начато милицией лишь после сигналов «Правды». Быстрыми темпами проведенное расследование все же продолжалось больше месяца, к уголовной ответственности был привлечен за злостное хулиганство ряд несовершеннолетних, и дело было направлено на рассмотрение суда. И вот только на суде, после четырехдневного рассмотрения дела, после допроса нескольких десятков свидетелей выяснилось, что дело не доследовано, что не привлечены к ответственности трое лиц, о которых обвиняемые и свидетели говорили, что они были организаторами хулиганства в детском кино. Прокуратура г. Москвы, допустившая до суда недоследованное дело, имеющее политическое значение, исходя из соображений быстроты применения репрессии, игнорировала вопросы полноты и качества расследования. В результате оказалось, что дело было передано на доследование и еще более затянулось рассмотрением, чем если бы прокуратура вовремя исправила ошибки органов расследования надлежащим надзором за ними.

В городе Элиста (Калмыцкая АССР) несколько несовершеннолетних в течение ряда месяцев совершали кражи со взломом из ларьков магазинов и т. д.

Расследование было начато в ноябре 1936 г. Велось оно различными работниками милиции без всякого надзора со стороны прокуратуры

до января 1937 г., а несовершеннолетние тем временем продолжали совершать все новые и новые кражи. Несмотря на длительность расследования, милиция не установила действительных причин совершения краж указанными детьми (которым было от 10 до 13 лет), условий их жизни и воспитания, обстановки обучения и поведения их в школе. Четыре работника милиции по несколько раз допрашивали несовершеннолетних, а возраст привлеченных был установлен только в конце расследования, когда стало ясно, что часть из них неправильно привлечена к ответственности, и потому дело в отношении их было прекращено. Прокуратура установила эти ошибки и недочеты расследования только через два месяца после начала расследования и вместо того, чтобы самой немедленно исправить ошибки милиции и направить дело в суд в отношении лиц, достигших 12-летнего возраста, направила вновь дело в милицию, вступила с нею в пререкания и еще больше задержала окончание расследования.

Участие прокурора в подготовительных заседаниях народного суда по делам несовершеннолетних в начале 1936 г. было, несмотря на циркуляр Прокурора СССР от 21 июля 1935 г., явно недостаточно: по данным статистики РСФСР — только по 35—40% дел. В настоящее время этот процент, судя по сообщениям ряда республик, краев и областей, резко поднялся. Так, например, по Москве, Ленинграду, Харькову, Ростову и другим городам прокурор по делам несовершеннолетних участвует в подготовительных заседаниях суда почти по всем делам. Значительно меньше участие прокуроров и общественных обвинителей в судебных заседаниях по делам несовершеннолетних — 15%. Многие прокуроры считают, что их роль в суде заканчивается участием в подготовительном заседании. Внешняя простота дел о несовершеннолетних (главным образом кражи) приводит их к выводу, что участие прокуратуры в суде излишне, что суд вместе с защитой разберется в деле. Это, конечно, неправильно и нередко приводит к тому, что суды под впечатлением поведения несовершеннолетних на судебном заседании выносят им неосновательные оправдательные или чрезвычайно мягкие

приговоры (условные приговоры до сих пор еще в ряде мест составляют 30—40% всех выносимых народными судами приговоров), отрицательное значение которых особо важно по делам несовершеннолетних. Если прибавить к этому, что количество протестов, внесенных прокурорами, не больше 20% дел, рассмотренных ими в порядке надзора (последних также всего 20% из всех дел о несовершеннолетних), будет очевидно, что судебный надзор прокуратуры по делам несовершеннолетних недостаточен и мало эффективен. Возьмем к примеру дела о хулиганстве с поножовщиной. В конце 1936 г. в некоторых местах, например, в г. Москве было отмечено несколько случаев этих преступлений с серьезными последствиями. Вместо того, чтобы от начала расследования и до конца рассмотрения этих дел в суде принять участие в них и добиться применения жестких мер репрессии в целях быстрой ликвидации подобных преступлений, прокуратура допустила применение целого ряда условных и других мягких мер наказаний к этим хулиганам, а затем внесла ряд протестов по указанным делам в вышестоящие судебные органы. Само собой понятно, что и профилактическое значение работы прокуратуры в этих случаях явно ослабляется. Мы здесь не останавливаемся уже на вопросе о воспитательном значении процесса по делам несовершеннолетних, а следовательно и на роли прокурора, выступающего в этом процессе в качестве государственного обвинителя. Это значение процесса и серьезная роль прокурора в нем немало разъяснялись; а по делам о несовершеннолетних они еще более существенны, так как в суде по этим делам обычно бывает много родителей, для которых каждый процесс имеет весьма поучительное значение.

Эти недостатки в работе прокуратуры по делам несовершеннолетних, имеющая иногда место недооценка этих дел, кампанейское отношение к ним, отсутствие систематического контроля со стороны республиканских и областных прокуратур за исполнением указаний Прокурора СССР о мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних до сих пор еще продолжают мешать правильной организации работы, быстрой ликвидации преступлений несовершеннолетних.

Б. УТЕВСКИЙ

Преступность детей и молодежи в капиталистических странах

Продиктованные величайшей заботой о детях и глубоким интересом к их судьбе высказывания Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина о детской беспорядности и преступности в капиталистических странах дают возможность установить закономерности, которым подчинено развитие детской преступности в капиталистических странах, и понять неизбежную в условиях капиталистического общества обреченность пролетарских детей и

молодежи на нищету, нужду, безработицу, физическое и моральное вырождение, беспорядность и преступность.

Маркс и Энгельс не раз останавливались на преступности детей и молодежи в капиталистических странах. В «Капитале» и «Положении рабочего класса в Англии», в статье «Образцовое государство Бельгия» они показали, как ход развития капитализма неизбежно приводит к прогрессирующему ухудшению

положения трудящихся масс, как губительно это ухудшение отражается на детях и молодежи, бросаемых под «колесницу Джагернута — капитала», — этой «капитализированной крови детей» (Маркс), и осуждает определенную часть молодежи на совершение преступлений.

Товарищ Сталин, указав в докладе на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7 января 1933 г., что в «США и во Франции совершенно отсутствуют или почти отсутствуют какие бы то ни было формы страхования безработных, в виду чего колоссально растет число бездомных рабочих и беспризорных детей, особенно в США», установил тем самым зависимость детской беспризорности (а значит и неразрывно связанной с ней детской преступности) от общего положения рабочего класса в капиталистических странах.

Фабричное законодательство, защищающее интересы капиталистов, беспощадная эксплуатация детского труда, ужасающие жилищные условия, полуголодное или голодное существование детей и молодежи, невозможность получить хотя бы элементарное образование, политическое бесправие — все эти условия жизни пролетарских детей и молодежи, гонящие их на беспризорность и преступность, неразрывно связаны с капитализмом, им порождаются и только вместе с ним могут быть уничтожены.

Даже официальная статистика несовершеннолетних в эпоху империализма полностью это подтверждает. Эпоха империализма — это, как известно, эпоха «скачкообразного» и конфликтного развития капитализма» (программа Коминтерна). Это скачкообразное развитие вело к неравномерности и скачкообразности в процессе ухудшения положения рабочего класса и тесно с ним связанного положения пролетарских детей и молодежи, при неизменной общей тенденции неизбежно прогрессирующего ухудшения этого положения.

Анализ данных официальной уголовной статистики о детской и юношеской преступности на отдельных этапах эпохи империализма и по отдельным странам подтверждает всю правильность устанавливаемых Марксом, Энгельсом, Лениным и Сталиным закономерностей развития в капиталистических странах детской беспризорности и преступности.

Частичные и временные понижения кривой детской и юношеской преступности отнюдь не противоречат этим закономерностям, так как вслед за каждым из этих временных понижений систематически следовал новый подъем. Капитализм неизменно остается самим собой. Законы его развития не дают ему возможности надолго задержать рост детской преступности даже тогда, когда капитализм в интересах самосохранения тратит на это большие усилия и средства.

В период 1871—1914 гг. процесс относительного и абсолютного обнищания масс продолжался. Ухудшилось положение детей и молодежи, и вместе с тем росли их заброшенность, беспризорность и преступность. В Германии число осужденных несовершеннолетних в возрасте 12—18 лет составляло на 100 000 населения 739 в 1901 г. и 764 в 1906 г. После такого подъема число это падало до

1910 г. С 1910 г. начался новый рост: если в 1910 г. было осуждено 51 315 несовершеннолетних, то в 1913 г. их было осуждено уже 54 155. Во Франции детская преступность непрерывно растет до 1900 г., а с 1910 г. приобретает скачкообразный характер. Число осужденных в возрасте до 16 лет с 3975 в 1905 г. доходит до 5089 в 1909 г. В Англии за период 1900—1909 гг. число осужденных несовершеннолетних несколько уменьшилось, что в значительной мере объяснялось введением в 1908 г. закона о детях, сократившего число дел о несовершеннолетних, направляемых в суды. Тем не менее с 1910 г. начинается новое систематическое повышение.

Империалистическая война привела воюющие и нейтральные страны к полному истощению производительных сил, к разорению и обнищанию народных масс, к острой нужде и подлинному голоду населения. В особенности сильно тяжесть войны легла на детей. Война принесла с собою потрясающую картину детских лишений и страданий, в особенности в Австрии и Германии, испытывавших на себе всю тяжесть блокады. Обследование, произведенное к концу войны в школах в г. Вене, установило, что 33,1% всех школьников страдают от сильного недоедания, 32,4% — от недоедания, 10,8% — от недоедания в более слабой степени и только 3% хорошо питаются. Преступность несовершеннолетних росла. Число осужденных несовершеннолетних составляло: 1935 — в 1913 г., 2334 — в 1916 г., 3002 — в 1917 г., 4039 — в 1918 г. и 6025 — в 1918 г., т. е. выросло на 400%.

В Германии, как и в Австрии, к голоду и физическому вырождению детей присоединились во время войны и в последующие годы распад семей, отцы которых были взяты на войну, распад школы, занятость матерей на работе, безнадзорность, беспризорность и рост преступности несовершеннолетних. С 1914 по 1919 гг. преступность несовершеннолетних, по официальным данным, выросла на 100%. На самом же деле рост ее был во много раз большим.

В Англии число осужденных несовершеннолетних с 14 974 в 1914 г. поднялось до 27 397 в 1918 г., т. е. почти на 100%. Во Франции с 1913 по 1918 гг. число несовершеннолетних, обвиняемых в проступках, выросло на 70%. Выросла детская преступность во время войны в США и в нейтральных странах (в Швеции с 180,0 осужденных в возрасте 15—18 лет на 100 000 населения в 1915 г. до 780,1 в 1918 г.).

За войну, которую империалисты вели во имя увеличения своих барышей, больше всего расплачивались дети пролетариата. Они не только погибали от истощения, от туберкулеза, от тяжелых желудочно-кишечных заболеваний, но и десятками тысяч шли в тюрьмы, чтобы там окончательно деклассироваться и пополнить ряды профессиональных преступников.

Период относительной капиталистической стабилизации отличался непрочностью, неравномерностью развития, ростом хронической безработицы. Продолжался в значительной степени голодный кризис, вызванный обнищанием масс и истощением внутренних рынков в результате мировой войны. Ухудшающиеся

положение трудящихся масс и обострение классовых противоречий влекли за собой повышение преступности, хотя и не столь бурное, как непосредственно послевоенный период. Несмотря на расцвет в этот период либеральной тактики буржуазии в области борьбы с детской беспризорностью и преступностью, наряду со скачкообразным движением детской преступности и некоторым понижением в одних странах, наблюдался неуклонный ее рост в других. Понижалась в общем кривая детской преступности в этом периоде в Германии. Во Франции статистика этого периода свидетельствует о скачкообразном росте детской и юношеской преступности. В Италии, хотя и незначительно, но все же преступность несовершеннолетних росла из года в год. Понижилась несколько преступность несовершеннолетних в Англии, но она систематически повышалась в Польше.

Таким образом в некоторых странах, благодаря временному улучшению хозяйственной конъюнктуры, буржуазии удавалось местами добиться незначительного понижения преступности несовершеннолетних. Стоило, однако, разразиться мировому экономическому кризису, и все эти дорогой ценой доставшиеся буржуазии «достижения» пошли на смарку.

Товарищ Сталин в докладе на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7 января 1933 г. нарисовал потрясающую картину положения рабочего класса в странах капитала в годы кризиса: «Посмотрите-ка на капиталистические страны, — говорил товарищ Сталин, — какие ужасы творятся там на почве безработицы. В этих странах имеется теперь не менее 30—40 миллионов безработных. Что это за люди? О них обычно говорят, что это конченные люди. Безработным отказывают в пище, потому что им нечем платить за пищу, им отказывают в крове, потому что им нечем платить за квартиру. Чем и где они живут? Они живут скудными подачками с барского стола, раскатыванием мусорных ящиков, где они находят гнилые остатки пищи, живут в трущобах больших городов, а больше всего в лачужках за городом, наскоро выстроенных безработными из досок от ящиков и древесной коры»¹.

Пролетарские дети и молодежь разделяют судьбу своего класса и платят дань преступности еще в больших размерах, чем их отцы и взрослые братья. Что характеризует в настоящее время жизнь широких слоев трудящейся молодежи?

«Массовая безработица, растущее количество молодежи, никогда не работавшей и вообще не имеющей возможности получить профессию; жестокая эксплуатация занятых на производстве; обнищание крестьянской молодежи; лишение политических прав молодежи и ее прав на культурную жизнь, резкое сокращение возможностей получения как общего, так и специального образования; потеря всякой перспектив; разрушение здорового быта молодежи, рост бродяжничества, проституции и нищеты» (из резолюции VI конгресса КИМ).

Правда, буржуазия, напуганная ростом детской преступности, продолжает в этом периоде принимать меры для ее понижения. В ряде

стран издаются законы о детском суде и специальные «законы о детях». Вопросы детской беспризорности и преступности ставятся на международных конгрессах. Вопросами «охраны детства» занимается Лига наций. В годы кризиса буржуазия особенно энергично тягивает детей в буржуазные и в особенности фашистские, массовые детские и юношеские организации. Одновременно буржуазия усиливает судебную и внесудебную расправу с молодежью, загоняет миллионы молодежи в лагеря трудовой повинности или заставляет ее отбывать принудительную годичную «сельскохозяйственную службу».

В этот период в капиталистических странах не только растет преступность несовершеннолетних и молодежи, но преступность в целом настолько «омолаживается», что проблема преступности становится все более проблемой преступности молодежи.

Рост числа осужденных несовершеннолетних в Англии наглядно рисуется и следующими данными: на 100 000 населения приходилось осужденных несовершеннолетних: в 1929 г. — 288, в 1933 г. — 370.

Несмотря на то, что официальная статистика Германии и фашистские «исследователи» изо всех сил стараются убедить читателей в том, что преступность несовершеннолетних в Германии понижается, имеются все основания утверждать обратное.

Официальные статистические отчеты о судившихся за 1931 и 1932 гг. говорят о том, что преступность несовершеннолетних в Германии понизилась. Однако таблицы возрастного состава осужденных составлены так, что они несравнимы: за 1931 г. приводятся сведения о числе осужденных в возрасте 14—21 г., а за 1932 г. — в возрасте 14—18 лет.

Пытается доказать понижение детской и молодежной преступности в Германии фашистский автор Эрхардт. Однако приводимая им, составленная по официальным материалам, таблица выдает его с головой. Как видно из таблицы, коэффициент преступности несовершеннолетних (повидимому, на 100 000 населения), составлявший в 1931 г. 977, вырос в 1932 г. до 1093, т. е. на 11,9%².

Впрочем, данные официальной статистики вряд ли могут вообще претендовать на точное отражение состояния детской преступности в Германии. Писал же в 1932 г. германский либеральный журнал по охране детства: «Мы имеем круглым счетом миллион несовершеннолетних безработных. Число несовершеннолетних, бродящих по дорогам, оценивается в 200 000. Число юношей и проституток девушек растет. В Берлине ежедневно шатается 100 велосипедов, а в месяц 250 автомобилей. Виновики в преобладающем числе случаев — несовершеннолетние. Число осужденных детскими судами несовершеннолетних давно уже перестало быть масштабом действительного числа правонарушителей»³. Еще более усилилось несоответствие между официальными данными и действительными размерами преступности несо-

¹ Ehrhardt, Zeitschr. f. d. ges. Strafrechtswissenschaft, 1935, H. 5—6, S. 670.

² Zentralblatt f. Jugendrecht und Jugendwohlfahrt, 1932, H. 2.

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10, стр. 500—501.

вершеннолетних после захвата власти фашистами. Большое количество молодежи было вовлечено в штурмовые отряды, совершающие бесчисленные преступления над населением под флагом борьбы с марксистами, коммунистами и евреями. — преступления, которые не только не последуются в уголовном порядке, но даже поощряются, как проявления арийского духа.

Наконец, сотни тысяч юношей загнаны в лагеря трудовой повинности, где преступления — проявления возмущения молодежи, сопротивления и протеста — ликвидируются внутренними мерами и носят скромное название «дисциплинарных проступков», за которыми следуют нигде не учитываемые «дисциплинарные меры», даже легальными достигающие 8 месяцев лишения свободы.

Насколько можно судить по данным тюремной статистики, а эти данные с известными поправками отражают движение преступности, преступность несовершеннолетних в Польше продолжает систематически расти. В общих тюрьмах Польши содержалось несовершеннолетних:

1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
168	853	869	881	899	973	1126	1192

Таким образом, за исключением некоторых случаев временного и частичного снижения, детская и юношеская преступность в годы кризиса и тяжелой депрессии растет не только абсолютно, но и относительно, и удельный вес числа преступлений, совершаемых несовершеннолетними, увеличивается.

Этот процесс сопровождается тесно связанным с ним процессом понижения среднего и низшего возраста несовершеннолетних преступников внутри группы несовершеннолетних. В преступность втягиваются все более юные возрасты, и в отдельных странах среди несовершеннолетних преступников происходит передвижка от старших групп (21—18, 18—16, 16—14) к более молодым (16—10, 10 и ниже).

В тюрьмах США несовершеннолетние в 1933 г. распределялись по возрастам следующим образом¹:

¹) (см. табл. наверху стр. в правой колонке).

1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г. ²
25 49	25,15	24 64	24 90	24,92	24,90	24,82	24,14	23,29

¹ F. Wain r, Juvenil Detention in United States, 1933, P. 106.

В о з р а с т	Мальчики	Девочки
Моложе 5 лет . .	5,7%	10,0%
5—10	11,1%	15 2%
10 лет	5,0%	3 2%
11 "	6 %	3 8%
12 "	9,1%	5,6%
13 "	11 7%	9 1%
14 "	17,7%	13,3%
15 "	19,4%	17,5%
16 "	10,0%	13,1%
17 "	3,9%	6,9%
2) 18 лет и старше	1,0%	2,3%

5,7% мальчиков и 10% девочек, совершающих «преступления» в возрасте моложе 5 лет, разве может быть более разительное даже для капиталистических стран доказательство насильственного понижения возраста несовершеннолетних преступников?!

В Австрии во время войны и в послевоенный период можно уже было явственно проследить передвижку внутри группы несовершеннолетних преступников в сторону наиболее юных возрастов. За период 1912—1920 гг. рост числа детей и молодежи происходил здесь следующим образом:

Число преступников в возрасте 10—14 лет выросло в 18 раз.

Число преступников в возрасте 14—16 лет выросло в 5 раз.

Число преступников в возрасте 16—18 лет выросло в 4 раза¹.

В Англии по последним данным (за 1933 г.) в пределах группы несовершеннолетних до 21 года наибольший коэффициент преступности (на 100 000 населения) дает возраст 14—16 лет.

И, наконец, надо отметить происходящий, параллельно с описанными изменениями в составе детской и юношеской преступности, общий процесс омоложения преступности, т. е. понижения возраста групп населения, дающих наибольший коэффициент преступности.

По данным о среднем возрасте заключенных, поступивших в федеральные тюрьмы г. Нью-Йорка, можно с исключительной отчетливостью проследить понижение из года в год среднего возраста поступивших заключенных. Этот возраст составлял:

¹ Rühle, Das proletarische Kind. S. 110.

² Tufth s, Americas Sozial Morality, 1933, P. 236.

Про 1932 г. американский криминолог Тэфтс пишет, что наиболее криминальным возрастом был 19-летний. К такому же выводу привело изучение в 1932 г. карточек Вашингтонского дактилоскопического бюро, в котором сосредоточиваются материалы со всего США, дающие картину всей преступности США.

По словам отчета о преступности в штате Филадельфия за 1931 г., «взрослые и более молодые преступники исчезают мало-по-малу со скамьи подсудимых, а на их место становятся преступники — почти мальчики»¹. Один из судей в штате Лос-Анжелос указывает, что «возраст преступника с каждым годом все более понижается, и проблема, которой мы заняты, — это в настоящее время почти всецело юношеская проблема»².

Чтобы проследить изменение возрастного состава преступников в других странах, мы пользуемся следующими тремя группами материалов: данными, опубликованными в работе проф. Неклюдова и относящимися к времени до 1865 г., данными, собранными М. Гернетом, Майором и Войтинским, и, наконец, данными о наиболее криминальном возрасте, собранными в 1935 г. проф. Хакером³. Правда, при этом приходится пользоваться не вполне сравнимыми материалами: Неклюдов определял коэффициент преступности разных возрастов в процентах к общему числу осужденных, а остальные авторы — в числе осужденных разных возрастов на 100 000 населения данной страны. Но даже с учетом несоответствия методов измерения выводы получаются достаточно убедительные.

Наиболее криминальный возраст по тем странам, которые можно сравнить по всем трем или по двум группам источников, понижался следующим образом: Австрия до 1865 г. — 30—40 лет, в 1896—1900 гг. — 20—30 лет, в 1900—1912 гг. — 20—25 лет; Бельгия до 1865 г. — 30—40 лет, в 1912 г. — 21—25 лет (мужчин), в 1920 г. — 18—21 год; Германия — 1911 г. — 30—40 лет, в 1929—1931 гг. — 21—30 лет; Дания — в 1891—1896 гг. — 20—25 лет, в 1929—1930 гг. — 18—21 год.

По остальным странам мы не имеем сравнимых показателей, но следующие данные, составленные нами по материалам Хакера, показывают, насколько снизился со времени Неклюдова наиболее криминальный возраст.

В Болгарии наиболее криминальный возраст 17—21 год; в Швеции — 18—21; в Чехословакии — 18—21; в Финляндии 21—25; в Мемеле (обл.) 18—21; в Норвегии 21—25; в Данциге 21—30; в Швейцарии 20—30; в Греции 21—30; в Ирландии 21—30; в Голландии 21—30; в Португалии 21—30; в Венгрии 22—30.

Какой вывод может быть сделан из этих данных? Возраст наибольшей преступности, все более снижаясь, явственно перемещается к 17, 18, 19, 20, 21 годам.

Молодежь, — вот кого капитализм все

более обрекает на преступность, кого он загоняет в залы судебных заседаний и за тюремные решетки.

Этот вывод находится в полном соответствии с положением, установленным в резолюции VI конгресса КИМ: «Жизнь молодого поколения трудящихся в капиталистических странах за последний период неслыханным образом ухудшилась и все больше ухудшается. Молодежь в своем подавляющем большинстве сейчас является жестоко угнетенным, бесправным поколением.

Роста преступности несовершеннолетних в капиталистических странах не могут остановить ни либеральные мероприятия, ни суровая уголовная репрессия.

В эпоху расцвета либерализма писалось много книг и статей и делалось докладов на тему о вреде применения наказаний к детям.

Расцвет этих либеральных теорий сопровождался, однако, казнями несовершеннолетних, каторжными приговорами, переполнением детских тюрем и телесными наказаниями.

В одной только Англии за первые 25 лет XX в. было приговорено к смертной казни 57 лиц в возрасте до 21 года: 48 юношей и 9 девушек¹.

Во Франции в 1896—1910 гг. было приговорено к казни 46 лиц в возрасте от 16 до 20 лет².

Английские суды не останавливаются перед присуждением несовершеннолетних к каторжной тюрьме. В 1925—1926 гг. к «уголовному рабству» (каторжная тюрьма) были приговорены 21 несовершеннолетних³.

За мелкие проступки английские суды шлют детей в тюрьмы и в учреждения для принудительного воспитания. В 1935 г. мальчик 9 лет был отправлен в такое учреждение за то, что он украл детскую коляску, так как его матери, сопровождавшей его из школы, было тяжело нести другого ребенка на руках. Трое детей были посланы в тюрьму за то, что они портили деревья, принадлежащие герцогу Джерсейскому. Мальчик был осужден на 14 дней тюрьмы за кражу яблок. Мальчик был осужден в Эгтингеме к двум месяцам тюрьмы за то, что из рогатки разбил стекло в церкви⁴.

Очень часто дети приговариваются в Англии к тюремному заключению за неуплату штрафа. В течение одного только года за такие «преступления» было отправлено в тюрьму 703 детей. Одна девочка была приговорена к тюремному заключению за то, что не уплатила 12 шиллингов штрафа, наложенного на нее за продажу на улице помидоров в позднее время. Другой мальчик был оштрафован за то, что проехался по тротуару на детской мотоциклетке⁵.

«Более двух тысяч ребят ежегодно отправляются в тюрьмы, — говорил в свое время бывший министр внутренних дел Англии

¹ „Archiv f. Criminologie“, 1932, Н. 5—6. S. 261
² Judge Black, в книге Tufths, American Sozial Morality, 1933, S. 23

³ H. Hacker, Monat chr. f. Krim. Psych. und Str. R., Ref., 1935, Н. I, S. 20. М. yr. Statistik; Гернет, Моральная статистика; Неклюдов — по последней книге М. Гернета.

¹ Hausman, A new way with crime, P. 92.

² Wollinsky, Die Welt in Zahlen, S. 353.

³ Howard Journal 1933, № 4, S. 15.

⁴ „Daily Worker“, 26 апреля 1935 г.

⁵ «Дети в тюрьмах», «Правда» от 6 июня 1935 г.

Джонсон Хикс, — из них многие осуждены за неуплату штрафа»¹.

В США несовершеннолетние, поступившие в 1923 г. в тюрьмы, распределялись по наказаниям, к которым они были приговорены следующим образом: пожизненное заключение — 0,5%; до совершеннолетия — 0,5%; на неопределенные сроки — 21,5%; на определенные сроки — 77,7%; из них: менее чем на один год — 55,3%; на 1 год — 5,1%; на 2—5 лет — 4,9%; на 5 лет и более — 1,7%; неизвестно на какой срок — 10,9%.

В 1929—1930 гг. в государственные и федеральные тюрьмы США для взрослых было направлено 50 детей в возрасте до 14 лет. При этом 5 из них, в возрасте 12 и 14 лет, были приговорены к пожизненному заключению, а один в возрасте 13 лет — на неопределенный срок от 15 лет до пожизненного лишения свободы².

13-летние дети, осужденные к пожизненному заключению, — воображение отказывается представить себе этих несчастных детей!

Среди осужденных к срочному лишению свободы имеется 14-летний мальчик, осужденный к лишению свободы на срок от 1 года до 50 лет.

По данным Эсесерлянда, один из судов США приговорил за год несовершеннолетних: 65 — к тюремному заключению, 40 — к цепной команде (самый страшный из видов каторжных работ, больше 10 лет которых не выдерживают самые крепкие взрослые люди), 12 — к лишению свободы в реформаториях и 1 — в сиротском доме, 156 были оштрафованы, 156 были оправданы и только 51 приговорен к условным наказаниям³.

По данным австрийской уголовной статистики за 1929 г., к безусловному лишению свободы было приговорено 38% несовершеннолетних.

Политика национального угнетения нашла свое отражение и в судебной репрессии по делам о несовершеннолетних. По свидетельству Варнера, негритянские дети чаще помещаются в тюрьмы, чем белые.

«Негритянские дети, — говорит Варнер, — вырываются из своих семей в два с половиною раза больше по сравнению с их долей в общем населении страны. В особенности высок процент негритянских детей в тюрьмах для взрослых. Приблизительно половина всех детей, содержащихся в тюрьмах для взрослых, — это негритянские дети»⁴.

Не менее яркий образчик подчинения судебной политики национальной правле — это известное дело юношей из Скоттсборо, осужденных к смертной казни на основании показаний проститутки, отказавшейся позже от своих показаний. Впрочем, казни юношей негров по суду конкурируют с казнью посред-

ством линчевания. В декабре 1935 г. в Колумбусе (штат Техас) был линчеван 16-летний негр по обвинению в убийстве дочери фермера, которая на самом деле упала с лошади и разбилась. Почти одновременно в Западнoй Виргинии был найден висевший на дереве труп негритянского юноши, облитый керосином и подожженный толпой⁵.

Особое усиление репрессий в отношении несовершеннолетних принес с собою фашистский режим в Германии. В 1935 г. Молленхауэр сообщил, что, в то время, как раньше суды в Германии приговаривали несовершеннолетних, как правило, к тюремному заключению, теперь они не останавливаются перед применением к несовершеннолетним каторжной тюрьмы, и число приговоров несовершеннолетних к наказаниям на длительные сроки, свыше 4 лет, значительно возросло⁶.

Резкое усиление репрессии в Германии подтверждается и повышением среднего срока тюремного заключения несовершеннолетних. С 13 месяцев в 1932 г. этот срок вырос до 22 месяцев в 1935 г.³.

Распространение на несовершеннолетних закона 1934 г. о профессиональных преступниках и подсудности по делам о политических преступлениях «народному» суду несомненно вызовет новое еще большее усиление репрессии по делам о несовершеннолетних.

Приговоры несовершеннолетних к лишению свободы стали вместе с тем выполняться в Германии с каждым годом строже, а применение досрочного освобождения несовершеннолетних стало резко падать. Процент досрочно освобожденных к общему числу всех освобожденных несовершеннолетних, составлявший в 1932 г. 30%, упал в 1933 г. до 25%, а в 1934 г. до 10%⁴.

Однако самое суровое применение германскими фашистами судебной репрессии обледенет перед внесудебным террором в отношении детей. По сведениям, сообщенным польской печатью и воспроизведенным во всей европейской прессе, в Германии в 1934 г. 22 000 несовершеннолетних были помещены в концентрационные лагеря. В 1935 г. число детей, содержащихся в лагерях, выросло до 40 000. Большинство из них в возрасте около 14 лет⁵.

Но мало применения к детям и молодежи казней, каторги и тюрьмы. На них обрушиваются еще и телесные наказания. Кнут, плеть и розга до сих пор не выходят из легального репертуара судебных мер, не говоря о еще более широко применяемых нелегально телесных наказаниях.

До сих пор классической страной сечения детей по приговору суда и без суда, в порядке дисциплинарной меры в тюрьмах, остается Англия.

¹ Godwin, Cain or the future of the crime, P. 63.

² Journal of criminal Law and Criminologie, 1934, P. 17.

³ Sutherland, Principles of Criminologie, 1934, P. 282.

⁴ Warner, Juvenil Detention in United States, P. 147.

⁵ „Daily Worker“ 2/XII 1935.

⁶ Mollehnauer, Zeitschr. f. d. ges. Straf. R. W. s. 1935, H. 5 6, S. 594, 605.

³ Там же, S. 593.

⁴ Там же, S. 607.

⁵ „Daily Worker“, 28/XII 1935.

Либеральничающие английские авторы любят оправдывать сохранение сечения детей фактом уменьшения числа случаев применения судами телесных наказаний. Так, например, Брокуэй указывает, что число приговоров к этой мере, составившее в 1917 г. 4,971, упало в 1924 г. до 607¹.

Однако насколько крепко Англия придерживается сечения детей по суду, видно из того, что попытка отменить в законодательном порядке сечение детей в качестве меры наказания встретила в 1933 г. столь решительное сопротивление со стороны палаты лордов, что перед ним спасовала палата общин, одобрявшая уже было отмену телесных наказаний для детей².

Продолжают до сих пор сечь детей по приговорам судов и в Шотландии. Хотя здесь число случаев сечения одно время уменьшилось, но оно с 1928 г. снова систематически возрастает: было высечено детей по приговорам судов: в 1925 г. — 255; в 1927 г. — 247; в 1928 г. — 127; в 1929 г. — 177; в 1930 г. — 155 и в 1931 г. — 196.

В США по сведениям, сообщенным Зесерляндом, детский суд только в одном штате имеет право приговаривать детей к сечению. В нескольких штатах судьи могут предписывать сечение детей, взамен предания их суду, что мало в сущности меняет дело. Один судья сказал Зесерлянду, что в случаях упорного уклонения детей от посещения школы его метод состоит в следующем: «Сперва прочесть нотацию, потом приказать родителям высечь ребенка, потом направить его в учреждение для принудительного воспитания». Зесерлянд также указывает, что согласно отчету управления учреждениями для принудительного воспитания сечение было применено 4 судами к 121 несовершеннолетним³.

В Германии в числе «воспитательных» мер предусматриваемых законом 1923 г. о детских судах, имеется передача для «исправления» (Zucht) лицу, уполномоченному воспитывать, или в школу. Лист, комментируя это право суда, указывает, что в подобных случаях воспитательное воздействие должно производиться при помощи всех правомерных средств исправления, и прибавляет: «к которым принадлежат и физические наказания»⁴.

Фашистское законодательство Германии не ввело еще по суду физических наказаний для несовершеннолетних. Но оно уже легализовало их в учреждениях для принудительного

воспитания. В тюрьмах избивание несовершеннолетних производится самым безудержным образом без всякой легализации.

Однако, судя по тому, что в германской специальной печати начинают появляться статьи на тему «За и против» телесных наказаний для несовершеннолетних, отвечающие, конечно, на вопрос о целесообразности введения этой меры в положительном смысле, можно ожидать в недалеком времени законодательного оформления широко практикуемого сечения и избивания детей.

Пока же фашистская Германия создает себе печальную славу массовым применением стерилизации детей. Когда печать впервые сообщила об изуверском предложении германского профессора Гейнца, стерилизовать девочек 11—15 лет, оказывая давление на сопротивляющихся родителей, то можно было думать, что голос этого изувера, прикрываемого званием профессора, не встретит сочувствия даже в фашистской Германии. Однако фашисты приступили уже к стерилизации несовершеннолетних, совершающих преступления. Молленхауэр сообщает, что о 500 поступивших в одну из тюрем несовершеннолетних был поставлен вопрос о стерилизации в отношении 15, а в отношении 4 был поставлен еще до их поступления в тюрьму; в отношении 16 ходатайство было удовлетворено⁵.

Но ни система либеральных мероприятий, ни беспощадная репрессия не в состоянии установить действие закономерностей, установленных Марксом и Энгельсом. Капитализм, в силу внутренних, присущих ему противоречий, не может разорвать тот круг нищеты, голода, лишений, безработицы, физического и морального вырождения, который он несет пролетарским детям и юношам.

Анализ положения детей и подростков в современных капиталистических странах показывает, что установленные Марксом и Энгельсом закономерности развития детской и юношеской преступности сохраняют полностью свою силу. При ознакомлении с жизнью, бытом, условиями работы рабочего класса и пролетарских детей и молодежи невольно оживают в памяти картины, нарисованные в «Капитале» и в «Положении рабочего класса в Англии». Капитализм не может улучшить положение рабочего класса. Он может только ухудшить условия его существования и труда. И хотя бы уже по одному этому бессильными оказываются в борьбе с детской преступностью и либеральные и реакционные его мероприятия. Это одно из тех противоречий, с которым капитализм справиться не может

¹ Brockway, A new way with the crime, 1928, P. 63.

² См. у М. Исаева, в «Сборнике по детской преступности в капиталистических странах»

³ Sutherland, Principles of Criminologie, 1934, P. 282.

⁴ Lisst, Lehrbuch, 1927, S. 389.

⁵ Mollenhauer, Zeitschr. f. d. ges. Straf. R. Wiss. 1935, H. 5 и 6, S. 598.

Несовершеннолетние перед судом

(Московская камера)

Описанием данных, полученных в динамике разбора судебного дела, в живой связи с несовершеннолетними обвиняемыми мы делаем попытку дать их облик, рассказать, каковы их интересы.

В этот сложный переходной период, когда из ребенка формируется взрослый человек, когда исчезают особенности первого, но не вполне еще установились особенности второго, интересы подростков очень различаются. Семья, школа, общее окружение, возраст — год и даже полгода — значительно меняют круг и сферу направленности их интересов.

Несмотря на то что ребята в 12 и 13 лет перед судом легко раскрываются, их профиль дается труднее, чем подростков старшего возраста, так как их умственные интересы еще не столь четко дифференцированы.

Двор, улица, витрины ближайшего продуктового магазина, а то и рынок, вокзал, жажда сластей, игры, неумеренное катание на коньках легко конкурируют с намечающимся интересом к книге.

Но над всем этим царит, все побеждает в этом возрасте интерес к кино.

Ваня Л., 12½ лет, оспециализировавшийся на мелких кражах у соседей по квартире, — те утюг из кухни унесет, то просушиваемое белье стянет, а то и горящую керосинку, на которой кипятится молоко, увезет на рынок — несмотря на обилие улик, упорно не признается в совершении краж.

На вопрос судьбы, любит ли смотреть картины в кино, забывшись отвечает:

«Ужас, как люблю кино, на него-то и деньги все свои трачу».

«А где деньги берешь?»

«Да от краж имену».

«Ведь ты, небось, с товарищами делишься?»

«Нет, это те, что по верхам лезят¹, делятся, а я только в своей квартире ворую. На Чапаева всех товарищей со двора кином угощал, да самого своего первого товарища два раза водил».

«А сам сколько раз смотрел Чапаева?»

«Раз 8 или 9».

«Еще что видел?»

«Много картин, да лучше Чапаева нет».

«А почему тебе нравится?»

«Нигде нет такого, как Петька. Я бы за Чапаева тоже погиб».

«Чем же он тебе так нравится?»

«Хорошо умел командовать, чтобы белых бить. Расстреляет, своего не пожалует, если что против дисциплины сделают. У него партизаны все одно, что Красная армия у Ворошилова».

«Кем хочешь быть?»

«Ясно, командиром».

«А ясно ли тебе, что того, кто кражами

занимается, в Красную армию не берут? Там такие не нужны».

«Теперь понимаю, больше воровать не стану».

«А как же с кино?»

«Буду ходить на детские сеансы, мать по 25 коп. дает».

В последнем слове: «Пусть меня из школы не выключают, буду учиться и в кружок планерный запишусь. Дайте условно, чтобы потом, как мне в Красную армию идти, не посчитали, что я судимый. Не только у жильцов, а у матери ничего теперь воровать не буду».

Прошло 1½ года. Проверен. Учится хорошо. Стал пионером.

Большинство наших подсудимых 12- и 13-летнего возраста — это, как они себя представляют, — будущие бойцы, танкисты, красные командиры и детчики. Многие из них интересуются газетой уже не ради одних происшествий.

Военно-испанский мятеж занимает их мысль, и все, как один, отвечают: «Мятежники — это те же фашисты». Это «как у нас в гражданскую войну белые».

«На чьей стороне ты бы сражался?»

«Я мятежников, их генералов, гонял бы».

У подсудимых этого возраста книга занимает еще мало места. Переход от чисто детской книги к подростковой — приключенческой — происходит не сразу. Ослабевает интерес к рассказам из детской жизни, о животных и растениях, но уже определяется влечение к рассказам о военных походах и событиях. Многие же ребята совсем не имеют в своем обиходе книги.

Помимо кино, в этом возрасте мы встречаемся еще с одной страстью — «приваживание голубей».

Любя голубей, зорко охраняя своих, ребята не стесняются в свою голубятню запустить чужих голубей; для покупки еще одной парочки совершить кражу кроликов из соседнего сарая, запертого на замок, а там по дороге «развернуть» и безнадзорную палатку, нет ли в ней чего съестного.

Казалось бы, интерес к голубям — здоровый детский интерес. Что тут родителям препятствовать? А между тем, этот интерес, по самой своей природе влекущий их на улицу, вызывает легкость встреч и знакомств не только с «болтающимися» подростками, но и с деклассированными взрослыми, ловко пользующимися ребятами как орудием для достижения своих преступных целей. Общие походы летом в сараях, бесконтрольность поведения подростков постепенно приводят их к уходу и побегам из дому, не говоря уже о том, что в первую очередь бросается школа.

Каждый побег из дому, как бы краток он ни был, — три, пять, дней, неделя — ведет к

¹ Карманники.

разрыву с семьей, к приобретению антисоциальных навыков, к одичанию, тем более опасному, что побег имеет тенденцию к периодическому повторению.

Голубей «гоняют», голубей «маняют», голубья идет торг.

«По 25 руб. за парочку взял».

Он же, голубь, участвует и в показаниях на суде несовершеннолетнего Гр-ва, 13 с половиной лет, признающего себя виновным в краже на рынке денег у колхозника.

«Почему на рынок попал?»

«А за кормом для своих голубей на Конную ездил».

Тот же Гр-в научил 11-летнего Вилю украсть из портфеля своего приемного отца — кассира — 1200 руб.

По обвинению в растрате этих 1200 руб. отец сидит в тюрьме, так как Виля в милиции упорно не признается, что деньги он из дому унес. На суде по обвинению Гр-ва в краже свидетель Виля говорит: «Я «Рыжего» (кличка Гр-ва) боялся, потому в милиции и не сказал, что я деньги взял. «Рыжий» бы меня избил до смерти. Он к нам в дом ходил, научил меня голубей гонять. Никто так их хорошо не приманивает, как «Рыжий».

На суде выясняется, что и до этой кражи под угрозой Гр-ва Виля совершил кражу у отца 300 руб. и целую неделю после этого скрывался в сарае у «Рыжего».

В школе Гр-в не учится около двух лет, исключен за хулиганство. Дома не питается: «не вкусно». Ест на свои деньги «Спать люблю в сарае». «А что мне родители? Только и знают, что ругать меня». Книг не читает, газетами не интересуется, но «про войну Италии с Абиссинией любит слушать». «Одна только и есть хорошая книга из всех: Робин-Гуда «Роб-Рой», где пишется про грабителя».

А вот подсудимые постарше. Обвиняются по п. «г» ст. 162 УК. Их шестеро, в возрасте от 15 до 18 лет.

Ночью, в канун Октябрьских праздников, они взламывают продуктовый магазин и совершают кражу. Рыба, ящик консервов, головки сыра, четыре ящика вина, сладости, боченок масла выносятся из магазина и прячутся в близлежащем сарае одного из соучастников. Спрятав украденное (с собой захватывают лишь по паре пачек папирос), они двигаются дальше. Шутя и смеясь, попутно «вскрывают» квасную палатку, притом захватывают с собою насос, который кладут в тот же сарай.

«Палатку открыли, потому что захотелось напиться квасу».

«Товар из магазина вынесли: хотели праздник весело встретить».

«На кражу из магазина сговаривались в парадном ходу: их было сначала трое; там же они вместе предварительно и выпили из бутылки; двое к ним «пристали» по дороге, возвращаясь из кино, а к шестому, старшему, работающему на заводе слесарем, все пять пришли за инструментами. Сначала не давал, но соблазненный перспективой «весело праздник встретить», он пошел с ними на «дело».

Все живут в семьях, с родителями. Четверо из них имеют приводы. Один уже условно осужден. Все пьют, курят. На кражи шли «выпивши». Двое не учатся и не работают,

остальные либо учатся в ФЗУ и имеют заработок, либо работают.

Николай П. Не работает, не учится. Ему 15 лет. Исключен из 6 класса за дезорганизацию группы. За 5 месяцев до данного дела той же камерой осужден условно к лишению свободы на 1 год по ст. 162 УК. Родная мать умерла, отношения с мачехой хорошие.

«Пью с год, как из школы ушел, пью, когда деньги есть».

«Почему шел на кражи?»

«Не из нужды, из баловства. Время у меня много свободного было».

«Что государственную собственность из магазина беру — это я знал, но я не расхититель социалистического имущества. Я себя вором не считаю и вором не буду. На себя я не налеюсь. У меня слабая воля, сегодня решаю одно, завтра другое делаю. Прошу направить в коммуну, да только в Болшевскую».

16-летний Сергей Н. Окончил 7 классов, в школе был пионером, работает учеником-слесарем ФЗУ на заводе им. Сталина. Имеет привод.

«Не знаю, что заставило меня воровать. Шел для баловства. Родителям сделал еще хуже, чем себе. Все думал: взрослым стану, буду родителям помогать. Документ себе годом старше сделал, чтобы поскорее на завод поступить: отца жалко — слепой, да и мать стареет. Если бы сознавал хорошо, я бы этого не сделал. Все передумывал, пока сижу под стражей. Думаю, что исправился уже. Но понимаю, что вы мне должны дать тюрьму». Любит читать занимательную физику, химию, вообще про технику.

Из этой же группы 15-летний Т., «приставший», обнаруживает немалую начитанность. Он давно расстался с чтением фантастического. Как он выразился на суде, Жюль Верн «засоряет мозг». Его любимый писатель Горький. «Мать», «Детство», «Супруги Орловы», «Челкаш», «Дело Артамоновых», «Клим Самгин» — все персонажи в его памяти, как живые.

«Я люблю читать жизненное. Люблю театр, если на сцене показывают картины из периода гражданской войны. Люблю «Разгром» Фадеева. Нравится мне Лев Толстой, Тургенев, Лесков, Джек Лондон. Из картин мне больше всего понравилась «Идушка Голозалев», потому что так бывает в жизни, как Шеллерин описывал. Вот уж умел в человека посмотреть! Нравится мне Чапаев».

По день ареста П. был записан в двух библиотеках. Мать жалуется суду, что сын по ночам книги читает. «Хоть бы в библиотеку какую его определить на место: там бы уже удержался, а то из одной мастерской в другую переходит».

Перед судом девушка. 15-летняя М-ва, единственная дочь кустаря-фотографа, живущая в достатке со своим отцом, оспециализировалась на кражах пальто в школах. Действуя по разработанному плану, она являлась из школы в школу, и, рекомендуясь пионервожатой, умело вела деловую беседу с директором, то с комсоргом школы. Физически зрелая, на вид старше своих лет, красивая, приветливая, она к себе легко располагала техничек, которые доверчиво ее пропускали

в раздевалку. Уверенными движениями она надевает лучшее учительское пальто и, никем не останавливаемая, спокойно выходит на улицу. В одних случаях одна, в других совместно с подругой, М-ва «продуктивно» обходит 29 школ.

До первой ее судимости¹ ничего не подозревающий отец после суда особо тщательно старается поуютнее обставить жизнь своей дочери, чтобы она «дома держалась». На старости лет расстается с женой, боясь, что последняя, как мачеха, в его отсутствии может обижать его дочь. Есть у М-вой и родные со стороны покойной матери, где она находит и ласку и заботу о себе.

Мотив ее преступлений: «Быть первой на танцевальных вечерах, платья и туфли иметь лучше всех». Метод ее самозащиты в судебном заседании стоит некоторого внимания. М-ва ходатайствует перед судом о назначении ей государственного защитника. Она требует, чтобы родственники со стороны матери оставили судебный зал, когда она будет давать свои объяснения. Оба ходатайства удовлетворяются. С нею же на скамье подсудимых ее отец, 57 лет, которому предъявлено обвинение по ч. 2 ст. 158 УК.

В назначенном судом защитнике М-ва хочет видеть обвинителя своего отца. «Отец некультурно меня воспитывал, он баловал меня, давал мне большую свободу, ни в чем меня не стеснял. Он скупой: он мне платьев не делал, есть не давал, требовал, чтобы я ему готовила обед».

На суде она всячески старается опорочить своего отца, надеясь на то, что суд на основе ее слов его осудит к лишению свободы. Все же свидетели говорят, что старик только и живет для своей дочери: свежими обоями оклеил стены ее комнаты, красивыми занавесками окна украсил, платья ей заказывал. Видя, что суд склоняется к оправданию отца, что ее поведение в судебном заседании расценивается судом как недостойное, М-ва во время речи отца и его защитника истерически рыдает. Но в этих рыданиях нет ни нотки раскаяния. В последнем слове М-вой суд не услышал ни осознания ею своих преступлений, ни своего поведения. Хочет М-ва быть киноактрисой. Немало усилий должна будет приложить колония, чтобы перевоспитать М-ву для трудовой жизни.

В декабре 1935 г. перед судом прошел Григорий З., 15 лет, убивший свекровь своей тетки, 73-летнюю старуху.

С 10-летнего возраста, т. е. со смерти матери Григорий периодически жил то у отца, то у тетки. 12 лет, самовольно оставив школу, он неожиданно для отца оказывается в провинции у дедушки. Своровав у дедушки золотое кольцо и 70 руб. денег, он приезжает в Москву. Отец определяет Григория в пионердом, но Григорий оттуда скоро совершает побег и оказывается снова у дедушки. Его привозят в Москву, устраивают в школу. Из школы его вскоре исключают за хулиганство и кражу. Отец женится, Гриша начинает жить у тетки, которой отец платит за его содер-

жание. Потихоньку он торгует папиросами, совершает кражи. С помощью отдела народного образования устраивается учеником на кроватной фабрике, бросает ее, переходит на часовую завод, а оттуда уже на трикотажную фабрику. Летом, когда тетка с мужем уезжают из дому, а отец с женой на курорт. Гришу устраивают в комнате у дальнего родственника. Григорий часто навещает свекровь тетки, оставшуюся в квартире вместе с 12-летним внуком. Старуха стирает Григорию белье, подкармливает его, осуждает то время, то пятью рублями. За 2 дня до убийства Григорий оставляет работу. Идет к старухе, но ее внук Геннадий дома. Уходит.

На другой день застает ее одну. При входе в переднюю он увидел рубель, снял его с гардероба и переложил поближе в кухню.

«Я пошел на кухню, старуха за мной. Она всегда за мной следила, как бы я чего не стащил. Старуха вернулась в комнату, я следом за ней, за спиной держу рубель. Первый удар нанес ей сзади по голове. Она бросилась на меня, я ее второй раз ударил. Она умерла. Сразу взялся за пальто Геннадия. Вынул из кармана кошелек, разорвал его, в нем было 23 рубля. Замечал раньше, что деньги клала она в карман пальто. Искал велосипед. Взял с собой ключи, чтобы из гардероба взять костюм, но вспомнил, что Геня должен из школы притти, может меня застичнуть. Слышу стук в дверь, стук повторился, все смолкло. Я тихонько посмотрел. Никого. Я втиснул труп в спальню; оделал это, чтобы меня не заподозрили, думал, что никто не узнает, что я ее убил. Позвонил по телефону в 25 квартиру узнать, нет ли там Геннадия. Думал я взять деньги, а главное, костюм и велосипед».

Сначала хотел кражу совершить, а потом решил перейти на убийство. Обдумывал два дня. Хотел хорошо одеться».

«Вот выучился бы хорошо работать, зарабатывал бы больше, тогда бы и оделся».

«Когда еще выучусь, а денег уже надо».

«Что убийство совершил, перед отцом стыдно, а старуха всегда приставала: «Где был, куда ходишь, учишься жить, денег много не трать»».

По внешнему виду Григорию можно дать 18 лет; высокого роста, плечист, лицо мужественное. В обиходе тихий, к людям глубоко равнодушен, Никого из родных не любит; впрочем говорит, что любит отца. Нет интереса ни к чтению, ни к спорту. Друзей не имеет.

Вот девочки — жертвы эксплуатации взрослых.

13-летняя Зина, по кличке «Седая» ворует вдвоем со своей соседкой по двору 14-летней Ольгой, по кличке «Цыганка». Воруют они уже 2½ года. Обе семьи трудовые, нужды нет. Три месяца назад Зина бросила школу, училась неплохо. «Что объясняют в классе, все понимаю, но уроки мне готовить некогда». Летом Зина исчезает из дому то на 5 дней, то на 8, приходит в чужом платье, без белья.

«Где была?» — плачет мать.

«Там уже меня нет, а если будешь долго

¹ За 3 месяца до этого дела М-ва была по ст. 162 УК осуждена условно той же камерой.

спрашивать, совсем уйду и не увидишь меня больше».

После каждого побега Зина долго к семье не привыкает, ходит молчаливая, угрюмая.

Уже после приговора осужденная к лишению свободы Зина сквозь рыдания откровенно рассказывает своему защитнику о том, что скрывалась у «больших, у которых мужья есть».

«Мы на них только и воруем, они продают наше и живут себе хорошо. Нинка, моя подруга, что давно уже села, правильно меня учила: «Не давайся большим в руки, они нас бросят, а сами спасутся». Вот и Нинка сидит и я сижу, а у «больших» ничего при обыске не нашли, они и на воле. Наш «бан»¹ около самого комонеса, потому и ловить нас было трудно».

Хулиганство, приведшее к убийству.

15-летний Д-н с группой ребят в октябрьский вечер идет на сквер поиграть в «казаки и разбойники». На сквере они уже застают группу подростков, играющих в эту игру. Начиная приставать к играющим, Ссора сопровождается дачей пинков, толчков.

14-летний К. «стукнул» Д-на. Выпльнув, Д-н вынимает из кармана нож, намереваясь ударить противника.

К. отскакивает, удар приходится прямо в прудь рядом стоящему 15-летнему Семенову, никакого участия в ссоре не принимавшему. В ту же ночь Семенов умирает в больнице (удар пришелся в левое легкое и предсердие).

Д-н получил нож в чехле от кинжала в тот же день от товарища по кличке «Раэгильдай». Нож, говорит, выпросил, чтобы «по-настоящему стеречь разбойников». Надоело играть с палками, с кинжалами из палок. «Не думал, что так выйдет, Вышло сгоряча». «Злобы против убитого Семенова не имел, его и не видел, как следует. К-ва я хотел проучить, чтобы не «глотничал».

Д-н ученик — ткач, работает на фабрике окончил 4 класса, бросил школу, так как русский язык «не давался». Мало развит, в семье тихий, но «с товарищами жить не умею».

Дело с «самооговором».

С раннего утра 13-летний Коля Яшкин поджидает на улице судью, которая его уже однажды судила. Судья входит в камеру, Яшкин к ней: «Макарова, я за другого не сяду. Сегодня меня судят». Судья выслушивает Яшкина, узнает, что есть Сергей, 11 лет, «который скажет, как дело было».

Яшкин отправляется за свидетелем. Судья вызывает защитника по делу Яшкина. Выясняется, что Яшкин «взял на себя дело», что деньги в магазине культуры у гражданки вытащил «Сосун». При первом допросе Яшкин так и показал в милиции, но после допроса он чуть живым спасся, так как «Сосун» со своими вечером пришел в клуб, в руках у него была «закладка». «Он грозил, что избьет меня, Сергей прибежал мне это сказать, я черным ходом убежал». «На втором допросе перед очной ставкой «Сосун» скрипел на меня зубами, чтобы никто не видел.

Я сказал, будто я украл у гражданки деньги, на себя взял. По дороге домой «Сосун» говорит мне: «Хорошо, что ты меня спас».

«А вот как обвинилловку прочитал, разошлся, порвал ее и свою рубашку хорошую на себе разорвал. Не хочу за другого сесть, зачем милиция мне поверила!»

(До этого дела Яшкин был осужден условно той же камерой по ст. 162 УК совместно с Гусевым. По частному определению суда района его устроило в школу с обязательством следить за его учебой).

«Как учишься?»

«Учусь на «хорошо» и «отлично». Одно «посредственно» по физкультуре: спину себе в акробатическом кружке наломал».

«Будешь продолжать учиться?»

«Буду, пока не выгонят».

«Значит, плохо себя ведешь?»

«Нет, не потому: скоро выгонят, у нас только 4 класса».

«Не воруешь больше?»

«Если бы Гусева тогда не посадили, я, может, и теперь бы еще воровал, а если бы я с ним летом не ходил по карманам, я был бы уже в 5 классе. Очень меня на музыку тянет. Мне сам директор скрипку купил, я в музыкальном кружке почти что первый. Я еще и красками хорошо рисую. Читать люблю — больше про белых и красных, только, когда белые берут верх, у меня слезы высккивают. Люблю еще читать про великих людей».

Комсорг 418 школы подтвердил на суде, что Яшкин занимается по предмету успешно, что, учтя его музыкальную одаренность, из школьных средств ему купили скрипку, что способности к музыке и живописи у него незаурядные. Отец у Яшкина пять лет назад умер, в семье пятеро детей, все воспитываются на заработок матери, неквалифицированной работницы.

Из всех развлечений первое место у наших подростков занимает кино. Оно привлекает потому, «что там много действий показывается», «что там все лучше и интереснее, чем дома, и на улице»; «что там показывают все, что творится на свете». За ним идет цирк, театр. Спорт во всех его видах, игры зачастую принимают неумеренные формы. Почти отсутствует интерес к книге естественнонаучного содержания и к научной книге. Огромен интерес к военным походам и событиям, к жизнеописанию знаменитых людей. Очень интересуют наших подростков всех возрастов литературное изображение периода нашей гражданской войны. Вообще плохо записывая авторов, они все же всегда называют Фурманова, Фадеева, Шолохова и Острожского как своих любимых авторов героики гражданской войны. Классиков читают только старшие возрасты, и то немного. Горького «Мать», «Детство» знают почти все. Книги же о приключениях, путешествиях, об особенных людях (в том числе о героях-разбойниках и жуликах) — любимые книги.

Поэтических произведений они совсем не знают. «Пионерская правда», центральные газеты интересуют, но только определенные отделы.

Такова примерно сфера умственных и иных

¹ Сборище воров.

интересов мальчиков. Интересы же девочек, оторвавшихся от семьи, домовитости, проводящих время на улице, в магазинах, на рынках, носят на себе печать значительной скудности.

Свойственное ребятам критического переходного возраста стремление к предприимчивости, движению, деятельности, риску легко может вылиться в отрицательные формы: в распыленные энергии, порывы на недозволенное, на преступления. Их стремлениям должен быть дан здоровый исход: к общественному строительству, к познанию, к подготовке к профессии.

Оздоровление семьи с созданием нормальных взаимоотношений родителей друг с другом и с детьми; правильно построенный школьный коллектив, организующий поведение своих школьников; своевременное внимание школы через комсорга, классного руководителя к окружающей среде, в которой несовершеннолетний находится во внешкольной жизни; активное вовлечение рабочих подростков в ряд организаций — все это профилактические пути к искоренению и ликвидации преступности в нашей детской среде, в большинстве своей здоровой.

Организация широкой сети клубов, игровых площадок, домов культуры, лекториев для школьников и рабочих-подростков, повсеместная массовая пропаганда идеи оздоровления семейно-бытовых условий среди родителей на предприятиях, новостройках, в рабочих казармах, жактах, общежитиях и т. п. — неотложная задача сегодняшнего дня.

Опыт же двухлетнего применения закона 7 апреля 1935 г. о мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних и их пособниками на огромном количестве дел убеждает нас, практиков этого участка работы, как в своевременности издания этого закона, так и в реально ощущаемой благотворности его результатов.

Изъятие по судебному приговору одного, другого глубоко разложившегося подростка незамедлительно дает эффект. Очищается, буквально, оздоравливается не только двор, близлежащий сквер, улица, но часто и школа начинает жить по-другому.

А если одновременно изымается ведущая группа хулиганов, срывщиков серег, беретов, сумок, чемоданов и т. п., то даже целый район громадной Москвы становится благополучным.

По ряду дел камеры проходят свидетели — несовершеннолетние.

Близкие товарищи обвиняемых, они же «очевидцы» преступных фактов и событий, вызванные в суд как свидетели, они довольно четко уясняют себе последствия дальнейшего «делового» содружества с подсудимыми.

Их реплики в судебном заседании зачастую такие:

«Сам я ничего не делал, я только глядел, как они шарили по карманам.

Вот, если бы я с ними «в деле» был, знаю, что мне тогда с ними сесть.

У меня не только эти товарищи, у меня хорошие есть, теперь я только с хорошими буду водиться.

Понимаю, что другой раз это мне не сойдеть».

Свидетель, 11½ лет, по делу о хулиганстве и кражах:

«Мне скоро 12 лет, знаю, что на меня тогда уже не посмотрят».

Много «условников» пропустила камера за эти два года применения закона.

Большинство из них благополучно заканчивают свой «испытательный срок», продолжают учиться в школах, работают на предприятиях, объявляются стахановцами по цехам.

По взрослым же преступникам, пользующимся подростками как орудием для достижения своих преступных целей, по притоносодержателям, извлекающим наживу из преступлений детей, сокрушительный удар нанесен второй частью этого закона.

Небезынтересно отметить, что под обложками дел, заведенных судом по обвинению по второй части закона, нашли свой приют дела комонесов в качестве приложений к следственному материалу.

Дела комонеса пестрят заголовками:

«Развращающая пьянка родителей».

«Укрывательство подростков».

«Притоносодержательство несовершеннолетних».

Эти «развращающие детей лица» в течение целого ряда лет состояли под наблюдением районных комонесов, их «дела» обсуждались по 5—6 раз, выносились многократно «постановления», а разложение ими подростков беспрепятственно шло все дальше и глубже.

Ныне, силою закона, эти родители и постоянные изъятые в тюрьмы.

На борьбу с преступностью детей, на принятие решительных мер к ее искоренению и ликвидации победно нас ведет закон 7 апреля 1935 г.

Основные вопросы советской судебно-психиатрической экспертизы¹

Права эксперта

После всенародного обсуждения принятая чрезвычайным VIII съездом советов Сталинская Конституция фиксирует и закрепляет в основном законе огромные завоевания нашей страны в победоносном строительстве социализма.

В стране победившего социализма граждане пользуются правами, которых не знает ни одна страна в мире, которые возможны только в социалистическом обществе.

По Сталинской Конституции суд избирается всем населением СССР на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Это высоко поднимает авторитет советского суда, повышает его ответственность, требует от суда четкой, вдумчивой и качественно высокой судебной работы.

Внимание, какое уделяется партией и правительством личности, так ярко отраженное в Сталинской Конституции, и то значение, которое приобретает охрана личности на суде, обязывает нас, судебных психиатров, еще с большим вниманием и чувством большей ответственности относиться к сложным и ответственным задачам судебно-психиатрической экспертизы.

Задачи судебно-психиатрической экспертизы

Как суд и следственные органы, так и места лишения свободы, обращаясь к психиатру-эксперту, требуют от него прежде всего достоверного и с научной точки зрения обоснованного заключения о психическом состоянии обвиняемого или осужденного. На основании этого заключения органами юстиции решается дальнейшая судьба подэкспертного.

К эксперту-психиатру советские органы юстиции предъявляют вместе с тем и другое не менее важное требование — дать в своем заключении конкретные и определенные указания о наиболее целесообразных практических мероприятиях в отношении подэкспертных, признанных нуждающимися в применении к ним мер медицинского характера. Решение экспертом-психиатром обеих указанных задач должно быть дано в соответствии с основными положениями советской уголовной и исправительно-трудовой политики. Лишь в этом случае психиатрическая экспертиза действительно может оказать реальную помощь суду, следственным органам и местам лишения свободы.

«Понимание всех особенностей нашей советской системы уголовной политики, — говорит т. Крыленко², — является необходимой предпосылкой для того, чтобы судебный психиатр правильно давал ответ на поставленный перед ним в экспертизе вопрос об ответственности. Психиатр должен знать и понимать характер всех мер государственного принуждения, которые могут быть применены к осужденному».

Ни в одной из капиталистических стран эксперту не предоставлено столько прав, как в советском государстве. Эти права вытекают из общего положения экспертизы по советскому УПК.

Права и обязанности экспертов регулируются ст.ст. 171, 275, 172, 173, 298, 212, 65, 88, 64, 92, 95 и 121 УПК РСФСР.

Очень важным условием для производства экспертизы является право советских психиатров-экспертов знакомиться с следственным делом¹. Без знания характера, условий и обстановки совершенного преступления и всех особенностей поведения преступника эксперт-психиатр не может дать полной всесторонней экспертизы. Законодательство наше предоставляет эксперту право отказаться от дачи заключения, если предоставленных для ознакомления материалов окажется недостаточно². Да и сами судебно-следственные органы, будучи заинтересованы в качестве экспертизы, стараются предоставлять эксперту-психиатру возможно более исчерпывающий объективный материал.

Эксперт-психиатр имеет право присутствовать на судебном заседании во время слушания дела, причем присутствие эксперта на суде возможно в течение всего судебного процесса³. Опыт Института судебной психиатрии, имеющего все условия для тщательного изучения подэкспертных, показывает, что все же бывают такие случаи, когда ввиду недостаточной полноты следственного материала можно сделать заключение о психическом состоянии подэкспертного только во время судебного заседания.

Предоставленные советским законом права дают возможность психиатру-эксперту наилучшим образом выполнять свое назначение. Это исключительно благоприятное положение эксперта в советском суде выступает особенно отчетливо при сравнении с тем, что имело место в царской России.

Положение эксперта в царской России было исключительно бесправным.

В царском уголовном законодательстве не было точных и определенных указаний на условия и порядок проведения психиатрической экспертизы. Вопросы вызова эксперта-психиатра судебным следователем, ознакомления эксперта с судебно-следственным материалом, вопрос о помещении подэкспертного на испытание в психиатрическое учреждение, вопрос о порядке освидетельствования обвиняемого в распрямительном заседании, вопрос о присутствии экспертов в судебном заседании и т. п. — все эти вопросы в дореволюционной России разрешались на практике в разных местах и судах, а иногда и в одном и том же суде по-разному, в зависимости от характера престу-

¹ Ст. 171 УПК.

² Примечание к ст. 171 УПК.

³ Ст. 275 УПК.

¹ Статья представляет литературную обработку доклада на I всесоюзном судебно-психиатрическом совещании 22 декабря 1936 г.

² Речь т. Крыленко на I всесоюзном совещании по судебной психиатрии 22 декабря 1936 г.

пленя и от классового лица обвиняемого. Эти суды в нужных царизму случаях могли свести на-нет всю экспертизу.

Окружные суды отказывали экспертам в ознакомлении с судебно-следственным материалом даже при производстве сложных стационарных экспертиз. О возможности присутствия эксперта на суде суд в каждом отдельном случае вопрос обсуждал. Посылка подэкспертного на стационарную экспертизу обычно обставлялась исключительными трудностями и т. п.

Законодательство и организационные формы судебно-психиатрической экспертизы

Для производства судебно-психиатрической экспертизы советским законодательством созданы наиболее благоприятные условия.

Советская судебно-психиатрическая экспертиза уже с первых лет Октябрьской революции пошла по новым путям, неизвестным ни дореволюционной России, ни современным буржуазным государствам. Уже в первой половине 1919 г. для надзора и обнаружения душевнобольных в местах заключения Мосздравотделом были введены врачи-психиатры мест заключения (при медицинской инспекции мест заключения). Эти психиатры вели в местах заключения амбулаторный прием: осматривая на месте подозрительных по душевным заболеваниям заключенных, отбирали тех из них, которые обнаруживали признаки психической болезни, и направляли их в специально организованное для этой цели в 1919 г. психиатрическое отделение при Московской губернской тюремной больнице.

Посылка на стационарную экспертизу еще до издания первого советского Уголовно-процессуального кодекса (1932 г.) была предусмотрена в «Положении о психиатрической экспертизе», утвержденном Наркомздравом 8 мая 1919 г. В примечании 1 к п. «г» § 2 Положение указывало, что: «на основании заключения врачей-экспертов, подозреваемые в расстройстве умственных способностей помещаются в случае надобности в специальные лечебные заведения для испытания».

Стационарная психиатрическая экспертиза вводится в первый советский Уголовно-процессуальный кодекс (1923 г.). Ст. 199 этого кодекса указывает, если «суд в распорядительном заседании признает, что имеющиеся данные недостаточны для суждения о психическом состоянии обвиняемого, он может вынести определение о помещении обвиняемого для наблюдения в соответствующее лечебное заведение, о чем соответствующее ходатайство может быть возбуждено и следователем».

В действующем УПК (ст. 203) право помещения на стационарную экспертизу дается не только суду, но и следственным органам.

Как первый советский УПК, так и действующий, указывая о направлении на стационарную экспертизу, говорят о «соответствующем лечебном учреждении». То же предусматривалось и в инструкции «об организации психиатрического надзора в местах заключения», утвержденной Наркомздравом, Наркомздравом, Наркомвнутделом и ВЧК 27 июля 1921 г. В § 3 этой инструкции прямо указывалось, что: «для содержания испытуемых и психически больных

заключенных, выяснения характера заболевания первых и дальнейшей судьбы вторых организируются психиатрические отделения при тюремных больницах или, при отсутствии таковых, соответствующие отделения при губернских психиатрических больницах».

Уже в 1921 г. предусматривалась организация специальных отделений для производства психиатрической экспертизы. В 1924 г. Наркомздрав, НКЮ и НКВД издали правила содержания душевнобольных и испытуемых в специальных институтах судебно-психиатрической экспертизы. В § 1 этих правил указывается основное назначение этих институтов: «испытание обвиняемых, числящихся за судебно-следственными органами, а также и лишенных свободы, отбывающих назначенное им по суду наказание».

Инструкция НКЮ, НКВД и НКЗ 1924 г. «о содержании душевнобольных и испытуемых в специальных институтах судебно-психиатрической экспертизы» дает указания, как должно проходить направление на экспертизу, как она проводится, состав комиссии и т. п.

Таким образом в области законодательства о судебно-психиатрической экспертизе и ее организации мы уже в первые годы после Октябрьской революции пошли своими новыми путями, неизвестными ни дореволюционной России, ни буржуазным странам. Этого нельзя сказать в отношении основных принципов судебно-психиатрических оценок в нашей практике. Здесь еще значительное время было сильно влияние буржуазных теорий.

Основные критерии судебно-психиатрических оценок

Теоретические положения судебной психиатрии, сложившиеся под влиянием западноевропейской науки, с ее тенденцией к биологизации человеческой личности и ее поведения, имели своим последствием ряд ошибок в нашей судебно-психиатрической практике. Исходное положение антропологической школы уголовного права о врожденном предрасположении к преступлениям, будучи перенесено в область судебной психиатрии, со всей последовательностью приводило к установлению связи между предрасположением к преступлению и биологическим особенностям личности. Эти ломброзианские идеи нашли свое отражение в первом положении об Институте им. Сербского (1922 г.). Институтом намечено было изучать вопросы об отношении между психической конституцией и типом преступника «наследственные факторы преступления» и т. п. В работах Московского кабинета по изучению личности преступника и преступности и в подобных кабинетах в Ростове, Тбилиси и др. еще сильнее сказались влияние ломброзианства.

Научные работы Института им. Сербского в первые годы его существования шли, главным образом, в направлении разработки вопросов психиатрической клиники и мало касались теоретических вопросов судебной психиатрии. Все это отражалось в первые годы работы института на его практике. Огромный процент испытуемых признавался невменяемым, и те сдвиги, которые мы имели в период 1923—1928 гг. по линии судебно-психиатрических

оценок, являлись результатом проверки опыта экспертной работы института.

Попытки классово враждебных элементов укрыться от суда путем избращения той или иной формы психической болезни требуют от экспертизы и эксперта особой бдительности и осторожности в решениях вопроса вменяемости и невменяемости. Эти ответственные задачи требуют от советских экспертов-психиатров не только высокого уровня теоретической и клинической подготовки, вооружающей его в борьбе с враждебными и чуждыми теориями (биологизация, неоломброзианство), но и специального судебно-психиатрического опыта. Судебно-психиатрическое заключение наряду с психиатрическим диагнозом требует и оценки вменяемости, установление психиатрического диагноза еще не предвещает вопроса о вменяемости. И хотя не всегда та или иная диагностика влечет за собой определенное решение вопроса о вменяемости, но правильная диагностика позволяет глубже оценить имеющееся налицо болезненное состояние и предсказать его вероятное течение и исход.

Пронсходящий в настоящее время в клинической психиатрии пересмотр критериев, служащих основанием для постановки диагноза, особенное значение приобретает в судебной психиатрии, так как здесь еще меньше согласованности и единства в подходе к судебно-психиатрическим оценкам. В диагностическом отношении контингенты испытуемых, проходящих через судебно-психиатрическую экспертизу, представляют особые трудности. Клиническая картина здесь значительно видоизменяется и нередко осложняется наличием реактивных изменений или симулятивным поведением. Между тем ошибочное решение экспертизы влечет за собой или освобождение от уголовной ответственности социально-опасных правонарушителей, укрывающихся от суда путем симуляции душевной болезни или пребывание в местах заключения душевнобольных, часто опасных для себя и для окружающих. Правильная судебно-психиатрическая оценка невозможна без достаточного знания основных установок нашей уголовной и исправительно-трудовой политики. Все это выдвигает перед судебной психиатрией задачу выработки более или менее единообразных критериев судебно-психиатрических оценок при различных формах психических заболеваний.

Эта задача может быть разрешена лишь при условии плановой и систематической научно-исследовательской работы в области судебной психиатрии. Являясь ответвлением от общей психиатрии, судебная психиатрия имеет свои специальные задачи не только в практической, но и теоретической области. Вместе с тем судебная психиатрия в силу специфичности своего материала раскрывает также и ряд психопатологических закономерностей, имеющих теоретическое и практическое значение для общей психиатрии. Исходя из необходимости создать научно-теоретическую базу для практической экспертной работы, Институт им. Сербского занялся теоретической разработкой вопросов судебной психиатрии. В первую очередь институт заострил внимание на разработке тех проблем, которые имеют особенно большое значение для судебно-психиатрической практики и где особенно остро стоит

вопрос о пересмотре той практики, где больше всего сказались буржуазные влияния.

В первую очередь это относится к проблеме психопатий, занимающей в судебной психиатрии значительное место. Прежде всего было необходимо разоблачить систему взглядов, отстаивающих специфичность связи между психопатичностью и преступлением.

Ряд психиатров, развивших основные положения в учении о психопатии, делают вывод о неизбежном вступлении психопатов на путь правонарушений, об их биологической обреченности на преступление. Институт им. Сербского в своем сборнике «Психопатии и их судебно-психиатрическая оценка» в статьях Внукова и Бунеева дает резкую критику буржуазным концепциям криминогенного значения психопатий. Через все работы в этой области основной нитью проходит мысль, что такой специфической связи не имеется и на соответствующем практическом материале доказываются, что постановка такой проблемы в самом существе своем ненаучна и неправильна.

Целевой установкой в разработке проблемы психопатий является не только разоблачение системы взглядов, отстаивающих специфичность связей между преступлением и психопатичностью, но и расшифрование смысла этих взглядов, показ классовых корней, которые делают эту систему взглядов знаменем борьбы и ею пытаются закрепить теорию и практику воинствующей реакции и мракобесия (фашистская теория «высших» и «низших» рас и вытекающая из этой теории практика стерилизации «биологически неполноценных» личностей)¹.

Второй не менее важной задачей для Института являлась необходимость дать практические указания в области судебно-психиатрических оценок психопатий. Эти указания должны были создать единство в судебно-психиатрическом подходе к психопатам в свете тех практических задач, какие стояли и стоят перед судебными психиатрами.

В этом отношении работа института, имеющего большой опыт в области судебно-психиатрической оценки психопатий, дает возможность сделать определенные выводы.

В большинстве случаев психопатий вопрос вменяемости решается положительно. Поведение психопатов определяется социальными моментами. Ошибки института по линии судебно-психиатрической оценки психопатий особенно сказались в период 1921—1923 гг. В 1922 г. 75,8% психопатов были признаны невменяемыми и уменьшенно-вменяемыми. Это имело печальные последствия. Путь на свободу через психиатрическую больницу приобрел большую популярность у психопатов; они хорошо учитывали выгодные стороны своего положения и, прикрываясь невменяемостью, совершали рецидивы преступления. Между тем, как показал опыт Института им. Сербского, когда он изменил свои установки и стал признавать большинство психопатов вменяемыми, психопаты вполне уживаются в местах лишения свободы, быстро приспособляются к

¹ См. статьи проф. Внукова и проф. Бунеева в сборнике «Психопатии и их судебно-психиатрическое значение» (Издательство «Советское законодательство», 1934 г.).

режиму и работают. Это подтвердили данные, собранные институтом о поведении психопатов, прошедших экспертизу в институте и направленных в места заключения. Опыт показал, что путем включения этих психопатов в трудовые процессы и создания для них соответствующих условий труда и быта мы способствуем их перевоспитанию. В настоящее же время психопаты институтом в подавляющем большинстве случаев признаются вменяемыми. Число психопатов, прошедших через Институт им. Сербского и признанных невменяемыми, колеблется от 8,2% (1934 г.) до 3,7% (1936 г.) (на 271 чел. психопатов, прошедших через институт в 1936 г., признано невменяемыми 10 чел.).

Эта общая установка ни в коем случае не устраняет необходимости тщательной индивидуализации судебно-психиатрической оценки отдельных случаев психопатий. Нельзя забывать, что в некоторых случаях психопатические черты могут быть выражены настолько резко, что дают основание приравнять эти случаи в отношении судебно-психиатрической оценки к душевному заблуждению. Надо также иметь в виду и возможность временных расстройств душевной деятельности, возникающих иногда у психопатов по тем или иным поводам.

Обследования судебно-психиатрических заключений, которые институт произвел в больницах на периферии показывают, что в отношении судебно-психиатрической оценки психопатов допускается много ошибок, что целый ряд психопатов признаются невменяемыми и посылаются на принудительное лечение без достаточных к тому оснований. Они не подлежат пребыванию в психиатрических больницах и являются для них бременем, не говоря уже о том, что совершенно нецелесообразно освобождение их от судебной ответственности.

Для иллюстрации приведем следующее заключение о гр. Н., поступившем с диагнозом «психопат» в больницу Орловка Воронежской области. Нарсуд Н-го района 11 августа 1936 г. приговорил его «к двум годам» помещения в психиатрическую больницу. «Гр. Н. является наследственно отягощенным психопатом с преобладающими чертами характера, выражающимися в эффективной возбудимости, неуравновешенности, неуживчивости и наличии интенсивных непреодолимых влечений. Под влиянием возбудимости и в состоянии опьянения, он в апреле проявил хулиганские действия. Все эти действия он производил в болезненном состоянии, т. е. в состоянии невменяемости». В этом случае элементы опьянения и психопатические черты характера были основанием для неправомерного решения о невменяемости, не говоря уже о законном приговоре суда, который не имел права приговором определять заранее необходимый срок помещения в психиатрическую больницу. Такие заключения далеко нередкие явления.

Здесь необходимо несколько остановиться на понятии об «уменьшенной вменяемости», которое встречается в заключениях экспертизы в первые годы работы института. Понятие это не нашло своего отражения в нашем Уголовном кодексе. Высказываясь против применения «уменьшенной вменяемости», Форкастнер говорит: «Нельзя начинать дело воспитания,

говоря с самого начала воспитуемому, что он в меньшей степени отвечает за свои действия, чем другие. Это действует отрицательно в смысле воспитательном»¹.

Понятие «уменьшенная вменяемость» особенно часто применялось и применяется еще кое-где и теперь в отношении судебно-психиатрической оценки психопатий, поскольку психопатии относятся к «пограничной группе». Между тем именно эта группа особо нуждается в мерах воспитательных и в привитии ей социально-положительных навыков, особенно установок на ответственность. Лечение психопата это — воспитание, изменение его личности с помощью организующих и дисциплинирующих условий режима, труда и пр. Это вполне возможно в наших местах заключения, где заключенному предоставляется возможность участвовать в коллективном труде, проявлять трудовую инициативу, где перед ним осмысленный путь исправления.

Глубоко ошибаются те, которые считают, что для психопатов, как «уменьшенно-вменяемых» надо организовать специальные учреждения. Психопатов нельзя собирать в одном месте, — концентрация их чрезвычайно опасна. Об этом говорит опыт Института им. Сербского и опыт организации особых отделений для них в условиях самого места заключения. В этих отделениях психопаты укреплялись в мысли о том, что они больны, нуждаются в особом режиме, что их надо лечить, не посылать на работу и т. п. В итоге возможны массовые психопатические вспышки, с суицидальными попытками, припадками, нападениями на надзор, медицинский персонал и т. п. Эти отделения были поэтому ликвидированы.

Понятие «уменьшенная вменяемость» нашло свое применение в фашистских странах — в Италии в уголовно-процессуальном кодексе 1930 г. и в Германии — в законе от 24 ноября 1933 г. С «уменьшенной вменяемостью» закон как в Германии, так и в Италии соединяет последствия двоякого рода — наказание и применение «мер безопасности и исправления». Практически это означает, что при наличии «уменьшенной вменяемости» наряду с понижением или непонижением наказания уменьшенно-вменяемые помещаются в специальные учреждения, продолжительность пребывания в которых не связана никаким сроком (ч. 3, ст. 427, пред. 3).

Таким образом достаточно фашистскому суду вынести постановление о направлении того или иного осужденного в специальное учреждение для уменьшенно-вменяемых, чтобы превратить срок его наказания в длительный, который в нужных фашистскому правительству случаях может превратиться в пожизненный. Все это указывает, что понятие «уменьшенная вменяемость» введено в фашистские кодексы не с целью облегчения участи психически неполноценных (психопатов и т. п.), но как одно из средств усиления репрессии в отношении лиц, неугодных фашистскому правительству.

По закону 1933 г. смягчение наказания при уменьшенной вменяемости должно иметь место только в исключительных случаях. Правительственная комиссия, разрабатывающая

¹ «Руководство по душевным болезням» под редакцией Бумке, 1929 г.

проект нового национал-социалистического УК, пошла еще дальше, установив принцип одинаковой наказуемости уменьшенно-вменяемых с вменяемыми с присоединением уменьшенно-вменяемым к наказанию и смер безопасности.

Таким образом разработка проблемы психопатий, наряду с анализом теоретических вопросов, дает богатый материал для ориентировки психиатра-практика в основных линиях его работы с психопатами как при необходимости давать судебно-психиатрическую экспертизу, так и при работе в местах заключения и в психиатрических больницах.

Для иллюстрации судебно-психиатрической оценки психопатий приведем следующий случай:

26 октября 1933 г. был доставлен в институт М—з, крепкого сложения молодой человек, 22 лет.

Обстоятельства дела говорят о том, что М—з прибыл в больницу 25 сентября 1933 г. из единого диспансера, где он совместно с отцом нажились на санитаря, избивли его и пытались сбросить с площадки второго этажа.

В психиатрических больницах М—з уже создавал себе славу крайне опасного больного. Он выбирал себе место и пищу, диктовал свои требования, создавал невыносимую обстановку в отделении. Персонал боялся его, а он хорошо подмечал отношение к нему. В расчете на улучшение его состояния ему разрешен был выход из отделения. Во время одной из прогулок на территории больницы ему кто-то сообщил, что за ним приехала карета МУР (Московского уголовного розыска). М—з решил не сдаваться, стал у стены, подобрал камни и, когда к нему попытались приблизиться, он, одновременно угрожая, начал, методически передвигаясь от окна к окну, разбивать камнями стекла. Врачу, подошедшему к нему, он нанес удар железной палкой (трубой) по голове, и тот свалился у его ног. Тяжелый удар он нанес и второму врачу. К нему больше не решались приблизиться, а он продолжал бить стекла. Только спустя некоторое время после ряда усилий М—з был схвачен и взят под арест.

Данные анамнеза сводятся к следующему. В семье М—за происходили частые споры, драки и пьянство; отец буянил, избивал мать и детей. Уже со школьных лет испытуемый иногда выходил из себя, возбуждался, проявлял импульсивность. Окрепнув физически, он начал дома скандалить, бил посуду, швырялся тяжелыми предметами; однажды ранил ножом сестру. На работе нигде долго не удерживался, вступал в конфликты, дрался.

Первая судимость относится к 1930 г.—осужден был на шесть месяцев принудительных работ за избивание милиционера. Вторая судимость в 1931 г. — снова за хулиганство. Осужден был на шесть месяцев. Работ не отбывал, так как по поведению сочли его больным. В 1932 г. поступил в психиатрическую больницу, где вел себя также агрессивно и недисциплинированно. Спустя два месяца снова помещен был в больницу, где избивал всех, овал белье. Находился он в больнице им. Кащенко, в 1-й городской, в больнице им. Яковлева, им. Соловьева и т. д. Больница им. Кащенко установила диагноз — травматический невроз; Невропсихиатрический институт — травматический

невроз у эпилептоидной личности; больница им. Соловьева сообщила предположительную диагностику — шизофрения, эпилептоидная психопатия.

Физическое состояние: испытуемый высокого роста, массивного телосложения, лоб непомерно высокий, резко выступают надбровные дуги. Ясно выражен вазомоторный синдром. Нарушений со стороны интеллекта нет. Отмечены расстройства настроения, несколько раз возбуждался, проявлял агрессивность и большую заинтересованность в том, куда направят его из института.

В институте было установлено, что испытуемый признаков душевной болезни не обнаруживает, что по ряду причин он проявлял стойкие антисоциальные навыки, что в нем сильны паразитические тенденции, а предшествующий опыт закрепил в нем установки на болезнь.

Комиссия определила у М—за психопатию с эпилептоидными и шизоидными чертами, признала его вменяемым в отношении инкриминируемого правонарушения и указала в акте, что он не должен находиться в исправительно-трудовой колонии открытого типа, а требует более строгой системы мер исправительного воздействия.

По полученным в июне 1936 г. сведениям от отца М—за, который за это время успел быть освобожденным из тюрьмы и вновь за хулиганство был арестованным, его сын до сих пор находится в лагерях и не перестает добиваться освобождения, ссылаясь на свою психическую болезнь. Он не раз за это время побывал, по словам его отца, в психиатрических больницах, но каждый раз признавался вменяемым.

По собранным дополнительным сведениям М—з через 8 месяцев после освобождения из лагеря вновь обратился к районному психиатру с целым рядом жалоб и был направлен в Институт им. Ганнушкина, где 4 февраля 1937 г. квалифицированной комиссией врачей-психиатров дано было заключение, что М—з является сложной психопатической личностью, лечению в общегражданских больницах не подлежит.

Переходим к вопросу о судебно-психиатрической оценке реактивных состояний. Разработка этой проблемы имеет особую актуальность и важность, так как практика в отношении оценки вменяемости при реактивных состояниях очень различна, часто неправильна и нецелесообразна.

При оценке реактивных состояний следует иметь в виду, что в большинстве случаев они возникают после совершения преступления, носят временный характер и не ведут, обычно, к качественным изменениям личности.

Таким образом, реактивные состояния сами по себе не исключают вменяемости, кроме небольшой группы реактивных психозов, обычно возникающих на патологической почве.

Разработка Институтом им. Сербского отдельных теоретических вопросов реактивных состояний привела к значительному сужению критериев невменяемости при них. Так с 1922 г. по 1926 г. 50% испытуемых, обнаруживающих реактивное состояние, были освобождены от ответственности и направлены в больницу; в следующее пятилетие—с 1927—1932 гг.—освобождено от ответственности было 20% и

тий, недооценка социальных моментов в генезе поведения психопатов приводит к неправильной судебно-психиатрической оценке таких «исключительных состояний», которые возникают на психопатической основе. Опыт института показал, что исключительные состояния, т. е. временное расстройство душевной деятельности реже встречаются на психопатической почве, а в большинстве случаев возникают на почве органических заболеваний центральной нервной системы.

Практика института показывает неуклонное из года в год сужение понятия исключительных состояний, все большую четкость клинической характеристики их и связанное с этим сужение группы признанных невменяемыми в связи с исключительными состояниями. По обработанным т. Разумовской данным, за период 1925—1928 гг. процент признанных невменяемыми по исключительным состояниям был равен 26,7, а за период с 1933—1936 гг. этот процент упал до 4,9.

Большие трудности возникают у экспертной комиссии при вынесении практических решений о том, что делать дальше с лицом, признанным совершившим правонарушение в исключительном состоянии. Так, если эпилептик в сумеречном состоянии совершил правонарушение, а в обычном состоянии он не обнаруживал таких изменений психики, которые позволяли бы считать его неответственным, то возникает вопрос, что с ним делать дальше.

Здесь требуется индивидуальный подход к каждому случаю.

Обычно в таких случаях ставится вопрос об отдаче под опеку родных, но у нас нет определенных законодательных норм по вопросам опеки, в каждом городе она осуществляется различно и к тому же довольно плохо, и потому очень актуален вопрос о разработке законодательства об опеке. Иногда с целью профилактики правонарушений показано направление таких больных в лечебно-трудовые колонии.

Труден этот вопрос и в случаях так называемого патологического опьянения. Судебно-следственные органы в некоторых случаях полагают, что поскольку речь идет об опьянении, то и в отношении «патологического опьянения» должно быть применено примечание к ст. 11 УК РСФСР, и что в подобных случаях заключение о невменяемости идет вразрез с примечанием к ст. 11 УК РСФСР.

Между тем, судебно-психиатрическая практика знает целый ряд случаев, когда в результате приема алкоголя, иногда очень незначительного количества, развивается исключительное состояние, т. е. временное расстройство душевной деятельности. Это состояние качественно отличается от обычного состояния опьянения, даже очень тяжелого. Дело идет здесь «о патологической реакции, хотя и возникшей в связи с опьянением, но в конечном счете обусловленной заболеванием нервной системы, не имеющим прямой связи с данным опьянением».

Здесь судебно-психиатрическая оценка должна быть иной, чем в случаях простого опьянения.

Для иллюстрации приведем следующий случай, описанный Бунеевым:

Испытуемый К., 30 лет. Со стороны наслед-

ственности: алкоголизм, тяжелый характер у отца.

В детстве, под влиянием травмирующих переживаний, связанных с пьянством и скандалами отца, рано стал обнаруживать черты нервозности. Рос раздражительным, упрямым. Страдал ночными страхами. Четырнадцать лет озлобленный поведением отца ушел из дома. Стал чернорабочим на заводе. Часто конфликтовал с администрацией. Будучи в армии, получил сильный ушиб головы при разрыве снаряда. В течение 2 месяцев после травмы страдал головными болями. Кроме того, стал вскакивать во сне и куда-то стремиться. Эти состояния повторялись несколько раз в течение, примерно, 4 месяцев. От военной службы был освобожден.

В 1920 г. перенес сыпной и возвратный тифы. По выздоровлении поступил на службу. В 1925 г. ушел в Донбасс, а оттуда на Кавказ. На Кавказе болел малярией. В 1926 г. был призван в армию. На военной службе были столкновения с начальником, но красноармейцем был аккуратным. После демобилизации поехал в Москву. Здесь женился и поступил в кооперативный университет. С этого же времени стал выпивать.

В 1930 г. бросил учебу, так как жена получила на производстве увечье и ему пришлось ухаживать за ребенком. В этот период чувствовал себя плохо: усилилась раздражительность, появились сосущие боли в желудке.

В 1931 г. он был командирован на административную работу в Восточную Сибирь. Там его состояние еще более ухудшилось. Появились сильные головные боли, бессонница, упала работоспособность. Стал подозрительным и придирчивым, конфликтовал с сослуживцами. Беспочвенно беспричинные колебания настроения.

В 1931 г. он административную работу бросил и поступил на производство. Первое время стал чувствовать себя лучше, а затем здоровье снова ухудшилось. Стал пить почти ежедневно.

В 1934 г. по роду работы ему пришлось часто выезжать в районы. В июне 1934 г. перед очередной поездкой испытуемый зашел в магазин, и там в толкучке у него вытащили деньги и документы. Испытуемый заподозрил в краже одну женщину, которая стояла рядом с ним у прилавка, но эта женщина быстро исчезла.

Через 3 дня испытуемый пришел на Виндавский вокзал с тем, чтобы ехать в командировку. В ожидании поезда он зашел в буфет, выпил две стопки зубровки. Там же, в буфете, к нему подошел дежурный по ТОГПУ и спросил у него разрешение на имевшийся при нем револьвер. Испытуемый объяснил, что разрешение у него украдено, и отдал револьвер дежурному, обещав представить документ по возвращении из командировки. Затем он занял место в поезде. До отхода поезда оставалось минут 15 и, чувствуя сильную жажду, испытуемый вышел на перрон поискать воды. Внезапно он обратил внимание на женщину, сидящую на перроне, в которой он узнал похитительницу его документов. Испытуемый подошел к ней и в резкой форме потребовал возвращения похищенных документов. Дальнейшее он помнит очень смутно. За женщину кто-то вступился, началась драка.

Вспоминает окровавленную гимнастерку стрелка. Из дела видно, что за женщину заступился какой-то гражданин; испытуемый бросился на него с ножом. После этого он стал набрасываться на всех окружающих и поранил стрелка ж.-д. охраны, который стал стрелять в испытуемого и ранил его в плечо. Раненого испытуемого посадили в карету скорой помощи, но он из кареты выскочил и бросился бежать по направлению к поезду; с большим трудом он был доставлен в Институт им. Склифасовского, где ему была сделана перевязка.

При наблюдении в институте со стороны неврологической уклонений от нормы нет; со стороны психики испытуемый депрессивен, напряжен. Речь замедленная. В разговоре обстоятелен, часто затрудняется в подборе необходимых слов и выражений, чем очень тяготится: «пропадают слова»; говорит испытуемый. Память снижена. Ведет себя правильно. Случившееся помнит только отрывками. Совершенно не помнит лица женщины, к которой он подошел на перроне. Помнит, что он опознал ее ошибочно. Жалуеться на головные боли и кошмарные сны.

Состояние К. в момент совершения правонарушения не укладывается в картину обычного спьянения. Мы здесь имеем бессмысленную агрессию с глубоким изменением сознания (испытуемый не слышит выстрелов, не чувствует ранения головы). Алкоголь здесь явился лишь поводом, вызвавшим временное психотическое состояние, и потому К. должен быть от ответственности освобожден.

Дифференциальная диагностика «патологического опьянения» представляет большие трудности. Как правильно указывает Введенский, «иногда опьянение, носящее, бесспорно, характер патологического, не должно оцениваться, как безответственное. Это может иметь место в случаях, где в силу приобретенной или приобретенной невыносливости к алкоголю субъект обычно реагирует на вино развитием патологического состояния и социально опасным поведением. Об этом обыкновенно обвиняемый знает из опыта, предупреждается врачом или близким и достаточно ясно понимает зависимость патологического состояния от своего поведения». Мы полностью согласны здесь с проф. Введенским, что в ряде случаев такого рода судебно-исправительные меры могут быть применяемы с большим основанием и успехом чем меры медицинские. В каждом отдельном случае исключительного состояния необходимо внимательное изучение почвы, на которой возникло исключительное состояние, которое является часто признаком нарастающего органического или эпилептического процесса. Судебно-следственные органы должны знать, что при наличии заключения «патологическое опьянение» речь идет о временном расстройстве душевной деятельности, конечно, если диагноз «патологическое опьянение» был поставлен правильно.

В связи с кризисом, который сейчас переживает учение о шизофрении, большую актуальность получают вопросы судебно-психиатрической оценки при этом заболевании, которыми институт занимается в течение последнего ряда лет. Широкое диагностирование шизофрении, имевшее за последнее время место

в психиатрии, могло вести также к неправильным судебно-психиатрическим заключениям. Но сужение границ шизофрении не снимает проблемы вменяемости шизофреников. Не исключается возможность признания шизофреников вменяемыми в случаях относительно благоприятного, легкого течения болезни, а также при наличии нерезких симптомов дефекта, когда перенесенное в прошлом психотическое состояние оставило личность достаточно сохранной, а имеющиеся изменения незначительны и носят стационарный характер.

Институт им. Сербского, считая на основании данных своих наблюдений, что часть шизофреников может быть признана вменяемой, подходил к этому вопросу чрезвычайно осторожно, признавая вменяемыми единичные случаи шизофреников.

Диагноз «шизофрения» в отношении всех признанных душевнобольными в институте ставился в 20,4% в 1935 г., 15,6% в 1936 г.

Для иллюстрации возможности признания вменяемым дефектного шизофреника приведем следующий случай:

М—в, 35 лет, находился впервые в институте в 1930 г. Работая в артели, он растратил артельные деньги. В институте отмечено: склонен к резонерству, речь разорвана, к судебному делу относится без всякой критики. Внимание отвлекаемо. Возбужден. С диагнозом «шизофрения» М—в направлен был на принудительное лечение в психиатрическую больницу. В больнице им. Кашенко, где находился испытуемый, диагноз при выписке — шизофрения.

Поступил он снова в июне 1933 г. Обвинялся в том, что, будучи заведующим столовой, растратил 24½ тыс. руб. Привлекался по закону 7 августа. При повторном поступлении расстройств сознания не было, отмечалась некоторая вялость, непродуктивность, с окружающими не общался, несколько стереотипно возбуждался, произносил защитного характера речи. В этих жалобах ясно выступало стремление подчеркнуть болезненные черты.

После двукратного прохождения через консультацию врачей признано было, что М—в обнаруживает некоторые дефекты личности после перенесенного душевного заболевания в форме шизофрении, однако дефект этот не настолько значителен, чтобы можно было считать испытуемого невменяемым.

В начале 1934 г. защита обратилась с ходатайством к прокурору о повторной экспертизе, ввиду «явных признаков душевной болезни и свидетельства психиатра места лишения свободы о том, что содержание М. в месте лишения свободы представляет большие трудности». Прокурор удовлетворил ходатайство.

В институте при повторном испытании поведения М. было таким же.

Решением комиссии М. вновь был признан вменяемым. Спустя несколько дней состоялся суд. М—в был осужден к 10 годам. Вслед за тем в поведении его наступила резкая перемена. Он повел себя в корпусе сознательно, стал предприимчивым, назначен был на внутренние работы и вскоре стал старостой корпуса. У психиатра он больше не появлялся. Сразу же было обнаружено умение М. приспособляться, устроить свою жизнь, камера его стала одной из лучших по внешнему виду. Однако при всем этом отмечались де-

фектность личности, узость интересов, некоторые нарушения мышления.

Бунеев описывает встречающиеся в судебно-психиатрической практике группы случаев, где делф идет о произвольном симулятивном использовании опыта перенесенной ранее шизофренической вспышки. Для иллюстрации этой группы Бунеев приводит следующий случай:

Испытуемый Н., 30 лет, по профессии столяр. Инвалид III группы. Обвиняется в покушении на убийство. Поступает в институт в четвертый раз.

Со стороны наследственности ничего патологического. Детство прошло благополучно. Учился плохо. По окончании училища работал с отцом по столярному делу. В 1919 г. был контужен и получил пулевое ранение в шею. Был эвакуирован в Москву; здесь у него развилось психотическое состояние, по поводу которого он был помещен в психиатрический госпиталь. Около года находился в беспокойном отделении. Был агрессивен, неопрятен, слышал голоса, «грозившие его убить», отказывался от пищи. Наблюдались припадки. В ноябре 1920 г. был выписан на руки родных. Через 2 месяца, ввиду нового ухудшения, был помещен в психиатрическую клинику I МГУ. Пробыл там около 2 месяцев. Выписался с улучшением. Диагноз — шизофрения. По выписке не получил инвалидности, работал по столярному делу. В 1925 г. женился. В 1926 г. был арестован по обвинению в домашней краже и направлен в Институт им. Сербского.

В институте: со стороны нервной системы особых отклонений от нормы нет. Со стороны психики: испытуемый в ясном сознании. Ориентировка не нарушена. Бредовых идей и галлюцинаций нет. Отмечается некоторая вялость, эмоциональная уплощенность наряду с назойливостью. Несколько слабоумен. С врачами говорит в слезливом, жалобном тоне. Очень назойлив. В поведении, высказывании черты стереотипии. Экспертной комиссией был признан невменяемым, как дефектная личность после перенесенной шизофренической вспышки.

Из института выбыл домой. Чувствует себя удовлетворительно, работает столяром. В 1928 г. арестован вторично за нанесение ранений во время ссоры. Вновь был помещен в институт. Поведение в институте то же, что и при первом поступлении. Признан невменяемым с прежним диагнозом и переведен в психиатрическую больницу.

В 1930 г. поступил в институт в третий раз, арестован за спекуляцию жилплощадью. Поведение прежнее, признан невменяемым.

В 1932 г. арестован за покушение на убийство ребенка жильца. Из материалов следствия видно, что Н. за большую сумму денег сдал часть своей жилплощади знакомой семье. Получив деньги, испытуемый с женой начинают травить жильцов, пытаются их выжить. В квартире ежедневно скандалы. Однажды утром Н. набросился на ребенка жильцов и стал его душить. Был удержан подоспевшими соседями. По свидетельским показаниям, Н. частенько выпивает и в состоянии опьянения скандалит. Трезвый ведет себя правильно. При поступлении в институт Н. отвечал на вопросы с большой задержкой. Сведения да-

вал о себе крайне сбивчиво. Жаловался на оклики. В отделении все время лежит в кровати, укрываясь с головой одеялом. На вопросы почти не отвечает или отвечает не по существу, иногда повторяет последнее слово вопроса. Взгляд растерянный. С окружающими не общается. Знаками просит лекарств. При попытках расшевелить его становится агрессивным. В таком состоянии находится около месяца. Вызванный на комиссию, вначале упорно молчит, но затем под влиянием настоячивых расспросов председателя, хорошо знающего испытуемого по прежним преступлениям, начинает говорить. Поведение его быстро изменилось. Испытуемый адекватно реагировал на окружающую его обстановку, волновался, обнаружил достаточное понимание своего положения. Отчетливо выступила установка на болезнь. Комиссией признан вменяемым. После комиссии поведение правильное.

В этом случае мы, несомненно, имеем симулятивное поведение личности, дефектной после шизофренической вспышки. В своем стремлении прикрыться болезнью Н. использовал опыт своего прежнего заболевания, благодаря чему его состояние близко напоминало шизофреническое. Опыт прежних переводов Н. в психиатрическую больницу показал всю целесообразность его освобождения от ответственности. Оказалось, что производящий в институте впечатление полной беспомощности Н. проявил большую активность в устройстве своих дел и, несомненно, рассчитывая на защиту психиатров, совершил ряд правонарушений. Этим и объясняется последнее решение экспертной комиссии.

От рассмотрения задач и основных критериев судебно-психиатрических оценок перейдем к вопросу о практическом проведении экспертизы.

По советскому УПК судебно-следственные органы имеют право вызвать для судебно-психиатрической экспертизы не только одного, но двух, трех и более психиатров (ст. 169 УПК) или же направлять подсудимых на судебно-психиатрическую экспертизу в специальные комиссии из врачей-психиатров (ст.ст. 172, 173 УПК). Экспертиза может происходить в камере следователя.

Наиболее существенные виды экспертиз — это экспертиза амбулаторная, стационарная и экспертиза на суде¹.

Амбулаторная экспертиза

Амбулаторная судебно-психиатрическая экспертиза дает заключение о вменяемости или невменяемости испытуемых после их однократного обследования без данных предварительного наблюдения, возможных в условиях стационара. Это обстоятельство делает работу амбулаторной экспертной комиссии особо трудной. Она требует тщательной предварительной подготовки по собиранию объективного материала, изучения уголовного дела, она требует наличия высококвалифицированных экспертов.

¹ О судебно-психиатрической экспертизе на суде см. специальную статью доцента Лещинского.

Рост числа амбулаторных экспертиз в Институте им. Сербского (46 экспертиз в 1925 г., 183 экспертизы в 1930 г. и 1010 — в 1935 г., рост по отношению к 1930 г. — 551,9%) показывает, насколько велика потребность у судебно-следственных органов в такой экспертизе, особенно когда речь идет об обвиняемом, не находящемся под стражей.

Между тем, по данным института, при выборочном обследовании периферии, за исключением Ленинграда, Харькова и некоторых других городов, амбулаторная экспертиза проводится крайне редко.

Правда, даже при тщательной предварительной подготовке при амбулаторной экспертизе в целом ряде случаев нельзя решить вопрос о вменяемости и приходится направлять испытуемых на стационарную экспертизу.

Стационарная экспертиза

Стационарная психиатрическая экспертиза обеспечивает возможность наиболее правильных и обоснованных судебно-психиатрических заключений. Назначается она (на основании ст. 203 УПК), когда требуется углубленное обследование и длительное наблюдение. Направление на стационарную психиатрическую экспертизу за 15 лет работы Института им. Сербского значительно выросло. Это объясняется не увеличением количества лиц, совершивших преступление (наоборот, имеется резкое снижение преступности), а улучшением качества работы судебно-следственных органов, тем большим вниманием, какое уделяется судебно-следственными органами при разборе дела личности преступника, а также и значительным улучшением отбора лиц, нуждающихся в судебно-психиатрической экспертизе. Кроме того, большое значение имеет распространение судебно-психиатрических знаний среди судебно-следственных работников. За 15 лет рост числа испытуемых, прошедших через стационар института, выразился в следующих цифрах — 139 человек в 1921 г., 786 человек — в 1930 г., а в 1935 г. — 1399 человек, рост в отношении 1930 г. — 177,9%.

В практике осуществления стационарной экспертизы имеется большое разнообразие, чаще всего она осуществляется в обычных городских психиатрических больницах, очень редко в специальных отделениях этих больниц и еще реже в институтах или судебно-психиатрических клиниках.

Выборочное обследование, произведенное институтом, показало, что в Ленинграде стационарная экспертиза осуществляется в Институте экспертизы, где имеется стационар на 50 коек, который фактически является отделением областной тюремной больницы для следственных, и в судебно-психиатрическом отделении 2-й городской больницы со стационаром на 125 коек; в Перми — в судебно-психиатрическом отделении при психиатрической больнице. В Калининне имеется экспертное отделение (для всех видов экспертизы, в том числе трудоспособности, военной и т. п.) при психиатрической колонии; в других же местах (Киров, Горький и др.) судебно-психиатрическая экспертиза осуществляется в общих

отделениях психиатрических больниц. Специально подготовленных экспертов для проведения экспертизы в этих больницах не имеется.

Отсутствие организационного единства в проведении и осуществлении стационарной психиатрической экспертизы отрицательно отражается как на работе судебно-следственных органов в тех случаях, когда им приходится прибегать к стационарной экспертизе, так и на качестве самой судебно-психиатрической экспертизы. Проведение судебно-психиатрической экспертизы в общих психиатрических учреждениях нарушает правильное ведение следствия и не гарантирует ни получения необходимого для экспертизы наблюдения и материала об испытуемых, ни специализации врачей в области судебно-психиатрической экспертизы, ни возможности установления единства судебно-психиатрических оценок, что делает актуальным вопрос об едином типе учреждений для проведения стационарной экспертизы обвиняемых и осужденных.

Вопросы об организации специальных отделений для производства судебно-психиатрической экспертизы при психиатрических или при тюремных больницах обсуждался уже на съезде русских психиатров в 1911 г. Одни считали тогда необходимым организовать такие отделения при тюремных больницах, а другие — при общегражданских больницах, но все считали, что такие отделения должны быть организованы.

В инструкции 1921 г., утвержденной НКВД, НКЮ, ВЧК и НКЗ, говорится об организации психиатрических отделений при тюремных больницах, в инструкции НКЗ и Главного управления местами заключения 1924 г. — об организации специальных институтов по судебно-психиатрической экспертизе.

Лучшим выходом, конечно, была бы организация отдельных судебно-психиатрических отделений (клиник или институтов), но пока этого сделать нельзя и приходится проводить экспертизу в больницах, необходимо организовать при психиатрических больницах специальные судебно-психиатрические отделения, которые должны быть отделены от других отделений больниц и соответствующим образом оборудованы.

Во всяком случае такое положение, какое мы имеем в настоящее время, когда стационарная экспертиза обвиняемых так поставлена, что они нередко из больниц бегут, что наблюдение за ними чрезвычайно слабое, что экспертизу дают не специалисты, должно быть в корне изменено. Должен быть установлен единый тип учреждений для проведения стационарной экспертизы обвиняемых и осужденных.

Экспертиза несовершеннолетних правонарушителей

Не лучше обстоит дело с организацией судебно-психиатрической экспертизы несовершеннолетних правонарушителей. Эта область наименее изучена и организационно почти не оформлена. Между тем, постановление ЦИК и СНК СССР 7 апреля 1935 г. «О мерах борь-

бы с преступностью несовершеннолетних» ставит перед нами вопрос о необходимости усиления работы в области судебно-психиатрической экспертизы несовершеннолетних правонарушителей. Для экспертизы несовершеннолетних правонарушителей необходимы специальные отделения, организованные таким образом, чтобы все моменты работы в этих отделениях (режим, учеба и трудовые процессы) служили диагностическим целям. Мы отдаем себе полный отчет о тех трудностях, которые имеются на местах для организации этих отделений при отсутствии помещений и кадров, но это не значит, что мы должны от этого отказаться. Это не значит, что мы должны допускать такое положение, когда подростка со стойкими криминальными навыками помещают или в общие психиатрические больницы, или в детские психиатрические больницы, откуда они к тому же и убегают.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что число экспертиз несовершеннолетних правонарушителей на периферии чрезвычайно ничтожно—единичные случаи. Так, через Пермскую психиатрическую больницу, обслуживающую край с населением в 9 млн., за год прошли экспертизу только двое подростков. Число психических заболеваний детей у нас в СССР неуклонно идет на убыль. Но все же эта цифра чрезвычайно мала, из чего можно заключить, что к экспертизе несовершеннолетних правонарушителей судебно-следственные органы почти не прибегают. Из числа подростков, прошедших испытание в институте и вызвавших сомнение в их психической полноценности, только 26% было признано невменяемыми, этим и объясняется отчасти такая незначительная обращаемость к экспертизе, но судебно-следственные органы должны помнить, что подростки почти никогда не обращаются к следователям по собственной инициативе с заявлением о своей болезни, что болезненные симптомы у них менее выражены. Поэтому судебно-следственным работникам, имеющим дело с несовершеннолетними правонарушителями, необходимо обладать некоторыми знаниями в области психопатологии детского и подросткового возраста, которые позволяли бы им ориентироваться в показаниях к направлению несовершеннолетних на психиатрическую экспертизу.

При проведении судебно-психиатрических экспертиз несовершеннолетних правонарушителей мы должны помнить о тех педологических извращениях, которые, базируясь на лженаучных предпосылках, имели своим результатом наряду с другими вредными последствиями непомерное расширение как самого понятия «умственно-отсталость», так и увеличения числа детей, признанных умственно-отсталыми. Постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпарсов» прекратило массовую штамповку так называемых «умственно-отсталых» детей и потребовало действительно научного, чуткого, внимательного подхода к каждому ребенку. Постановление ЦК ВКП(б) является для нас сигнализацией к осторожному подходу к различного рода лженаучным теориям. Особое внимание должно быть уделено в области судебно-психиатрических оценок олигофрении

и психопатий, так как именно в этой области легче всего соскользнуть на путь подобного рода извращений.

Виды судебно-психиатрических заключений

Перейдем к видам судебно-психиатрических заключений. В результате судебно-психиатрической экспертизы испытуемый (подсудимый или осужденный) может быть признан или психически здоровым, или психически больным, или обнаруживающим некоторые отклонения от нормы, не дающие все же основания рассматривать его как душевнобольного.

Во всех этих случаях, вслед за установлением его психического состояния, должна последовать и рекомендация необходимых дальнейших мероприятий.

В отношении подэкспертных, признанных психически больными и невменяемыми, могут быть рекомендованы следующие мероприятия:

1. Помещение в психиатрическую больницу или колонию на общих основаниях.
2. Отдача психически больного на поруки родным и под наблюдение районного психиатра.
3. Помещение в психиатрическую больницу на принудительное лечение.

Практика работы института показывает, насколько нецелесообразны были заключения института в первые годы работы, когда свыше 90% признанных невменяемыми направлялись в больницы на общих основаниях. Среди этих больных было немало социально-опасных, которые, будучи посланы в психиатрические больницы на общих основаниях, нередко убегали из больницы или больницы их быстро выписывали, желая, как можно скорее избавиться от этой группы больных, вносящих дезорганизацию в жизнь лечебного учреждения. Эти больные обычно циркулировали между психиатрической больницей, местом заключения и институтом.

Начиная с 1923 г., на основании своего опыта институт меняет эту свою практику, и число больных, направляемых в психиатрические больницы на общих основаниях, падает. Так, в 1923 г. из всего числа испытуемых, переведенных в гражданские психиатрические больницы, было направлено на общих основаниях 67,4% и 12,6% на принудительное лечение, а в 1935 г. соотношение этих групп резко изменилось—на общих основаниях направлено 32,5%, а на принудительное лечение—67,5%.

Принудительное лечение имеет своим основным отличием от направления в больницу на общих основаниях то, что выписка из больницы лиц, направленных на принудительное лечение, контролируется со стороны судебных органов.

Контингент лиц, направленных на принудительное лечение, может быть схематически разбит на 2 группы: а) группа душевнобольных, представляющих серьезную и длительную опасность для окружающих, непосредственно вытекающую из характера их заболевания—стойкие параноиды, эпилептики с сумеречными состояниями, импульсивные шизофреники и т. д.; б) душевнобольные хронические, идущие на путь правонарушения, вследствие своей беспомощности и неприспособ-

ленности к жизненной среде (эта группа больных иногда используется преступным элементом).

Для длительного содержания первой группы больных необходима организация крепких отделений при больших психиатрических больницах. В отношении душевнобольных хроников наибольшее значение имеют их правильное трудо- и жизнеустройство и хорошо организованная опека.

Между тем, за больными, посылаемыми на принудительное лечение, надзор весьма слаб, что и приводит к довольно частым побегам таких лиц из больницы. Многие больницы, по собственной инициативе, переводили и до сих пор переводят больных, отбывающих принудительное лечение по суду, на лечение на общих основаниях, направляя этих больных в психиатрические колонии, откуда еще легче бежать, чем из больницы.

Единой установки в системе применения принудительного лечения до 1935 г. не было.

Больницы освобождали лиц, отбывающих принудительное лечение, совершенно без участия в этом деле судебных органов. В лучшем случае отдельные психиатрические больницы после освобождения таких лиц сообщали об этом в соответствующие судебные органы. Получалось совершенно ненормальное явление: суд назначал принудительное лечение, но не осуществлял никакого контроля над его проведением, не участвовал в решении вопроса о том, возможно ли прекращение принудительного лечения. Такое положение приводило к тому, что лица, совершившие весьма опасные преступления и посланные на принудительное лечение, будучи довольно скоро выписаны из больницы, вновь совершали преступление.

Существенные дефекты были и в порядке назначения принудительного лечения. Психически больные посылались на принудительное лечение не только судебными органами, но и органами, производящими расследование (следователями, милицией и уголовным розыском) по заключению экспертов о том, что их подследственный нуждается в применении принудительного лечения. Бывали и такие случаи, что суд выносил постановление о применении принудительного лечения без предварительной психиатрической экспертизы и т. п.

Вышеописанная практика применения и осуществления принудительного лечения в значительной степени объяснялась как отсутствием достаточно четких указаний по этим вопросам в действующем Уголовном и Уголовно-процессуальном кодексах, так и отсутствием специальных инструкций по вопросам принудительного лечения.

Так, в ст. 24 действующего Уголовного кодекса, в котором говорится о мерах медицинского характера — «о принудительном лечении» и «помещении в лечебное заведение», — нет достаточной ясности в определении содержания этих отдельных мер и отличия их друг от друга.

Далее, ни Уголовный, ни Уголовно-процессуальный кодексы, говоря о принудительном лечении и помещении в лечебное учреждение, совершенно не содержат указаний о продолжительности принудительного лечения, об

условиях, при которых оно может быть снято, и, в частности, о том, должно ли это снятие принудительного лечения быть санкционировано судебными органами.

Наконец, нигде не указывается, в отношении каких категорий душевнобольных необходимо и целесообразно назначение принудительного лечения.

Такое положение в практике назначения и проведения принудительного лечения приводило к повторным правонарушениям душевнобольных.

Для иллюстрации приведем следующие два случая:

1. Испытуемый Голубков, диагноз — органическое слабоумие, невменяем. За период с 1926 до 1934 г. был в институте 11 раз, направлялся из института в психиатрические больницы на общих основаниях, а затем на принудительное лечение, но через несколько месяцев вновь возвращался в институт. Обвинялся все время по ст. 162 (кражи).

2. Испытуемый Полушин обвиняется по ст.ст. 74—73 УК. 22 июля 1934 г. направлен на стационарную экспертизу. 17 августа 1934 г. признан страдающим шизофренией, невменяем, нуждается в направлении на принудительное лечение. 27 ноября 1934 г. вновь направлен на стационарную экспертизу. Обвиняется по ст. 74. 26 декабря 1934 г. признан душевнобольным (шизофрения), невменяемым с направлением в психиатрическую больницу на принудительное лечение. 7 сентября 1936 г. вновь направляется на амбулаторную экспертизу в институт (обвиняется по ч. 2 ст. 74). Признается шизофреником, невменяемым, направляется на длительное принудительное лечение.

Процент повторно поступающих в институт на экспертизу довольно высок (в 1930 г. — 6,1%, в 1931 г. — 15,2%, в 1932 г. — 9,8%, в 1933 г. — 13,3%, в 1934 г. — 7,4%). Сталкиваясь в своей повседневной практике с результатами этой, не имевшей единых установок системы применения принудительного лечения, Институт им. Сербского разработал проект инструкции о порядке назначения и проведения принудительного лечения душевнобольных, совершивших преступления. Эта инструкция, утвержденная НКЮ и НКЗдравом 17 февраля 1935 г. за № 14, внесла значительную ясность в круг вопросов, связанных с принудительным лечением. Инструкция дает точные указания о порядке назначения принудительного лечения. Принудительное лечение как мера воздействия медицинского характера назначается и исполняется приговором или определением суда. Суд назначает принудительное лечение в тех случаях, когда находит необходимым применение мер медицинского характера в условиях изоляции в отношении социально-опасных душевнобольных с целью предотвращения побегов и предупреждения повторных с их стороны правонарушений.

Инструкция, четко указывая все те категории лиц, к которым возможно применение принудительного лечения, требует обязательности предварительной психиатрической экспертизы при на-

значении принудительного лечения, обязательности мотивировки суда в случае его несогласия с заключением психиатрической экспертизы и дает указания об условиях и порядке самого осуществления принудительного лечения. Инструкция вводит ясность в понятия «принудительное лечение» и «лечение на общих основаниях», которые недостаточно четко, а иногда совершенно неправильно воспринимались судебно-следственными органами.

Проведение этой инструкции в жизнь должно создать единую и целесообразную практику принудления.

Но перегруженность психиатрических больниц приводит к стремлению этих больниц, как можно скорее, освободиться от присланных к ним на принудительное лечение больных, как от трудных и тяжелых для больницы и как ненадежных в смысле побега. Этим и объясняется, что психиатрические больницы на периферии дают заключение о назначении принудительного лечения в отношении обвиняемых, проходящих у них судебно-психиатрическую экспертизу в исключительно редких случаях.

Кировская психиатрическая больница в 1935 г. на 31 случай признанных невменяемыми только в одном случае указала на необходимость принудительного лечения. Псковская больница на 60 больных, признанных невменяемыми, дала заключение о необходимости принудительного лечения в двух случаях. Пермская больница на 46 больных, признанных невменяемыми, — в семи случаях и т. п.

Обследование, произведенное Институтом им. Сербского, о применении инструкции о принудительном лечении в отношении больных, прошедших экспертизу в институте за 10 месяцев в 1936 г. и направленных на принудительное лечение, показало всю неудовлетворительность его осуществления. Больные часто убегают, отпускаются в продолжительные отпуска с последующим невозвращением, имеются случаи выписки без постановления судов и т. п.

Так, из 134 больных, направленных за 10 месяцев 1936 г. на принудительное лечение в одну из загородных больниц, 31 человек (23,1%) был в побеге, некоторые по нескольку раз бежали. Из 31 бежавших 12 шизофреников, 2 эпилептика, 11 с органическим поражением центральной нервной системы, 6 алкоголиков, а по преступлениям они распределяются следующим образом: 18 против порядка управления, 2 против личности, 10 имущественных и 1 должностное преступление. Находились в больнице: 1 месяц и менее — 20,0%, от 2—4 месяцев — 41,3%, от 5—7 месяцев — 16,0%, больше 7 месяцев — 1,4% и неизвестно — 21,3% (в таких случаях в истории болезни отмечены отпуска или побеги без указания срока). Из 73 человек, выписанных из больницы, формально на 68 человек разрешение было, а на 5 человек не было, но в действительности дело обстояло несколько иначе: получение разрешения оформлялось в то время, когда больные были или в отпуску или в бегах. Так, 5 человек выписано заочно, 3 человека

сами хлопотали о своей выписке, 3 человека поступили с повторным преступлением, а 2 человека, получившие отпуск, покончили дома самоубийством, 4 человека выписаны, как бежавшие, 3 человека выписаны до получения разрешения, только 24 человека из этой группы выписаны на попечение родных, 37 самостоятельно, а 3 человека выписаны с санитаром, т. е. направлены к родным без желания родных взять этого больного.

Для примера приведем следующий случай: Р., обвиняемый по ст.ст. 74 и 182, диагноз — шизофрения. Выписан из института в больницу 3 февраля 1936 г., 23 февраля 1936 г. получил в больнице отпуск на 5—10 дней. 10 апреля отметка в истории болезни: «считать выписанным как не вернувшегося из отпуска»; 25 апреля послано ему извещение о снятии с него принудительного лечения. Ходатайство о снятии принудительного лечения было возбуждено, когда Р. не вернулся из разрешенного ему отпуска. Таких примеров немало.

Все это настоятельно требует создания крепких отделений при психиатрических больницах для осуществления принудительного лечения и организации специальных колоний для принудительного призревания душевнобольных хроников. Необходимо, чтобы душевнобольные по выписке из психиатрических больниц находились под усиленным психиатрическим надзором, необходимо заняться вопросами их трудоустройства, так как отсутствие такового приводит этих больных к рецидиву и социальной деградации. Кроме того, необходим периодический контроль прокуратуры за осуществлением принудительного лечения.

Подготовка кадров

Правильная организация и проведение судебно-психиатрической экспертизы требуют наличия достаточного количества хорошо подготовленных кадров в этой области. Судебный психиатр наряду с большой клинической подготовкой и опытом должен обладать подготовкой и в области юридических наук, знать основные установки нашей уголовной и исправительно-трудовой политики и уметь применять свои решения с их основными принципами.

Совершенно не выдерживает никакой критики мнение тех, которые думают, что экспертизу могут проводить судебно-медицинские эксперты, которые не только не работали по судебной психиатрии, но не знакомы с клинической психиатрией и не являются специалистами в области судебной психиатрии. Необходимо помнить, что наука давно уже вступила на путь разделения дисциплин, трактуемых вопросы этих экспертиз. Судебных психиатров очень мало. С ростом потребности органов юстиции в судебно-психиатрической экспертизе встал вопрос о плановой систематической подготовке новых кадров в области судебной психиатрии. Пока Институт им. Сербского единственное учреждение в СССР, которое занимается подготовкой кадров су-

дебных психиатров-экспертов. Аспирантура в институте введена с 1932 г., и институт уже подготовил группу научных работников, в настоящее время работающих при институте.

Подготовленные институтом научные сотрудники еще обеспечивают потребности самого института, так как институту до сих пор не удалось наладить регулярное комплектование аспирантов ввиду того, что институт до сих пор не включен НКЗдравом в разверстку на выделение ему ежегодно определенной группы врачей, подходящих для прохождения аспирантуры.

Программами медвузов преподавание судебной психиатрии совершенно не предусматривается, нет даже факультативного (необязательного) курса судебной психиатрии. Кафедра судебной психиатрии организована только при Институте им. Сербского. При ней проводятся лекционные и клинические занятия. Обслуживает кафедра из медицинских учреждений — I и II мединституты, невро-психиатрический институт им. Ганнушкина, Центральный институт усовершенствования врачей. Но если для переподготовки врачей предоставляется 12—16 часов, то для студентов медвузов на судебную психиатрию отводится от 2 до 4 часов, даже для экскурсии по институту этого времени недостаточно. НКЮ уделяет этому вопросу большое внимание, отводит для преподавания судебной психиатрии в юридических институтах от 30—50 часов.

Из юридических учебных учреждений институт обслуживает Московский юридический институт, Московский заочный юридический институт (причем студенты Заочного института на время занятий по судебной психиатрии съезжаются, и занятия проводятся в Институте им. Сербского), Московские областные юридические курсы, а также курсы по подготовке советских защитников. Намечены занятия и со слушателями Правовой академии.

Число слушателей и часов занятий с каждым годом увеличивается: в 1932 г. было 67 слушателей и 24 часа занятий, а в 1935 г. — 261 слушатель при 234 часах занятий. И число медиков прошло немало: в 1935 г. — 768 человек, в 1932 г. — 355 человек, но, как уже было указано, количество часов, отводимых для занятий с медиками, настолько ничтожно, что ни о какой подготовке их не может быть и речи. Совершенно не учитывается, что «судебная психиатрия, — как сказал т. Крыленко¹, должна рассматриваться как самостоятельная

отрасль научного исследования, требующая специальной постановки в медицинских учебных заведениях и юридических институтах. У судебных психиатров, кроме общих медицинских знаний, должен быть необходимый запас знаний социальных».

Все преподавание судебной психиатрии сосредоточено в Институте судебной психиатрии, где имеется богатый живой материал для иллюстрации и где преподавание ведут специалисты в области судебной психиатрии. В институте и должна быть сосредоточена подготовка и переподготовка судебных психиатров-экспертов. Та точка зрения, что любой психиатр может давать судебно-психиатрическую экспертизу, — неверна.

Судебно-психиатрическая наука, — говорит т. Крыленко, — является особой специфической дисциплиной. Медицинские основы этой науки теснейшим образом увязаны с науками общественными. Судебный психиатр не может ограничиваться одним медицинским диагнозом. Он не может забыть о той системе общественных отношений, в которую вплетается решение поставленного перед ним вопроса... Врач-психиатр, чтобы дать сознательно ответ на поставленный перед ним вопрос о вменяемости и ответственности, должен понимать особенности нашей советской уголовной политики.

Все вышеизложенное приводит нас к следующим выводам:

1. Необходимо усилить научно-исследовательскую работу по изучению клинических разделов, имеющих особое значение для судебной психиатрии (реактивные и исключительные состояния, легкие органические поражения центральной нервной системы, шизофрения).

2. Подготовить кадры квалифицированных судебных психиатров, знающих не только психиатрию, но и основы нашей уголовной и исправительно-трудовой политики.

3. Упорядочить практическое проведение судебно-психиатрической экспертизы как путем организации в психиатрических больницах специальных отделений, так и установлением института областных (краевых) судебных психиатров, являющихся руководителями и консультантами судебно-психиатрической экспертизы в масштабе области (края).

4. Обеспечить реальное осуществление принудительного лечения надлежащей реорганизацией тех отделений психиатрических больниц, в которых оно проводится, обеспечить этому вопросу внимание руководства органов здравоохранения, прокурорских и судебных работников.

¹ Речь на I всесоюзном совещании по судебной психиатрии 22 декабря 1936 г.

Значение и место судебно-психиатрической экспертизы в зале суда¹

Судебно-психиатрическая экспертиза, проводимая непосредственно в зале суда, является наряду со стационарной, амбулаторной и заочной экспертизой одной из форм участия эксперта-психиатра в судебном процессе.

Непосредственное участие эксперта во всем судебном разбирательстве, несомненно, благоприятствует получению различного рода материалов, характеризующих с самых разнообразных сторон жизнь, личность и деятельность исследуемого. В процессе допроса свидетелей эксперт, непосредственно знакомясь со всеми деталями дела, имеет возможность собрать более полный объективный анамнез испытуемого. Перекрестный допрос свидетелей облегчает эксперту критическую оценку их показаний и отбор наиболее достоверных. Во время судебного разбирательства перед экспертом может возникнуть ряд новых, доселе не бывших в поле его зрения вопросов, решение которых тут же на месте часто имеет существенное значение для его выводов. Одновременно врач может выяснить и ряд вопросов, хотя и нашедших некоторое отражение в материалах предварительного следствия, но разработанных недостаточно полно, ввиду отсутствия у лиц, ведущих следствие, психиатрических знаний и вытекающей отсюда недооценки ими важности получения необходимых данных, освещающих эти вопросы. Исключительное значение приобретает участие эксперта в судебном заседании по делам, в которых психиатрической компетенции подлежит разрешение вопроса не о состоянии здоровья обвиняемого в момент суда, а определение его психического здоровья в период совершения инкриминируемого ему правонарушения. В этих случаях стационарная экспертиза, как бы долго и тщательно она ни проводилась, зачастую оказывается беспомощной. В самом судебном заседании, где как бы вновь проходит вся картина правонарушения, можно остановиться и заострить внимание на тех или иных деталях, могущих оказаться решающими для выводов эксперта. В качестве иллюстрации к сказанному приведем из нашего материала следующий случай:

Л-ч, 32 лет, обвинялся в покушении на убийство своей жены, с которой за год до того развелся, но имел постоянные конфликты, ссоры и бурные сцены на почве ее плохого отношения к их ребенку. При стационарной экспертизе Л-ч не обнаружил никаких признаков психического заболевания. Причиной его направления на экспертизу послужило только заявление о запятовании периода правонарушения. В то же время в деле имелись указания о том, что Л-ч лично явился в район милиции и заявил, что он убил свою жену

(фактически легко ранил), а также о том, что перед преступлением с обеих сторон были угрозы расправиться друг с другом. Располагая только этими данными, стационарная экспертиза, естественно, не могла высказаться ни за наличие исключительного состояния (патологический аффект), ни исключить последнее. Мы попросили вызвать эксперта в суд. В процессе судебного разбирательства прокурор обратил внимание на несоблюдение милицией одной детали при проведении следствия: между составлением протокола заявителя и первым допросом прошел необычно долгий срок (около суток). Прокурора это заинтересовало с юридической точки зрения, для эксперта же выяснение этого вопроса оказалось решающим моментом в его экспертизе: специально вызванные по этому вопросу свидетели — дежурный по милиции и другие граждане — объяснили задержку допроса тем, что Л-ч, прибежав в милицию и крикнув «я убил свою жену», тут же опустился на скамью и заснул так крепко, что никакими способами, даже «героическими» (вплоть до обливания его водой, дергания за ноги и проч.), не удавалось его разбудить. Проснувшись через 12 часов, Л-ч заявил, что он о совершенном ничего не помнит.

Присоединение к предыдущим материалам этой «детали», указывающей на наличие глубокой нервно-психической истощенности (прострации), характерной для патологического аффекта, дало возможность эксперту с определенностью высказаться за исключительное состояние и невменяемость.

В отдельных случаях при определении психического состояния пострадавшего эксперт на суде имеет возможность более точно установить наличие и степень связи (причина, совпадение во времени) между психическим заболеванием пострадавшего и полученной им психической травмой, что имеет известное значение для суда при определении степени ответственности обвиняемого.

Преимущества, представляемые этим видом экспертизы непосредственно для суда, в основном заключаются в возможности выяснить ряд подчас для него неясных положений предшествовавших экспертиз и получить ответ на могущие возникнуть новые вопросы в процессе самого судебного разбирательства. Так, нам известен случай, когда вызов эксперта в суд, при наличии достаточно определенного заключения о вменяемости предшествовавшей стационарной экспертизы, был обусловлен тем, что в деле, помимо нашего диагноза (истерическая личность), имелись справки других специалистов, наблюдавших испытуемого до правонарушения. В одной из них значилось, что у обвиняемого имеется «реактивное состояние, обусловленное как эндогенными (конституциональными), так и психогенными (семейной ситуацией) моментами; в дру-

¹ Переработанная стенограмма доклада на всесоюзном совещании по судебной психиатрии.

гой справке фигурировал диагноз «невроз на конституциональной почве». Хотя в этих справках ничего противоречащего нашему заключению о вменяемости испытуемого и не имелось, все же вполне понятно желание суда разобраться в этой разноречивой терминологии и выяснить, не кроется ли за этим различием в терминах существенное диагностическое и судебное различие.

Удобство этого вида экспертизы для суда, в смысле быстроты получения им необходимого заключения, избегания отсрочки судебного разбирательства и направления испытуемого в психиатрическую больницу особенно наглядно в тех случаях, когда сомнения в психическом здоровье кого-либо из участников дела впервые возникло после назначения слушания дела, или даже начала судебного разбирательства.

Что такие случаи далеко нередки, показывает собранный нами совместно с доктором Гринбергом материал, по которому из 67 экспертиз в зале суда в 24 случаях эта экспертиза была произведена здесь впервые. Следует также отметить, что из указанных 67 экспертиз в 17 случаях подэкспертные не являлись обвиняемыми (пострадавшие, истцы, свидетели). Направление таких лиц на стационарную экспертизу представляется для них неудобным (а советский суд всегда с этим считается), и, кроме того, их стационарирование не всегда оправдывает возникающую в связи с этим отсрочку судебного-следственного процесса.

Наконец, целесообразен вызов экспертов-психиатров в зал суда в тех случаях, когда судебный процесс имеет большой общественный резонанс. В этих случаях публичное выступление эксперта, помимо обычно стоящих перед ним задач, может иметь значение для правильного направления общественного мнения и для борьбы с психиатрическими предрассудками в населении («пьяные дела», «хулиганства на почве нервности» и проч.).

Однако судебно-психиатрическая экспертиза в зале суда имеет и ряд существенных недостатков. К основным из них прежде всего относится непродолжительность и одноактность исследования. Этот, несомненно, серьезный недостаток послужил даже основанием для ряда авторитетных психиатров высказаться за необходимость значительного сужения и максимальной осторожности в выборе этого вида экспертизы.

Современная психиатрическая клиника помимо тщательного и квалифицированного наблюдения располагает рядом специальных видов исследования, требующих соответствующего оборудования, обстановки и времени для их проведения (лабораторные, рентгенологические, некоторые экспериментально-психологические методики и пр.). Невозможность применения этих средств исследования, прочно вошедших в арсенал психиатрической клиники, также в известной степени снижает ценность экспертизы в зале суда, как самостоятельной формы судебно-психиатрического исследования.

Плодотворная деятельность эксперта в суде затрудняется также той специфической обстановкой, в которой находится и исследуемый и которая зачастую вызывает у него аффек-

тивную напряженность, защитную реакцию, изменяет его обычное поведение. Подчеркивая отрицательную роль этого фактора, следует в то же время отметить, что, с другой стороны, наблюдение за испытуемым в этой новой, сложной и необычной для него ситуации представляет для эксперта дополнительный, небезынтересный материал для суждения о психической полноценности исследуемого. Наконец, к числу недостатков относится также вызываемое судебной обстановкой изменение обычно существующих отношений между пациентом и врачом в смысле повышенной осторожности и подозрительности со стороны исследуемого к эксперту, как непосредственному участнику суда, что в некоторых случаях препятствует установлению необходимого контакта для всестороннего исследования испытуемого. Однако тут же следует отметить, что в отношении этого недостатка разбираемая форма экспертизы характеризуется только количественным усилением тех отрицательных моментов, которых не лишены, хотя и в меньшей мере, и другие виды судебно-психиатрической экспертизы.

Учитывая серьезность перечисленных недостатков экспертизы в зале суда, в значительной степени исключаемых при стационарной форме судебно-психиатрической экспертизы, необходимо признать последнюю основной, наиболее квалифицированной и гарантирующей наибольшую объективную достоверность формой судебно-психиатрического исследования. Исходя из этого, мы не собираемся пропагандировать значительное расширение разбираемой нами формы экспертизы или предпочтение ее перед остальными, уже установившимися видами. Мы хотели лишь определить ее место, роль и значение в системе судебно-психиатрического исследования и показать судебным работникам, что в ряде случаев она является практически целесообразной и оправдываемой, а иногда и единственно возможной формой судебно-психиатрической экспертизы.

Мы до сих пор рассматривали судебно-психиатрическую экспертизу в зале суда как самостоятельную форму психиатрической экспертной деятельности, к этому следует добавить, что в целом ряде случаев ее целесообразно применять и в комбинации с другими видами экспертиз (стационарной, амбулаторной) как последнее звено ряда исследований.

В то же время на практике в ряде мест, повидимому, недоценивают значения этого вида психиатрической экспертизы. Сошлемся в этом отношении на недавнее выступление на всесоюзном судебно-психиатрическом совещании в Институте им. Сербского главного врача ставропольской психиатрической больницы доктора Доршта, который указал, что за последние пять лет врачи больницы ни разу не вызывались для участия в качестве экспертов в судебном заседании, хотя их больница является крупнейшим психиатрическим учреждением для всего Северокавказского края.

Вряд ли это можно объяснить отсутствием соответствующих случаев в практике судебных учреждений Северного Кавказа. Однако

было бы совершенно несправедливо обвинять в этом отношении только, или преимущественно, судебных работников.

Права доцент Фейнберг, которая пишет, что советский суд, прокуратура и следственные органы часто прибегают к психиатрической экспертизе, «она стала повседневым делом. Причиной этого является не увеличение количества лиц, совершивших преступления, но значительное улучшение качества работы судебно-следственных органов и то большое внимание, какое уделяется ими при разборе дела личности преступника». Следовательно, в недостаточном использовании нашими судебными органами экспертизы в зале суда в значительной мере виновны сами психиатры и, в первую очередь, судебные психиатры. Знаменателен и тот факт, что в психиатрической литературе за последнее десятилетие мы не встречаем ни одной работы, посвященной этому вопросу. Первой ласточкой в этом отношении является учебник по судебной психиатрии, выпущенный недавно Институтом им. Сербского, в котором в специальном разделе рассматривается судебно-психиатрическая экспертиза в зале суда.

Для правильного осуществления и обеспечения должного качества судебно-психиатрической экспертизы в зале суда следует провести некоторые организационные мероприятия. Если коллегиальность экспертизы является желательной при стационарной экспертизе, опирающейся на данные всестороннего и продолжительного клинического исследования и наблюдения, то это тем более является необходимым при экспертизе в суде, значительно более ограниченной в возможности изучения объекта исследования. Здесь психиатрическая экспертиза, если она является первичной, должна осуществляться коллегиально. Далее, следует еще раз подчеркнуть целесообразность неоднократно высказываемого положения о том, что в качестве эксперта по вопросам о психическом состоянии кого-либо из участников процесса может выступать на суде только специалист-психиатр. Судебные медики, которые, в силу недостаточности своей психиатрической компетенции, сами тяготеют этой обязанностью, должны быть от нее совершенно освобождены. Идеальным являлось бы положение, при котором психиатрическую экспертизу осуществляли бы специалисты—судебные

психиатры. Однако, учитывая крайнюю недостаточность в настоящее время соответствующих кадров, вряд ли это возможно практически осуществить. Поэтому мы, как минимум, предлагаем обеспечить хотя бы достаточную общую психиатрическую компетенцию эксперта и некоторую его осведомленность в вопросах судебной психиатрии. Организационной формой, предусматривающей выполнение этого положения, может быть требование к эксперту-психиатру наличия не менее трехлетнего клинического стажа. Учитывая вышеуказанные требования к эксперту-психиатру, а также исключительную важность и ответственность выполняемой им роли в советском суде, является целесообразным, чтобы списки врачей-психиатров, допускаемых к этой обязанности, предварительно рассматривались и утверждались государственными органами здравоохранения и юстиции (областными или крайевыми отделами). В практике дореволюционного русского судопроизводства и современных капиталистических государств эксперт-психиатр значительно ограничен в своих правах. Советский суд не знает таких ограничений, он создает для эксперта максимально благоприятные условия для добросовестного и высококвалифицированного осуществления возложенных на него функций (ознакомление с делом, присутствие на судебном заседании, допрос обвиняемых и свидетелей, специальное исследование объекта экспертизы и т. д.). Ряд прав эксперта на суде закреплен в советском процессуальном законодательстве. Является желательным, чтобы в законодательстве было также зафиксировано фактически осуществляемое право эксперта самому непосредственно задавать вопросы обвиняемым и свидетелям.

Недавно утвержден величайший документ нашей великой эпохи—Сталинской Конституции. В ней с кристальной четкостью отражено то внимание, которое уделяется партией и правительством в нашей социалистической родине личности и охране ее прав. К каждому делу в нашей стране мы подходим теперь с точки зрения требования Сталинской Конституции. Нам, судебных психиатров, это обязывает еще с большим вниманием, вдумчивостью, четкостью и ответственностью относиться к выполнению почетной работы эксперта в советском суде.

Исследование оттисков шрифта пишущих машинок

Среди разнообразия криминалистической экспертизы документов одно из наиболее сложных исследований принадлежит установлению идентификации шрифта пишущих машинок. Преступный мир приспособляет пишущие машинки как средство для совершения различных подлогов.

Подлоги, осуществляемые посредством пишущих машинок, преследовали по существу те же цели, что и подлоги рукописные. Среди «усовершенствованных» по исполнению подложных документов—различных фиктивных справок, удостоверений, отзывов, дипломов, среди обилия анонимных писем контрреволюционного содержания, угрожающих, шантажирующих, клеветнических—нередко фигурирует машинописный текст.

Поддельвателю, пользующемуся пишущей машинкой, не приходится приспосабливаться под другой, не свойственный ему, почерк, ему не требуется прилагать лишние усилия для достижения сходства подделки с подлинным документом.

Пишущая машинка устраняет эти трудности. Понятно, почему возрастает количество подлогов, исполненных на пишущих машинках.

Известный исследователь документов американский проф. Осборн в своей работе «Техника исследования документов» считает, что рост подлогов при помощи пишущих машинок объясняется, с одной стороны, все возрастающим применением пишущих машинок, внедрением и распространением применения пишущих машинок во всех областях хозяйства и, с другой—от совершенно ошибочного предположения, что текст, написанный на пишущей машинке, не может быть идентифицирован. Оба эти положения, высказанные проф. Осборном, являются верными и не лишены своей актуальности в настоящее время.

Среди наших практических следственно-прокурорских работников еще существуют взгляды, что производство дактилографической экспертизы по текстам, исполненным на пишущих машинках, заранее обречено на неудачу, что все шрифты пишущих машинок одинаковы и лишены тех отличительных, индивидуальных признаков, которые бы служили средством идентификации шрифта. Лишь этим можно объяснить исключительно редкую практику графической экспертизы по установлению тождественности шрифта пишущих машинок. Это положение подтверждается практикой лаборатории по научно-следственной работе Прокуратуры Союза ССР, где за 1½ года производства графических экспертиз имелось лишь 1—2 исследования шрифта пишущих машинок. Не менее разительна в этом отношении практика криминалистической лаборатории Московского правового института им. Стучки, где среди исполненных за 1936 г. свыше 500 дел по экспертизе письма, лишь 2—3 дела под-

вергались исследованию в целях идентификации шрифта пишущей машинки.

Несомненно, что столь редкое обращение работников юстиции к производству этого вида экспертиз отчасти объясняется неправильным представлением о возможностях идентификации шрифта пишущих машинок. Правильно утверждает проф. Осборн, что «...хотя большинство пишущих машинок имеет приблизительно похожий размер шрифта, однако, не существует двух машинок точно одинаковых по размерам букв, за исключением, конечно, совершенно новых машинок одинаковой модели, одной и той же фабрики»¹.

Как мы дальше увидим, абсолютно, казалось бы, одинаковые машинки, спустя некоторое время работы, вследствие изнашивания, приобретают индивидуальные признаки.

Видные исследователи документов среди своих многочисленных литературных работ в области графического исследования, к примеру, разделяют «молчание» практиков-работников в вопросах идентификации шрифта пишущих машинок. Так, Е. Ф. Бурицкий в известной работе «Судебная экспертиза документов», С. Отоленги в книге «Экспертиза почерка и графическая идентификация» ни одним словом не обмолвились по этому поводу. Серьезная работа проф. Макаренко «Техника расследования преступлений» (Харьков, изд. 1925 г.) в обстоятельной главе о подлогах документов не упоминает совершенно о подлогах, исполненных посредством пишущих машинок.

Даже в подробных исследованиях о подлогах, как в работах проф. Осборна, Рейсса, Бразоль, в вопросах идентификации шрифта пишущих машинок уделяются 2—3 страницы среди капитальных объемистых трудов.

Исследование шрифта пишущих машинок в литературе и следственно-судебной практике пребывает далеко еще на ненадлежащем уровне и недостаточно отражает практику использования машинописного текста в целях совершения преступлений.

В известной степени игнорирование этих вопросов приводит на практике к тому, что экспертизы по идентификации пишущих машинок нередко поручаются не экспертам-специалистам, а различным техникам по ремонту пишущих машинок, которые при исследовании вопроса исходят только из формы и величины букв или из некоторой аномалии литья. Здесь вполне уместна аналогия с исследованием нежественных каллиграфов в области экспертизы письма, когда заключения последних основывались лишь на внешнем сходстве различия букв, т. е. их конфигурации, не занимаясь при этом исследованием содержа-

¹ Осборн, Техника исследования документов, под ред. Потапова, стр. 186.

ния документов, стиля, манеры изложения, слогом, ограничиваясь лишь одним из элементов письма—почерком, как внешним, готовым графическим процессом (об этом же мы встречаем указания в статье В. Шату «Идентификация и определение давности текста, написанного на машинке»). («Архив Криминалогии», 1933, № 3—4).

При исследовании шрифта пишущих машинок экспертиза должна разрешать следующие главные задачи: 1. Напечатан ли исследуемый документ на данной пишущей машинке? 2. Напечатаны ли сравниваемые документы на одной и той же машинке (какой системы машинки)? 3. Установление автора текста, пользовавшегося пишущей машинкой (особенно в анонимных письмах). 4. Исследование допечатанных вставок, цифр, строк и т. п., изменяющих смысл, содержание и назначение документа. 5. Определение времени напечатания документов.

В первую очередь исследование шрифта пишущих машинок сводится к определению системы и типа машинок. С этой целью эксперт, а равно и следователь должны знать хотя бы наиболее распространенные системы машинок—с тем, чтобы при тщательном осмотре шрифта иметь возможность определять, печатался ли исследуемый текст на машинке системы «Ундервуд» или же «Ремингтон», «Смис-Премьер», «Эрика», «Адлер», «Континенталь», «Ленинград» и пр.

У пишущих машинок, особенно старых видов, шрифты явно отличались друг от друга по размерам букв, по их соотношению и рисунку. По этим признакам было возможно в первую очередь применить так называемую групповую идентификацию, т. е. выявить тип машинки, ее систему и шрифты одной и той же системы, но разных типов.

При этом учитываются самые незначительные, на первый взгляд, особенности и различия шрифта, наглядно различимые при соответствующем фотоувеличении (линейное увеличение от 2—4 раз).

Наличие каталога разных систем и типов пишущих машинок, иллюстрации различных по рисунку букв их размеров и соотношений облегчают работу эксперта в определении типа пишущей машинки. Однако эти каталоги в нашей практике еще не нашли себе применения.

Системы машинок различаются положением букв, цифр и знаков препинания по отношению к горизонтальной и вертикальной линии строки, т. е. стоят ли буквы вертикально или имеют наклон вправо или влево.

Прямота строк позволяет также судить, имеем ли мы применение машинки с переменным реестром, где по несколько знаков прикреплены к одному букводержателю, или же текст печатался на машинке с полной клавиатурой, где буквы прикрепляются независимо друг от друга.

В настоящее время широко применяется стандартизация пишущих машинок, что естественно усложняет возможность определения системы машинок. Это затруднение усугубляется также процессом стандартизации шрифта, когда последний изготовляется самостоятельно на специальных фабриках, кото-

рые обслуживают заказы на изготовление одного и того же шрифта для разных систем и типов пишущих машинок. Однако при исследовании шрифта пишущих машинок следует руководствоваться бесспорным положением, что каждая машинка, находясь в различных условиях эксплуатации и разного качества ухода, от работы изнашивается, превосходит различное расстройство, подвергается ремонту—все это позволяет юнее всего проявляться индивидуальным признакам, характеризующим данный конкретный тип машинки. Как в учении о следах, мы познаем и отличаем след обуви в стандартный ботинок по характерному износу подошвы, заплатам, или расположению гвоздей после ремонта, или же различаем разыскиваемую автомашину по следам отпечатков стандартных шин на дороге, благодаря лишь индивидуальным признакам получаемых шиной от степени и характера износа, заплат и ремонта,—применительно таким же образом, тем же криминалистическим методом руководствуется эксперт при исследовании отиска шрифта пишущих машинок.

Определив систему и тип пишущей машинки, надлежит перейти к исследованию особенностей шрифта, к его индивидуальным признакам.

Здесь следует иметь в виду, что наиболее характерные отличительные признаки в результате износа машинки проявляются в деформации шрифта. Это выражается либо в порче отдельных букв в результате длительного употребления машинок, когда деформируются ударные поверхности букв и образуются различные вдавления, рубцы, выбоины, разрывы и тому подобные повреждения, наподобие «особых примет» в «словесном портрете», либо в более глубоком «органическом» порке шрифта. Последнюю категорию составляют дефекты строчки, когда строка вместо прямой, в результате дефекта отдельной группы букв, представляет собой кривую, в которой некоторые буквы «устремлены» вверх строки, другие представлены «падающими» ниже строки, а в целом получается «танцующая строка»¹.

Отличительным признаком является иногда наблюдаемое проскакивание в слове отдельных букв, когда образуется «плешивая строчка».

Проскакивание отдельных определенных букв в результате дефекта машинки должно наблюдаться, как постоянное явление, во всем исследуемом тексте. В противном случае будет уместнее говорить о случайном пропуске букв или разрыве ленты. Аналогичным же отличительным признаком следует считать «наскокивание» одной буквы на другую—соседнюю букву. При внимательном исследовании текста, исполненного на подобной машинке, будет заметно, как некоторые буквы оказываются слытными друг с другом, в результате чего образуются непропорциональные разрывы в расстояниях между отдельными буквами и словами. Здесь также внимание исследу-

¹ Бразоль, Очерки по следственной части, Петроград, 1916, раздел «Осмотр документов».

дователя должно быть сосредоточено на выяснении, наблюдается ли так называемое «на-скакивание» по всему тексту документа или быть может оно объяснимо тем, что, нажав клавишу и не опустив ее, одновременно нажали клавишу соседней буквы. Обычно такого рода «слияние» объясняется неумением пишущего работать на машинке.

Индивидуализирует машинку также шрифт, в котором определенные буквы, например, «о», «р», «а» и пр., пробивают насквозь бумагу. Противоположным явлением будет так называемый «слепой шрифт», когда в результате изношенности букв и их загрязнения от мелких частиц резинки, пыли, краски и масла, попадающих в гнезда букв, некоторые из них при оттисках дают различные формы клякс, как-то: буквы «о», «р», «а», «с», «б», «в», цифры 6, 8, 9.

Этот дефект устраняется очередной чисткой машинки, но имеет большое значение для установления времени напечатания документа — до или после чистки машинки, тем более, что смазка и чистка машинки в хороших руках производится регулярно (примерно, 2 раза в месяц). Этот разительный признак в особенности проявляется при всяких позднейших вставках и допечатках. Например, текст исследуемого документа исполнен вскоре после чистки машинки и представлен в виде чистого, ясного рельефа букв, а какая-либо вставка, меняющая смысл документа, исполнена после длительной работы машинки «слепым» шрифтом.

Это обстоятельство, по степени загрязненности букв, позволит исследователю утверждать, что текст и вставка в документе писались на данной машинке в разное время.

Последующую вставку или приписку в документе выдает также неровность в строке. Невозможно установить бумагу точно так же, как это было сделано при напечатании первоначального текста.

При тщательном исследовании шрифта эксперту удастся установить время напечатания документа в отличие от выставленной на исследуемом документе даты и тем самым установить подложность неправильно датированного документа.

При этом эксперт исходит из тех соображений, что машинка в среднем имеет продолжительность службы от 5 до 20 лет. За время работы машинки, как мы уже говорили, изнашиваются ее ударные поверхности букв, и чем больше находилась в эксплуатации машинка, тем специфичнее эти дефекты. Исследуемый документ, исполненный на известной нам машинке, помеченный более поздней или ранней датой, не может напечатать действительному состоянию машинки в период, который указан фиктивной датой на документе.

Для установления подлинной даты (не числа, а года или месяца напечатания) следует иметь все образцы шрифта пишущей машинки в хронологическом порядке — по месяцам и годам.

Также надо знать различные изменения и улучшения, которые произошли с разными системами машинок. Эти признаки могут свидетельствовать, что указанный шрифт на исследуемом документе исполнен раньше или

после внесенных конструктивных и иных изменений в машинку данного типа.

Отличительным признаком принадлежности шрифта и определенной машинки служит также степень износа ее переставных рычагов и состояние букводержателей. Букводержатели гнутся, расшатываются, что приводит к неправильному опечатыванию букв, к образованию неровных оттисков различных букв. Исследование этих оттисков показывает, что они или неравномерно опечатываются на нижней, верхней, левой или правой сторонах отдельных букв, или же целиком изображаются криво. Дефекты рычажков проявляются в том, что они от продолжительной работы ослабляются, что приводит к меняющемуся направлению линий, либо сгибаются, следовательно явится одинаково неправильное направление по всему рассматриваемому тексту.

Ослабление винтов, соединяющих валик с металлической пластинкой, за которую устанавливается при печатании лист бумаги, также приводит к искривлению всей строки.

Сильно изменяют общий вид шрифта дефекты пишущей ленты. При очень жирной текстографической ленте буквы забиваются краской и имеют подобие «слепого» шрифта.

Разная степень изношенности ленты приводит к неравномерным оттискам букв на бумаге. Некоторое влияние на вид шрифта оказывает и степень использования, копировальной бумаги. Текст, напечатанный через копировку, устанавливается при помощи лупы — на краях букв заметны зубцы и мельчайшие окрашенные точки вокруг букв, в то время как при непосредственном печатании буквы будут иметь прямолинейные очертания. При употреблении резинки на копиях размывается краска копировальной бумаги.

Вот в самых общих чертах основные, на наш взгляд, моменты, которые надлежит исследовать эксперту и следователю для того, чтобы среди бесчисленного количества, на первый взгляд «одинаковых» оттисков шрифта пишущих машинок, установить разыскиваемую машинку. Установив машинку, приходится выяснять вопрос, имеется ли возможность установить также и личность писавшего?

При этом следует согласиться с правильным указанием в книге «Криминалистика», что «письмо, выполненное на пишущей машинке, отражает личность писавшего в значительно меньшей степени по сравнению с почерком. Поэтому возможность установить автора такого письма непосредственно по машинописи очень ограничена и требует особых условий»¹.

О каких же признаках и с какой степенью вероятности можем мы устанавливать автора машинописного текста? В первую очередь возможно установить, исполнен ли исследуемый текст лицом, хорошо владеющим практикой работы на пишущей машинке, или автором, которому не приходилось работать на машинке.

Несомненно, что лицо, которому длительный период приходилось работать на пишущей машинке, приобретает навыки и привычки, проследить которые возможно при тщательном

¹ «Криминалистика», кн. I, 1936, стр. 128

исследовании текста. Это проявляется в быстроте и непринужденности письма, в равномерной силе удара по клавишам опытных рук, в привычном размещении текста, в специфическом для пишущих на машинке употреблении красных строк, полей, интервалов, в величине типичных промежутков между буквами,—все эти признаки у лица, впервые пользующегося машинкой, будут разнородны—разная степень удара по клавишам, неуверенность, неровность расстыкания между словами и строками, пропуски отдельных букв, налезания букв и т. п.

При идентификации лица, напечатавшего исследуемый текст, писавший обнаруживает себя как по содержанию документа, так и по присущим ему привычкам письма и ошибкам.

Эти признаки приобретают особо серьезное значение, когда исследованию подвергаются анонимные письма.

Здесь в первую очередь подлежит исследованию содержание письма, из которого будут явствовать цель и мотивы писавшего, исследование стилистического построения фраз, соблюдения грамматических правил, подбор слов и выражений, разделение слогов и расстановка знаков препинания. Необходимо серьезное внимание обратить на привычки письма, как-то: манера расположения текста, способ подчеркивания, величина и форма полей, способ переноса слогов, особенности нумерации страниц, особый вид подчисток и исправлений слов и т. п.

Столь же серьезное внимание требует исследование ошибок, присущих письму заподозренного лица. Сюда относятся пропуски определенных букв, употребление маленьких букв вместо больших, повторяющиеся орфографические ошибки, неправильное употребление знаков препинания и т. д.

Эксперту и следователю необходимо иметь в виду, что анонимные письма и любые вообще документы, исполненные на машинке, часто на боковых сторонах листа сохраняют невидимые оттиски папилярных линий, остающихся при вставлении бумаги в машинку. Следует всеми мерами оберегать от порчи эти следы. Также не рекомендуется уничтожать конверты, в которых часто присылаются анонимные письма, исполненные машинописным шрифтом, ибо нередко адрес на конверте исполняется от руки, и путем графического исследования станвится возможным установить автора письма.

Исследователь не должен механически рассматривать в отдельности все указанные признаки при идентификации личности.

Все эти приемы имеют значение и смысл лишь тогда, когда применяются в связи друг с другом, когда одно исследуемое обстоятельство находится в связи с другими и когда вся совокупность признаков приводит эксперта к тому или иному выводу. При этом следует помнить, что все исследование экспертом должно проводиться на основе тщательного изучения всех обстоятельств дела, а не оторванным от фактической стороны дела. Знание обстоятельств дела необходимо эксперту для наиболее достоверного разрешения исследуемого вопроса.

Поступающий на исследование документ

надлежит всячески предохранять от повреждения и изменений, для чего категорически не допускается прокалывать, чертить и шивать этот документ, лишний раз его складывать, загибать и пр. Первоначальное состояние документа рекомендуется описать в специальном протоколе до исследования. Хранить исследуемые документы необходимо в конвертах, а документы, пришедшие в ветхое состояние,— между двумя стеклянными пластинками, оклеенными по краям бумагой.

Опасность порчи документов, в результате которой весьма ценные графические экспертизы оказываются лишенными своей полноты, должны обязать каждого следственного и судебного работника к самому бережному и аккуратному обращению с исследуемыми документами. Ведь далеко нередкое явление, когда опытный следователь, направляя материал на исследование, предварительно различные места текста несколько раз подчеркивает цветными карандашами, берет некоторые слова в кружок, направляет на нее стрелки и т. п. Вместо помощи эксперту получается порча документа, порча часто непоправимого характера.

Не меньшее значение имеет правильный подбор образцов шрифтов пишущей машинки (так называемого свободного письма и под диктовку).

Одним из основных условий для правильного разрешения дактилографического исследования является наличие правильного и достаточно подобранного материала для сравнительного исследования, ибо от этого весьма часто зависит и правильность заключения.

При подборе образцов письма следователь должен учесть следующие основные моменты:

1. Образцы должны быть по возможности по тексту обширного содержания, ибо тем больше возможностей у эксперта выявить особенности и отличительные признаки данного шрифта пишущей машинки.
2. При отборе образцов под диктовку каждый образец следователю надлежит удостоверить и отметить, на какой машинке (точно) исполнялся данный текст, кем и когда (число, месяц, год).
3. Образцы под диктовку следует отбирать у заподозренных лиц, а не поручать эту работу квалифицированным машинисткам.
4. Образцы необходимо отбирать на такой же бумаге (разная способность впитывать краску оттиска букв) такой же величины и разлиновки, как и заподозренный документ. Лента и копирка должны быть такого же цвета и той же степени изношенности, как и при печатании шрифта заподозренного документа.
5. При диктовке текста, аналогичного по содержанию заподозренному документу, следователь не должен требовать от заподозренного исполнения тех же орфографических ошибок, какие имеются в заподозренном документе, а равно не должен подсказывать расстановку знаков препинания, переносов слогов и т. п.

Диктовать нужно по обычным правилам диктовки, и, если в этом случае в образце будут систематически встречаться те же грамматические ошибки (что и в заподозренном тексте), это будет одним из признаков идентификации личности.

Помимо этого следует отобрать у заподоз-

ренного полную копию с заподозренного документа. Копия должна быть индентична — одинаковые поля, интервалы, количество знаков в строчке, число строк в странице, те же, что и в заподозренном документе, ошибки и т. п.

6. Образцы надлежит отбирать по времени, совпадающему с предполагаемым или известным исполнением заподозренного документа, так как индивидуальные признаки машинки после ее ремонта и изношенности подвергаются изменениям.

Все это необходимо для последующего исследования путем совмещения сравниваемых текстов (наложением) и совмещением диапозитивов — пленка, стекло).

7. Необходимо на специальном листе отпечатать также весь алфавит больших и малых букв со всеми знаками и цифрами.

Одновременно следует навести справку, не подвергалась ли машинка ремонту за истекший период со дня написания документа и в чем состоял ремонт.

Приведенные данные рекомендуются далеко не как исчерпывающие, а лишь как минимальные требования, предъявляемые в целях обеспечения наибольшей вероятности при даче экспертом заключения.

Предпосылки научно-графического исследования документов, т. е. криминалистической экспертизы, нужно усматривать не только в правильной подготовке материала для исследования, но и в надлежащей обстановке для исследования — в наличии хорошо оборудованной лаборатории, в возможности применения достижений современной микро-и макро-фотографий, производства химического анализа, выявления подчисток путем действия ультрафиолетовых лучей кварцевой лампы и т. п. и, наконец, в своевременности производства исследования, т. е. в известной оперативности работников экспертизы. Само собой разумеется, что к производству экспертизы может быть допущен лишь специалист, имеющий достаточную квалификацию, образование и практический стаж работы.

Перейдем к основным принципам исследования документов.

Они сводятся, во-первых, к тому, что любой экспертизе документа должно предшествовать производство наружного осмотра документов — осмотр документа на просвет, под косым углом зрения и освещения, исследование бумаги, знаков, следов пятен, травления и соскребок копировки, рисовки, карандашной подготовки и т. п.

Во-вторых, экспертом параллельно производится исследование документа по его содержанию, стилю и манере изложения письма, грамотности пишущего. Наряду с этим, сопоставляя исследуемый материал с фактическими обстоятельствами дела, эксперт выясняет цель и мотив, которыми руководствовался пишущий при составлении заподозренного документа. Все эти моменты исследования, как это выше отмечалось, необходимы эксперту, как условия для правильного разрешения дела и дачи наиболее достоверного заключения.

Установление признаков идентификации машинки и пишущего лица требует от эксперта кропотливой работы и большого внимания.

При этом следует иметь в виду указание проф. Осборна, что «никакое заключение об идентичности печатных букв не должно основываться на незначительном числе изменяющихся оттисков».

До начала исследования рекомендуется сфотографировать документ, увеличив его, примерно, в 2—4 раза.

Эта репродукционная работа необходима! Во-первых, становятся более заметны особенности текста документа, резче выступают его индивидуальные признаки. Во-вторых, имея увеличенные фотокопии документов, можно производить различные требуемые измерения, сохраняя при этом в полной неприкосновенности подлинный документ. В-третьих, это увеличение нужно как наглядная демонстрация выводов эксперта о наличии или отсутствии идентификации сравниваемых документов.

Исследование обычно начинается с шрифта машинок на заподозренном документе. Лишь после установления особенностей данного шрифта рекомендуется перейти к исследованию представленных образцов. При наличии большого и разнообразного количества образцов методом исключения отбрасываются образцы, явно не имеющие отношения к заподозренному шрифту, а остающиеся образцы подвергаются самому тщательному исследованию и выявлению идентичных, заподозренному шрифту, признаков.

Последующая стадия работы — метод сравнительного исследования шрифтов заподозренного документа с представленными образцами.

Здесь рекомендуется применить к сравниваемым документам в целях установления их тождественности метод наложения друг на друга диапозитивов исследуемых документов (стеклянной пластинки или пленки).

Совмещение одинаковых слов сравниваемых документов во всех точках явится бесспорным признаком тождественности шрифтов пишущей машинки.

Для установления отклонений букв от горизонтальной линии строки, наклона проф. Рейсс рекомендует пользоваться прозрачной целлоидной или стеклянной пластинкой, разграфленной таким образом, что любой наклон букв становится очевидным.

В случаях, когда отдельные признаки шрифта невооруженным глазом мало различимы, применяются разной степени увеличения лупы, бинокулярный микроскоп и другая аппаратура, находящаяся в лаборатории.

Какие могут возникнуть различные вопросы при идентификации шрифтов пишущих машинок. Это поясняют некоторые случаи, описанные в различных зарубежных криминалистических журналах и отмеченные в нашей экспертной практике.

В статье Ф. Мишо «Уроки одного скандала», опубликованной во французском журнале «Ревию интернациональ де криминалистик», 1933 г. № 9, приводится одно интересное исследование идентификации пишущей машинки: Лукко был главным обвиняемым по так называемому делу Азропостали. «Этот французский процесс нагумел во всей Европе. Здесь были спуганы в один клубок уголовные преступники, промышленники, финансисты и парламентарии».

деятели. Поводом к процессу явилась, несуществующая никакими средствами ожесточенная конкуренция двух французских авиационных компаний».

Техническая сторона преступления состояла в подлоге документов и мошенничествах.

Среди документов, подлежащих исследованию, были напечатанные на машинке. Здесь прежде всего надлежало выяснить, на машинке какой системы они были изготовлены.

Эксперты имели в своем распоряжении 150 образцов шрифтов пишущих машин.

Сравнив их со спорными документами, пришли к заключению, что они написаны на машинке «Вудсток», для которой характерна, главным образом, форма ударения (резко отличается от всех других машинок).

После этого эксперты обратились к этой фирме в Париж, при которой имелось бюро, принимавшее от клиентов перепечатку документов на машинках своей системы: были взяты образцы шрифтов всех пишущих машинок. По следам повреждения некоторых букв эксперты смогли идентифицировать машинку, на которой была написана часть исследуемых документов.

Отличительной особенностью этих писем было то, что они, видимо, были напечатаны не специалистом, а лицом, плохо знакомым с работой пишущих машинок. Так, например, опытная машинистка всегда опускает зажимы, оттягивающие бумагу выше линии письма назад. Лукко этого не делал, благодаря чему лента мазала бумагу и большие цифры, и буквы шрифта, расположенные на общей вилке с маленькими, слегка касались бумаги под линией письма и оставляли на ней следы.

Не менее интересные случаи иллюстрируются в статье Г. Шмидта «Криминалистическое значение текстов, воспроизведенных на пишущих машинках», опубликованной в журнале «Архив Криминалогии», т. 83, кн. 3—4, стр. 295 (цитирую по сборнику «Вопросы уголовной техники» перевод Брусилковского и Утевского, изд. «Сов. законодательство»).

«Купец Г. узнал, что в ряд банков поступили написанные на пишущей машине циркуляры, в которых сообщалось о его некредитоспособности. В конце концов один из таких циркуляров попал в его адрес. Г. возбудил преследование против И., у которого была множительная машина, предполагая, что именно И. был распространителем циркуляров. Вместе с тем подозрение пало также и на некоего Ф., у которого была машинка системы «Идеал». Таким образом нужно было определить, какой системы та машинка, на которой были написаны циркуляры, и не является ли она той машинкой, которая принадлежит И. или Ф.

Пишущие машины делятся на такие, где шрифт помещается либо на рычаге, либо на колесе или челноке. В первом случае рычаг с буквой ударяет по ленте и дает оттиск на бумаге. Во втором — буквы насажены на барабан (колесо), либо на сегмент круга — челнок. В этом случае оттиск происходит так, что колесо поворачивается к бумаге тем местом, где расположена буква, а бумага с помощью специального приспособления придавливается к букве.

Рычаговые машины дают яркий и равномер-

ный оттиск, так как буквы «крепко ударяют по ленте и бумаге. Машины типа колеса или челнока дают более слабые оттиски: на них можно различить рисунок ткани ленты и оттиски букв с левой стороны лучше окрашены чем с правой.

Названные циркуляры обнаруживали типичные черты машины последнего типа (колеса или челнока). Таким образом машина фирмы «Идеал», которая принадлежала Ф., исключалась.

Возник вопрос, не написаны ли циркуляры на множительной машине старого типа (новые все рычаговые) или какой-нибудь другой машине.

Самая распространенная машина типа челнока «Гаммонд». Но у нее шестилучевая звезда, между тем как у циркуляров обнаружена восьмилучевая звезда. Кроме того, отличия были обнаружены в формах некоторых букв. Таким образом речь не могла идти о «Гаммонде». Восьмилучевую звезду имеют множительные машины старого типа (типа колеса). В начертании других знаков также замечалось полное тождество между шрифтом циркуляров и машиной, принадлежащей И. Кроме того, обнаружилось и дальнейшие особенности, устанавливающие тождество. Когда колесо было выдвинуто из машины И. и были сделаны оттиски со всех букв, то обнаружилось, что все буквы в порядке, кроме одной. У этой буквы не хватало левого верхнего штриха и левой верхней точки, что указывало на ее порчу. Тот же дефект в названной букве был обнаружен и в циркулярах.

Этот дефект нужно отнести к индивидуальным особенностям машины И., потому что на других аналогичных машинах его не было. Таким образом экспертиза могла прийти к твердому заключению, что циркуляры написаны на множительной машине И., типа колеса.

Еще один пример. У фирмы Р. была в феврале украдена пишущая машинка, которую фирма купила у некоего Г. Спустя короткое время, тот же Г. предложил фирме К. купить у него машинку той же системы. Подозревая, что Г. предлагает ту самую машинку, которая была украдена у фирмы Р., фирма К. вернула эту машинку фирме Р. и одновременно заявила о случившемся в розыск. Надлежало установить тождество или различие обеих машинок.

Если машинки тождественны, то Г. продал оба раза одну и ту же машинку, если разные, то речь идет о двух машинках.

Фирма Р. имела многочисленные документы, написанные на машинке до ее кражи (февраль) и после ее возвращения (август). Материал этот сличили с текстом, написанным следователем на спорной машинке. При этом было установлено полное тождество букв и длины строк между материалами от февраля и августа, представленными фирмой Р., и тем, который следователь изготовил с помощью машинки. Различие состояло только в расстоянии между строками, но вскоре оно получило свое объяснение. Именно в материалах от августа расстояние между строками было несколько меньше, чем в материалах от февраля, но, впрочем, расстояние в последних было неодинаково. При опытах с самой машинкой обнаружи-

лось, что расстояния между строками колебались. Это зависело от того, что при механическом повороте рычага, который регулировал расстояние между строками, это расстояние уменьшалось, если зубчатое колесо не было закреплено. Таким образом расстояние между строками не играло роли.

Полное доказательство тождественности материалов от августа и от февраля вытекало из следующих соображений:

Буквы «а», «в», «к» имели повреждения, особенно заметные, если отлить их из воска и затем изготовить гипсовые слепки. Эти гипсовые слепки были сняты при восьмикратном увеличении. С негативов были сделаны позитивы, были сличены все материалы. При этом выяснилось, что правый нижний угол буквы «а» вдавлен и стерт, как и правый полукруг «в», как крючок буквы «к», что было вызвано сплелением при писании соседних букв. Это тождество дефектов на всех материалах приводило к бесспорному убеждению, что машинки тождественны и что, следовательно, Г. предлагал К. краденую машинку.

Еще один пример.

Уже однажды привлекавшийся за подлог Циммерман предстал перед судом по следующему поводу. Он задолжал своей жене 4000 марок. Этот долг будто бы принял на себя некий Кунце, умерший к моменту следствия, которому Циммерман оказал какую-то юридическую услугу. В доказательство того, что взамен этой услуги Кунце взял на себя долг Циммермана перед его женой, Циммерман представил написанное на машинке обязательство Кунце, подписанное как последним, так самим Циммерманом и его женой. Возникло подозрение, что в распоряжении Циммермана была бланковая подпись Кунце под пустым текстом и что текст заполнил затем сам Циммерман. Именно это обстоятельство нужно было проверить.

Обязательство имело посредине вертикальную борозду, которую пересекали не только части подписи жены Циммермана и самого Кунце, но также и ряд знаков пишущей машинки. Буквы машинки были отчетливо выбиты, но под микроскопом казались слегка размытыми. В месте скрещения с бороздой буквы были слегка расширены и зазубрены, как это было видно на фотографии с 7,5-кратным увеличением. Это произошло не от свойства ленточной краски, но от того, что буква попадала не только на гладкую бумагу,

но и на борозду с ее выступающими слегка краями (на микрофотограмме отчетливо видно на буквах).

Наоборот, если рассмотреть при увеличении букву подписи «Карл Кунце», то эта буква не только не расплылась, но благодаря борозде и отрыву части чернил, получила легкое сужение, между тем как буква «е» подписи «Эрнестина Циммерман» расплылась в силу того, что чернила попали в борозду.

Из всех этих фактов с бесспорностью вытекает, что подпись Кунце была сделана до появления надлома на бумаге, подписи же с прыжков Циммерман после надлома, а отсюда следует, что Кунце дал свою подпись под незаполненным бланком. В литературе не раз уже указывалось на важное значение надломов, борозд и надрывов на бумаге, но наблюдению подвергались только чернильные надписи. Описанный нами эксперимент показывает, что можно установить и для пишущих машинок, сделана ли надпись до или после появления разрыва.

В заключение небезынтересно привести случай из практики лаборатории по научно-следственной работе Прокуратуры Союза ССР.

В одном из отделений Сталинабадской главсберкассы систематически производились крупные хищения рыночных займов на сотни тысяч рублей. Среди многих заподозренных документов были установлены документы, исполненные на пишущей машинке.

Один из этих подложных документов, адресованный в Госбанк от имени райсберкассы №..., с просьбой выдать инкассатору ценный пакет на 25 400 руб. рыночного займа, был подвергнут тщательному экспертному исследованию.

Сравнительным исследованием заподозренного шрифта с представленными образцами шрифта пишущей машинки из сберкассы №... была установлена их тождественность путем совмещения одинаковых слов при наложении диапозитивов сравниваемых документов. Помимо этого совпадали одинаковые дефекты букв «а», «р», «и», «х», цифр «5», «1» по всему исследуемому заподозренному тексту и образцам письма, что и было отражено в таблицах увеличенных фотоснимков в качестве иллюстраций.

Все это позволило установить принадлежность пишущей машинки сберкассе №... и помогло следственным органам правильно ориентироваться в процессе предварительного расследования.

Некоторые процессуальные вопросы защиты на суде

Последовательный и до конца доведенный демократизм, которым характеризуется новая Сталинская Конституция СССР, проводится во всех областях государственной деятельности, проводится и в деятельности советского суда. Этот демократизм судебной деятельности выражается и реализуется различными путями, и одним таким путем является развитие, расширение и укрепление составительной формы уголовного процесса. Эта составительная форма характеризуется главным образом тем, что обвиняемому предоставляются права стороны в процессе, что обвиняемый делается субъектом процессуальных прав, а не бесправным «объектом исследования», каким он был в средневековом инквизиционном процессе и в каком он обращается сейчас в уголовном процессе фашистских государств. А это связано с вопросом о деятельности той организации, задачей которой является помощь обвиняемому в осуществлении его процессуальных прав — советской защиты, советской адвокатуры.

Безусловная актуальность вопроса о советской защите сейчас совершенно очевидна. Ст. III Сталинской Конституции, обеспечивающая обвиняемому право на защиту, предусматривает предоставляемый обвиняемому ряд процессуальных средств, при помощи которых он может защищаться против предъявленного ему обвинения. Одним из таких средств, и средством крайне существенным, является право обвиняемого пользоваться помощью защитника, адвоката. Вопросы советской адвокатуры в нашей юридической прессе привлекают к себе большое внимание, но ставятся они главным образом в плоскости организационной.

Организационные вопросы советской защиты несомненно очень важны, но не следует упускать из виду и вопросы чисто процессуальные, связанные с положением, ролью защитника на суде. А этот вопрос у нас разработан очень, недостаточно.

В юридической литературе (главным образом дореволюционной) неоднократно поднималось обсуждение так называемых «вечных вопросов защиты» или «вечных вопросов адвокатуры», существующих с тех пор и до тех пор, пока существует защита. И надо сказать, что чем больше разрабатывались эти «вечные» вопросы, тем больше они росли и конца края им не было видно. И ни один из этих «вечных» вопросов не был решен. Это не объясняется недостаточно умелой постановкой этих вопросов; очевидно, здесь был порок в самой постановке проблемы. О самой постановке этой проблемы «вечных вопросов» я скажу дальше, а пока остановлюсь на отдельных вопросах, связанных с выступлением защитника на суде. Первый вопрос: что такое защитник в уголовном суде, каково его процессуальное положение, какова его

процессуальная роль? Защитник, прежде всего, представитель интересов обвиняемого, которого он защищает на суде. Несомненно, защитник является представителем интересов обвиняемого, но представителем своеобразным. Это своеобразие в первую очередь заключается в том, что, будучи представителем обвиняемого, защитник имеет в то же время самостоятельное положение и не связан целиком волеизъявлением, указаниями, точкой зрения, позицией своего подзащитного. Известная самостоятельность защитника в отношении обвиняемого — необходимое условие защиты в уголовном процессе.

Но это не исчерпывает вопроса о положении защитника на суде: защитник есть также помощник суда.

Защитник как представитель интересов обвиняемого на суде и защитник как помощник суда, — оба эти признака определяют процессуальное положение защитника и оба они неразрывно между собою связаны. Правильно ли то положение, что защитник является помощником суда?

Положение это не ново, но одно время оно ослабевало. Проф. Н. Н. Полянский так ставил вопрос в своей известной работе «Правда и ложь в уголовной защите»: защитник является помощником не судьи, а помощником правосудия. Проф. Полянский очень решительно боролся против конструирования положения защитника как помощника судьи, противопоставляя иную конструкцию: защитник — помощник правосудия. Очевидно, точка зрения Н. Н. Полянского в некоторой степени основана на недоразумении, достаточно существенном. Конечно, нельзя говорить, что защитник является помощником судьи. Защитник не является помощником судьи, потому что судья есть должность. Но если судья — должность, то суд — это орган, это функция, и помощником суда защитник безусловно является. В этом его роль: защитник помогает суду в рассмотрении и правильном разрешении дела, содействуя выявлению всех тех обстоятельств, которые говорят в пользу обвиняемого, оправдывают его, смягчают его ответственность.

Таковы роль, положение защитника. Это положение, по видимости, двойственное: представительство интересов обвиняемого и помощь суду. Противоречия здесь нет; защитник помогает суду именно тем, что защищает законные (именно законные) интересы обвиняемого. Всегда же, когда защитник противопоставляет себя суду, не помогает суду правильно решить дело, а пытается увести суд с правильного пути и рассматривает себя только как представителя интересов обвиняемого (всяких интересов, а не только законных), он несомненно уходит с позиций советского защитника.

Однако в вопросе о процессуальном положении защитника на суде иногда допускается совершенно нетерпимая путаница.

С этой точки зрения очень характерна одна статья в № 6 «Социалистической законности» за июнь 1935 г., — статья т. Кирзнера под грозным названием «С открытым забралом».

Тов. Кирзнер пытается «нейтрализовать» защиту в уголовном процессе, то есть морально связать ее по рукам и ногам и в таком обезоруженном виде, правда, с открытым забралом, но без всякого огнестрельного и холодного оружия выпустить на арену. Основная мысль Кирзнера заключается в следующем: прокурор, идя в суд, имеет определенную точку зрения, которую он официально сформулировал в обвинительном заключении. Точка зрения прокурора ясна, а вот точка зрения защиты продолжает быть неизвестной для суда и прокурора до самого конца судебного следствия. Правда, о ней можно догадываться по вопросам, которые защитник задает на суде обвиняемому, свидетелям, но в основном точка зрения, которую защитник будет защищать в своей речи, до этой речи не ясна или совсем неизвестна. Тов. Кирзнер, характеризуя это положение, утверждает, что как раз это явление — неизвестность точки зрения защиты в процессе всего судебного следствия — влечет то, что «суд раздражается, иногда выражает нетерпение и недовольство поведением защиты, урезывает ее активность, нервничает, а то и вовсе дезориентирует». Почему это происходит? Тов. Кирзнер утверждает, что происходит это потому, что отношение защиты к обвинительному заключению не выявляется достаточно четко в самом начале процесса. Поэтому т. Кирзнер делает предложение такого порядка: после оглашения обвинительного заключения защитник обязан заявить суду, считает ли он предварительное следствие проведенным правильно, а обвинительное заключение — соответствующим материалам предварительного следствия, и если нет, то в каких частях и почему. Защитник обязан сразу определить, признает ли он обвиняемого виновным или не признает, если признает, то в чем. И все это защитник должен сделать не в результате судебного следствия, а на основании материалов предварительного следствия. В таком виде, объявив свою точку зрения, защитник должен продолжать участвовать в суде, независимо от конкретных материалов, которые на судебном следствии выявляются.

Это абсолютно неправильная трактовка роли защитника на суде. Нельзя же защитнику так связывать руки: не он вел следствие, не он за качество следствия отвечает, но он должен, не проверяя следствия, не видя живых людей, которые на следствии давали показания, может быть только побеседовав со своим подзащитным, уже сразу выносить свое решение по вопросу о виновности обвиняемого.

Далее т. Кирзнер поднимает вопрос о равноправии сторон и довольно решительно выступает в следующем направлении. Он говорит, что защита перед прокурором имеет то преимущество, что у нее остается возможность, игнорируя материал предварительного следствия, применяться к конъюнктуре судеб-

ного следствия». Тут уже все непонятно. Что же плохого в том, что защитник имеет право приравниваться к «конъюнктуре» судебного следствия? Это и прокурору не возбраняется, наоборот, очень рекомендуется. Однако т. Кирзнер находит, что отсутствие всяких «обязательств» защиты по отношению к материалам предварительного следствия «оказывает на защиту «разлагающее влияние». «Защита, — утверждает т. Кирзнер, — отдает предпочтение «судебным» материалам, хотя сплошь и рядом они по разным причинам (промежутки времени до суда, последующие влияния на свидетелей и подсудимых и т. п.) могут в смысле близости к истине оказаться хуже материалов предварительного следствия». Но ведь основное — это именно материалы судебного следствия, именно на них базируется суд при вынесении приговора. Сам закон (ст. 319 УПК) «отдает предпочтение» материалам судебного следствия, а т. Кирзнер в явное противоречие с законом и в не менее явное противоречие с принципами устности и непосредственности процесса вообще лишает всякого значения судебное следствие и предлагает «отдавать предпочтение» предварительному следствию. Как будто речь идет о конкуренции между предварительным и судебным следствием!..

Это, между прочим, не случайно. Тов. Кирзнер в другой своей работе «Вступление защиты в производство по уголовному делу» («Сов. юстиция» № 2 1936 г.) вообще поставил задачу — сузить защиту не только с точки зрения ее поведения на суде, но и с точки зрения тех вопросов, которыми она на суде должна заниматься. Тов. Кирзнер указывает в этой статье, что основная задача защиты в советском суде должна сводиться к подысканию и указанию доказательств, фактов, документов, свидетелей, конкретных данных, опровергающих обвинение и правильно квалифицирующих действия подсудимого. «Рассуждения по поводу убедительности тех или иных материалов стоят на втором месте. И пожалуй, на последнем — вопрос о значимости бесспорно установленных фактов». Больше извратить природу и задачи советской защиты нельзя. Защитник превращается в какого-то ходатая сомнительного свойства.

Следующий вопрос очень существенный и в практике и в теории — это вопрос относительно взаимоотношений защитника с его подзащитным в уголовном процессе, защитника с обвиняемым, интересы которого защитник в данном случае представляет. Выше было сказано, что защитник не связан позицией, которую занимает его подзащитный, и по своему разумению, по своей совести должен сам избрать тот путь, который наиболее благоприятствует осуществлению правосудия, действительной, правильной защите данного обвиняемого. Это создает сложность для защиты, но именно такова задача и иначе она решена быть не может.

В старой книге т. Ривлина «Советская адвокатура» (1926 г.) выставлено такое положение, например, что тяжким нарушением профессионального долга защитника является заявление им суду, что он, защитник, признает обстоятельства, которые обвиняемый отрицает, хотя бы защитник был убежден, что со-

ответствующие обстоятельства в действительности имели место.

Тов. Ривлин далее говорил, что оказание защитником «намеренной помощи» обвинению, в чем бы эта помощь ни заключалась, является грубым нарушением его долга и обязанностей защитника. Тов. Ривлин прав в том смысле, что не дело защиты доказывать факты, оспариваемые обвиняемым, равно не входит в круг обязанностей защитника оказание помощи обвинителю. У защитника своя функция, и если он не связан позицией своего подзащитного, то он вовсе не обязан спорить с ним на суде, опровергать показания обвиняемого и т. д. Помогать же защитник должен не обвинителю, а суду. Но с т. Ривлиным нельзя никак согласиться в части превращения обвинителя и защитника в представителей каких-то враждующих лагерей. Ведь оба юристы — разными путями, с разных сторон — идут к одной цели, содействуя вынесению правильного, справедливого судебного приговора.

Крайне существенным вопросом является вопрос об отказе от защиты, о праве защитника отказываться от защиты обвиняемого. Отказ от защиты может быть в двух формах: отказ до суда, т. е. отказ от принятия на себя функций защиты по данному делу и отказ на суде, то есть отказ от защиты со стороны формально допущенного, участвующего в деле защитника.

Вопрос об отказе от защиты на суде сейчас уже не вызывает никаких сомнений в смысле его недопустимости, полной недопустимости перебежки защитника в лагерь обвинения, когда защитник в результате судебного следствия (такие случаи иногда бывали) заявлял суду, что он считает обвинение доказанным, ничего не может возразить прокурору и, присоединяясь к прокурору, в сознании выполненного гражданского долга, от защитительной речи отказывается.

Этот вопрос совершенно бесспорен, и опыт очень серьезных и громких процессов (например, дело антисоветского проклетского центра) показал, что добросовестный советский защитник может с достоинством выполнить свои обязанности даже при полной доказанности обвинения. В каждом деле есть много вопросов, где защита найдет правильную линию. Можно признать обвинение доказанным, но оспаривать квалификацию, можно признать квалификацию, но настаивать на смягчении наказания. Никакой аналогии с отказом прокурора от обвинения здесь нет.

Очень удачно сказал один немецкий процессуалист Цу-Дона: «Защита виновного остается достойной задачей, а преследование невинного есть преступление».

Другой вопрос — это отказ от принятия дела до суда. Врач не может отказаться в помощи больному, как бы последний антипатичен ему ни был.

Может ли защитник отказаться от принятия на себя обязанностей защиты по данному делу?

Конечно, нельзя настаивать на том, чтобы каждый защитник обязательно брал на себя защиту всякого, кто к нему обратится. Но бесспорно, что такие отказы возможны лишь при условии, что обвиняемый будет обеспе-

чен защитой через организации защитников, иначе будет нарушена ст. 111 Конституции.

Этого вопроса касался т. Голубовский в статье «Узловые вопросы защиты» («Соц. законность» № 6 1936 г.). В этой статье есть правильные мысли, но по данному вопросу выражена совершенно неприемлемая точка зрения.

По мнению т. Голубовского, во всех случаях, когда защитник усматривает, что он не сможет стать в ту позицию, которую указывает его подзащитный, защитник самое лучшее сделает, если устранился от защиты.

Тов. Голубовский правильно говорит, что защитник должен быть достаточно активным в деле выявления истинной картины преступления и не идти на поводу у клиентов. А вывод — совершенно нелепый — «...с величайшей осторожностью принимать на себя защиту в тех делах, где приходится ставить вопрос о недоказанности самого факта преступления».

Это значит, что во всех случаях, когда защитник в чем-либо неуверен, не уверен в виновности, но, может быть, сомневается и в невинности обвиняемого, когда вопрос стоит о том, чтобы оспаривать обвинение по существу, то защитник должен постараться от участия в таком деле уклониться. Спрашивается, что же будет с гражданами, с обвиняемыми, которые имели несчастье попасть к такому щепетильному защитнику?

Тов. Голубовский утверждает далее, что в работе защитника особо важна принципиальная линия, а не то, уйдет или нет клиент без помощи. «Нужно, чтобы обращение к защите было таково, чтобы защитники больше интересовались принципиальной линией в своей работе, а не тем, уйдет ли обратившийся за помощью или нет». Конечно, у защитника должна быть принципиальная линия, но если это превратит в такое положение, что у защитника будет принципиальная линия, а у обвиняемого не будет защитника, то вряд ли кому нужен такой защитник.

Несомненно, если иногда бывают перегибы в смысле чрезмерной связанности защитника позицией его клиента, его подзащитного, то Голубовский в данном случае ударяется в противоположную крайность, не менее вредную. Он чрезмерно заботится о чистоте риз защитника и, благодаря этому, оставляет обвиняемого без помощи.

Это абсолютно ошибочная точка зрения. В статье т. Голубовского проскальзывает какое-то пренебрежительное отношение к «клиенту», выражающее, очевидно, известные настроения некоторых коллективов защитников.

Конечно, никто не станет отрицать необходимости разборчивости защитника, но защитник должен быть разборчив в средствах защиты, а не в тех делах, которые он принимает к своему производству. Иначе можно зйти далеко и брать только так называемые «чистые» или «битые» дела, оставляя без защиты обвиняемых по всем делам, по которым выступление представляет известные трудности.

Как уже было указано выше, все эти вопросы иногда носят громкое название «вечных вопросов адвокатуры». Конечно, ничего

«вечного» в них нет. Эти «вечные» вопросы обычно остро всплывают лишь тогда, когда положение защиты оказывается неблагоприятным, когда не ясны ее перспективы, ненормальны взаимоотношения с судом, не ясна сама роль защиты и т. д. — вот тогда сейчас же как из рога изобилия вытекают «вечные» вопросы, один другого сложнее. Но ведь именно сейчас у нас как никогда возрастает роль защиты в суде, поднимается ее значение и авторитет, а потому и нет почвы для подобных «вечных» вопросов. Конечно,

дело заключается не в казуистическом нагромождении таких вопросов в порядке формально логического конструирования различных казусов, — речь идет об осознании защитой своей политической роли как помощника правосудия, как помощника суда, как защитника законных прав и интересов советского гражданина, гарантированных советским законом, великой Сталинской Конституцией. В этом направлении и нужно искать решения этих якобы «вечных», а по существу очень и очень временных вопросов.

С. МИТРИЧЕВ

Расследование поджогов

Можно без преувеличения сказать, что расследование дел о поджогах является наиболее трудной категорией дел. Раскрыть хорошо произведенный поджог может только следователь, хорошо знающий уголовную технику и умеющий владеть ею. Трудность раскрытия поджога заключается прежде всего в том, что, в-первых, обычно во время тушения пожара имеющиеся следы преступника в некоторой степени уничтожаются, во-вторых, сам огонь частично уничтожает следы и предметы, которые могли быть использованы при расследовании, в-третьих, умышленный поджог может быть произведен таким простым способом, который не требует ни большого умения, ни техники, и все это может быть сделано самым незаметным образом.

Но как бы ни трудно было расследование дел о поджогах, при быстром, умелом и глубоко расследовании раскрытие дела обеспечено. Очень часто оказывается, что при внимательном изучении обстановки пожара обнаруживаются такие следы и предметы, которых огонь не уничтожил; умелое использование их часто дает возможность раскрыть дело.

Так, например, было по делу № 138 (народный суд Немского района Кировской обл.). Пожаром уничтожен дом колхозника, подозревался поджог, но конкретных виновников первоначально обнаружено не было. Дом и надворные постройки сгорели дотла и казалось, что никаких вещественных доказательств по делу добыть нельзя. Но при внимательном осмотре места происшествия вскоре же после пожара обнаружена полудлитровая бутылка, пахнувшая керосином. Свидетельскими показаниями было установлено, кому принадлежит эта бутылка. Эта находка дала в руки следствия важное доказательство причастности к поджогу собственника этой бутылки. Но эта находка могла бы быть бесспорным доказательством, если бы следователь сделал нечто большее, чем простая фиксация находки. Подозреваемый категорически отрицал принадлежность этой бутылки ему. И следователь в ответ на это ничего не мог противопоставить кроме свидетельских показаний, достоверность которых казалась сомнительной. Но если бы следователь попытался обнаружить, например, на бутылке пальцевые отпечатки, закрепил бы

их и установил, кому они принадлежат, не принадлежат ли они заподозренному лицу, это доказательство уже имело бы совершенно иную силу. Нужно отметить, что этот момент совершенно не учитывается нашими следователями. Из просмотренных мною 800 дел о поджогах я не нашел ни в одном, где бы в качестве доказательства были пальцевые отпечатки, обнаруженные на месте совершения преступления. Пальцевые отпечатки при раскрытии дел о поджогах могут сыграть исключительную роль. Всегда необходимо тщательно осмотреть аппараты, послужившие для поджога, инструменты, различные вещи, обнаруженные на месте пожара или поблизости, на дверях, окнах, ручках и т. п. с целью обнаружения пальцевых отпечатков. Обнаруженные пальцевые отпечатки необходимо закрепить и снять на особую пленку или сфотографировать.

То же самое можно сказать по второму техническому вопросу — о следах ног. Бесспорно, что на месте пожара трудно найти следы отдельных ног, так как присутствие большого количества людей при тушении пожара делают почти невозможным установить отдельные следы. Но это вовсе не снимает вопроса о следах ног. Необходимо следы искать в местности, окружающей место пожара, особенно это указание относится к сельской местности. Мало обнаружить следы, нужно уметь их использовать, снять слепки, сфотографировать. Только после этого след может быть надежным доказательством.

По делу № 61 (Молоковский район Калининской области) в умышленном поджоге обвинялась гр-ка Ч. Главным доказательством в ее виновности было то, что след от места пожара вел в другой поселок к ее дому. Сами колхозники еще до прибытия следователя, вскоре после пожара, по указанному следу пришли в дом гр-ки Ч. Несмотря на позднее время (ночь) они нашли ее не спящей, с мокрыми от снега валенками. Это доказательство было очень серьезное, но следователь не произвел ни измерения следа, ни слепка, ни фотографии. Экспертиза следа также не производилась. В результате в суд дело пошло без всяких доказательств, ибо свидетельские показания противоречили друг другу.

Данное явление наблюдается почти по всем делам о поджогах. Если следы и обнаружены, но они достаточно как доказательство не используются. По делу № 2034 (народный суд Томаринского района Курской обл.) по подозрению в поджоге колхозного молотильного сарая был привлечен гр. С. Основанием для подозрения были следы, обнаруженные на снегу около сарая. В деле имеется протокол «осмотра и сличения следов». Сличение происходило путем примерки сапога подозреваемого со следом, оставленным на снегу. В протоколе указано, что сапоги подозреваемого «неоспоримо пришлились по отпечаткам следа». Но какие были индивидуальные признаки следа, какие имелись совпадения с сапогом обвиняемого, в протоколе не указано. Поняты, присутствовавшие при осмотре в качестве свидетелей, следователем допрошены не были. В результате подобного отношения к следам на суде нельзя было установить, действительно ли обнаруженный след принадлежал обвиняемому гр. С. На суде один из понятых показал, что на следу были ясно видны подметки, а на сапогах подозреваемого подметок не было. Это исключающее обстоятельство проверить было уже нельзя, ибо ни слепка, ни фотографии со следа не было.

Народный суд не придал значения показаниям этого свидетеля, обвиняемый был приговорен по ч. 2 ст. 175 УК к лишению свободы.

Кассационная коллегия областного суда приговор отменила за недоказанностью обвинения и дело передала на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

При вторичном разборе дела обвиняемый был оправдан, а дело за необнаружением виновного прекращено.

Налицо был умышленный поджог, который причинил большой материальный ущерб колхозу. Но вследствие плохо проведенного предварительного следствия преступник обнаружен не был.

Таковы результаты пренебрежительного отношения к технике собирания и закрепления вещественных доказательств. Это пренебрежительное отношение к техническим вопросам доходит иногда до абсурда. Так, по делу № 64 (народный суд Тагаевского района Куйбышевской области) сличение обнаруженных на месте пожара следов было поручено следователем самому подозреваемому.

Не имея порой ни знаний, ни технических средств, производивший расследование поджогов становится совершенно беспомощным. Дело № 79 (следствие вело Наруксовское РУМ Харьковского облсуда) об умышленном поджоге прекращено с такой мотивировкой: «Хотя пожар возник от умышленного поджога, но подозрения виновного не имеется и следствием не установлено, а посему, руководствуясь ст. 4 УПК, постановил — дальнейшее расследование прекратить». Раз подозрения нет, то и искать нечего.

Не составляет большой трудности обнаружить и закрепить следы ног. Большая часть наших следователей может это сделать. Не делается это лишь только потому, что многие считают излишним заниматься такой кропотливой работой. Но по делам о поджогах такое

отношение к технике ведет к очень плохим результатам.

Беспомощность следователя при расследовании поджогов порой бывает просто поразительная. Изучая дело, видишь, что следователь даже не знал с чего начать расследование, и в таких случаях принимался обыкновенно за свое излюбленное дело — допрос всех по порядку.

По делу № 1400 (народный суд Моршанского района Воронежской области) о большом пожаре, когда огнем уничтожено 22 жилых дома, именно и наблюдалась такая картина. Допрашивали, допрашивали, а виновных все же не обнаружили, но привлечь к ответственности кого-то все же нужно. И вот в качестве обвиняемых привлекаются две женщины: первая — хозяйка дома, с которого начался пожар, и вторая — ее ближайшая соседка с правой стороны. Трудно понять, почему именно эти две женщины, а не другие, так как это привлечение почти ничем не мотивируется. Еще более непонятной является квалификация преступления. Обвиняемая хозяйка дома, с которого начался пожар, привлечена по ст.ст. 17—175 УК, а ее соседка — по ч. 2 ст. 175 УК. Если для привлечения первой было хоть какое-то основание (сколо ее дома обнаружена высыпанная из печи зола), то для привлечения второй обвиняемой не было никаких оснований.

Народный суд первую обвиняемую — хозяйку дома — оправдал, а вторую приговорил к 5 годам лишения свободы. Совершенно не видно из дела на основании каких данных.

В результате кассационная коллегия областного суда приговор народного суда отменила и дело производством прекратила, указав на полную неясность причин пожара.

Единой схемы для расследования тел о поджогах нельзя предложить, так как каждое конкретное дело имеет свои особенности. Но важна не мертвая схема, а быстрое, продуманное и глубокое расследование с использованием данных уголовной техники, и тогда можно ожидать, что дело будет раскрыто, как бы искусно ни был произведен поджог и как бы искусно ни пытался замести следы сам преступник, пытаясь иногда направить следствие на ложный путь. Примером в этом отношении может служить дело № 1274 (народный суд Рязанского района Московской области). В селе Мурмино за время с мая по август 1935 г. произошло пять пожаров, которыми уничтожено 19 жилых домов. Во время пожаров были и человеческие жертвы. В селе Мурмино были сильно развиты кражи и грабежи. За грабежи и кражи начались пожары. 10 мая был первый пожар из этой серии. Пожаром уничтожено было 6 домов. 11 мая был второй пожар, сгорело 5 домов. 23 мая произошел третий пожар, на этот раз сгорело также 5 домов. Для следственных органов стало понятно, что между грабежами и пожарами имеется связь, что это дело одних рук, ибо во время пожаров совершалась кража. Расследуя это дело, была выявлена организованная бандитская шайка, которая и была арестована. Но с арестом шайки пожары не прекратились. Дальнейшее расследование показало, что происшедшие пожары после ареста основной шайки — это попытка оставшихся на свободе членов шайки сбить

следствие с правильного пути, доказать, что арестованные не имеют ничего общего с совершенными ранее пожарами. Но это им не удалось, следствие стояло на правильном пути, и все участники шайки были изобличены.

Перед судом предстало 12 человек, которые все признались в совершенных ими преступлениях.

Другое же подобное дело показывает как раз противоположные результаты. В течение одного вечера, 15 сентября 1934 г. (дело № 11—37 народного суда Локнянского района Калининской области), произошло пять пожаров. Протокол осмотра дает подробный перечень сгоревших построек и указание на их расположение. Из приложенного плана места пожара видно, что пожары возникали не рядом, а на расстоянии до пятисот метров. Это обстоятельство указывало, что эти поджоги — дело не одних рук. Но следователь пошел на поводу у потерпевших, которые показали на колхозника К. как виновника пожаров. Причем причиной всех поджогов было якобы стремление обвиняемого отомстить потерпевшим за различные обиды. Никаких доказательств в этом направлении следователь не добыл и, несмотря на необоснованность обвинения, дело направил в суд. Народный суд вынес обвинительный приговор. Но КК по жалобе обвиняемого приговор отменила и дело производством прекратила за недостаточностью собранных по делу доказательств.

В связи с этим последним делом можно сделать один большой общий вывод: при расследовании дел о поджогах необходимо всегда проверить все возможные версии. И только после тщательной проверки исключить такие, которые явно не имеют отношения к данному конкретному случаю и не находят себе подтверждения в фактических обстоятельствах дела. Следователь должен интересоваться прежде всего началом пожара, с тем чтобы таким путем установить его причины. Расследование должно начинаться вскоре же после окончания пожара, а иногда и во время пожара. А не так, как у нас иногда бывает, когда следователь приступает к расследованию месяца спустя после происшествия. Так, по делу № 41 (народный суд Чурдаклинского района Куйбышевской обл.) 4 сентября 1933 г. пожаром уничтожен жилой дом колхозника. Подозревался поджог, но к следствию приступлено только 4 ноября, то есть через два месяца после пожара. Естественно, что результатом такого следствия было оправдание в суде обвиняемого.

Далее следователь должен установить число и расположение очагов пожара. Необходимо составить подробный план места пожара, а иногда и составить чертеж сгоревшего здания. Наличие, например, нескольких очагов пожара сразу же должно следователю показывать, что есть основание подозревать поджог. Правда, необходимо тщательно проверить, не связаны ли эти очаги между собою. Очаг пожара при осмотре места происшествия особенно тщательно осматривается. Если есть возможность — исследовать распространение копоти на стенках, потолке. Попытаться обнаружить следы горючего, иногда, в нижележащих местах пола, куда оно может затечь, а иногда и в

грунте под полом. Исследование копоти может дать в руки следователя важное доказательство. Но это исследование может произвести только сведущий в этой области человек. По копоти можно иногда установить, что употреблял поджигатель — керосин, бензин, бензол, даже и тогда, когда остатков этих жидкостей на месте не обнаружено.

Несмотря на строгую индивидуальность каждого конкретного дела о поджогах, все же можно указать целый ряд мероприятий и действий, обязательных при расследовании дел о поджогах.

Следователь должен:

1. Прибыть немедленно на место пожара и принять все меры к собиранию и сохранению вещественных доказательств.

2. Выяснить, кто первым явился на пожар. Особенно это важно при массовых поджогах: часто бывает, что первым является сам поджигатель.

3. Выяснить, где появился огонь и где особенно свирепствует с наибольшей силой (для определения очага пожара).

4. Установить, каким путем можно было пробраться к месту предполагаемого поджога. Не был ли кто замечен на этом пути перед началом пожара.

5. Произвести осмотр места пожара и прилегающих местностей с целью обнаружения следов ног. Если таковые обнаружены — обеспечить их сохранность. С места, где обнаружены следы, взять пробу грунта для последующего сравнения с прязью на обуви подозреваемого.

6. Выяснить поведение собаки, если таковая была во дворе, где начался пожар, или в соседних дворах.

7. Если есть возможность, проверить, каково состояние дверей, окон, слуховых окон и люков — открыты они были или нет, нет ли на них следов взлома.

8. Если есть письма с угрозами поджога, направить их в лабораторию для экспертизы, для сравнения с почерками потерпевших и подозреваемого.

9. Если есть подозрение в том, что поджог учинен самим владельцем имущества, то необходимо установить особое наблюдение за поведением его во время пожара и после него. Если пожар возник в ночное время, то нужно особенно обратить внимание, в какой одежде выскочили потерпевшие на улицу.

10. Если в горевших зданиях имелось электроосвещение, то проверить исправность его. В некоторых случаях по этим вопросам необходимо допросить сведущих лиц.

11. Опросить свидетелей, какой был цвет пламени и в каких местах горевшего здания. Не было ли во время пожара взрывов или вспышек. Хранился ли в помещении керосин или другие горючие вещества и где именно.

12. Проверить состояние дымоходов и труб или путем свидетельских показаний или, если это возможно, путем осмотра.

13. Осмотреть распространение копоти и установить ее характер. В некоторых случаях необходимо пригласить сведущих лиц.

14. Установить направление ветра во время пожара.

Эти мероприятия не исчерпывают всех тех мер, которые следователь бывает вынужден

принять при расследовании дел о пожарах и которые определяются конкретной обстановкой каждого дела.

Говоря об осмотре места происшествия, нужно особо сказать об осмове и обыске пожарного мусора. Осмотр нужно производить планомерно, разбирая слой за слоем, а не беспорядочно рыться, как в куче навоза. При осмотре необходимо фиксировать положение находок и забирать те, которые могут быть полезными при дальнейшем расследовании. При находке вещей обязательно установить, кому они принадлежали — лицам ли, которые проживали в этом помещении, или посторонним. В последнем случае необходимо обязательно выяснить, каким образом они попали в помещение.

Придавая большое значение технике при расследовании поджогов, мы ни в коем случае не должны забывать и о других методах расследования. Что невозможно установить через осмотр места происшествия и что называется «немых свидетелей», следователь должен попытаться установить допросом как самих потерпевших, так и случайных свидетелей. Ошибка многих наших следователей заключается в том, что они придают решающее значение именно последнему методу, считая его совершенным и более надежным.

По многим изученным нами делам видно было, что следователь мог собрать очень важные вещественные доказательства, но собирать их совершенно не пытался, предпочитая этому один допрос. Например, по одному делу, на крыше дома колхозника был замечен дым; принятыми мерами пожар был быстро ликвидирован. На месте поджога найдена была коробка с обгоревшими спичками и привязанный к ней фитиль из тряпки. Следователь вместо того, чтобы попытаться установить, кому могла принадлежать эта тряпка, не произведя ни у одного подозреваемого обыска, ограничился только допросом свидетелей и подозреваемых. В результате — прекращенное дело за необнаружением виновника. А из дела можно было видеть, что это была наверняка симуляция поджога, но эта версия была совершенно не проверена.

Умелое сочетание всех средств расследования, имеющихся в распоряжении следовате-

ля, — таков путь правильного расследования дел о поджогах. При расследовании дел о поджогах в распоряжении следователя те же средства и те же способы, которые применяются при расследовании и других преступлений. Это те же допросы свидетелей и потерпевших, осмотр места происшествия, выявление и собиранье вещественных доказательств, экспертиза и т. п. Но по делам о поджогах эти все средства особенно должны быть тщательно проверены в смысле умелого их применения. Ведь ни для кого не является секретом, что расследование дел о поджогах — наше самое слабое место. И это все происходит от того, что наши следователи не хотят считаться с спецификой этого преступления, не перестраиваются соответственно особенностям этой категории дел, а, что называется, хотят обыкновенной отмычкой открыть несгораемый шкаф. А порой и сама отмычка бывает сомнительного качества. По делу № 31 (народный суд Чердаклинского района Куйбышевской обл.) необходимо было организовать экспертизу для исследования вещественных доказательств, обнаруженных на месте пожара. Следователь конкретных вопросов эксперту не поставил. Какова была квалификация эксперта — не указано. Акт экспертизы написан на половине листа, вырванном из бухгалтерской книги. Штампа на акте нет, нет даже указания, где производилась эта экспертиза. Исключительный интерес представляет заключение этой «экспертизы»: «Тряпка и вата, найденные при поджоге 10 июля с. г. с тряпкой и ватой, найденными при обыске 15 июля с. г. такая же. В чем и составили настоящий акт», следуют три подписи.

Подобного рода «экспертизы» встречаются очень часто и приходится удивляться, что думают прокуратура и суд, проходя мимо такого рода явлений.

Необходимо качество расследования по делам о поджогах резко повысить. Не можем мы считать нормальным явлением, когда большое количество дел об умысленных поджогах, которые причиняют колоссальный материальный ущерб социалистическому строительству, остаются не раскрытыми. Классовый враг часто этой нашей слабостью пользуется и вредит, оставаясь безнаказанным.

Овладеть высоким уровнем своей техники

«Каждый гражданин СССР обязан беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность, как связанную и неразрывную основу советского строя, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся.

Лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа».

Так говорит ст. 131 Основного закона победившего социализма — великой Сталинской Конституции.

Если обязанностью каждого гражданина является охрана и укрепление социалистической собственности, то тем большей и ответственнейшей обязанностью каждого прокурора, каждого следователя является: беспощадная борьба с расхитителями общественной, социалистической собственности, разоблачение врагов народа, посягающих на основу советского строя.

Это не легкая задача. Разрешение ее требует немало умения, навыков и знания. Каждый следователь и прокурор обязан подумать о том, достаточно ли он подготовлен к выполнению этой и ряда других серьезнейших задач, поставленных перед ним великой Сталинской Конституцией, являющейся великим завоеванием социализма.

Не меньшую ответственность возлагает на всех прокурорско-следственных работников и борьба за неуклонное обеспечение предусмотренных главой X Основного закона прав и обязанностей граждан СССР.

Исторические указания товарища Сталина о чутком, бережном отношении к человеку налагают на всех нас большие обязанности.

Надо констатировать, что и сейчас мы еще имеем случаи, когда наши следователи и прокуроры вместо действительных расхитителей общественной собственности привлекают к уголовной ответственности и предают суду попавших в поле их зрения случайных людей.

Естественно, что такая практика лишь на руку врагам, такая практика является не чем иным, как грубейшим нарушением Сталинской Конституции, такая практика есть результат низкой квалификации и беспомощности некоторых наших прокурорско-следственных работников.

Эта беспомощность и низкая квалификация калечат честных советских граждан и потворствуют врагам народа — расхитителям социалистической собственности.

Такие недопустимые случаи объясняются тем, что многие прокуроры и следователи, изучив методику расследования определенной категории дел, например, о хищениях и распратах, считают, что они достаточно «технически оснащены», и приведенные в учебнике методы расследования без каких-либо изменений или дополнений применяют по каждому возникающему у них делу данного вида преступлений, превращая вопросы методики

в схему, в которую они и пытаются вогнать методы расследования любого дела.

Такая практика вредна и кроме отрицательных результатов ничего не может дать.

Нельзя забывать неоднократных указаний Прокуратуры Союза ССР о том, что методы расследования определяются каждым конкретным делом, так как нет единых методов расследования для всех дел. При расследовании каждого дела могут быть особые методы, причем лучшим методом является тот, который позволяет в кратчайший срок объективно и с достаточной полнотой расследовать преступление.

Эти важнейшие для каждого прокурора и следователя указания надо помнить и стараться реализовать в практической работе.

Осуществление же этих указаний вплотную упирается в требование — «бороться за высокий уровень следственной техники».

Мы имеем немало действительно передовых следователей и прокуроров, которые хорошо уяснили себе поставленные перед ними требования и по-большевистски дерутся за овладение высотами техники своего дела, достигнув уже значительных результатов.

Следует остановиться на нескольких примерах, характеризующих работу таких следователей по делам о хищениях и распратах, расследование которых, особенно если эти дела начинаются с сообщения о недостатке, для большинства следователей представляет немало трудностей и нередко приводит к ошибочным выводам.

На этих примерах со всей наглядностью можно убедиться, насколько тщательно и вдумчива должна быть работа следователя и какие непоправимые серьезные последствия могут явиться результатом небрежного, поверхностного отношения к следствию или слепого механического применения при расследовании каждого конкретного дела общей схемы. Вот эти примеры.

3 октября 1936 г. у заведующей магазином № 3 Боровского отделения Мосторга К. при очередной инвентаризации и ревизии была обнаружена недостача в сумме 3014 руб., образовавшаяся за один месяц работы магазина. Заведующая магазином К. не могла дать никаких объяснений причин образования недостачи, в то же время было известно, что К. являлась опытным торговым работником.

Приступив к расследованию настоящего дела, народный следователь Боровского района т. Елифанов обследовал образ жизни гр. К. Показания ряда свидетелей говорили о том, что К. жила не по средствам: хорошо одевалась, часто покупала себе обновки, устраивала у себя нередко вечеринки и т. п.

Сама К. на допросе у следователя категорически отрицала совершение распраты, но в то же время давала довольно сбивчивые, не поддающиеся проверке объяснения о своем образе жизни.

О причинах образования недостачи К. не могла дать следователю никаких объяснений, заявив лишь, что ее мог обмануть заведующий базой Мосторга Николаев, выписав ей подложную накладную. Однако никакой подложной накладной К. указать не могла, признав, что на всех накладных, выписанных базой на отпуск товара в магазин № 3, расписки ее, и что сделанные бухгалтерией по этим накладным записи на ее счет отпуска товаров правильны.

Как печальный факт надо констатировать, что многие следователи и прокуроры, формально, поверхностно относясь к своим ответственным обязанностям, закончили бы на этом расследование и предали К. суду по обвинению ее в растрате по ст. 116 УК, совершив тем самым грубейшую ошибку.

Не так поступил следователь Елифанов: он чутко прислушался к объяснениям К., стараясь найти в них те ниточки, которые, разматываясь, должны привести к подлинному раскрытию хищения и разоблачению хищников.

Следователь затребовал к себе все подлинные накладные на отпуск товаров базой в магазин № 3 за весь период образования недостачи. Наряду с этим следователь изъясил в базе Мосторга все корешки этих накладных.

Тов. Елифанов не пошел по пути общей схемы методики расследования дел о растратах. В данном конкретном случае он вполне правильно встал на путь изучения первичных документов. Тщательно, при помощи лупы осмотрев все корешки и накладные, сравнивая при этом имеющиеся на них подписи К., следователь обнаружил, что на корешке и накладной № 171 на отпуск товара на сумму 2604 руб. расписка от имени К. во всех деталях совпадает с ее распиской на корешке и накладной № 170. Следователь обратил особое внимание на то, что по подписи К. на корешке накладной № 170, написанной через копирку, имеются нажимы, образовавшиеся как бы от сведения этой подписи при помощи какого-либо твердого юстрого предмета.

Заподозрив, что подписи от имени К. на накладной и корешке № 171 переведены с корешка № 170, следователь вполне правильно направил эти документы для научного исследования в криминалистическую лабораторию Московского юридического института.

Не прерывая следствия на время производства экспертизы, т. Елифанов также вполне правильно тщательно выяснил порядок выписки базой накладных и передачи их в бухгалтерию. Оказалось, что заведующий базой не всегда выписывал накладные в момент отпуска товаров магазинам, что нередко он, спустя лишь значительное время, давал получателям товара расписываться на накладных и корешках за ранее отпущенный им товар.

Произведенной по распоряжению следователя ревизией деятельности базы была обнаружена недостача в сумме 3840 руб.

Получив эти данные, а также и заключение экспертизы о подложности подписей К. на корешке и накладной № 171, так как эти подписи с несомненностью оказались срисованными с подписи К. на корешке № 170, следователь, учитывая наличие совершенного зав. базой Николаевым подлога на 2604 руб., а

также сверх того обнаруженной у него недостачи на 3840 руб., избрал в отношении Николаева мерой пресечения содержание под стражей и сейчас же произвел у него на квартире тщательный обыск, в результате которого обнаружил немало похищенных с базы товаров и 1743 руб. наличных денег.

Наряду с этим тщательное обследование образа жизни Николаева установило, что Николаев систематически пьянствовал, часто устраивал у себя на квартире кутежи, за последнее время приобрел много различных ценных вещей, как, например, золотые часы, велосипед, ряд дорогостоящих носильных вещей, много мануфактуры и т. д. Оказалось, что Николаев лишь недавно покрыл недостачу в сумме 833 руб., образовавшуюся у его жены, работавшей где-то заведующей палаткой.

В то же время было установлено, что Николаев получал зарплату в размере лишь 150 руб., из которых часть ежемесячно удерживалась по исполнительным листам.

Николаев был предан суду по обвинению в растрате и осужден.

В данном конкретном случае следователь проявил необходимую чуткость и пытливость, результатом этого явились реабилитация и освобождение честной работницы К. от уголовной ответственности и изоляция действительного расхиителя общественной, социалистической собственности, ловко маскировавшего свою преступную деятельность, используя для этого в своих интересах «процехи» и расхлябанность, имевшиеся в постановке учета и отчетности.

Какой бы вред, именно вред мог причинить следователь, если бы он не проявил должной инициативы и гибкости и, ограничившись первоначально собранными материалами, предал суду работницу К.

Однако т. Елифанову все же можно сделать упрек в том, что он не проявил должной настойчивости в выявлении всех сообщников Николаева.

Между тем при известной настойчивости и изучении возможных мест обывта, зная, какие именно товары и в каком количестве были похищены с базы, можно было установить и сообщников.

Утверждение о невозможности и неправильности применения одного и того же метода расследования, даже при расследовании, казалось бы, однородных дел, находит яркое подтверждение в нижеследующем примере, в котором основанием для возбуждения уголовного дела также послужило обнаружение недостачи и подозрение в совершении растраты и также большое значение имели взаимоотношения заведующего магазином с заведующими базой и оборот документов.

Однако при всей кажущейся аналогичности этих дел было бы совершенно неправильно, если бы и это дело расследовалось точно теми же методами, со всеми их особенностями, как и вышеприведенное дело о растрате, произведенной заведующим базой Николаевым.

Обстоятельства второго дела таковы:

У заведующего складом общества потребителей при государственном стекольном заводе «Пионер» Чепрагина ревизией была обнаружена недостача товаров на сумму 12 936 руб., обра-

зовавшаяся за два месяца работы склада. Следователь начал расследование с допроса заведующего складом Чеправина, который, не оспаривая выведенную ревизией сумму недостачи, заявил, что он ничего не расхищал и не присваивал в свою пользу, недостача же явилась, очевидно, результатом того, что он по халатности не выписал одновременно расходные накладные универмагу № 1 на отпущенные ему 65 ящиков водки на сумму 8092 р. 50 к. и, возможно, на другие товары, которых он точно не помнит.

На складе велся суммовой учет товаров. Однако при наличии показаний Чеправина следователь поручил обществу потребителей произвести количественный учет всех товаров, прошедших через склад за эти два месяца, что всегда возможно сделать по любому складу, и определить, за счет каких же именно товаров образовалась недостача в сумме 12 936 руб.

Одновременно по распоряжению следателя была произведена ревизия универмага № 1.

Количественный потоварный учет на складе показал, что на 8092 руб. нехватает 65 ящиков водки, на остальную же сумму 4844 руб. нехватало небольшими сравнительно количествами различных товаров, как-то: масла, сахара, муки и др.

Ревизия же универмага № 1 не только не обнаружила каких-либо излишков, но выявила недостачу сверх полагающейся нормы естественной убыли в сумме 133 руб. Поступали в универмаг водка без накладной — установить не представлялось возможным, так как потоварного учета в магазине не велось и восстановить его не представлялось возможным.

Исследуя параллельно с этим образ жизни и поведение заведующего складом Чеправина, следователь показаниями ряда свидетелей установил, что Чеправин по ночам ходил в склад со своими товарищами, продавал со склада товары в розницу, чего он не имел права делать, получая и никуда не сдавая вырученные при этом от продажи деньги, часто пьянствовал и жил не по средствам, что, наконец, Чеправин однажды ночью увез со склада два мешка с какими-то товарами.

При наличии всех этих данных некоторые из следователей, формально выполняя общие установки частной методики дел о растратах, предъявили бы обвинение Чеправину в растрате вверенных ему товаров на общую сумму 12 936 руб. и, считая свою работу законченной, передали бы дело в суд, полагая, что они вполне добросовестно проверили объяснения Чеправина о бездокументном отпуске партии водки универмагу № 1 и что данными ревизии универмага эти объяснения опровергнуты. Однако не так отнесся к делу народный следователь Коробовского района Московской области т. Семенов, расследовавший это дело.

Тов. Семенов вполне правильно пошел по пути использования всех возможных путей для проверки правильности заявления Чеправина о бездокументном отпуске им универмагу № 1 партии водки.

Вполне разумно рассуждая, что партия водки всегда отправляется с тарой, в данном случае в ящиках, что движение тары учитывается в магазине, что, следовательно, если нельзя проверить из-за отсутствия потоварного

учета бездокументного поступления водки, то всегда можно восстановить движение и остаток тары, следователь поручил обществу потребителей вывести по универмагу книжный остаток ящиков из-под водки и проверить фактический. В результате этого по универмагу был обнаружен излишек 72 ящиков из-под водки.

Не ограничившись этим, следователь, установив, что торговля водкой во всех точках общества потребителей, в том числе и в универмаге, производилась бесперебойно, проверил по документам универмага № 1 ежемесячное поступление водки. Эта проверка показала, что в январе водки поступило в универмаг на 31 636 руб., в феврале на 15 267 руб., в марте, когда, по заявлению Чеправина, он отпустил универмагу без накладной на 8092 руб. водки, на 5 963 руб., а в апреле на 16 674 руб.

Таким образом, по данным магазина следовало, что в течение марта резко снизилось поступление, а следовательно, и продажа водки.

С целью проверки, насколько естественно снижение оборота водки в течение марта, следователь затребовал сведения о ежемесячном обороте водки в соседнем магазине, находившемся в этом же поселке. Оказалось, что по этому магазину оборот водки в марте был такой же, как в феврале и апреле.

Таким образом в результате проведенной им инициативы и тщательности в работе, а также методически правильного развертывания хода расследования следователь с несомненностью установил четыре факта, подтверждающие правильность объяснений заведующего складом Чеправина о бездокументном отпуске универмагу партии водки:

1) недостача на складе 65 ящиков водки на 8092 руб.;

2) излишек в универмаге № 1 72 ящиков из-под водки;

3) резкое снижение по универмагу № 1 поступления и оборота водки в марте, в течение которого, по объяснениям Чеправина, им и была отпущена универмагу без документа партия водки на 8092 руб.;

4) отсутствие в соседнем таком же магазине снижения оборота водки в течение марта по сравнению с февралем и апрелем.

При наличии этих данных, а также, установив показаниями свидетелей, что заведующий универмагом Орехов вел образ жизни не по средствам, что, несмотря на наличие в универмаге кассы, Орехов нередко сам получал деньги с покупателей по розничной торговле, следователь имел уже полное основание подозревать Орехова в том, что, воспользовавшись упущением Чеправина и получив без документа партию водки, он ее не оприходовывал, а стоимость ее изымал из магазина деньгами и товарами, пользуясь тем, что при суммовом учете это не может быть вскрыто.

Все это дало следователю основания для производства у пр. Орехова обыска.

Надо отметить, что по такого рода делам следователи чрезвычайно редко производят обыски, совершенно неосновательно заранее предполагая, что обыск все равно ничего не даст. Даже те немногие следователи, которые все же производят обыск, под давлением того же рассуждения, то есть заранее будучи убеж-

дены в бесплодности своей работы, производят чаще всего обыск чисто формально, неумело. Конечно, такой поверхностный обыск обычно не дает никаких результатов.

Совершенно иначе подошел к этому ответственному следственному действию следователь Семенов.

Обыск был произведен с особой тщательностью, о чем можно судить по тому, что он производился в течение 10 часов.

Только такой тщательный обыск и мог дать результаты. Обыск комнат квартиры, чуланов и скотного сарая не дал результатов. На потолке скотного сарая, стоявшего во дворе дома, где жил Орехов, лежало сено, причем Орехов заявил, что это сено им закуплено и сложено на потолке сарая еще с осени.

Надо сказать, что многие следователи при таком положении совершенно не подвергли бы обыску сеновал или в лучшем случае слегка и, конечно, безрезультатно «поковыряли» бы сложенное там сено.

В данном же случае следователь вполне добросовестно и тактически правильно довел обыск до конца, тщательно обыскав и сеновал. Под большим количеством сена были обнаружены два сундука буквально набитых всевозможной ценной мануфактурой, которой оказалось 212 метров, пачками различного нового белья и готового платья с оставшимися на них фабричными ярлыками и пломбами. Всего обыском было обнаружено различных товаров на 3000 руб.

Наряду с производством обыска следователь вполне правильно поступил, описав одновременно все имущество Орехова на общую сумму 11 000 руб.

Гр. Орехов был отстранен от должности и мерой пресечения ему было избрано содержание под стражей.

Не органичившись этим, следователь, также методически вполне правильно, предъявил обнаруженные при обыске товары работникам общества потребителей и универсама, которые опознали в них те товары, которые в течение последних месяцев поступали для реализации в универсам.

Наконец, путем допроса ряда свидетелей — продавцов, возчиков, пружников — следователю удалось установить, что 25 марта действительно со склада в универсам была отправлена крупная партия водки, которая была принята лично заведующим Ореховым, накладной же на отпуск водки от 25 марта, а также за ближайшие предшествующие и последующие дни не оказалось.

Так, в результате методически правильного построения хода расследования и тщательности работы следователь Семенов разоблачил

ловко скрывавшегося расхитителя общественной, социалистической собственности Орехова, не освободив от ответственности и более мелкого хищника Чегравина. Каждый из них получил по заслугам.

Уже из этих двух частных примеров можно сделать вывод, что при расследовании любых категорий дел недопустима схема, шаблон.

При расследовании каждого дела следователь, используя все то, что разработано в области частных методик, в области техники и тактики расследования, наряду с этим должен проявить максимум инициативы и гибкости, применяя по каждому конкретному делу те методы расследования, которые, исходя из индивидуальных особенностей данного дела, позволят в кратчайший срок объективно и с достаточной полнотой расследовать преступление.

Методическим советом при Прокуратуре СССР уже разработано и принято несколько методических писем по расследованию отдельных видов хищений и распрят, например, в органах охоты, в строительных организациях и т. д.

Несомненно эти письма должны оказать немалую помощь практическим работникам на местах, но лишь при условии не слепого следования указаниям этих писем, при условии овладения следователями высоким уровнем своей техники.

Наконец, еще один вывод надо сделать из приведенных примеров.

Большинство следователей привыкли в своей работе «сортировать» дела на «большие» и «маленькие», на «интересные» и «скучные», причем, конечно, дела о распрятах, да еще выявляемых на основе обнаруженных недостатков по той или иной торговой точке, почти всеми относятся к категории «маленьких» и «скучных» дел.

Эта неправильная и даже вредная установка многих наших следователей объясняется в большинстве случаев их беспомощностью, неумением методически правильно вести расследование по такого рода делам и приводит к отрицательным результатам.

Приведенные выше примеры с наглядной убедительностью показывают, что «интересным» может оказаться любое дело при умелом, методически-правильном подходе следователя к своей сложной работе, требующей знаний, навыков и максимальной инициативности.

Лишь отрешившись от подобных неправильных установок и овладев высоким уровнем своей техники, прокурорско-следовательский аппарат сумеет обеспечить выполнение тех ответственных задач, которые поставлены перед ним величайшим документом эпохи — великой Сталинской Конституцией.

О работе Харьковского института советского строительства и права

Проблема кадров для органов юстиции в настоящее время приобретает особое значение. Сталинская Конституция во весь рост поставила вопрос о социалистическом демократизме, пролетарском гуманизме и значении социалистической законности. Для органов юстиции это означает, что они должны беспощадно расправляться с врагами народа, с изменниками родины, с троцкистскими бандитами и агентами фашизма, с троцкистскими и правыми реставраторами капитализма, с расхитителями социалистической собственности. Сталинская Конституция ставит перед органами юстиции задачу борьбы с остатками и пережитками старого капиталистического мира — жулиганством, воровством, фвачеством, бюрократизмом и т. п.

С другой стороны, социалистический гуманизм и социалистическая законность требуют от органов юстиции самого бережного и внимательного отношения к человеку как труженнику социалистического общества. В нашей стране ни один человек не может и не должен быть неправильно привлечен к судебной ответственности; в нашей стране не может и не должен быть вынесен ни один несправедливый приговор. Для всего этого требуется, чтобы наши следственные и судебные работники были высоко политически развитыми, теоретически подготовленными, культурными и образованными людьми.

К сожалению, до сих пор многие наши юридические учебные заведения такого типа работников еще не готовят. Об этом в частности свидетельствует обследование Харьковского института советского строительства и права.

Харьковский институт советского строительства и права основан в 1930 г. на базе правового факультета бывшего Харьковского института народного хозяйства.

Срок обучения в институте до конца 1934/35 г. был 3-голичный, а с начала 1935/36 учебного года решением ЦИК УССР установлен 4-голичный срок обучения. Институт до 1936 г. был комвузом, и основной кадр студентов составляли члены партии с 5-летним партийным стажем и в большинстве своем работники советских органов.

Институт имеет два факультета: правовой факультет, факультет советского строительства. Правовой факультет готовит судебных работников, а факультет советского строительства готовит работников советов.

Руководство института вместе с партийными и общественными организациями института проделало большую работу по очищению института от контрреволюционеров-троцкистов, националистов и антиобщественных элементов как из среды профессорско-преподавательского состава, так и из среды студентов. Институт также был очищен от профессорско-преподавательского состава, не сумевшего обеспечить высокотехоретический уровень преподавания.

Руководство института смогло собрать, объединить и сплотить крелкий коллектив профессорско-преподавательского состава, который живет интересами института и уделяет ему много внимания.

При директорате имеется совет института. Совет периодически собирается один раз в месяц—полтора в составе его постоянных членов из лиц профессорско-преподавательского состава и общественных организаций; на совет приглашаются также профессора и преподаватели, не состоящие членами совета. На обсуждение совета ставятся важнейшие вопросы политической, академической и хозяйственной жизни института. За 1936 г. на заседаниях совета ставились следующие вопросы: решение правительства и ЦК ВКП(б) от 23 июля 1936 г. о высшей школе; о программах и планах работы института; отчеты кафедр по гражданскому праву, по судебному праву, государственному праву; о ходе учебного процесса на курсах; о ходе учебного процесса с аспирантами; о работе заочного сектора; о производственной практике; о работе кабинетов уголовного права и государственного права; о работе библиотеки; о трудовой дисциплине; о научной работе кафедр; о научных кружках и т. п.

Несмотря на неплохую работу совета, все же совет не охватил в полном объеме всех вопросов, связанных с работой кафедр, например, не были заслушаны доклады о работе кафедры социально-экономических дисциплин, экономической кафедры. Также не были заслушаны доклады о работе всех кабинетов и научно-студенческих кружков. Кроме того, на совете следовало бы поставить отчеты не только кафедр, но и отчеты о прохождении отдельных дисциплин, входящих в ту или иную кафедру, чтобы иметь возможность судить не только о работе кафедр в целом, но и ее отдельных звеньев.

Руководство факультетами осуществляется деканами.

В институте 8 кафедр: 1) социально-экономическая, в которую входят: политическая экономия, философия, история партии и ленинизм; 2) кафедра государственного права, в которую входят: государственное право СССР, энциклопедия права, административное право, общая теория государства и права, международное право, история государства и права народов СССР, государство и право капиталистических стран и финансовое право; 3) кафедра уголовного права, в которую входят: уголовное право, судебная медицина, судебная психиатрия; 4) кафедра судебного права, в которую входят: уголовный процесс, гражданский процесс, судостроительство и криминалистика; 5) кафедра гражданского права, в которую входят: гражданское право, аграрное право и трудовое право; 6) экономическая кафедра, в которую входят: общая ста-

стика, судебная статистика, бухгалтерия, организация районного планирования, коммунального хозяйства и животноводства; 7) кафедры языков, в которую входят: иностранные языки, русский язык и украинский язык; 8) военная кафедра.

Если кафедры уголовного права, судебного права, гражданского права организованы по принципу родственных дисциплин, то кафедра социально-экономических дисциплин, кафедра государственного права организованы по принципу «экономии сил». Кафедры могут плодотворно работать только тогда, когда они в состоянии уделить максимум внимания дисциплинам, входящим в эти кафедры, но когда кафедра объединяет 8—10 дисциплин, то совершенно понятно, что даже в том случае, если заведующий кафедрой был бы на основной работе в институте и только исключительно занимался этой кафедрой, то и тогда вряд ли он мог бы охватить все 8—10 дисциплин. Кафедра может успешно работать только тогда, когда члены кафедры знакомы с дисциплинами, входящими в нее, и могут в той или иной степени помогать в работе. Но вряд ли найдутся среди профессорско-преподавательского состава люди, которые были бы достаточно знакомы с 8—10 предметами и могли активно участвовать в работе кафедры. Таким образом получается, что многие из членов кафедры являются только пассивными ее членами и в конце концов перестают совершенно работать. Как на курьез, можно указать на принцип объединения дисциплин экономической кафедрой. В эту кафедру входят: общая статистика, животноводство, коммунальное хозяйство, уголовная статистика и т. д. Спрашивается, что общего между этими предметами и в какой мере преподаватель по животноводству может участвовать в обсуждении вопроса уголовной статистики или коммунального хозяйства и наоборот? Кафедру социально-экономических дисциплин следовало бы разбить на три отдельных кафедры: 1) кафедру политической экономии, 2) кафедру философии, 3) кафедру истории партии и ленинизма. Кафедру государственного права также следовало бы разбить на две кафедры: 1) кафедру государственного права и 2) историческую кафедру. Финансовое право следует передать в кафедру гражданского права. Экономическую кафедру следовало бы самым коренным образом перестроить и организовать кафедру общей статистики и учета. Уголовную статистику следовало бы передать в кафедру уголовного права.

Останавливаясь на вопросе о работе кафедр, нужно сказать, что не все кафедры института работают удовлетворительно. Это связано, как мы выше указали, со структурой самих кафедр, с одной стороны, а с другой — не все руководители кафедр работают так, как следовало бы работать. Не плохо работает кафедра гражданского права, уголовного права, судебного права. Хуже обстоит с кафедрой государственного права. Плохо работает кафедра социально-экономических наук.

Совершенно неблагоприятно обстоит дело с преподаванием философии в институте. Присутствуя на лекции по философии, не трудно было убедиться в том, что лектор не знает

читаемого им предмета. Излагаемый им предмет передается в виде отдельных разрозненных сведений. Излагая социалистические воззрения Канта и Гегеля, лектор опраничился указанием на то, что философия Канта дуалистична и что у Гегеля есть революционное зерно и т. д. В таком же духе он излагает социалистические воззрения Канта и Спенсера. Уровень преподавания философии не соответствует требованиям высшего учебного заведения.

Общее количество преподавателей института, за исключением военной кафедры и кафедры языков, — 30 человек.

Из них:

Профессоров	16 человек	53,3%
Доцентов	13 »	43,3%
Ассистентов	1 »	3,4%
Членов ВКП(б)	6 »	20,0%
Членов ВЛКСМ	2 »	6,7%
Беспартийных	22 »	73,3%

Педагогический стаж

От 2—5 лет	3 чел.	10,0%
От 5—10 »	7 »	23,3%
От 10—15 »	13 »	43,3%
От 15—20 »	2 »	6,7%
Более 20 »	4 »	13,3%
Неизвестно	1 »	3,4%

Научные труды

Имеют научные труды	21 чел.	70,0%
Не имеют »	9 »	30,0%
На основной раб. в Институте	14 чел.	46,7%
По совместительству	16 »	53,3%

Для характеристики профессорско-преподавательского состава Харьковского института наиболее интересно будет сопоставить с характеристикой профессорско-преподавательского состава юридических институтов Москвы и Ленинграда, которые были мною обследованы в 1935 г.

В Ленинградском юридическом институте:

Профессоров	16 чел.	48,5%
Доцентов	11 »	38,3%
Преподавателей	6 »	18,2%
Членов ВКП(б)	16 »	48,5%
Беспартийных	17 »	51,5%

В Московском юридическом институте:

Профессоров	18 чел.	51,4%
Доцентов	17 »	48,6%
Членов ВКП(б)	15 »	42,9%
Членов ВЛКСМ	1 »	2,0%
Беспартийных	19 »	54,3%

Это сопоставление показывает, что научная квалификация профессорско-преподавательского состава Харьковского института совпадает с научной квалификацией профессорско-преподавательского состава юридических институтов Москвы и Ленинграда. Бросается в гла-

за низкий процент партийцев среди профессорско-преподавательского состава в Харьковском институте. В то время как члены партии среди профессорско-преподавательского состава в Ленинградском институте составляют 48,5%, а в Московском институте 42,9%, в Харьковском институте члены партии среди профессорско-преподавательского состава составляют только 20%. Если учесть, что двое товарищей из членов партии, которые считаются преподавателями, фактически педагогической работы не ведут, то процент членов партии среди профессорско-преподавательского состава в Харьковском институте еще более снижается.

Все кафедры института имеют планы научно-исследовательской работы. Но не все кафедры ведут научную работу. На первом месте в научно-исследовательских работах идет кафедра по гражданскому праву. За сентябрь — декабрь был заслушан на кафедре ряд докладов, например, доклад проф. Гордона «Фашизация германского гражданского права на практике рейсрейхста», доклад проф. Вильянского «Кредитование товарооборота», доклад доцента Гранберга «Жилищное право в практике судебных органов», доклад доцента Бару «Хозяйственно-расчетное право главок». На этом докладе присутствовало около 150 практических, судебных, арбитражных работников, юристов и т. д. Все члены кафедры работают над диссертационными темами.

Кафедра уголовного права также имеет план научно-исследовательской работы. В этом семестре были заслушаны доклады проф. Трахтера «XI международный конгресс по уголовному праву в Берлине», доклад проф. Гродзинского «Фашизация уголовной политики Польши».

Кафедра судебного права также имеет план работы. В этом семестре был заслушан доклад проф. Гродзинского «Оценка доказательств в советском уголовном процессе». Намечены доклады: проф. Ривлина «Допрос в уголовном суде», доклад доцента Елисеева «Осмотр места происшествия», доклад доцента Гранберга «Анализ судебной практики по делам об увольнении».

Научные работы ведет также и кафедра государственного права.

* * *

Общее количество студентов в институте 508 человек, из них: мужчин — 399, женщин — 109.

Партийность:

Членов ВКП(б) — 235 чел. ВЛКСМ — 208 чел.
Беспартийных — 65 чел.

Национальность:

Украинцев — 266 чел. Евреев — 128 чел.
Русских — 100 „ Прочих — 14 „

Образование:

Техникум 58 чел. 9-летка 7 чел.
Рафак 179 „ Прочие институты 28 „
10-летка 40 „ Низшее образование 196 „

Эта таблица показывает то, что не все студенты при поступлении в институт имели среднее образование. Если учесть, что студенты I и II курсов в большинстве своем поступили из 9-летней и 10-летней средней школы, то есть имели среднее образование, то 196 человек, которые при поступлении не имели среднего образования, падают на III и IV курсы.

Для характеристики подготовки студентов IV курса также необходимо отметить, что учебный процесс происходил не на основе программ юридических институтов, а на основе программы коммунистического сельскохозяйственного вуза.

В учебных планах недостаточное место занимают юридические дисциплины. Особенно это заметно на факультете совпроительства.

Из 34 дисциплин на факультете только 5—6 в той или иной мере имеют отношение к юридическим дисциплинам, то есть факультет в целом не обеспечивал достаточно государственно-правовой профиль выпускаемых студентов. Правда, дирекция института в начале 1936/37 учебного года выработала новый переходный план для IV курса факультета совпроительства для того, чтобы заполнить пробел в правовой подготовке студентов. Однако и этот переходный план ни в какой мере не обеспечивает в достаточной степени юридически-образованных деятелей государственников-юристов.

Ко всему этому нужно добавить, что преподавание в большинстве случаев происходит на довольно низком теоретическом уровне. Некоторые преподаватели пытаются оправдаться тем, что общая подготовка некоторой части студентов такова, что она не позволяет поднимать читаемые ими лекции и практические занятия на большую теоретическую высоту. Эти объяснения находятся в прямом противоречии с решениями партии и правительства о высшей школе. Преподавание ни в коем случае не должно равняться на менее подготовленную часть студенчества, а наоборот, должно вестись на высоком теоретическом уровне.

Также не выполняется решение партии и правительства о том, что высшие учебные заведения должны максимум времени предоставлять студентам для самостоятельных занятий. Обследование института показало, что студенты I и II курсов ежедневно проводят в институте по 6 часов. Кроме того, в вечерние часы устраиваются консультации и другие занятия. Если учесть, что почти все студенты имеют определенные общественные обязанности — собрания, заседания, а также посещают театры, кино и т. д., то ни один вечер не остается свободным для занятия непосредственно предметами, касающимися их учебы, и не остается времени для чтения книг. Таким образом главным источником подготовки для сдачи зачетов остаются плохо написанные ими конспекты лекций. Правда, студенты III курса имеют формально один день в пятидневку, а студенты IV курса имеют два дня в пятидневку для самостоятельной работы, но фактически это не выполняется вследствие того, что переходные планы для этих курсов превышают нормальные учебные планы, и, кроме того, эти студенты имеют еще добавочные

нагрузки в виде 60 часов по украинскому и русскому языкам.

В настоящее время в институте имеется 8 аспирантов, фактически же работают только 5 человек. Один аспирант приема 1936/37 учебного года перешел на другую работу; одна аспирантка второго года обучения также не занимается ввиду того, что она в течение года болеет. Особо заслуживает внимания то обстоятельство, что в этом году 4 человека ушли из аспирантуры.

Общее академическое руководство аспирантурой осуществляется кафедрами. Нужно отметить, что с академической подготовкой аспирантуры не все обстоит благополучно: аспиранты второго года обучения еще не прошли предметов первого года. Доклады аспирантов стоят не на должной теоретической высоте.

Это объясняется тем, что не все аспиранты имеют достаточную теоретическую подготовку для научной работы. Кроме того, нужно еще отметить, что все аспиранты кроме научной работы выполняют и другие обязанности. Все эти обязанности отвлекают их от академической работы, и это не может не отразиться на их теоретической подготовке.

Директорату необходимо поставить вопрос о разгрузке аспирантов и создать им условия для более планомерной академической работы.

В институте имеется ряд научных студенческих кружков. Научным кружком по уголовному праву руководит проф. Трахтерев, по судебному праву — проф. Гродзинский, по истории государства и права — проф. Корецкий и т. д. На кружках обсуждаются доклады студентов и аспирантов.

В институте имеются следующие кабинеты: по уголовному и судебному праву, по государственному праву, хозяйственному праву, криминалистике, химический, партийный кабинеты, военный и физкультурный зал. За исключением химического кабинета все другие кабинеты работают. Кабинеты прекрасно оборудованы. По новизне их оборудования они резко отличаются от кабинетов Московского и Ленинградского институтов. Каждый экспонат прекрасно отделан и продуман. Особенно хорошо работает кабинет по гражданскому праву. Имеется постоянный работник, который ежедневно бывает в кабинете по 6 часов. Кабинет разбит по разделам прохождения курса гражданского права, и каждый раздел снабжен соответствующими экспонатами и соответствующей литературой. При этом кабинете имеется кодификационное бюро, посещаемость его от 20 до 25 студентов в день.

Не плохо была организована производственная практика в 1936 г. Провожению производственной практики предшествовали подготовительные работы: был разработан ряд дифференцированных программ специально для практикантов областной прокуратуры, областного суда, народных судов, районной прокуратуры, следственной камеры и т. д. Созывались совещания с практикантами перед отъездом на места для инструктирования и консультации. Производственную практику по правовому факультету проходили в областной прокуратуре, городской прокуратуре, районной прокуратуре, в народных судах и транспортной прокуратуре. По факультету советского строительства

производственную практику проходили в ЦИК УССР, в областных исполкомах, районных исполкомах и породских советах. Во время практики на места выезжали профессора и преподаватели для инструктирования и консультации. После окончания практики каждый студент представил подробный, засвидетельствованный руководителем учреждения, в котором он проходил практику, отчет о своей работе.

Библиотека института имеет хорошее книгохранилище и прекрасно оборудованный читальный зал. Библиотека насчитывает около 160 000 книг.

Студенты в материальном и бытовом отношении находятся в удовлетворительном состоянии. В большинстве случаев студенты живут по 3—4 человека в комнате. Комнаты содержатся в очень опрятном состоянии и чистоте. За последнее время этому способствует работа комиссии жен профессорско-преподавательского состава, которые ведут повседневную работу в этом направлении.

Культурное обслуживание студентов также поставлено не плохо: имеются постоянные билеты в театры, часто читаются популярные лекции по вопросам литературы и музыки и не плохо организуется самодеятельность студентов.

**

С заочным образованием на Украине дело обстоит неважно. На Украине нет центра, нет органа, который бы занимался организацией и руководством столь важного участка правового образования, каким является заочное образование.

Сектор заочного образования Харьковского института, который Центральный заочный институт почему-то считает украинским центром по заочному образованию, на самом деле таким не является как в юридическом отношении, так и по существу.

Харьковский заочный сектор входит в стационар как составная часть и ему подчинен. По линии учебно-методической сектор связан и работает в контакте с Центральным заочным юридическим институтом, получает от него учебные планы, программы и т. д. Руководство заочного сектора состоит из заведующего сектором и заместителя заведующего. Аппарат заочного сектора состоит из методиста, секретаря, статистика, машинистки и экспедитора.

Для обеспечения учебно-методического руководства студентами при секторе организованы 4 цикла: криминалистический, хозяйственный, общей теории и истории государства и права и социально-экономических дисциплин. Эти циклы заменяют собой кафедры и являются по существу комплексом дисциплин учебно-методическими центрами. Заочный сектор своих штатных преподавателей не имеет. Все дисциплины обеспечены профессорско-преподавательским составом стационара.

Учебные занятия в заочном секторе проходят по программам Центрального заочного обучения, которые соответствующим образом перерабатываются и дополняются законодательством УССР и местной судебной практикой. Имеются программы: по политэкономии, ленинизму, общей истории государства и права, общей теории права (энциклопедия права), судостроительству, уголовному праву, государ-

ственному устройству буржуазных стран, уголовному процессу, хозяйственно-гражданскому праву, брачно-семейному праву, гражданскому процессу и нотариату, трудовому праву, судебной психиатрии, бухгалтерии и статистике. По остальным дисциплинам программы отсутствуют.

Учебный процесс организован следующим образом: студенты-заочники после зачисления их вызываются в институт на установочную конференцию. На конференции даются вступительные лекции к дисциплинам, намеченным к прохождению в первом году обучения. Следующая конференция созывается в январе для производства испытаний и организации дальнейших вступительных лекций. Таким образом конференции созываются два раза в году. Эта же форма организации учебного процесса применяется и к студентам других курсов.

Учебный план и работа построены в основном по линии обеспечения самостоятельной работы студента. Этот учебный процесс проверяется путем контрольных работ, выполняемых заочниками по плану. Кроме того, имеется индивидуальная связь между преподавателями и заведующими циклами со студентами по соответствующим дисциплинам. Эта связь осуществляется путем дачи индивидуальных консультаций, которыми студенты пользуются довольно широко, о чем свидетельствует то, что ежедневно в письменной форме дается не менее 10 консультаций. Общая связь со студентами характеризуется числом отправленных писем. Так, в октябре их было отправлено 735, в ноябре — 1760, в декабре — 1405. Таким образом в среднем каждому студенту дается три письменных консультации в месяц. Для усиления связи с заочниками и оказания помощи в их работе заочным сектором издается бюллетень библиографии и законодательства. С менее подготовленными студентами созываются конференции больше чем два раза в году.

Заочный сектор имеет в своем составе три «очных» группы, обслуживающих студентов Харькова и пригородной зоны. «Очные» группы занимаются по стабильному расписанию один раз в шестидневку. По всем группам в настоящем учебном году проведено около 60 занятий с количеством 320 часов. Студенты «очных» групп пользуются фундаментальной библиотекой и читальным залом стационара.

Узким местом в работе является отсутствие необходимой учебной литературы. Обеспечить всех студентов необходимой им литературой сектор не в состоянии. Тем не менее в этом учебном году им было приобретено и разослано: по хозяйственному праву — 47 книг, по бухгалтерии — 68, кроме того были разосланы заочникам альбомы по уголовному процессу и судоустройству, полученные от Центрального заочного института.

В общем сектор стал работать не плохо. Имеется ряд достижений в работе сектора, которые состоят в следующем: им организован цикл, который занимается методическими вопросами и вопросами организации учебного процесса. Сектором привлечены к преподаванию самые лучшие преподавательские силы, которые имеются в Харькове. Имеется хорошо налаженная связь с заочниками и хорошо поставленные консультации.

К недостаткам в работе сектора нужно отнести то, что в секторе нет корреспондентских пунктов на местах и этим самым затрудняется вопрос о привлечении и охвате широких масс работников органов юстиции. При наличии корреспондентских пунктов не надо каждый раз по 200—300 человек стягивать в Харьков. Гораздо лучше было бы в более крупных городах области создавать корреспондентские пункты, объединить студентов-заочников вокруг этих корреспондентских пунктов и при надобности посылать туда преподавателей для проведения учебных конференций. В организационном отношении сектором не сделано все то, что необходимо было проделать. К недостаткам нужно отнести также и то, что заочное образование на Украине и в частности в Харькове существует с 1932 г., а между тем до настоящего времени нет еще ни одного окончившего, имеются только студенты III курса.

Харьковский институт в этом году приступил к ликвидации недостатков, имеющих место в организации учебного процесса. В этом отношении имеется ряд достижений, но тем не менее руководству Харьковского института придется немало поработать и коллективу работников института придется немало потрудиться над тем, чтобы сделать институт подлинной кузницей подготовки судебно-прокурорских работников, которые могли бы выполнить задачи, поставленные перед ними Сталинской Конституцией.

О кадрах для кадров

Политическая острота вопроса подготовки высококвалифицированных кадров в области науки права и государства особенно стала ясной в свете последних судебных процессов контрреволюционной троцкистско-зиновьевской банды убийц, вредителей, диверсантов, прожженных политических авантюристов и изменников родины.

Подлейшие из подлых — организаторы капиталистической реставрации в СССР вербовали себе сторонников, в частности на ряде участков идеологического фронта, в том числе и на правовом научно-педагогическом участке.

В течение ряда лет на правовом теоретическом фронте орудовал троцкист Пашуканис и его школка: Доценко, Дзенис, Бенедиктов, Гришин, Костельцев и другие. Они контрабандным путем протаскивали в журнале «Советское государство», учебниках, программах и педагогической работе вредные, извращающие ленинизм антипартийные теории.

Сейчас Пашуканис и большинство из его школки изблещены как враги партии, правительства и народа.

В связи с этим во весь рост встала задача подготовки действительно марксистско-ленинских педагогических и научных кадров в области государства и права. В данный момент эта подготовка кадров для кадров сосредоточена в ИКП права, являющегося единственным в СССР, и в аспирантуре при Московском юридическом институте, которая является почти единственной в РСФСР (если не считать небольшого числа аспирантов при Ленинградском юридическом институте).

В обоих этих институтах в 1936/37 учебном году обучается свыше 80 человек.

Но состав обучающихся в ИКП права и аспирантуре, а также учебные планы, организация учебного процесса, обеспеченность помещением, учебными пособиями, стипендией и т. п. являются далеко не одинаковыми.

Вскрытые партийной печатью отрицательные явления на участках науки государства и права, с одной стороны, и с другой стороны, оценка, которая была дана в историческом постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1936 г. о высшей школе, отмечающая, что «состояние подготовки кадров в высшей школе все еще остается неудовлетворительным», свидетельствуют о том, что руководство ИКП права и аспирантуры МЮИ выпускает неполноценные научно-педагогические кадры.

Историческое постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о высшей школе перед юридическими институтами поставило новые серьезные задачи, особенно важные в свете требований Сталинской Конституции, по которой роль советских работников, судьи и прокурора, поднята на высшую ступень, соответствующую нынешнему этапу социалистического строительства.

Отсюда во весь рост встает проблема подготовки и выпуска из юридических институтов вполне политически и юридически образо-

ванных людей. Юридические институты должны воспитывать такие молодые кадры, которые умеют распознать классового врага, не только выступающего с открытым забралом, но и в особенности тех, которые маскируют классово враждебное содержание своей работы. Оканчивающие юридические институты также должны уметь по-большевистски бороться за проведение социалистической законности и за каждую букву и дух нашей великой Сталинской Конституции.

Современное состояние обучения в ИКП права и особенно в аспирантуре совершенно не отвечает возросшим требованиям юридических институтов.

Основную задачу, которую настойчиво в последние годы ставили партия и лично товарищ Сталин — заботливое воспитание и выращивание кадров, эту задачу ни дирекция ИКП права, ни тем более руководство аспирантуры МЮИ не выполнили. Тут имеются большие пробелы. Правда, характер недостатков в этих институтах весьма различен, но отрицательный результат и там и здесь.

В настоящий момент весь учебный процесс в аспирантуре рассчитан на три года и, начиная с первого года обучения, каждый аспирант специализируется в конкретной области права: уголовного, гражданского, трудового, земельного и воздушного, а также по уголовному процессу и криминалистике.

Общеметодологических дисциплин аспиранты почти не изучают. В учебном плане совершенно отсутствуют следующие науки: история философии, диалект, истмат, а также история политических учений. Курс истории государства и права проводится по сокращенной программе, в которой исключена история государства и права народов СССР по причине незначительного числа отведенных часов. А причиной незначительного числа отведенных часов никто не заинтересовался и получается, что выброшена за борт история нашего советского социалистического государства и права.

Ясно, что отсутствие общеметодологических дисциплин лишает оканчивающих аспирантуру возможности овладения марксистско-ленинским методом и не способствует вооружению последними достижениями коммунистической научной мысли.

Иностранные языки проходят на протяжении всех трех лет подготовки. Они занимают в учебном плане весьма солидное место, так как овладение к третьему году аспирантуры двумя иностранными языками является обязательным. Вместе с этим, в текущем учебном году желающим разрешено дополнительно изучать третий иностранный язык, в качестве которого рекомендуется латинский.

К сожалению, усвоение иностранных языков находится на низком уровне. Причина кроется в том, что поступающие в аспирантуру в большинстве своем не знакомы с иностранными языками. Ясно, что одновременное занятие двумя и даже тремя иностранными языками

отрицательно отражается на качестве овладения этими специфическими предметами.

Отсюда совершенно естественно, что окончивающие аспирантуру в лучшем случае оказываются узкими и ограниченными специалистами права, умеющими кое-как со словарем в руках читать специальную юридическую иностранную литературу, но с точки зрения новых задач социалистического строительства, нового уровня научной и педагогической работы они являются очень часто работниками неполноценными.

Положение усугубляется еще тем обстоятельством, что аспиранты изолированы от педагогической и научной работы и лишены возможности соединять теорию с практикой. Аспиранты хронически не посещают заседаний в научно-исследовательских институтах, и это никого не беспокоит.

В результате получилось, что только считанные единицы окончивших аспирантуру МЮИ оказались пригодными для педагогической работы и почти никто из них не оказался годным для научной работы. Кроме того, за шесть лет существования аспирантуры и за три состоявшихся выпуска никто из так называемых окончивших аспирантуру не представил выпускных работ, диссертаций, несмотря на то, что все аспиранты на третьем году обучения обычно числятся занятыми составлением диссертации. Об этом все знают, но изменить эту порочную систему и гнилые традиции пока никто не собирается.

Для полноты картины необходимо остановиться еще на одном недостатке из области учебного плана, а именно на отсутствии обучения аспирантов военному делу и физкультуре. Известно, что военная опасность для СССР все возрастает. Совершенно очевидно, что в самый трудный и решительный момент, во время войны, надо быть не только преподавателем права, но и активным помощником в боевой работе Красной армии. Но об этом «забыли» руководители аспирантуры МЮИ. Повидимому, они считают, что в случае войны врага можно будет победить и без военной науки. Эти гнилые, враждебные нам расчеты надо ликвидировать.

Касаясь внутренней организации учебной работы, необходимо отметить следующие моменты: первое—это плохое качество индивидуальных учебно-производственных планов. Их характер еще далеко не отвечает тем требованиям, которые поставлены перед ними в известном постановлении правительства от 13 января 1934 г. «Об ученых степенях».

Индивидуальные планы должны исходить из специальных программ. Еще 7 мая 1935 г. НКЮ своим постановлением обязал дирекцию МЮИ составить эти программы. Но специальных программ по подготовке аспирантов до сих пор нет и индивидуальные планы в большинстве своем представляют перечень тем из вузовских программ, список литературы и указаний сроков представления тезисов и письменных докладов.

Второе—это неумение правильно регулировать режим времени аспиранта. В результате из года в год и в текущем учебном году у аспирантов бесцельно пропадает много времени из-за неумелого составления расписания, от-

сутствия условий для спокойной работы над книгой, отсутствия соответствующей литературы в библиотеке института, излишней заседательской суеи и т. д.

Третье—это неумение организовать для аспирантов старших курсов соответствующую их специальностям платную работу. Ведь ни для кого не секрет, что аспиранты на получаемые 200 руб. стипендии не живут и почти 40% из них ведут платную работу в разных организациях. Характер этой платной работы большинства аспирантов не совпадает с избранными ими специальностями, и эта работа ведется без разрешения, ведома и контроля кафедр.

Первым по важности делом является партийная работа среди аспирантуры. Надо прямо сказать, что внутрипартийная работа у аспирантов еще далеко не бьет ключом того планомерия, которого требует партия от каждого партийного коллектива и особенно такого, в составе которого находятся люди с высшим образованием. Воинствующая партийность и самокритика в партгруппе аспирантов еще только начинает развиваться. Обращает на себя внимание одно очень характерное явление, состоящее в том, что из года в год партийный состав аспирантуры резко снижается: если в 1935/36 учебном году было 50% партийной прослойки, то в 1936/37 учебном году стало уже около 25%. Это снижение грозит достигнуть нуля в том случае, если дирекция МЮИ будет в будущем проводить набор в аспирантуру так же, как в 1936 г. Набор в аспирантуру в 1936 г. не был организован и преимущество в приеме получали те, кого легко отпускали с практической работы, а легко отпускают только малоценного работника. Борьбы же за хорошие, талантливые, молодые, крепкие большевистские кадры дирекцией МЮИ проявлено не было.

Состояние подготовки кадров для кадров в ИКП права по сравнению с аспирантурой МЮИ находится в лучшем состоянии потому, что ИКП является высшей партийной школой кандидаты в которую отбираются крайкомы и обкомами партии с последующим персональным утверждением Оргбюро ЦК ВКП(б).

В состав слушателей ИКП права принимают только члены ВКП(б) с партийным стажем не менее шести лет, определенным опытом партийной работы и обладающие законченным высшим образованием. Всего в ИКП права с начала 1936/37 учебного года обучалось 47 человек, но из них по разным причинам было исключено и отчислено 7 человек.

Подготовка в ИКП права определена сроком в три года. На первом курсе изучаются следующие предметы: 1) история философии и диалектика, 2) история государства и права, 3) история политических учений, 4) политэкономия, 5) иностранный язык, 6) военные науки и 7) физкультура.

На втором курсе изучаются следующие предметы: 1) история государства и права народов СССР, 2) история политических учений, 3) учение о советском праве, 4) иностранный язык, 5) военные науки и 6) физкультура.

На третьем курсе проходят изучение дисциплин по специальностям.

Ведущей дисциплиной на первом курсе яв-

ляется история государства и права, по которой дополнительно к лекционному курсу в течение года прорабатываются семинарским способом пять узловых тем, причем на семинаре каждый слушатель обязан сделать квалифицированное выступление.

Ведущей дисциплиной на втором курсе является учение о советском праве. На одну из тем этого курса каждый слушатель обязан представлять письменный доклад. Ведущей дисциплиной на третьем курсе является специальная дисциплина, избранная каждым слушателем.

В организации учебной работы ИКП права имеется целый ряд положительных моментов, но задача состоит в том, чтобы сделать работу еще лучше, устранив имеющиеся недочеты.

В числе недочетов в первую очередь надо отметить слабость партийной работы. Партком в составе товарищей Баканина, Бермана, Ратнера, Денисова и Гукова не обеспечил проведения четкой и выдержанной политической линии, развертывания критики и самокритики и не только не организовал разоблачения врагов и вскрытия ошибок, допущенных на теоретическом правовом фронте, но и повинен в замазывании этих ошибок.

Партийный коллектив ИКП права в начале 1937 года, тщательно обсудив сигналы «Большевика» и «Правды» и работу парткома, пришел к выводу, что партком вел неправильную политическую линию и оказался неспособным возглавить борьбу крепкого и здорового партийного коллектива икапистов-правовиков с вредительством на теоретическом правовом фронте. Кроме этого на партсобрании ИКП права был принят для улучшения работы целый ряд других мероприятий.

Вредная деятельность Пашуканиса, который был преподавателем в ИКП права, нашла себе место в ликвидации изучения конкретных областей права. Специализация в ИКП права была поставлена плохо. Теоретически она начиналась со второго курса, но фактически специальных отраслей права слушатели не изучали, а преподаватели конкретных правовых дисциплин были фактически отстранены.

В курсе же учения о советском праве, который читается для специализирующихся по уголовному и гражданскому праву, из 13 тем имеется только одна тема по уголовному праву под названием «Советская уголовная политика».

В этом курсе совершенно отсутствует изучение советского законодательства, и эта недооценка роли советского закона явилась далеко не случайно. Сейчас, как никогда, высоко поднята роль советских законов, которые, как сказал товарищ Сталин, должны быть стабильными, а судьи в СССР по Конституции «подчиняются только закону».

Ясно, что без тщательного изучения законодательства СССР, не зная советских законов, и с проработкой одной темы по советскому уголовному праву слушатели II курса не могли быть использованы на педагогической практике по специальным дисциплинам.

В 1936/37 учебном году ни один из слушателей ИКП права не ведет педагогической работы по правовым дисциплинам, а преобладающее большинство ведет педагогическую работу в райкомвузе не по специальности.

Это ненормальное положение должно быть немедленно ликвидировано.

Следующим крупным недостатком в подготовке ИКП права является оторванность слушателей от научно-исследовательской работы кафедры. По существу получилось изолированное от научной и педагогической работы выраживание молодых педагогических и научных кадров.

К организации этого разрыва теория от практики была приложена вредительская рука Пашуканиса, который воспользовался излишней доверчивостью некоторых партийных шляп.

Надо со всей силой подчеркнуть, что потребность в высококвалифицированных кадрах и именно таких, какие должны готовить ИКП права и аспирантура МЮИ, сильно возросла. Сеть правового образования за последние годы значительно расширилась и будет расти еще быстрее, ибо наше правительство совсем недавно приняло постановление (постановление ЦИК и СНК СССР от 5 марта 1935 г.) о развертывании и улучшении правового образования.

Существующий профессорско-преподавательский состав в наших правовых учебных заведениях незначителен и неудовлетворителен. Всего по СССР в конце 1936 г. было зарегистрировано профессорско-преподавательского состава 220 человек, из коих ученые степени докторов имеют 4 человека, ученые степени кандидатов 4 человека и 212¹ преподавателей не имеют никаких ученых степеней, хотя 56 человек из них числятся профессорами, тогда как по постановлению правительства от 13 января 1934 г. «Об ученых степенях» после 2 лет с момента опубликования его, т. е. с января 1936 г. профессором может быть только имеющий ученую степень.

Характерно отметить, что из числа наших профессоров имеют высшее образование только 180 человек.

Следовательно, острота в удовлетворении возросших потребностей в высококвалифицированных научных и преподавательских кадрах в области государства и права стала еще сильнее.

Отсюда ближайшими задачами должно явиться следующее: первое — это проведение коренного пересмотра и улучшения системы подготовки кадров для кадров в ИКП права и особенно аспирантуре МЮИ и второе — это организованное проведение набора и обеспечение ИКП права и аспирантуры достойными кандидатами. К разрешению второй задачи надо обязательно приступить уже со второго квартала 1937 г., иначе есть опасность невыполнения этой задачи.

¹ Теперь эти числа несколько изменились.

Слова и дела

Прошло уже несколько месяцев, как в НКЮ СССР существует отдел, занимающийся вопросами советской адвокатуры и организации юридической помощи населению. В печати появилась не одна статья о том, как новый орган, призванный руководить советской адвокатурой, предполагает разрешать поставленные перед ним задачи.

В нашем распоряжении имеется ряд сведений, позволяющих подвести некоторые итоги того, как за это время осуществлялось руководство коллегиями защитников и какие новые принципиальные установки получали президиумы коллегий от нового отдела НКЮ.

В целях лучшей организации работы в НКЮ было решено произвести обследование нескольких коллегий защитников и на базе полученных в результате обследования материалов дать дальнейшие руководящие указания.

Казалось бы, задача, поставленная перед лицами, призванными производить такое обследование, была весьма серьезна и в первую очередь требовала от этих лиц ясного представления о целях и особенностях тех организаций, работу которых они должны были проверять.

Видимо поэтому в качестве обследователя нескольких коллегий защитников, в том числе Московской и Ленинградской, был выдвинут некий т. Цитович, имеющий солидный стаж административно-канцелярской работы, несколько лет назад бывший председателем одного из провинциальных судов и проявивший на этой работе исключительно отрицательное отношение и редкую нетерпимость к защитникам.

Сознавая ответственность возложенных на него заданий, т. Цитович быстро сумел показать выдающиеся образчики обследовательского искусства, дающие право причислить его к лику тех «обследователей» и «ревизоров», достижения коих освещались в свое время на страницах «Крокодила».

В середине февраля к председателю Московской коллегии защитников явился т. Цитович, предъявив мандат НКЮ, где были изложены права и полномочия обследователя.

Тов. Цитович тут же вынул из толстого портфеля целый ряд анкет, сводок, таблиц, опросных листов и предложил в кратчайший срок дать ответы на все вопросы, содержащиеся в этом изобилии всякого рода бланков и форм.

Каждая из этих форм заключала в себе не один десяток вопросов, разграфлены были формы и горизонтально и вертикально. Всего было более полутора десятка форм, охватывающих все области адвокатской работы. Сумма всех вопросов, поставленных во всех анкетах, выражалась многозначной цифрой.

Тут же т. Цитович приступил к практическому разрешению проблемы равномерного распределения на территории г. Москвы коллективов защитников. Взяв план г. Москвы, т. Цитович наносил на нем разноцветные кружочки,

условно обозначавшие коллективы защитников, причем тщательно следил за тем, чтобы каждый кружочек отстоял от другого кружочка на равном, точно вымеренном расстоянии.

Разрешая так задачу распределения коллективов по территории города, т. Цитович был убежден в том, что математическая точность тут не подведет, однако, как утверждают злые языки, тут неожиданно вскрылись непредвиденные затруднения: при точном математическом расчете некоторые кружочки попадали в места, не совсем удобные для организации коллективов защитников, — один кружочек попал в самый центр Московского зоопарка, а другой оказался внутри ограды Лазаревского кладбища. Не желая отступать от точного математического расчета и в то же время не вступать в коллизию с жизненными требованиями, т. Цитович оставил пока открытым вопрос о том, куда именно надлежит поставить злополучные кружочки, что во всяком случае свидетельствует о том, что излишней опрометчивости им проявлено не было.

Попытки сотрудников президиума коллегии защитников заполнить анкеты по формам т. Цитович, без его личной помощи, успехом не увенчались, так как никто не мог сообразить, как надо заполнять ту или иную графу и как в отдельных случаях следует расшифровать смысл заданий обследователя.

Недостаток места не позволяет нам восстановить во всей девственной красе все анкеты т. Цитовича, но для иллюстрации трудностей, с которыми пришлось встретиться заполняющим анкеты, попробуем остановиться на двух образцах. Перед нами особая форма учета работы ревизионной комиссии. Заголовок этой формы гласит: «Работа ревкомиссии (приложить сметы назначений и исполнений)». Этот заголовок смущал каждого работника, ибо, как известно, никаких смет ни одна ревизионная комиссия не составляет, не говоря уже о том, что никто не мог понять, что такое «смета назначений и исполнений». Как полагается, дальше лист был разграфлен: в первой графе указывался номер, вторая графа гласила «перечень обязанностей по установке президиума», третья графа — «перечень прав и обязанностей, выдвигаемых РК», а дальше следовали другие графы, озаглавленные столь же загадочно. О чьих обязанностях говорила первая графа, уяснить никто не мог; лица, претендующие на сообразительность, пробовали указывать, что там речь идет об обязанностях членов ревизионной комиссии, но тут же уличались в ошибке, ибо в таком случае нельзя было объяснить, причем «установка президиума».

В догадках о том, о каких правах и обязанностях трактовала третья графа, терялись даже люди, умудренные многолетним опытом заполнения самых невероятных по бессмысленности анкет.

Следующая таблица была озаглавлена так: «Работа президиума по обмену опытом рабо-

ты», причем первая графа этой замечательной таблицы предлагала дать «перечень объектов и лиц по обмену опытом работы», а дальше следовали не менее красочные разветвления этой анекдотической белиберды.

Немало дней работники президиума МГКЗ потратили на заполнение всех таблиц т. Цитовича, причем работа эта оказалась настолько непосильной для наличного штата сотрудников, что на очередном заседании президиума было решено пригласить специального статистика, который помог бы справиться с заданиями т. Цитовича.

К особенностям обследования придется отнести и тот факт, что, не имея квартиры в Москве, т. Цитович, начиная со второго дня своей работы, поселился на житье в кабинете председателя МГКЗ, где проводил не только дни, но и ночи в прямом и буквальном смысле этого слова.

Помимо перечисленной работы т. Цитович совершенно самостоятельно, без помощи сотрудников президиума, провел «учет» дисциплинарных дел ЧКЗ. Данные учета нашли отражение в специальной таблице, где в 25 пунктах перечислялись отдельные виды проступков ЧКЗ, причем графа, посвященная этому перечислению, была озаглавлена: «Виды нарушений (элементы и признаки)». О том, с какой исключительной тонкостью т. Цитович улавливал эти элементы и признаки, можно судить хотя бы по тому, что в пункте 19 перечня проступков было выведено «подстрекательство» (?!).

О подстрекательстве к чему шла здесь речь — остается тайной Цитовича вплоть до сегодня.

Крайне важно отметить, что учет ЧКЗ, привлеченных по дисциплинарным делам, был произведен по делам, еще не законченным, по которым не вынесено решения. Видимо, считалось целесообразным взять на учет тех лиц, виновность коих в том или ином проступке еще не установлена. Если бы органы, ведающие учетом осужденных уголовным судом, пользовались методом Цитовича, то пришлось бы взять на учет и считать судившимися людей, в отношении коих не вынесено судебного приговора, на том лишь основании, что они привлечены к ответственности.

Подробное повествование о трудах т. Цитовича заняло бы не менее нескольких объемистых томов, но мы остаемся при скромном убеждении в том, что и приведенные нами примеры, может быть и недостаточно и не с исчерпывающей полнотой, но все же характеризуют стиль и размах работы следователя НКЮ.

Почти всю свою работу т. Цитович провел не выходя из помещения президиума МГКЗ и пришел к ряду выводов, крайне отрицательно характеризующих столичную адвокатуру, а особенно ее руководителей.

Выводы и заключения т. Цитовича приведены в специальном акте, с содержанием коего не были ознакомлены члены президиума МГКЗ, и акт этот представлен по начальству. Утверждают, что выводы этого акта в скором времени будут обсуждаться на оперативном совещании НКЮ.

Не ставя в известность о своих выводах ру-

ководителей МГКЗ, т. Цитович в разговорах с отдельными товарищами частично посвятил их в существо своих глубокомысленных выводов и ознакомил их с своими взглядами на московскую адвокатуру. По этим отрывочным сведениям можно понять, что значительную часть московских ЧКЗ, в частности всех индивидуально практикующих, т. Цитович считает просто жуликами (вызывая к себе некоторых из индивидуально практикующих ЧКЗ, т. Цитович заявлял им, что не желает просматривать их «жульнические «квитанционные книжки»), работу президиума — вредной, никуда не годной и т. п.

Акт т. Цитовича исключительно богато иллюстрирован цифрами. Там с точностью до одной тысячной вычислено, сколько дел приходится на каждого ЧКЗ, хотя при этом не учтено то простое соображение, что есть дела продолжительностью в полчаса и затягивающиеся на десятки дней, там в вину членам президиума нынешнего состава ставится то, что есть дисциплинарные дела, которые не были рассмотрены в течение 10—11 месяцев, тогда как нынешний президиум существует всего лишь полгода, и т. п.

То, что Цитович не одинок, и методы его работы вполне одобряются начальством из НКЮ, видно хотя бы из того, что параллельно «обследованию» Цитовича из НКЮ сыплются требования на всякого рода цифровые сводки из коллегий защитников, причем требования эти принимают такие размеры, что президиумам коллегий не удастся ограничиться приглашением лишь отдельных новых статистиков, но придется серьезно призадуматься над большим расширением своего канцелярского аппарата.

Аппарат отделов, руководящих адвокатурой в НКЮ СССР и НКЮ РСФСР, видимо настолько заполнен большим количеством Цитовичей и людей в футлярах, ищущих применения своему бюрократическому творчеству, что и в НКЮ РСФСР и в НКЮ СССР параллельно решили завести личные дела на весь руководящий состав коллегий защитников, причем для этой цели затребуются анкеты, автобиографии и характеристики руководящего состава всех коллегий, и эти пресловутые характеристики президиумы коллегий пишут фактически сами себе.

Живое руководство и деловая связь президиума Московской коллегии с наркоматами юстиции республик и Союза ограничивается пока что лишь телефонными звонками и предписаниями принять кого-нибудь в члены коллегии защитников, причем направляются в коллегию иногда люди, совсем непригодные к работе адвоката, а иногда желающие получить хорошее «место».

Недавно в президиум МГКЗ по специальной путевке была направлена одна гражданка, только что окончившая вуз и не имевшая ни одного дня практики судебной работы, которая заявила, что стажировать ей надо «не больше одного—двух дней», после чего она станет «прекрасным адвокатом», и требовала немедленного предоставления «платной работы», очевидно считая, что ЧКЗ состоят на определенном жаловании.

Трогательная работа НКЮ о пополнении

коллегии защитников надлежащими кадрами сказала недавно в одном весьма показательном случае. Президиум МГКЗ исключил из состава коллегии некоего гр. Хворостухина, б. члена партии, человека весьма мало культурного, который, усвоив приемы подпольного ходатая, занимался вербовкой клиентуры в разных учреждениях. Он появлялся в приемной ВЦИК, финотдела и в ряде других учреждений, где предлагал публике свои услуги, брал по 5—10 руб. за полуграмотные жалобы, причем неоднократно такая охота за клиентами заканчивалась в отделении милиции, куда доставляли Хворостухина как подпольного дельца. В дисциплинарном деле Хворостухина было несколько протоколов, составленных в разных отделениях милиции, при разборе его дела описанные факты Хворостухин не отрицал, а «объяснял» тем, что в его действиях нет ничего предосудительного.

На-днях Наркоматом юстиции отменено постановление президиума МГКЗ об исключении Хворостухина «за необоснованностью», и он вновь получил билет члена МГКЗ.

Мы считаем своевременным поставить вопрос о допустимости описанных методов руководства и о целесообразности расходования значительных государственных средств на «работу по обмену опытом работы» бюрократов, приютившихся в НКЮ, «элементы и признаки» плодотворной деятельности каковых здесь частично отображены.

От редакции. Редакция просит наркома юстиции СССР т. Крыленко обратить внимание на бюрократические затеи отдела НКЮ СССР, рассчитывающего «управлять» адвокатурой такими совершенно непонятными и недопустимыми методами.

ОБМЕН ОПЫТОМ

Государственный обвинитель на судебной трибуне¹

Роль прокурора в процессе большая. Суд требует от него обоснования каждой детали дела, помощи в установлении материальной истины. Слушатель ждет разъяснения смысла процесса и отношения государственной власти к преступлению и к подсудимым. Прокурор должен знать не только самое дело, но и все те вредные последствия, которые получились в результате совершенного преступления, если даже эти последствия и не вменяются подсудимым в вину. Изучать дело он должен задолго до публичной встречи с подсудимым, в период расследования.

Три года под ряд на кожзаводе № 1 шли массовые хищения продукции. В 1935 г. угрозыск напал на след большой шайки воров. Главарем ее был Васер, занявший должность зав. складом, в прошлом бывший приказчик заводовладельца, в 1920 г. судимый за шпионаж. На раскрое и весовой разнице замоченного сырья он получал большие излишки кожи и через своих «служак» снабжал ею рынок. В числе агентов по продаже кожи он завербовал и работников охраны завода. Вне завода на него работали 5 вояжеров, которые отправляли краденую кожу в другие города. Десятки частных сапожников снабжались Васером дешевой кожей.

Прокурору надо было выявить 25 участников шайки, показав каждого в его роли. Пришлось пересмотреть архив бухгалтерского и первичного учета за три года, поднять крепко слежавшуюся кору подлогов — следов юрких и жадных рук мошенников. Поднять «природу подбитой подметки», показать ее суду, как красноречивого свидетеля, можно было тща-

тельным осмотром предметов преступлений, объяснениями с экспертами, допросом и перепросом обвиняемых во время предварительного расследования и судебного следствия.

В январе прошлого года педагог Рыбинской школы зашел на квартиру Дементьева узнать, почему сын его Вова перестал учиться. В комнате между столом и кроватью стоял его воспитанник, прикованный цепью к полу. Родители ребенка изнуряли его голодом и жестоко с ним обращались. Часто избиваемый Вова уходил из дома, ночевал на Волге и попал под влияние улицы. Отец и мачеха надломили характер ребенка в самом начале нечеловеческим обращением с ним, а потом решили, что он сам виноват в дурных своих наклонностях. Полтора месяца под ряд с утра до вечера 9-летний Вова сидел на цепи и не мог даже пользоваться кроватью. За окном он видел, как его сверстники катались на лыжах, слышал их веселый смех. Иногда он знаками просил бросить ему кусочек снега через форточку. Дети подходили к окну, указывали на него пальцем и убегали. Дикая расправа мачехи над школьником вызвала гнев населения. Дать правильное направление этому порыву негодования, объяснить уголовно-правовую сторону этого необычайного преступления можно только тщательным изучением мельчайших деталей дела во время расследования. Три дня заняла беседа с Вовой и его родителями с участием экспертов, признавших отца и мать вменяемыми. Зато в суде ни одна подробность дела не вызвала никаких сомнений.

Самая тщательная подготовка к процессу может быть сведена на-нет, если не будет хорошо отработан документ, которым открывается судебное следствие. Обвинительное заключение дает описание событий, анализ улик, определение степени участия в преступлениях преданных суду лиц и квалификацию преступлений по закону. Небрежное составление этого документа может привести к тому, что

¹ Статьи поступили на объявленный редакцией совместно с издательством конкурс.

прокурор, хорошо изучивший дело, будет лишен возможности настаивать на обвинении, так как поддерживать обвинение можно только в пределах обвинительного заключения. Изменить его во время судебного процесса нельзя. Обвинительным заключением вводится в курс дела аудитория на процессе. Если анализ дела дан убедительно, то аудитория в суде убеждается в правильности обвинения. Всякая вольность с аргументацией, небрежность в обращении с фактами создает у слушателей впечатление бездоказанности обвинения и настраивает их сочувственно к обвиняемым. Текст обвинительного заключения должен быть тщательно проверен и, в необходимых случаях, отредактирован самим прокурором.

Изучение дела составляет только часть подготовки к выступлению в суде. Готовясь к делу, прокурор должен создать общественный интерес к делу и придать этой своеобразной форме участия населения в судебном процессе организованный характер. Самый действенный способ такой подготовки — это печать.

У заведующего магазином Рыбинского горта Смирнова из месяца в месяц росла недостача, пока она не достигла 14 тыс. руб.

До Смирнова по 130 магазинов очередные ревизии не раз вскрывали растраты и так называемые недостачи на 1 января, 1 апреля и 1 июля отличались друг от друга только суммой да фамилиями растратчиков. За квартал расхищалось 40—70 тыс. руб. Особенно вредны были многочисленные мелкие недостачи, не преследуемые в уголовном порядке. Много раз мы созывали бухгалтерию. Тщательно проверяли претензии организаций к подотчетным лицам, судили за плохую охрану ценностей, однако сколько-нибудь заметных результатов не было. Хаос в учете и обезличка продолжались. Во многом признавшийся Смирнов не согласен был с обвинением в одном. Мы удивлялись большой сумме его растрат и долгой безнаказанности, он же считал себя скромным и уверял, что мог украсть больше, так как за ним некому было смотреть. Смирнов был лишь отдельным эпизодом в общем хоре кооперативных воров и воришек. С этим потоком растрат мы бессильны были бороться одними только мерами уголовного преследования.

Многие процессы, имеющие большое общественное значение, не освещаются в печати. Это плохо, и прокуроры согласны с этим. А сами прокуроры пишут редко. Некоторым из них кажется, что если он, прокурор, решил написать в газету, то это значит, что его статья должна отличаться сильными выражениями по адресу обвиняемого и только. Дальше этого его представления о роли государственного обвинителя в печати не идут. К тому же многим прокурорам мешает участвовать в газете «сухой язык», привычка оперировать казенными оборотами речи, мало понятными населению. Нередко статья нашего работника отличается от обвинительного заключения только заголовком. Чтобы избавить читателя от «каковых», «таковых», «подлежащих преданию», редакция бракует ее или в лучшем случае заменяет простой хроникой. А уж если такой артиллерийский выстрел и увидит свет, то не всегда он кончается разрушением только неприятельских позиций. Прокурор или судья,

ограничившийся в газете одними преждевременными требованиями о наказаниях обвиняемым, создаст излишние трудности на процессе.

В Костромском суде по делу работников уголовного розыска председательствующий в беседе с нетерпеливым корреспондентом за 4 дня до приговора сообщил ему, что он думает строго наказать обвиняемых. Во второй половине 8-дневного процесса подсудимые заявили, что если бы они знали о плане председателя, то воспользовались бы правом отвода. Председатель заверил обвиняемых, что суд был и остается беспристрастным. Обвиняемые не настаивали на отводе, казалось, скандал миновал. Однако приговор по делу удивил всех. Из 10 уличенных в избиениях арестованных, присвоении имущества и связи с ворами только 1 был приговорен на 4 года тюрьмы, остальные — на меньшие сроки. После протеста на мягкость, приговор был отменен, и другим составом суда вся эта группа была осуждена к лишению свободы сроком на 10 лет.

Большая редкость в газете, коротко составленная, доступно и живо написанная статья за подписью прокурора.

В 1933 г. пассажирские вагоны Ленинград—Горький освещались только на становах. Большую часть ночного пути пассажиры ехали впотьмах. Оказалось, что весь причт одной церкви несколько лет под ряд освещал свой храм стеариновыми свечами, «экономленными» раздатчиками багажных и пассажирских вагонов. Каждую сэкономленную свечу мелкий вор продавал старшему раздатчику за рубль. Тот перепродавал ее посреднику за два. От агента свечи принимал церковный староста за три рубля. Хранитель священной копейки накладывал рубль для себя. Дьякон-счетовод приписывал новый рубль и продавал ее за четыре рубля. Свечи отвлекали дьякона от мирской суеты, суля ему безмятежное житье на подделках церковных счетов. Этот «бухгалтер» успел продать две тысячи свечей, но запутался в своей арифметике, попал под суд и потащил за собой всех остальных. О всей этой шайке воров я написал статью в газете. На собраниях, где обсуждалась эта статья, со стороны железнодорожников раздавались требования уволить с транспорта всех сколько-нибудь замешанных в снабжении церкви краденными свечами. Деловые предложения были внесены не только по вопросам охраны имущества пассажирских вагонов, но и депо путевого хозяйства.

Большой интерес проявляет слушатель и к объяснениям обвинителя с подсудимыми и свидетелями. Этим вниманием надо дорожить и бережно обращаться с ним. Аудитория в суде — это лучшее по активности собрание. С особым вниманием следит слушатель не только за смыслом этого разговора, но и за каждым ходом мысли обвинителя, судьи и обвиняемого. Прокурор, представляющий государственную власть на процессе, всю сумму своих действий учит слушателя и объясняет, что противозаконного есть в действиях обвиняемых. Допрос, который ведет на процессе обвинитель, должен быть объективен. Постановка вопросов и самые вопросы должны быть продуманы и осторожны.

В качестве одного из обвиняемых по делу

Кожзавода был предан суду технорук Маслов за халатность. Наряду с прочими проступками за ним числилась мошенническая отправка кож в Москву для подарков работникам треста. Этот грязный штрих, не вмещающийся в служебный облик советского инженера, вызвал сомнение при первых вопросах обвинителя. Выяснилось следующее: за несколько часов до отъезда в Москву технорук забежал на постройку заводского дома и положил портфель на доску, а сам поднялся по сходням, чтобы посмотреть работы. Зная о повальном воровстве на заводе, свидетель Березин решил, что портфель директора раздулся не иначе как от краденой кожи. Улучив момент, Березин открыл портфель и увидел в нем два куска образцов кожи среди чертежей, отчетов и других деловых бумаг. Это открытие он свидетельствовал как доказательство причастности технорука к хищению. Автору этой статьи, повинному в том, что такой важный недостаток дела не был устранен на предварительном следствии, пришлось особым заявлением объяснить объективный смысл мелкой провокации, отмежеваться от свидетеля и во-время освободить обвиняемого от неосновательных обвинений.

Большую пропагандистскую работу выполняет государственный обвинитель обстоятельным ведением допроса в суде. Обвиняемый часто запирается. Свидетель, не привычный к судебной обстановке или близкий к подсудимому, говорит уклончиво: прокурор должен преодолевать эти препятствия, правильно учитывая индивидуальные особенности допрашиваемых, их психологию и настроение в суде.

Воспитательная цель процесса будет достигнута только тогда, когда не только суд, но и слушатели будут убеждены в правильности обвинения. Задача прокурора и заключается в том, чтобы, помогая суду установить материальную истину дела, одновременно добиться такого положения, при котором аудитория в суде была бы на его стороне и не просто интересовалась делом, но в результате дела начала борьбу за устранение аналогичных фактов у себя на производстве. Вот почему правильным допросом прокурор в известной мере разрешает пропагандистскую задачу. Этим он подготавливает обвинительную речь и создает почву для правильного восприятия общественностью судебного приговора. Полноценное участие государственного обвинителя в процессе помогает суду проверить юридическую ценность улик, найти окончательное решение каждого вопроса среди многочисленных разносторонних показаний, а по материалам подробных кропотливо собранных заметок составить черновые тезисы обвинительного заключения. Окончательно отработать эти тезисы можно только тогда, когда суд рассмотрит все доказательства и последние ходатайства сторон, нередко имеющие большое значение для исхода дела.

Итог процесса прокурор подводит в своей обвинительной речи.

Она в известном смысле как бы намечает проект приговора суда. Судебная трибуна — это ответственное дело. С ее высоты государственный обвинитель произносит обвинительную речь. Обвинительная речь должна быть

глубокой по содержанию, доступной по изложению. В то же время в ней должны быть использованы достижения науки для того, чтобы обосновать выводы, к которым приходит обвинитель.

Изложением политического смысла дела и уголовно-правовой природы преступления прокурор должен доказать, что его обвинительная позиция отнюдь не является только результатом его субъективного убеждения, а представляет неизбежное следствие, вытекающее из обстоятельств дела.

Вместе с тем государственный обвинитель должен убедить аудиторию в том, что главное средство предупреждения преступлений — это политическая, культурная и производственная активность трудящихся.

Хорошей подготовкой до суда, объективным и культурным поведением в суде и глубоким анализом дела с судебной трибуны прокурор может успешно выполнить поставленные перед ним и судом задачи: защиту социалистической законности, осуществление советского правосудия.

Ф. ГАЛКИН.

(Ст. помощник Ярославской областной прокуратуры).

Объявленный редакцией журнала «Социалистическая законность» конкурс на лучший очерк «Государственный обвинитель на судебной трибуне» совершенно правильно и своевременно ставит в повестку дня один из актуальных вопросов нашей работы.

В соответствии с указаниями Прокурора Союза на всесоюзном совещании работников прокуратуры в июле 1936 г. редакция поставила задачу просмотреть нашу работу на судебной трибуне. Вопрос, несомненно, чрезвычайно серьезный, требует широкой проработки и самого тщательного обсуждения в свете требований, которые предъявлены к нам Прокуратурой Союза. А т. Вышинский прямо заявил, что нельзя называться прокурором, не умея выступить в суде.

За последние годы судебная работа прокуроров в ряде мест чрезвычайно отстает; выступления в суде отодвинулись в нашей работе на задний план, а тогда, когда прокуроры все же выступали в суде, то они оказывались довольно беззаботными по части подготовки к судебному процессу.

Для каждого из нас ясна та огромная воспитательная роль суда, судебного процесса, которая отводилась В. И. Лениным. Тем более это обязывает прокурора особо тщательно изучать материалы и литературу, необходимые для использования в обвинительной речи.

И если бы нам удалось на страницах нашего журнала «Социалистическая законность» установить, наметить определенные линии в деле подготовки прокурора к судебному выступлению, исчерпать наиболее широко опыт больших процессов, это сыграло бы крупную роль в части выучки особенно районных прокуроров.

В нашей действительности, в истории советских судебных процессов мы имеем образцы классических выступлений известных проку-

юрских трибунов т. А. Я. Вышинского и т. Н. В. Крыленко.

Помимо выдающихся выступлений т. Вышинского на процессе контрреволюционной троцкистской банды, о вредительстве в электропромышленности и др., мы имеем такие исключительные по своей силе речи, как речь по делу Семенчука (события на острове Врангеля); в этой речи, как она известна большинству работников юстиции, дан непревзойденный образец построения обвинения на косвенных уликах. Мы сегодня, конечно, можем лишь мечтать о возможности таких речей из наших уст, нам до них еще далеко, но мы не отказываемся от борьбы за это. Однако не сомневаемся, что т. Вышинский поможет нам в выработке методов подготовки к процессу и в построении обвинительной речи. Здесь нам есть чему поучиться.

Поскольку редакция поставила задачу осветить ряд работ наших прокуроров в порядке обмена опытом по подготовке к судебным процессам, я позволю себе изложить на страницах печати опыт подготовки к только что прошедшему и освещенному на страницах центральных газет процессу по делу московского холодильника № 2 (дело Акульшина, Бродского и др.). Думается, что излишне излагать десятков два дел, достаточно взять одно, наиболее типичное.

Руководящие работники холодильника № 2, как установлено предварительным следствием и на суде, занимались систематическим хищением мороженого, материалов и денежных средств.

В сети холодильника широко практиковались взятки и ряд других преступлений. Дело было усложнено громоздкими судебно-бухгалтерской и технической экспертизами.

По количеству обвиняемых (39 человек) и по объему материала (36 томов с приложениями) дело представлялось чрезвычайно трудным, а с точки зрения доказательств весьма серьезным, ибо там были подняты вопросы о господствующих в умах руководителей холодильника своеобразных «теориях» естественных убылей и брака.

Сложный переплет различных преступлений требовал исключительно серьезного ознакомления с делом и нам пришлось в процессе подготовки не только читать это дело буквально от корки до корки, но ряд мест прямо изучать, прибегая к помощи как экспертов-бухгалтеров, так и журнала «Холодильное дело», знакомившего нас с терминологией и спецификой производства мороженого.

Одна только читка материалов потребовала 15 дней. Для облегчения работы в суде были подготовлены дубликаты всех протоколов допросов и основных документов (это особенно необходимо по большим делам). Для удобства и быстрого отыскания показаний участвующих в суде лиц были составлены алфавиты отдельно на обвиняемых и на свидетелей.

Это чрезвычайно облегчило нашу работу в ходе судебного следствия.

Кроме того, на каждого обвиняемого в отдельности в процессе подготовки нами были составлены карты, в которых помимо необходимых биографических данных и отдельных сведений о личности обвиняемых были собра-

ны все эпизоды, относящиеся к его обвинению, были произведены выдержки по основным обвинениям, причем под каждой группировкой обвинения были указаны источники обвинения со ссылками на лист дела.

После того как доказательственный материал был достаточно проработан, нам по ходу судебного следствия при проверке оставалось лишь вносить некоторые изменения на оставленных на каждой карте полях.

Для выступления потребовалось изучение определенной литературы. Так, полностью были использованы указания Владимира Ильича в статье «Как организовать соревнование», речь товарища Сталина на январском пленуме ЦК ВКП(б) в 1933 г.

Кроме того, была использована речь т. Микояна «О развитии пищевой промышленности» на январской сессии ЦИК Союза ССР 1936 г., передовые центральных газет: «Известия» от 11 и 17 июля, от 17 сентября 1936 года и «Правда» от 9 сентября 1936 г.

Наконец, был полностью использован дискуссионный материал о «Проблемах оценки доказательств в советском уголовном процессе», в особенности речь т. Вышинского от 15 мая 1936 г. (журнал «Социалистическая законность» № 7).

Все это облегчило построение обвинительной речи.

Сама обвинительная речь была построена таким образом: в первой части была дана оценка политического значения всего процесса — здесь были освещены материалы, касающиеся борьбы с «жуликами и тунеядцами» (Ленин, «Как организовать соревнование»), борьбы за охрану социалистической собственности в свете указаний товарища Сталина на январском пленуме ЦК 1933 г. и Сталинской Конституции, где, в частности, был разобран вопрос о силе и смысле ст. 131 этой Конституции.

После вводной политической части речи, мы перешли к краткому изложению существа всего дела, эпизодов преступлений, как они представлялись по материалам предварительного и судебного следствия, а дальше были подвергнут обстоятельному анализу конкретный, фактический материал уже в отношении каждого подсудимого. Здесь исключительную роль сыграло тщательное заполнение карты на каждого обвиняемого.

Ни одна деталь дела не была упущена. Именно это по отзывам как защиты, так и слушателей, а равно и суда придало речи достаточную убедительность.

После анализа доказательств в отношении каждого мы перешли к разбору «теорий» о закономерности брака и идентичности понятий брака и естественных убылей.

Здесь был использован газетный материал и, в частности, передовая «Известий» от 17 сентября 1936 г. «За социалистическую законность», в которой по-новому, в свете Сталинской Конституции, поставлены вопросы о борьбе с расхищениями социалистической собственности.

После того как эта часть была закончена, мы перешли к определению меры наказания в отношении каждого подсудимого, а заключительная часть речи была посвящена призыву

к бдительности рабочих и ИТР холодильной промышленности. Итоги процесса, кроме того, подведены в отдельной статье в журнале «Холодильное дело». Подготовка и поведение прокурора на этом процессе были предметом обсуждения на оперативном совещании Прокуратуры Республики, причем на совещании оценка была дана хорошая.

Но дело не только в оценке, а дело в той внутренней удовлетворенности, которая осталась от этого процесса, в той исключительной убежденности в правоте наших позиций, которая родилась в результате тщательной проработки материала до суда.

Вот основные мысли, которыми мы хотели поделиться с читателями нашего журнала.

А. ВИНОГРАДОВ.

Как я работаю с жалобами¹

Одним из ответственных участков работы каждой районной прокуратуры, в том числе и нашей Орехово-Зуевской, является прием и рассмотрение жалоб. Громадное количество жалоб, поступающих в прокуратуру, заставляет нас на этот участок обращать особое внимание.

Правильно принять жалобу, во-время и по существу ее рассмотреть, «добиться ликвидации указанного в ней нарушения законности, суметь от поры до времени обобщать жалобы, чтобы своевременно сигнализировать директивным органам о неблагоприятии на том или ином участке — задача ответственная и сугубо политическая. Отнюдь не претендуя на то, что наша районная прокуратура свободна от ошибок и недостатков в работе с жалобами, я хочу рассказать, как организовано это дело у нас, как и какими методами мы работаем. В нашей практике письменная жалоба (я в этой статье говорю только о письменных жалобах) занимает количественно значительное место. Правда, по сравнению с прошлыми годами их стало меньше, но во всяком случае количество жалоб еще настолько велико, что этот вопрос требует особого внимания со стороны прокуратуры.

Вот краткая статистика жалоб за последние три года. В 1934 г. поступило 4675 жалоб, в 1935 г. — 5436 и в 1936 г. — 2972. В среднем 300 человек, ежемесячно подав нам жалобы, требовали от нас конкретной помощи в охране их прав и интересов.

Естественно это обязывало нас, практических работников крупного промышленного района, не только принимать эти жалобы и, решая их, искать наиболее удовлетворяющие жалобщика формы и методы разрешения жалоб. Одним из таких методов, с моей точки зрения, наиболее действенным является вызов нарушителя законности и прав и жалобщика. У нас этот метод применяется очень широко (около 49% всех жалоб этого года решено так). Главные достоинства здесь сводятся к быстрой разрешению вопроса и, если хотите, наиболее безошибочному решению его, что не всегда гарантирует, например, запрос в письменном виде.

Вот поступает жалоба Петровой о том, что бухгалтерия, положив, отбеленно-красильной фабрики задерживает выплату ей алиментов и неаккуратно высылает их. Можно просто на такой жалобе написать излюбленную многими прокурорами трафаретку: «Канцелярия, затребовать объяснение». Объяснение требуется, жалоба идет в наряд ожидающих и там часто «ожидает» до тех пор, пока жалобщика снова не придет в прокуратуру. Тогда звонки, угроза дисциплинарной ответственностью секретарю, но факт безобразия уже зарегистрирован, ибо оказывается бухгалтер на наш апрос и три напоминания секретаря не реагировал. Этого не случится при личном вызове. Жалоба перед тобой, по телефону вызов на завтра бухгалтер с материалами лично к прокурору. Если нужно, берется обязательство «сегодня-завтра деньги перевести, если нужно, виновный привлекается к уголовной ответственности».

Часто бывает в этих случаях иное: зная, что лично вызывает районный прокурор, вызываемый, приходя к нему, уже сообщает об исправлении допущенной ошибки. Народ теперь знает законы и последствия их нарушения. Надо ли говорить, какое чувство испытывает Петрова или Иванова, когда через день — два после заявления прокурору она реально почувствует внимание к ней со стороны последнего. Но ведь жалобы не однообразны. У нас, например, масса жалоб на нарушения законности в области жилищ. Быт не всех еще рабочих Орехово-Зуева до конца устроен. В частности, многие семьи живут «на сторонках», что означает проживание в одной комнате казармы двух семей. Между двумя семьями идет борьба прямо за каждый вершок жилой площади. Вот поступает жалоба одной из них. «На днях умер мой отец. Моя соседка, воспользовавшись тем, что меня дома не было, и считая, что у меня семья убавилась, сама заняла часть моей площади». Если к жалобе подойти формально, исход ясен. «Разъяснить о необходимости обращения в товарищеский или народный суд». Делаем и так, но делаем и иначе: вызовешь обе стороны к себе, разъяснишь им, чуточку, попросту говоря, пристыдишь. Ушли обе, договорились, а через месяц — два встретишь кого-либо из них. «Ну, как?» «Живем теперь душа в душу, не ссоримся». А сколько других проявлений чувств, настроений, сколько вообще интересных явлений новой жизни, новых отношений наряду с еще существующими пережитками капитализма констатирует во время этой работы с жалобами и жалобщиками прокурор? Это правда утомительно и отнимает массу времени, но зато сколько особого чувства удовлетворения выносишь и ты. Ты, прокурор, сейчас — толкователь законов, пропагандист, агитатор партии, тебе приходится упорно, терпеливо кое-кому объяснять, убеждать, ломать похику, заставлять думать поновому. Бывают здесь и неудачи: отрегулировали, разрешили, а потом ренидив. Но ты уже знаешь дело, людей, обстановку, условия и, следовательно, можешь применить и другие меры. Я уже говорил, что все жалобы путем вызова часто двух сторон или одной из них не решишь. Но большинство жалоб по делам жилищным (волокита с предоставлением, неправильное уплотнение, самоуправство и

¹ Статья поступила на конкурс, объявленный редакцией совместно с издательством.

др.), на задержку зарплаты, о непредоставлении льгот красноармейцам и их семьям, на плохое воспитание детей и надзор за ними родителей мы в своей прокуратуре решаем таким образом. Этот метод оправдывается и, мне кажется, его надо шире внедрять в нашу практику как наиболее действенный.

Приведем еще один пример: работница Исаева обратилась к нам с жалобой, что ее, уволенную за прогул с ткацкой № 3, не принимают на ткацкую № 1. Вызываю зав. отделом кадров ткацкой № 1 и устанавливаю, что управление треста дало всем фабрикам незаконный приказ: «В целях поднятия труддисциплины лиц, уволенных за самовольный прогул, на другую фабрику не брать». Личное внимание прокурора к одной жалобе, личное рассмотрение ее с вызовом того, на кого жалуются, помогло немедленно устранить нарушение закона, устранить скорее, эффективнее, чем обычно. Но из дальнего села, с отдаленной фабрики, завода сразу не вызовешь. Тут приходится работать иначе — или посылать кого-нибудь проверять, или требовать подробных объяснений, а потом уже по существу решать вопрос. В самом деле, колхозник Петров жалуется, что Ивановский колхоз неправильно у него сломал сарай. Жалоба писана самим колхозником не совсем четко. Совершенно не установишь, был ли когда-нибудь этот сарай обобществлен, почему именно сейчас взят. Лучший способ в условиях сплошной телефонизации районов позвонить председателю колхоза, председателю сельсовета. Иной раз не дозвонишься и вот запрос, а там два—три напоминания. Поступает очень невразумительный ответ, и только тогда начинаешь думать о более радикальном способе разрешения. А время-то шло, и жалоба уже около 3—4 декад по существу не решена. Мы на камерном совещании решили, кроме посылки запросов, прибегать и к другим методам. Сделали так:

а) Ввели правило, чтоб жалобы обязательно рассматривались прокурором в день поступления. Запрос должен быть послан или в этот же день или на другой с утра. Сам запрос редактируется полно по существу жалобы. Дается орок.

б) Жалобы с запросом такого порядка из наряда ожидающих один раз в три дня обязательно проверяются пом. прокурора и один раз в 10 дней — районным прокурором.

Последнее мероприятие у нас в прокуратуре сразу свело почти на-нет количество жалоб, ожидающих ответа на запросы и напоминания долгое время (а в прошлом такие факты и у нас были часты).

Далее, мы стали делать и так. Рассматривая жалобу, положим, колхозница Никоновой, на неправильное исключение из колхоза, я решаю, что запросом, требованием объяснения здесь не решишь, так как жалобщица пишет, что ее исключили потому, что она кого-то из правленцев разоблачила. Запрос ничего не дает, сам скоро в ту деревню поехать не могу. Надо послать надежного активиста. Знаю, что в том кусте деревень работает соцсовместитель Жиронов А. М., проживающий или в этой деревне или рядом с ней. Жиронов или лично, или по телефону, или срочным письмом получает задание, и дня в два — при максимально мы

имеем достаточные материалы. Насколько широко мы используем соцсовместителей, здесь видно хотя бы из того, что за этот год ими проверено до 350 различных жалоб. Соцсовместители Жиронов А. М., Орлов И. И., Ефимов В. И. значительно выросли сами на этой работе.

Вот те методы, которыми я и мои помощники работаем по письменным жалобам.

Мы сегодня можем сказать, что в деле рассмотрения жалоб мы одели шаг вперед. Если в 1935 г. жалобы по срокам у нас разрешались так, что в течение 10 дней было разрешено только 52% всех жалоб, то в 1936 г. преобладающее количество — 91% всех жалоб — разрешено в срок до 10 дней.

Было бы неправильным не сказать и о другом. Работа с конкретной жалобой — дело нужное, ответственное. Ее быстрое и правильное разрешение — наша обязанность. Но этим не ограничивается наша работа.

Мы обобщаем материал по жалобам и данные о нарушениях закона, делая из этого нужные выводы. С жалобами на нарушения Устава сельскохозяйственной артели мы делали следующее. Когда они участились, мы, дав 10 протестов в риж за один месяц о незаконных исключениях из колхозов, сообщили об этом директивным органам и провели особое совещание в райкоме по этому вопросу. Этим не только были устранены конкретные нарушения, но и сделано предупреждение, и с исключением стало благополучнее. Анализ нескольких жалоб на нарушения закона о торговле хлебом в торговых организациях привел нас прямо к хлебозаводу, где были вскрыты такие факты, что руководство его через две недели село на скамью подсудимых. Вокруг фактов, вскрытых по жалобе рабочих, здесь проведена громадная массовая работа: печать, выездное заседание президиума горсовета на хлебозавод, собрание рабочих его. Этой работой, бесспорно, лицо прокуратуры было показано достаточно ясно как органа, до конца реагировавшего на жалобу рабочих.

Такова практика нашей прокуратуры и лично моя в работе с жалобами. Совершенствовать, углублять эту работу, устранять недопустимые факты волокиты по отдельным жалобам, небрежность, невнимательность в некоторых случаях к посетителям — вот моя и нашего коллектива задача в настоящем, особенно сейчас, когда Сталинская Конституция, наша партия с новой силой поставили вопрос о человеке-пражданине нашей великой родины и о полном, действительно советском, внимании к нему.

ДЕРЕВЩИКОВ

К толкованию ст. 29 закона от 27 июня 1936 г.

Практика применения закона от 27 июня 1936 г. «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам и т. д.» выдвинула ряд вопросов, имеющих чрезвычайно важное значение с точки зрения достижения целей, преследовавшихся законом.

Одним из таких вопросов, до сих пор не обсуждавшихся на страницах нашей правовой

печати, является вопрос о том, как надлежит применять ст. 29 закона в случае, если к одному ответчику-отцу предъявлены иски двумя матерями на содержание имеющегося у каждой из них по одному ребенку, какую долю заработка ответчика надлежит присудить: по $\frac{1}{4}$ на каждого или $\frac{1}{3}$ на двоих с соответствующим дроблением этой трети на каждого из двоих детей.

Президиум Верховного суда РСФСР в своем постановлении от 8 августа 1936 г. и НКЮ СССР в своем циркуляре № 3 от 28 августа 1936 г. стали на точку зрения необходимости присуждения в данном случае алиментов, исходя из совокупного количества детей, т. е. $\frac{1}{3}$ на двоих. Эти директивы были восприняты судебной практикой.

Такая трактовка закона является спорной и требует изменения для приведения ее в соответствие с целями, положенными в основание закона.

Закон ставил своей задачей проведение ряда мероприятий по борьбе с легкомысленным отношением к семье и семейным обязанностям, и одним из таких мероприятий является установление минимума сумм, подлежащих уплате отцом ребенка на его содержание при раздельном жительстве супругов.

Опираясь на эту отправную точку зрения законодателя, следует процентные отчисления, установленные ст. 29 закона, рассматривать как минимум алиментного обеспечения ребенка, оставшегося у матери.

Исходя из этого, нет никаких абсолютно оснований к тому, чтобы не распространять минимальные нормы процентных отчислений и на те случаи, когда претендуют на получение алиментов две матери на находящегося у каждой из них ребенка, и не присуждать каждой матери по $\frac{1}{4}$ заработка отца на каждого ребенка.

Несомненно, законодатель, устанавливая на содержание двоих детей $\frac{1}{3}$ заработка отца и уменьшая тем самым на каждого ребенка минимум, предусмотренный на одного ребенка ($\frac{1}{2}$), мыслил о двух детях, оставшихся у одной матери, поскольку наличие двоих детей в одной семье уменьшает расходы по общему уходу, по общему питанию и т. д. в сравнении с тем случаем, когда каждый ребенок живет раздельно.

Таким образом применяемое в настоящее время распространительное толкование о необходимости присуждения алиментов разным матерям по совокупности детей не находит опоры в законе, но в то же время ухудшает положение каждого ребенка и косвенно устанавливает своего рода премию ответчику за его легкомысленное поведение, за его порхание от жены к жене.

Выгоды действующей практики уже успели раскусить «любвеобильные» отцы. Уже нередки случаи, когда в целях уменьшения доли алиментов на ребенка от первого брака предъявляются фиктивные иски женами по второму браку, и суды при всей их настороженности к подобным явлениям могут оказаться лишенными возможности раскусить нечистую игру.

Действующая практика должна быть изменена таким образом, чтобы в вышеприведен-

ных случаях присуждалось каждой матери по $\frac{1}{4}$ заработка ответчика.

Права ответчиков ущемлены не будут, так как защищенный законом лимит удержаний в размере 50% от заработка не будет нарушен, но вместе с тем будут восстановлены права ребенка, особо защищаемые законом, но ныне ущемленные неправильной интерпретацией закона.

М. КЛЯЧКО.

О „юридическом косоглазии“

В статье «Советская адвокатура» («Социалистическая законность» № 1 за 1937 г.) т. Цыпкин затронул среди других вопросов адвокатской практики вопрос о допустимости альтернативной позиции для защитника в уголовном деле. Автор упрекает тех адвокатов, которые заканчивают свою речь примерно так: «Обвиняемого нужно оправдать, но если оправдать его вы не найдете возможным, то дайте ему, по крайней мере, снисхождение». Далее автор говорит, что при такой постановке вопроса защитник всегда может быть довольным собой, но суд не может быть доволен, так как «судья имеет право требовать от защиты помощи, а что же это за помощь, когда защита, говоря одновременно о двух выводах, ярко подчеркивает, что у нее ни одного определенного, продуманного и твердого вывода нет». И автор приходит к выводу: «когда юрист одновременно пытается притти по одному делу к двум разным выводам, мы считаем это «юридическим косоглазием» и считаем, что это является болезнью, от которой надо немедленно избавиться».

Прежде всего, стоит остановиться на общем тоне статьи т. Цыпкина. Несмотря на то, что внешне он как будто почтительно и толерантно относится к адвокатуре, все же в его статье явно сквозит какое-то, я бы сказал, барское пренебрежение к адвокатам, и говорит он о них точно о каких-то «малых сих». Пора уж, выражаясь словами т. Цыпкина же, и от этой болезни избавиться.

Теперь перейду к той «болезни», которую т. Цыпкин подсмотрел даже у опытных, квалифицированных адвокатов. Так ли они действительно «грешны»? Я считаю, что нет «греха» и нет «болезни». Не все так просто и так схематично, как это рисует т. Цыпкин. Начать хотя бы с его «примерного» изложения альтернативного ходатайства защиты, которое т. Цыпкин презрительно именуется «универсальным». Обычно эта просьба на практике выглядит совсем иначе. Защитник доказывает, в меру своих сил и разума, что подсудимого надо оправдать, но на тот случай, если суд с его доводами не согласится, он приводит соображения, по которым подсудимый при осуждении заслуживает снисхождения. Возражающий против такой постановки вопроса т. Цыпкин был бы прав только в том случае, если бы все дела были абсолютно просты и если бы все в них было всегда так ясно, как небесная лазурь в безоблачный день. Но в том-то и суть, что таких дел не бывает или почти не

бывает. А так как знать заранее, как суд отнесется к тому или иному показанию, к тому или иному материалу дела, не дано даже самому квалифицированному адвокату, то кто же может лишить его права высказать суду и те доводы, которые говорят в пользу его подзащитного и в том случае, если суд так оценит данные дела, что признает вину его доказанной? Никто. Даже тот суд, который, по словам т. Цыпкина, ждет от защиты помощи.

Да, кстати, что это вообще за постановка вопроса о помощи защиты только суду? Разве только суд ждет этой помощи? А где же тот самый подзащитный, который первый вправе требовать (а не только ждать) помощи от своего защитника? Мы все еще по устарелой традиции говорим о помощи адвоката суду, забывая о первоочередной его помощи своему подзащитному. Пора и от этой «болезни» избавиться. Плох будет тот адвокат, который не выскажет суду всего того, что можно привести в пользу обвиняемого, защита которого ему вверена. Ибо в конце концов и ст. 111 Сталинской Конституции, о которой говорит т. Цыпкин в начале своей статьи, гарантирует обвиняемому право на защиту.

Наконец, если статья на ригористическую точку зрения т. Цыпкина, следовало бы отметить все процессы с участием сторон, ибо там, как правило, прокурор требует, скажем, осуждения обвиняемого к лишению свободы (а иногда сам тут же просит заменить более легкой мерой наказания или осудить лишь условно), а защитник требует оправдания. По т. Цыпкину, в этих случаях суд должен «соглазнить» — с правой стороны ему предлагают один вывод, а с левой — другой, резко противоположный...

К обсуждаемому вопросу тесно примыкает вопрос о допустимости альтернативного просительного пункта в конце кассационной жалобы. Это тоже судьям кассационных коллегий не нравится. И, став на их сторону, президиум ленинградской коллегии защитников однажды даже выпустил циркуляр, запрещающий защитникам составлять такие жалобы. Находятся, конечно, такие, которые, вопреки запрету, пишут. И они, по моему, правы. В кассационной коллегии, где дело очень часто рассматривается заочно, особенно необходимо дать суду, — там, где это вытекает из конкретных материалов, — два варианта. В кассационной коллегии рассматривается часто оценка доказательств, данная судом первой инстанции в приговоре, и противоположная оценка, содержащаяся в кассационной жалобе. Обыкновенно кассационная инстанция держится того мнения, что оценка доказательств — прерогатива первой инстанции. Но бывает и так, что кассационная инстанция отвергает оценку первой инстанции. А защитник при составлении кассационной жалобы не может заранее знать, что изберет кассационный суд. Поэтому он, желая максимально помочь своему подзащитному, обязан указать и мотивы к снисхождению на случай, если кассационный суд согласится с оценкой первой инстанции.

А. ЛИБЕРМАН.

Об оформлении допросов

В № 1 «Социалистической законности» за 1937 г. помещена статья т. З. Ниренштейна «За культурное оформление следственных дел». В ней правильно поставлены и разрешены многие вопросы, относящиеся к данной области. Но мне кажется, что еще один вопрос из этой сферы следует поставить в порядок дня. Это — вопрос о протоколе допроса. Он до сих пор заполняется каждым по своему разумению. Это было бы очень хорошо. Но многие допрашивающие имеют привычку составлять протоколы в форме вопросов и ответов. Задается такой вопрос: «Скажите, гр. Икс, вы признаете себя виновным в том, что в ночь на 20 декабря 1936 г. похитили из сарая гр. Ипрека 12 килограмм овса?» Потом излагается ответ: «Нет, я не признаю себя в этом виновным». Следует вопрос: «У следствия имеются сведения, что вы совершили эту кражу. Почему вы это отрицаете?» И на это следует ответ...

Или заносится в протокол такой вопрос: «Расскажите, гражданинка Зет, что вам известно по этому делу?».

Много других не менее курьезных вопросов можно было бы привести из практики. Легко себе представить, во что превратился бы протокол судебного заседания, если бы его стали составлять в таком стиле (что, кстати, в редких случаях тоже наблюдается).

При такой системе протоколирования допросов суть дела тонет в многословии, и до нее очень трудно бывает добраться. Затем каждое дело от этого минимум в два—три раза утолщается. Тратится уйма лишней бумаги. Тратится уйма лишнего времени и тех, кто протоколирует, и тех, кто эти протоколы вынужден снова читать и разбирать. Надо ликвидировать эту систему. Точно так же надо устранить дублирование материалов.

А. М.

О секретарях

Работая довольно продолжительное время в органах суда и прокуратуры, я пришел к выводу, что работа секретарей имеет немаловажное значение. Плохая постановка канцелярии отражается на всей работе прокуратуры.

Между тем этому участку работы прокуратуры до сих пор совершенно не уделяется внимания. В данный момент, когда остро стоит вопрос о коренной перестройке работы прокуратуры в связи с новой Конституцией, пора заняться и прокурорскими канцеляриями.

Поэтому своевременно, на мой взгляд, постановка этого вопроса на страницах «Социалистической законности».

Но прежде чем поставить вопрос о задачах, стоящих в данный момент перед техническими работниками прокуратур, необходимо сказать, в каких условиях нам приходится работать.

В конце лета 1935 г. я поступил на работу секретарем Заветинской районной прокуратуры Азово-Черноморского края, имея семилетний опыт работы в органах юстиции. За работу я взялся с большим интересом. Хотя работы было и много, но сколько бы ни было

переписки, я всю ее обрабатывал в день получения. Я чувствовал, что моей работой довольны, думал, что и обстановка для работы будет хорошей. Но меня ждало горькое разочарование. Рано наступили холода, а администрация учреждения ухитрилась не отапливать помещения до самого января. С января стали «топить», но так, что замерзали чернила, вода, приходилось писать в перчатках, карандашом, а ноги к концу занятий так коченели, что почти не ощущались. За всю зиму не было ни одного дня с нормальной температурой, и все же канцелярию я не запускаял.

Прошла зима. Я простудил ноги, начались у меня частые головные и зубные боли. Летом начались новые неприятности: то мобилизация на борьбу с сусликами, то посадку деревьев, на милицейские занятия, на пруды, лишение праздников 1—2 мая, 7 ноября и выходных дней при молчаливом согласии прокурора. Не хотелось мириться с произволом, но приходилось. В нашем районе только один работающий — фактически активист прокуратуры. У меня явилось желание тоже быть активистом прокуратуры. Я узнал, что у одного празднаниа местный милиционер произвел обыск и изъял имущество по гражданскому делу. Это было незаконно. Я настоял перед прокурором о возврате вещей. Прокурор распорядился вещи возвратить и спор разрешить в гражданском порядке, но истец даже не счел нужным обращаться в суд, чем лишний раз подчеркнул необоснованность своих притязаний и незаконность действий милиции. После этого я работал в том же духе. Но скоро я стал замечать, что на мои сигналы прокурор смотрит неодобрительно, считая их, вероятно, вмешательством в чужие дела, и однажды на мой сигнал, который я закончил словами: «товарищ прокурор, это же безобразие», я получил ответ: «а где их нет, безобразий», ответ, достойный гоголевского Манилова, а не советского прокурора. После такой «философии», конечно, активистом я не стал.

В ожидании «лучших времен» я взялся за изучение юридической литературы.

Я изучил первую часть «Юрминимума» и хотел к осени закончить вторую часть и сдать полностью зачеты по юрминимуму, вызвав последовать моему примеру своих земляков — секретарей Азово-Черноморья. Подал рапорт краевой прокуратуре о разрешении сдачи юрминимума, но краевая прокуратура мне не ответила и до сего времени, несмотря на то, что по краю проведены только зачеты по первой части «Юрминимума», да и то часто с грехом пополам. Не будучи вовремя поддержан, я махнул рукой и забросил учебу.

Краевая прокуратура в 1936 г. отпустила нам 1300 руб. на оборудование. Что же было сделано на эти деньги? Две перегородки, до сих пор сырые, и в конце декабря только сложена печь. В других учреждениях начали отапливать с середины октября, а у нас с 1 декабря. Но что за отопление: в комнате полно дыма, угар, стены сырые, с потолка капает. А работать нужно. Не хочется уходить, не хочется бросать любимое дело, хочется подождать того времени, когда техническим работникам прокуратуры будут уделять больше внимания.

Работая в советских учреждениях с начала революции, я почти половину этого времени провел на работе в суде и прокуратуре. Мне эта работа более всего нравится. Я знаю, что прокуратура занимает видное место в социалистическом строительстве, что в прокуратуре можно учиться и быть полезным и себе и другим.

Кажется на прокурорском совещании т. Вышинский сказал, что нам нужны смелые и инициативные люди. Многие из нас, секретарей, могли бы откликнуться на этот призыв, могли бы и хотели встать в ряды борцов социалистического общества за великую Сталинскую Конституцию, борцов за произволом; который царит в некоторых районах, вроде Заветинского района (см. «Правду» от 12 декабря, статья «Чрезвычайные прудостроители»), но мы не знаем, с какого конца начать.

В частности, требует разъяснения вопрос, может ли секретарь, формально не избранный, быть активистом прокуратуры? Может ли он сигнализировать своему прокурору об известных ему безобразиях и, в случае бездействия на месте, переносить вопрос в вышестоящие прокуратуры?

Нельзя дальше мириться с тем позорным явлением, существующим на местах, когда сплошь и рядом не на чем и нечем писать. Хорошая работа требует и хороших материалов, а часто нет даже плохих. Попробуйте при этих условиях держать в порядке канцелярию! Не пора ли наладить централизованное снабжение бланками, обложками и т. д.? Во всяком случае необходимо немедленно в той или иной форме урегулировать это ненормальное положение.

Ни для кого не секрет, что в канцеляриях низовых прокуратур царят неразбериха и курстарничество. Ныне действующая инструкция по карточной системе никого не удовлетворяет и ничего ценного не представляет. Не пора ли на страницах «Социалистической законности» открыть обмен опытом технических работников прокуратур и после него издать инструкцию по делопроизводству, чтобы положить конец разнобою, когда в двух соседних прокуратурах делопроизводство ведется по-разному.

Мы чувствуем себя советскими гражданами и работниками, мы не хотим быть чиновниками и обывателями, мы хотим выйти на широкую общественную дорогу, на служение великому советскому трудовому народу. Многие из нас получили только сельское образование. За годы службы в советских учреждениях мы прошли большую школу, мы закончили период первоначального накопления и хотим реализовать накопленный долгими годами опыт. Но на местах, как видно из приведенных примеров, на нас не обращают внимания. Одна надежда на Прокуратуру Союза, которая должна оказать нам помощь по затронутым вопросам, а мы постараемся в долгу не остаться.

Мне хочется верить, что ценные и дельные начинания будут поддержаны и нам окажут скорую и решительную помощь.

Секретарь Заветинской районной прокуратуры Азово-Черноморского края

КУЛЬШИН

Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза

Отмена приговора по вновь открывшимся обстоятельствам

25—28 августа 1936 г. приговором линсуда Южно-Уральской ж. д. по ст. 59¹⁰ УК были осуждены: Могильников Дмитрий Ануфриевич, Андреев Федор Алексеевич к 2 годам лишения свободы каждый, Николаев Петр Игнатьевич, Кильдибеков Александр Николаевич к 3 годам лишения свободы каждый и Федоров Алексей Прокофьевич к 5 годам лишения свободы.

21 сентября 1936 г. транспортная коллегия заменила лишение свободы Кильдибекову на один год и.т. работ по месту новой работы с удержанием из зарплаты 10%, Андрееву и Николаеву — условным наказанием с испытательным сроком на один год.

Прокуратура Союза опротестовала приговор линсуда и определение транспортной коллегии по следующим основаниям:

18 января 1936 г. на перегоне Роза—Варгаши вследствие взрыва огневой коробки котла паровоза серии «ФД» 20—665 произошло крушение поезда № 708. Взрывом были тяжело ранены помощник машиниста Степанов и кочегар Рогов (через несколько дней после крушения умерли в больнице) и легко ранен машинист Федоров.

Судом было установлено, что паровоз «ФД» 20—665 был выпущен из депо с неисправными водоуказательными приборами.

Мастер депо Могильников, несмотря на протесты машиниста Ромашева, вместо исправления приборов заглушил водопроводный кранчик, что явилось одной из причин взрыва котла.

Суд признал главным виновником по делу машиниста Федорова, который поехал на неисправном паровозе вместо Ромашева и, несмотря на предупреждения последнего о неисправности водомерного стекла и краника, не потребовал их исправления.

Начальник паровозного отделения Николаев, начальник депо Курган Андреев и дежурный по депо Кильдибеков осуждены были за систематический выпуск из депо паровозов, в том числе серии «ФД», с незаконченными ремонтами и неисправностями важнейших частей паровоза, приведшими к ряду аварий и к взрыву котла на паровозе 20—665, понужденные машинистов под угрозой увольнения выезжать на неисправных паровозах.

Материалами судебного процесса по делу антисоветского троцкистского центра (показание осужденного Князева) установлено, что Андреев, Николаев и Могильников являлись членами контрреволюционной троцкистской организации, по заданию которой они вели подпольную работу в депо Курган.

Кроме того, во вредительской работе в паровозном хозяйстве Курганского отделения

принимал участие также член контрреволюционной организации инженер Старостин Николай Савельевич, дело в отношении которого было прекращено в процессе предварительного следствия.

По вновь открывшимся обстоятельствам приговор линсуда от 25—28 августа 1936 г. подлежит отмене и дело в отношении Андреева, Николаева, Могильникова и Кильдибекова — передаче на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Хотя в действиях осужденного Федорова и имеется грубое нарушение правил технической эксплуатации, но учитывая, что он вынужденно выехал на неисправном паровозе в силу созданной Андреевым и Николаевым преступной обстановки для работы машинистов, определенное ему судом наказание — лишение свободы — следует заменить одним годом и.т. работ, освободив его из-под стражи.

Транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, определила приговор в отношении Николаева, Андреева, Могильникова и Кильдибекова на основании ст.ст. 445, 447 УПК РСФСР отменить и дело в отношении их направить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия. В отношении машиниста Федорова дело в уголовном порядке прекратить.

* * *

Приговор линейного суда Южно-Уральской ж. д. 2—3 декабря 1935 г. по ст. 59⁸⁰ УК РСФСР были осуждены: Колесников Илья Игнатьевич к расстрелу, Маркевич Александр Иванович к 10 годам тюремного заключения, Рыков Сергей Федорович к 5 годам лишения свободы, Безгин Егор Лукьянович к 3 годам лишения свободы и Чудинова Надежда Ивановна к 1 году 6 месяцам лишения свободы.

Транспортная коллегия 28 декабря 1935 г. приговор линсуда оставила в силе.

Судебно-надзорная коллегия 8 февраля 1936 г. определенное судом наказание Колесникову — расстрел — заменила 10 годами лишения свободы.

Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор линсуда от 2—3—4 декабря 1935 г. и определение транспортной и судебно-надзорной коллегий по следующим основаниям:

27 октября 1935 г. на ст. Шумиха произошло крушение воинского поезда № 504 с большими человеческими жертвами (убито 29 бойцов, 29 человек ранено) и повреждением подвижного состава.

Суд в то время признал виновными:

Старшего стрелочника ст. Шумиха Колесникова в том, что он, получив распоряжение дежурного по станции Рыкова приготовить маршрут для приема поезда № 504 на 4-й путь, приказал стрелочнице-стрелочнице, не

допущенной к самостоятельной работе, переделать стрелку № 14, находившуюся в правильном для приема поезда положении, и запереть ее на замок. Находясь у стрелки и видя, что стрелка переделана на занятый путь, оставил ее в таком положении и перед приходом поезда отправил Чудинову чистить стрелки, а другого стрелочника, Безгина, посылал собирать стекла.

Отбрав у Чудиновой ключи от стрелки № 14 и не отбрав ключей у стрелочника Безгина, Колесников ушел в будку и к встрече поезда не вышел.

Начальник станции Шумиха Маркевич был осужден за то, что не вел борьбы с авариями и крушениями, допустил засорение аппарата классово чуждыми людьми, систематически допускал производство маневров во время приема поездов, оставление ключей от замков стрелок у младших стрелочников и ряд других грубых нарушений правил технической эксплуатации, приведших к крушению поезда № 504.

Дежурного по станции Рыкова суд признал виновным в том, что он не проверил правильности подготовленного маршрута для поезда № 504 и при встрече поезда, видя, что поезд № 504 следует на занятый путь, не дал сигнала останова.

Стрелочник Безгин был осужден за то, что не вернул ключей от стрелок старшему стрелочнику и не встретил поезда № 504.

Чудинову суд признал виновной в том, зная о приеме поезда № 502 на 4-й путь и о том, что стрелка № 14 находится в правильном положении, выполнила явно преступное распоряжение Колесникова и перевела стрелку на занятый путь.

По материалам дела антисоветского троцкистского центра (показания осужденного Князева) установлено, что крушение поезда № 504 было организовано с целью диверсии членами контрреволюционной троцкистской организации Маркевичем, Рыковым, Колесниковым и Безгиным.

Акт технического расследования крушения был составлен под непосредственным руководством б. начальника дороги диверсанта Князева.

Кроме того, установлено, что участником контрреволюционной организации был дежурный по станции Шумиха Ваганов.

Отведя от себя ответственность, организаторы диверсионного акта воспользовались неопытностью ученицы-стрелочницы Чудиновой, переложив на нее вину за крушение поезда № 504.

По этим вновь открывшимся обстоятельствам приговор линсуда от 2—3—4 декабря 1935 г., определение транспортной коллегии от 28 декабря 1935 г. и судебно-надзорной коллегии от 8 февраля 1936 г. в отношении Колесникова, Маркевича, Рыкова, Безгина подлежит отмене с передачей дела на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия, в отношении Чудиновой Н. И. дело надлежит прекратить.

Транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, определила приговор линсуда от 3 декабря 1935 г. и определение транспорт-

ной коллегии от 28 декабря 1935 г., оставившее этот приговор в силе, отменить в отношении всех осужденных; дело в отношении Колесникова, Маркевича, Рыкова и Безгина направить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия по признакам ст.ст. 59^а и 58^а УК РСФСР. В отношении Чудиновой на основании п. 5, ст. 4 УПК РСФСР дело производством прекратить.

* * *

Приговором линсуда Южно-Уральской ж. д. 26—27 июня 1936 г. были осуждены по ст. 59^а УК РСФСР Факеев Владимир Васильевич к высшей мере наказания — расстрелу и Пруцких Петр Васильевич к 5 годам лишения свободы.

Транспортная коллегия 16 июля 1936 г. приговору линсуда оставила в силе, заменив Факееву расстрел 10 годами лишения свободы.

Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор линсуда и определение транспортной коллегии в отношении Факеева по следующим основаниям:

14 мая 1936 г. на ст. Козурево произошло крушение двух товарных поездов № 801 и 721, в результате которого тяжело ранены были два человека, разбиты 25 вагонов, повреждены 22 вагона и паровоз серии «ФД» № 20—627. Убыток 118 231 руб.

Линсуд признал виновным дежурного по станции Факеева в том, что он дал распоряжение стрелочным постам об одновременном приеме на станцию поезда № 801 и отправлении со станции поезда № 721 и вышел встречать поезд № 801 с фонарем, имеющим белый и зеленый сигналы. Судом также было установлено, что Факеев сознательно нарушал правила приема и отправления поездов и систематически производил одновременный прием и отправление поездов.

По материалам судебного процесса по делу антисоветского троцкистского центра (показания осужденного Князева) установлено, что крушение 14 мая 1936 г. было совершено Факеевым с диверсионной целью, как членом контрреволюционно-троцкистской организации в сокрытии диверсионного характера крушения участвовал Бочкарев, инспектор управления Южно-Уральской ж. д., являвшийся также членом контрреволюционной организации и производивший расследование по этому крушению.

Машинист поезда № 801 Пруцких П. В. был признан виновным в том, что, подъезжая к semaфору, задремал, при подходе к станции проснулся и, заметив непонятные сигналы — белый, а затем зеленый, не принял мер к остановке и даже к сокращению скорости и проехал контрольный столбик.

Пруцких судом был осужден правильно. Ввиду вновь открывшихся обстоятельств в отношении Факеева В. В. приговор в части Факеева подлежит отмене с передачей дела на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, определила приговор линсуда и определение транспортной коллегии в отно-

шении Факеева отменить и дело передать на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия с дополнительным привлечением к уголовной ответственности по признакам ст.ст. 58⁹ и 58¹¹ инспектора дороги Бочкарева.

Вновь открывшиеся обстоятельства ни в коей степени не изменяют ни фактов преступных действий, ни степень вины Пруцких, а потому в отношении Пруцких приговор линсуда оставить в силе.

Приговором линейного суда ж. д. им. Л. М. Кагановича 16—17 июня 1936 г. был осужден по ч. 1 ст. 59¹⁰ УК РСФСР Попов Федор Михайлович к 2 годам лишения свободы.

Прокуратура Союза опротестовала приговор линсуда по следующим основаниям:

26 апреля 1936 г. на перегоне Свердловск-Сортировочная — Свердловск-Пассажирская на 853 км произошло крушение пассажирского поезда № 76, следовавшего в составе 11 вагонов при электровазозе 19—39.

В результате крушения 20 человек было ранено, 1 убит и поврежден подвижной состав.

Судом в то время было установлено, что причиной крушения явилось неоправное состояние пути, за что и был осужден дорожный мастер 18-й дистанции пути Попов Ф. М.

По материалам судебного процесса по делу антисоветского троцкистского центра (показания осужденного Турок) установлено, что это крушение было организовано Поповым с диверсионной целью по заданию членов контрреволюционной троцкистской организации — зам. начальника службы пути Алексина и начальника дистанции пути Свердловск-Сортировочная Перро.

По этим вновь открывшимся обстоятельствам приговор линсуда от 16—17 июня 1936 г. подлежит отмене с передачей дела на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, определила приговор линсуда в отношении Попова отменить и дело направить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия с дополнительным привлечением к уголовной ответственности Алексина и Перро.

* * *

26 октября 1936 г. приговором линейного суда Южно-Уральской ж. д. по ст. 59¹⁰ УК РСФСР были осуждены: Романов Николай Васильевич к 6 годам лишения свободы и Цибин Георгий Васильевич к 3 годам лишения свободы.

Транспортная коллегия 15 ноября 1936 г. приговор оставила в силе.

Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор линейного суда и определение транспортной коллегии по следующим основаниям:

23 сентября 1936 г. на разъезде Хребет произошло крушение поезда № 761, в результате которого был поврежден подвижной состав, в том числе 3 паровоза, из них один паровоз серии «ФД».

Причиной крушения, как в то время было установлено судом, был прием поезда на занятый путь.

Суд признал виновным дежурного по станции Хребет Романова в том, что он, дав согласие на прием поезда № 761 со станции Сыростан, не прекратил маневров и не только не дал распоряжения стрелочнику Цибину готовить маршрут для приема поезда № 761, но, открыв семафор для последнего, приказал Цибину сделать перестановку маневрового состава со второго главного пути на первый станционный путь.

Стрелочник Цибин был признан судом виновным в выполнении незаконного распоряжения дежурного по станции Романова.

По материалам судебного процесса по делу антисоветского центра (показания осужденного Князева) установлено, что Романов был членом контрреволюционной троцкистской организации и с целью диверсии умышленно соробшил на ст. Сыростан, что поезд № 761 может быть принят. Расследование крушения производил инспектор дороги по безопасности движения Бочкарев, являвшийся также членом контрреволюционной троцкистской организации, по указаниям которого Романов давал объяснения на предварительном и судебном следствии.

Из материалов судебного следствия видно, что Цибин не был предупрежден Романовым о приеме поезда № 761 и принимал меры к его остановке.

По этим вновь открывшимся обстоятельствам, приговор линсуда и определение транспортной коллегии подлежат отмене и дело в отношении Романова Н. В. — передаче на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия, в отношении же Цибина Г. В. дело в уголовном порядке надлежит прекратить.

Транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, определила приговор линсуда от 26 октября 1936 г. и определение транспортной коллегии от 16 ноября 1936 г. отменить в отношении Романова и дело о нем направить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия. В отношении Цибина приговор отменить и дело в уголовном порядке прекратить.

Мягкий приговор по делу об антигосударственных действиях

Приговором Сталинградского краевого суда от 25 октября 1936 г. Триадынский Александр Викторович, директор сталинградской конторы Сельхозснабжения, по ст. 109 УК был осужден к одному году и.т. работ условно.

Триадынский обвинялся в том, что, являясь директором краевого отделения «Ватозапчасть-сбыт», скрыл от инвентаризации запасные части на 1 млн. руб., чем уменьшил «переходящий остаток», представил завышенную вдвое заявку на потребность в заводе запчастей на 1936 г. на 40 млн. руб. против фактической реализации в 1935 г. на сумму 10,6 млн. руб.; вопреки запрещению правительства, выдал в

январе 1936 г. товар в кредит на 243 тыс. руб.; вопреки запрещению управляющего трестом, самовольно израсходовал на работу по ремонту подшипников 69 тыс. руб.

Верховный суд РСФСР, рассматривая это дело 25 сентября 1936 г. по протесту Прокуратуры Союза ССР на приговор Сталинградского краевого суда от 3 июля 1936 г., коим суд на основании ч. 2 ст. 112 УК счел возможным ограничиться увольнением Триадского с работы, признал, что все изложенные выше обвинения Триадского являются доказанными, отменил поэтому приговор Сталинградского краевого суда от 3 июля 1936 г. и предложил квалифицировать действия Триадского по ст. 109 УК, указав при этом, что действия Триадского ведут к срыву планового социалистического хозяйства и являются антигосударственными.

Сталинградский краевой суд, рассматривая дело вторично (25 октября 1936 г.), вновь, вопреки материалам дела, признал недоказанным представление Триадским завышенных заявок и приговорил его к 1 году и. т. работ условно. Из имеющейся в деле ведомости видно, что первоначальная заявка на тракторные части составлена работниками сталинградской конторы на 24 778 281 руб., «вторая заявка на запчасти, отправленные в Москву», составлена на 33 030 186 руб. (см. ведомость.) Свидетели — работники сталинградской конторы — Зубарев, Попов, Вейсман, Ютконд, Кирпичников подтвердили, что Триадский сознательно увеличил заявку на запчасти.

Специальная комиссия в составе ряда специалистов, ознакомившись с деятельностью конторы, констатировала, что план завоза на 1935 г. был составлен в сумме 24 778 281 руб., а после исправления увеличен до 33 030 186 руб. Комиссия отметила, что план реализации 1935 г. составляет 10 853 тыс. руб. и был выполнен на 97,5%. Между тем, Триадский был предупрежден трестом, что заявки должны быть составлены на 1 год и строго обоснованы. Таким образом факт сознательного завышения Триадским без всякой к тому потребности заявок на запчасти является вполне доказанным. А это — одно из основных обвинений, вменяемых Триадскому материалами дела. Доказано также и другое, отвергнутое судом обвинение, а именно — в незаконном расходовании Триадским средств на организацию ремонта подшипников. Трест категорически запретил Триадскому производить работы по организации ремонта подшипников в Сталинграде. Вопреки этому запрещению, Триадский самовольно израсходовал на организацию этих работ 64 тыс. руб., причем 12 тыс. руб. заплатил частным лицам за проектирование,

По материалам дела все выдвинутые против Триадского обвинения материалами дела доказаны, и приговор суда по своей мягкости не соответствует тяжести совершенного Триадским преступления.

По этим основаниям Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор Сталинградского краевого суда.

Коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры

Союза ССР, определила приговор Сталинградского краевого суда отменить и дело направить в тот же суд для рассмотрения в ином составе со стадии судебного следствия.

Необоснованное осуждение за мошенничество

Народный суд Петроградского района Ленинградской области приговорил по ч. 2 ст. 169 УК РСФСР к 5 годам лишения свободы б. экспедитора артели «Инкокондитер» Пиотровича Дмитрия Иосифовича, признав его виновным в подмене баула с деньгами другим баулом, наполненным нарезанной бумагой, и в присвоении 5358 руб.

Вместе с Пиотровичем были осуждены Сундин Петр Васильевич, б. заведующий 4 отделения артели, и Липовский Яков Львович, его помощник, преступно халатно отнесшийся к пропаже баула и к хранению пломбира.

Суд признал доказанным, что Пиотрович похитил у кассирши Боровиковой баул за № 303. Наполнив его нарезанной бумагой, запломбировав пломбой при помощи пломбира, находившегося в столе у Сундина, и, воспользовавшись данным ему 9 мая поручением сдать баул с деньгами, произвел подмену одного баула другим. Однако это обвинение не имеет под собой достаточных оснований. Как органы следствия, так и суд не уделили необходимого внимания исследованию движения баула № 303. Между тем, из материалов видно, что баул этот был на учете в Госбанке, следовательно, если бы баул исчез из обращения, это обстоятельство нашло бы отражение в материалах Госбанка. К жалобе Пиотровича на имя прокурора СССР приложена копия справки, выданной ст. бухгалтером отделения Госбанка, из которой видно, что баул № 303 в период с 4 мая по 9 мая был в обращении. В частности, 6 мая этот баул принял с деньгами от орса «Швейник», 7 мая от орса № 7. Из протокола судебного заседания не видно, обсуждался ли этот вопрос судом. Кассационная коллегия областного суда на это обстоятельство не обратила внимания, несмотря на то, что кассатор на него ссылался в своей кассационной жалобе. Между тем, для разрешения настоящего дела проверка движения баула № 303 имеет чрезвычайно важное значение и, в случае подтверждения справки Госбанка, обвинение, выдвинутое против Пиотровича, терпит основание. Подделанные предводительские ведомости подвергались специальному исследованию научно-технического отделения УГРО по вопросу об установлении подличности номера, однако органы расследования не поставили одновременно вопроса о производстве калиграфической экспертизы цифры «303», которая, по заключению экспертизы, была написана взамен другой, стертой цифры.

Президиум Ленинградского областного суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановил приговор народного суда и определение УКК областного суда отменить и дело направить прокурору Петроградского района для дополнительного расследования.

Неправильное применение ч. 3 ст. 75 УК УССР

Приговором народного суда Херсонского района были осуждены по п. «г» ст. 170 и ч. 3 ст. 75 УК за кражу колхозного хлеба и уничтожение соломы: Цуркан Евдокия Вакуловна, Занько Полина (Пелагея) Харламовна, Гранько Мария Леонтьевна и Цуркан Наталья Ивановна к 8 годам лишения свободы с поражением прав на 5 лет и высылкой за пределы УССР сроком на 5 лет каждая; Соловьева Анна Ивановна к 6 годам лишения свободы с поражением прав на 5 лет и высылкой на 5 лет и Ильина Татьяна Денисовна к 4 годам лишения свободы с поражением прав на 2 года.

Определением УКК Одесского областного суда приговор народного суда в отношении Соловьевой и Ильиной был изменен, и срок лишения свободы обоим был снижен до 2 лет без поражения прав. В отношении остальных осужденных приговор был оставлен в силе с отменой высылки.

Прокуратура Союза ССР, считая, что приговор народного суда и определение УКК областного суда неправомерны в отношении всех обвиняемых в части квалификации совершенных ими преступлений, а в отношении первых четырех: Цуркан Евдокия и Натальи, Занько и Гранько и в части назначенного им наказания, опротестовала приговор народного суда и определение УКК областного суда, по следующим основаниям:

Для применения ч. 3 ст. 75 УК требуется наличие не только общеопасного способа уничтожения имущества (в данном случае поджога), но и наступления в результате его применения особо тяжких последствий в виде человеческих жертв или общественного бедствия. Отсутствие этих квалифицирующих признаков исключает возможность применения ч. 3 ст. 75 УК, и преступление должно квалифицироваться либо по первой, либо по второй части этой статьи.

В данном деле осужденным приписывается уничтожение огнем в степи, после уборки хлеба, части соломы, оставшейся после обмолота похищенного хлеба, с целью уничтожения следов кражи. Ни каких-либо человеческих жертв, ни даже сколько-нибудь серьезного материального ущерба колхозу, не говоря уже об общественном бедствии, это сжигание в скошенной степи небольших куч соломы за собой не повлекло и повлечь не могло.

Поэтому действия осужденных в этой части должны квалифицироваться по ч. 2 ст. 75 УК, не допускающей лишения свободы на срок более 5 лет.

Кроме ч. 3 ст. 75 УК суд применил ко всем осужденным также п. «г» ст. 170 УК, не указав при этом, какое наказание назначается им по каждой из этих двух статей в отдельности.

Следует иметь в виду, что преступление имело место осенью 1931 г., т. е. до издания постановления ЦИК и СНК УССР от 2 ноября 1932 г. о повышении санкции по пп. «г» и «е» ст. 170 УК, нужно признать, что срок наказания, назначенный судом по п. «г» ст. 170 УК,

не мог превышать предела, установленного действовавшим в момент совершения преступления законом, т. е. 3 лет лишения свободы.

Приговор народного суда по этому делу послужил основанием для отмены областного судом по кассационной жалобе осужденных первоначального приговора от 17 августа 1931 г., причем приговор был отменен по мотивам, указанным в жалобе осужденных и при отсутствии протеста прокурора.

Поскольку это так, суд при вторичном рассмотрении дела не мог назначить осужденным за те же преступления наказаний более тяжелых, по сравнению с теми, какие были им даны при первом разборе дела, т. е. Занько Пелагея и Цуркан Наталья не могли получить более 5 лет лишения свободы, Цуркан Евдокия — более 3 лет, Гранько Мария — более 1 года и-т. работ и Ильина Татьяна — более 10 месяцев и-т. работ (ст. 26 «Основ уголовного судопроизводства Союза и союзных республик» и постановление XX пленума Верховного суда СССР от 8 мая 1928 г.).

Из двух преступлений, совершенных осужденными, наиболее опасным бесспорно являлось хищение хлеба, а не уничтожение части пустой соломы, не имевшее сколько-нибудь серьезных последствий; поэтому назначать за сожжение соломы максимальное наказание, предусмотренное законом (5 лет лишения свободы), превышающее притом максимальное наказание, которое можно было назначать за основное преступление — хищение хлеба (3 года лишения свободы), не было достаточных оснований.

Пленум Одесского областного суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановил приговор народного суда и определение УКК областного суда изменить, определить Евдокию Цуркан, Наталье Цуркан и Пелагее Занько по 3 года лишения свободы, считая их осужденными по п. «г» ст. 170 (в редакции 1927 г.), Соловьевой — 2 года лишения свободы, Гранько Марии — 1 год и-т. работ и Марии Гранько — 10 месяцев и-т. работ.

Неосновательное осуждение за присвоение денег

Приговором Харьковского областного суда 18 февраля 1936 г. по делу работников Украинского общества пролетарского туризма и экскурсий (Укртурэ) был осужден вместе с другим директором производственной мастерской 15-й ФЭС Шер Израиль Григорьевич по ст. 97 и ч. 4 ст. 104 УК УССР к 5 годам лишения свободы.

19 марта 1936 г. приговор был оставлен в силе уголовно-судебной коллегией Верховного суда УССР.

Президиумом Верховного суда УССР 13 ноября 1936 г. приговор был изменен только в отношении осужденного Волынского С. Я.

Прокуратура Союза ССР, считая приговор суда в отношении Шера неправильным и подлежащим отмене, опротестовала его по следующим основаниям:

областной суд следующим образом описывает преступление Шера.

«В первых числах мая 1934 г. Перцовский и Волюнский, сговорившись между собою и воспользовавшись тем, что учет материалов и готовой продукции по Центральному совету Укртурэ находился в ненадлежащем состоянии, а также, что в хромофотографии им. Дзержинского находилось до 45 тыс. плакатов, забракованных заказчиком, вследствие чего Укртурэ понесло убытков до 2646 руб., реализовали указанные плакаты на 19 686 руб. с целью присвоить указанную сумму. Для этой цели они сговорились с заведующим переплетной мастерской 15-й школы Шером, что указанная сумма будет переведена мастерской как аванс в счет изготовленных мастерской заказов. Волюнский и Перцовский в октябре 1934 г. написали письмо на имя Харьковской промколонии, датировав 10 октября 1934 г., с просьбой вышеуказанную сумму перечислить на счет 15-й ФЗС, после чего указанная сумма была частями перечислена. В счет указанной суммы была частично получена продукция, и вырученные деньги были поделены между собой Перцовским и Волюнским, а остаток 9001 руб. присвоен Шером».

«Шер как заведующий переплетной, получив от заказчика 1200 руб., задержал их у себя в течение нескольких месяцев, не давая сведений бухгалтерии».

В другом месте приговора суд дает такую мотивировку доказанности присвоения денег Шером: «что касается 9001 руб., суд считает, что таковые присвоил Шер, ибо других данных, что эти деньги были поделены между Волюнским и Перцовским, у суда не имеется».

В этом изложении суд допустил существенную фактическую ошибку, смешав два различных эпизода дела.

Как видно из материалов дела, из 19 686 руб., перечисленных за счет 15-й ФЗС Харьковской промколонией по поручению Укртурэ, Перцовский и Волюнский могли присвоить 2708 р. 30 к., на какую сумму они получили из переплетной мастерской различных бланков, реализованных ими «на стороне». Остальная же сумма была переведена 15-й ФЗС на счет Укртурэ. Деньги эти перечислялись исключительно через банк. О том, что и остальные деньги 16 987 р. 85 к. Перцовский и Волюнский не могли использовать, указано и в обвинительном заключении с ссылкой на начало следствия по делу.

Деньги эти, как видно, были перечислены Харьковской промколонией в несколько приемов, начиная с 17 октября 1934 г., по поручению Укртурэ от 10 октября того же года. Поэтому они никак не могли быть присвоены до этого момента.

Между тем, все счета на 9001 руб., которые Перцовский и Волюнский представили при своих авансовых отчетах, относились к более раннему периоду времени.

По эпизоду с представлением Перцовским и Волюнским при своих авансовых отчетах счетов с подписями Шера о их оплате для решения вопроса о том, имеется ли здесь присвоение со стороны Перцовского (по трем счетам на 1102 руб., 1285 руб. и 5774 руб., т. е. всего 8161 руб.) и Волюнского (по счету на 840 руб.) или со стороны Шера, суд предполагал следующими данными:

Наличием аналогичных надписей Шера об оплате не только на спорных четырех счетах, но и на ряде других, которые, как это твердо установлено, были оплачены не наличными (заключение эксперта Вайнштейна и показания по этому же вопросу свидетеля Озерного, главного бухгалтера Укртурэ).

Выдача специальных расписок Шером в получении по счету денег наличными, независимо от учинения надписи об оплате на самом счете, в тех случаях, когда действительно счет оплачивался наличными. Две таких расписки к счетам на 500 и 760 руб. Волюнский представил суду, а Шер признал получение по этим счетам денег.

Выписка из счета Укртурэ в 15-й ФЗС, сделанная Шером на 29 июня и выверенная Перцовским с исправлениями, сделанными последним с датой 7 июля 1934 г. В этой выписке в дебетовой части значатся спорные счета в 1102 и 1285 руб., в кредитовой же части, где отмечены все случаи уплаты с указанием способа их, не значится ни одного платежа наличными.

Факт прихода Перцовского с Волюнским в бухгалтерию ФЗС уже в период начавшейся ревизии Укртурэ с просьбой принять от них наличными 6000 руб. Об этой просьбе было сейчас же сообщено бухгалтером ФЗС Павленко в Комиссию советского контроля (показания Павленко и Мальцевой).

Заключение эксперта Каца и ответ его в судебном заседании на вопрос № 15 по вопросу о получении денег Шером по спорным счетам.

Здесь необходимо отметить, что, отвергая всякое значение акта выверки взаимных расчетов между Шером и Перцовским, эксперт проявил непонимание постановки вопроса о доказательствах в советском уголовном процессе, независимо от того, является ли выверка без участия бухгалтера обязательной для учреждения при разрешении спора в арбитражном порядке, совершенно очевидно, что для уголовного суда, не связанного никакими формальными доказательствами, всякий документ, написанный одним лицом и выправленный и подписанный другим, может играть роль доказательства в вопросе о том, давало ли одно лицо другому деньги.

В этом же заключении эксперт Кац допустил еще одну довольно грубую фактическую ошибку. Он сослался в подтверждение своего тезиса (противоположного тезису эксперта Вайнштейна) о значении надписи Шера на счетах как доказательства оплаты наличными на то, что счет от 29 июля на 12 000 руб. и счет от 3 ноября на 8000 руб., покрытые банковскими перечислениями, не имеют надписей Шера об оплате.

На указанных же листах дела имеются не подлинники счета, а их копии, на которых, естественно, нет надписей об уплате, которые, как показывает Шер, он делал по просьбам Перцовского и Волюнского на подлинных счетах, приносимых ими со ссылкой на требование бухгалтерии Укртурэ.

Областной суд вместо того, чтобы оценить все эти доказательства в их совокупности и в частности, решить вопрос о правильности первой или второй экспертизы при наличии

резкого расхождения между ними, обошел молчанием весь доказательный материал и ограничился в формулировке доказанности присвоения Шером 9001 руб. вышеприведенной фразой: «ибо других данных о том, чтобы эти деньги были поделены между Волинским и Перцовским у суда не имеется».

Таким отстранением всех добытых следствием данных от оценки и такой формулировкой доказанности обвинения суд бесспорно нарушил ст. 308 УПК УССР, требующую приведения в приговоре данных, положенных судом в основу приговора. Это нарушение следует считать в данном случае и нарушением ст. 296 УПК УССР. В этом смысле разъяснил значение подобных нарушений пленум Верховного суда еще в 1927 г. (постановление 11 октября 1927 г. по делу Бакина).

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановила приговор Харьковского областного суда и постановления вышестоящих судебных органов в части, касающейся Шера И. Г., отметить и дело передать на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе, со стадии судебного следствия, поручив суду, в частности, назначить новую экспертизу по делу и исследовать все указанные выше моменты, связанные с эпизодом о присвоении Шером 9001 руб.

Неправильное осуждение в результате оговора

15 июля 1935 г. приговором народного суда Красноармейского района Азово-Черноморского края были осуждены Струев Василий Захарович по ч. 1 ст. 116 УК РСФСР к 3 годам лишения свободы и Бутко Василий Никифорович по ст. 111 УК — к 1 году и. т. работ на общих основаниях.

Кассационная коллегия Азово-Черноморского краевого суда приговор народного суда оставила в силе.

Прокуратура ССР, считая приговор народного суда и определение кассационной коллегии Азово-Черноморского краевого суда в отношении Струева неправильными, опротестовала их по следующим основаниям:

Суд, признавая Струева виновным в присвоении 1000 руб., принадлежавших Гривенскому рыбкоопу, базируясь на показаниях контролера Гривенской сберкассы Бутко и кассира этой же кассы Кривченко, сущность которых сводилась к следующему: заведующий магазином рыбкоопа Струев через Гривенскую сберкассу постоянно сдавал вырученные предприятными рыбкоопа деньги для перевода их в дальнейшем на текущий счет Главрыбкоопа в Госбанк. В частности 1 апреля им была сдана 1000 руб., в получении которых контролер сберкассы Бутко выдал квитанцию и 2 апреля 1200 руб. Квитанция, однако, в подтверждение получения этой последней суммы была выдана по просьбе Струева на 2200 руб., т. е. с учетом 1000 руб., сданных 1 апреля. Ранее же выданная квитанция не была изъята. Воспользовавшись якобы этим, Струев предъявил к зачету выданную 1 апреля расписку и

присвоил, таким образом, 1000 руб. за счет позднее поступивших средств.

Однако показания Бутко и Кривченко в данном случае не могут служить основанием к признанию Струева виновным в присвоении 1000 руб., вследствие того, что эти лица, непосредственно оформлявшие приемку денег, заинтересованы в том, чтобы Струев был признан виновным в присвоении 1000 руб., так как этим самым снимается их личная ответственность за недостачу 1000 руб. Иных доказательств виновности Струева нет. Наоборот, произведенной в Гривенском рыбкоопе ревизией никаких недостатков за Струевым не обнаружено. Общая выручка от торговых предприятий в эти дни, как указано и в приговоре, составляла 3200 руб. и на сдачу этой суммы у Струева имеются от сберкассы квитанции с оплаченным сбором за перевод их из сберкассы в Госбанк. Размер сборов также указывает на сдачу в банк за 2 дня не 2200 руб., а 3200 руб.

При этих условиях обвинение Струева в присвоении 1000 руб. является неосновательным.

Президиум Азово-Черноморского краевого суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановил приговор народного суда в части осуждения Струева отменить и дело о нем производством прекратить.

Право членов семьи РЖСКТ на площадь в случае осуждения главы семьи по уголовному делу

13 сентября 1934 г. гр. Серков Д. М. путем отравления лишил жизни свою жену, Серкову П. Г.

2 октября 1934 г. Серков вступил в брак с гр. З. А. Спиридоновой.

Спиридонова-Серкова переехала на площадь мужа, в занимаемую им одну комнату в доме РЖСКТ по Подколокольному переулку № 13/15 (г. Москва).

В октябре Серков был арестован по подозрению в отравлении своей первой жены, а 26 ноября был осужден по п. «г» ст. 136 УК на 7 лет лишения свободы.

Спиридонова-Серкова допрашивалась в качестве свидетельницы по делу. Никаких оснований для привлечения ее к уголовной ответственности не было установлено.

Правление РЖСКТ 26 декабря 1934 г. постановило исключить Серкова из числа членов РЖСКТ на том основании, что он «попал в члены РЖСКТ, скрыв свое социальное происхождение — сын торговца, а также учитывая, что он осужден к лишению свободы на 7 лет».

В январе 1935 г. гр. Спиридонова-Серкова предъявила в правление РЖСКТ иск о признании за нею права на занимаемую жилплощадь и о переводе на ее имя. К заявлению она приложила заверенную администрацией тюрьмы, где содержался Серков, «доверенность» последнего от 26 ноября 1934 г. следующего содержания: «Настоящим передаю паевую книжку райжилкооперации и площадь в доме 13/15, кв. 15 по Подколоколь-

ному переулку своей жене З. А. Серковой, прописанной на моей жилплощади в начале октября с. г.».

Народный суд 3 участка Бауманского района 27 января 1935 г. удовлетворил иск, но КК Мосгорсуда 15 февраля 1935 г. отменила решение и прекратила дело производством, найдя, что Серкова не обращалась в правление РЖСКТ с просьбой о переводе пая и что правлением РЖСКТ за сокрытие социального происхождения Серков исключен из членов РЖСКТ, поэтому у Серковой не было права на обращение к суду.

В марте 1935 г. правление РЖСКТ предъявило иск о выселении Серкова (хотя он отбывал лишение свободы) со всеми с ним проживающими из дома РЖСКТ. Народный суд отказал в принятии искового заявления, предложил представить доказательства, что исключение Серкова из числа членов РЖСКТ утверждено собранием уполномоченных. КК Мосгорсуда нашла, что постановление правления является достаточным, и 18 марта 1935 г. предложила народному суду рассмотреть дело по существу.

13 мая 1935 г. народный суд 3 участка Бауманского района отказал в иске РЖСКТ, установив, что Серков не был лишен избирательных прав и что осуждение его за совершенное им преступление не может повести к лишению жилплощади его жены.

Это решение было 2 июня 1935 г. отменено КК Мосгорсуда, и дело возвращено на новое рассмотрение. КК нашла, что народный суд «не учел того положения, что ответчица Серкова З. А. вехала на площадь Серкова уже после отравления им своей первой жены, за что Серков осужден к 7 годам лишения свободы».

При новом рассмотрении народный суд 6 участка Бауманского района 2 февраля 1936 г. удовлетворил иск РЖСКТ и постановил: «выселить Серкова Д. М. и Серкову З. А. и освободившую площадь передать в распоряжение РЖСКТ Бауманского района». Решение это было мотивировано следующими соображениями: иск подлежит удовлетворению, так как в доме, принадлежащем РЖСКТ, имеют право проживать лишь члены последнего; Серков же, ныне осужденный за убийство своей жены, исключен из членов РЖСКТ, а его вторая жена, вехавшая после убийства, не принята собранием уполномоченных в члены; следовательно, «нет законных оснований для отказа в иске о выселении».

КК горсуда 20 февраля 1936 г. оставила жалобу Серковой-Спиридоновой без последствий.

Таким образом Серкова-Спиридонова подлежала выселению. Следует отметить, что лишь 17 декабря 1935 г. состоялось постановление общего собрания уполномоченных РЖСКТ Бауманского района об исключении Серкова из числа членов РЖСКТ и об отказе в приеме Серковой-Спиридоновой в члены РЖСКТ.

Прокуратура СССР, считая выселение Серковой-Спиридоновой неправильным, опротестовала это решение по следующим основаниям:

Серкова с 1931 г. работает плановиком на II госчасовом заводе. Треугольник завода ха-

рактеризует ее как лучшую работницу, окончившую заводские курсы плановиков и активную общественницу. Избирательных прав она никогда не лишалась.

Серков был осужден на 7 лет лишения свободы без поражения в правах и не лишен права распоряжения своим имуществом. Он имел бесспорное право передать свой паевой взнос и право на площадь, на основании примечания к § 17 устава РЖСКТ, «одному из членов своей семьи, совместно с ним проживающему и пользующемуся избирательными правами, причем последний подлежит зачислению в члены товарищества».

Отказ собрания уполномоченных РЖСКТ в принятии Серковой-Спиридоновой в число членов неправомерен: собрание не имело права отказать ей в приеме и на основании примечания § 17 устава было обязано принять ее в члены.

Общее собрание не имело оснований исключать Серкова из числа членов, так как он, как установлено по делу, не являлся лишенным избирательных прав до приговора по уголовному делу, и так как и приговором этим он избирательных прав не лишен. Основанием же для исключения из числа членов РЖСКТ является, по уставу, или лишение избирательных прав (§ 19) или неподчинение уставу и постановлением общего собрания (§ 18). К тому же Серков 26 ноября 1934 г. передавал свой паевой взнос и право на помещение гр. Серковой-Спиридоновой, что должно рассматриваться как акт добровольного выбытия Серкова (прим. к § 17 устава) из РЖСКТ; при наличии этого заявления собранию уполномоченных в декабре 1935 г. не следовало вообще рассматривать вопроса об исключении Серкова, поскольку он должен был уже считаться выбывшим с ноября 1934 г. Следует признать, что для применения § 21 устава (о том, что члены семьи выбывшего члена РЖСКТ могут быть приняты в члены РЖСКТ лишь с согласия общего собрания) в данном случае не было места.

Как видно из материалов дела, постановление о непринятии Серковой в члены РЖСКТ (вынесенное, как указано, в нарушение прим. к § 17 устава) и самое предъявление иска о выселении ее мотивировано в существе соображениями о том, что «жена убийцы не может жить в доме» и что Серкова-Спиридонова «не могла не знать об убийстве Серковым своей первой жены».

Однако проверка уголовного дела показала, что нет оснований для привлечения Серковой-Спиридоновой к уголовной ответственности в качестве соучастницы Серкова; нет данных для предположений и о том, что Серкова-Спиридонова в свое время знала о готовящемся Серковым убийстве и может нести хотя бы моральную за него ответственность.

При таких обстоятельствах заслуживает внимания заявление Серковой-Спиридоновой о том, что после обрушившегося на нее трагического известия о том, что ее муж оказался убийцей, к ней предъявляется требование о выселении на том основании, что муж ее совершил убийство, к которому она не была причастна.

Прокуратура Союза ССР нашла, что реше-

ние о выселении Серковой-Спиридоновой основано на узко формальных соображениях о том, что Серков исключен из РЖСКТ и при этом примененных неправильно и что постановление собрания уполномоченных об отказе в принятии ее в члены РЖСКТ вынесен вопреки уставу. Опротестовываемое решение нарушило право Серковой на площадь и потому подлежит отмене. Эта отмена открывает Серковой возможность предъявить к РЖСКТ иск об отмене постановления собрания уполномоченных об отказе в принятии ее в члены. Член семьи пайщика РЖСКТ, не участвовавший в преступлении пайщика, не может быть лишен площади за это преступление.

Гражданская коллегия Верховного суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, вынесла следующее определение:

Постановление правления РЖСКТ об исключении гр. Серкова из членов РЖСКТ является неправильным, так как он, как установлено по делу, не был лишен избирательных прав до приговора по уголовному делу, и также и приговором он избирательных прав не лишен. Основанием же для исключения из числа членов РЖСКТ является по уставу или лишение избирательных прав (§ 19) или неподчинение уставу и постановлениям правления и общего собрания (§ 18). Гр. Серков 26 ноября 1934 г. передал своей жене Серковой-Спиридоновой, что является актом добровольного выбытия Серкова из членов РЖСКТ. При таких условиях не было оснований ставить вопрос об исключении гр. Серкова из членов РЖСКТ, поскольку он в декабре 1934 г. добровольно выразил согласие на передачу пая своей жене Серковой-Спиридоновой.

Отказ общего собрания членов РЖСКТ в принятии Серковой-Спиридоновой в число членов также неправилен; собрание не имело

права отказывать ей в приеме, основываясь только на предположениях об ее якобы участии в убийстве Серковым своей первой жены. Перед общим собранием членов РЖСКТ стоял вопрос о передаче пая Серковым гр. Серковой-Спиридоновой. Между тем, этот вопрос не был поставлен на обсуждение общего собрания до 17 декабря 1935 г.

Разделение рассмотрения этих двух вопросов не могло не повлечь неправильных выводов, так как, исключив Серкова из членов РЖСКТ, общее собрание не могло вынести другого решения, как только отказать в передаче пая и жилой площади. Общее собрание, отказывая гр. Серковой в передаче пая на ее имя, совершенно неосновательно завело на нее ряд обвинений, в которых она никогда не обвинялась. Все это создало искусственное положение, при котором постановление общего собрания не может считаться правильным, а это в свою очередь повлияло на судебное решение. Поскольку вопрос идет о передаче прав члена РЖСКТ, т. е. о праве гражданском, вопрос этот подлежит судебному рассмотрению, почему суду надлежит в первую очередь обсудить вопрос о правильности постановления общего собрания об отказе в переводе пая на имя Серковой-Спиридоновой, причем суд в случае признания этого отказа неправильным может поставить перед общим собранием членов РЖСКТ вопрос о пересмотре вновь этого отказа, или, если к этому есть достаточные основания, разрешить этот вопрос в судебном порядке.

По изложенным основаниям гражданская коллегия Верховного суда РСФСР определила: согласиться с протестом Прокуратуры Союза ССР, отменить решение народного суда от 2 февраля 1936 г. и определение КК Мосгорсуда от 20 февраля и дело передать на новое рассмотрение.

По союзным республикам

РСФСР

Только ли в Львовском районе так работают?

Не может Львовская районная прокуратура жаловаться на то, что задыхается под тяжестью многочисленных и сложных дел. Не может она жаловаться и на то, что жалобщики ежедневно отрывают ее работников от нормальной работы своими назойливыми просьбами и требованиями.

В живописно разбросанном на высоком берегу реки Сейма г. Львова жизнь протекает тихо и безмятежно. Непривычному глазу представляется даже, что здесь вряд ли на что-нибудь люди жалуются, так мирно и спокойно, кажется, живут они в этом городе. Но это

только кажется, ибо и здесь еще немало нарушений социалистической законности, немало преступлений, немало нарушений личных и имущественных прав граждан. То колхозную лошадь сгонит кто-нибудь со двора дома колхозника, то жену свою изобьет колхозник до потери сознания или подожжет хату из мести к своей же падчерице, то растратит где-нибудь в магазине потребсоюза заведующий несколько тысяч рублей и т. д. Работы, конечно, хватает в районной прокуратуре, нечего и говорить. Но этой работы столько, что ее можно было бы сделать как следует, культурно и с большой пользой для всего дела социалистического строительства в районе. Без излишней торопливости, но и без бюрократической волокиты могла бы работать Львовская районная прокуратура.

Достаточно сказать, что за 1936 г. всего было передано из всех органов расследования в суд 490 дел, т. е. 40 дел в месяц. Жалоб же в прокуратуру поступает ежемесячно 30—50, не больше.

Работников имеет районная прокуратура по штату: районного прокурора, помощника прокурора, двух следователей и секретарского персонала в количестве трех единиц. Этого вполне достаточно, чтобы справиться с указанной выше работой.

Но, как и во всяком деле, главное — в организации и руководстве работой. Без этого остается одно лишь название, внешняя форма. Да и форма не всегда остается. Не только в том смысле, что в т. Льгове нельзя найти вывески, на которой было бы написано: «Льговская районная прокуратура». Это тоже важно. И не случайно то, что, проходя по широким, но безлюдным улицам г. Льгова, вы встретите различнейшие вывески почти на всех домах, но вывески прокуратуры вы не увидите нигде. Она (прокуратура) стыдливо спряталась в половине этажа дряхлого домика рядом с риком, а на дверях этого дома (верхнее этажа), где помещается и народный суд, висит одна лишь полныявшая и сплошь покрытая ржавчиной вывеска «государственной нотариальной конторы». Отсутствие вывески вполне соответствует положению прокуратуры в Льговском районе. Она не имеет там лица и авторитета. Да и как она может иметь авторитет? Ведь требования-то к районной прокуратуре растут изо дня в день, ошибки становятся заметнее, чем раньше. А люди, которые в прокуратуре сидят, этого как будто бы и не понимают вовсе.

Мыслимое ли это дело, чтобы работа в районной прокуратуре была поставлена удовлетворительно, если в течение года в ней меняются четыре районных прокурора. В первые 4 месяца 1936 г. прокурором Льговского района Курской области был Гришин, затем была назначена прокурором Редько, после нее остался временно исполняющим обязанности районного прокурора Голозубов, этот последний «работал» в качестве врио в течение октября, ноября и частично декабря 1936 г., затем был назначен прокурором района Разренов. Все последующие прокуроры не без основания ругали своих предшественников, найдя производство в безобразном состоянии. Но никто из них не имел даже времени (мы уж не говорим об умении) наладить дело, ибо едва успевая «принять» работу, как надо было уже «сдавать» ее вновь назначенному прокурору.

То же самое происходило с остальным аппаратом районной прокуратуры. Достаточно сказать, что в августе 1936 г. был уволен народный следователь Кривоустов, в течение 4 месяцев замена ему дана не была, и дела его лежали без движения в столе у районного прокурора в ожидании прихода нового следователя. Этот новый следователь Брусенцов, назначенный в конце декабря 1936 г., поработал немного больше месяца и был переведен в другое место, а на его должность был назначен в феврале 1937 г. опять новый следователь Тарасов, совершенно не работавший

в органах юстиции и юридически совершенно неподготовленный человек.

Само собою понятно, что при такой текучести личного состава районной прокуратуры никакая работа всерьез невозможна. Это приводит лишь к дискредитации прокуратуры, к бесцельной трате государственных средств, к недопустимому отношению к людям, к их нуждам, жалобам и делам.

Из многих фактов подобного отношения к делу в районной прокуратуре возьмем лишь для примера несколько. В феврале 1936 г. в г. Льгов приехали председатель колхоза им. Коминтерна и председатель одного из сельсоветов Льговского района. Они остановились в доме колхозника, сдали лошадь заведующему конным двором дома колхозника и ушли по своим делам в город. Возвратившись в 2 часа дня, они не нашли своей лошади. Оказалось, что заведующий конным двором ушел со двора, оставив ворота открытыми; кто-то украл и угнал колхозную лошадь. Правление колхоза обращается в милицию. Там начинают розыск конокрада, задерживают одного молодого человека, подозрительного, по мнению уголовного розыска, в своих связях с конокрадами; потом его отпускают, так как оказывается, что он не украл колхозной лошади, а затем через несколько месяцев «расследования» дело производством прекращают. Колхоз обращается с жалобой к прокурору. Истребовав дело и узнав о результатах расследования, прокурор Редько пишет резолюцию (наиболее существенной особенностью прокуроров является то, что они пишут резолюции): почему не привлечен к ответственности зав. конным двором, с прекращением дела не согласен. Тогда милиция выходит из создавшегося положения тем, что пишет: дело производством приостановить (а не прекратить) за нерозыском вора, а в отношении привлечения к ответственности зав. конным двором переговорить с районным прокурором. Неизвестно далее, переговорили ли друг с другом эти два органа государственной власти или нет. Известно лишь, что колхоз не получил удовлетворения своих требований и не дождался даже ответа; а прошло уже больше полугода, как он лишился лошади. Тогда колхоз обратился с жалобой на действия милиции и прокуратуры в народный суд. А народный суд направил жалобу в районную прокуратуру; там пролежала она несколько месяцев без движения; беспомощный и. о. районного прокурора Голозубов не знал, что же делать с колхозом и ее жалобой. Этот врид прокурора района не знал, что делать и со многими другими делами и переписками. В числе этих дел — весьма серьезное дело об отравлении мышьяком, насыпанным в молоко, пяти работников МТФ Малиновского свеклосовхоза.

1 августа 1935 г. управляющий МТФ и ряд ответственных работников совхоза прибыли в МТФ для проверки работы доярок. На совещании, созванном ими, работа доярок, особенно одной из них, Кучерявых, подверглась резкой критике; управляющий МТФ в решительных выражениях требовал восстановления дисциплины, улучшения работы и т. п. Ночью он предложил Кучерявых налить молока в ведерко для себя и для других приехавших в

табор лиц. Кучерявых исполнила распоряжение, но молоко не было выпито, так как приехавшие забыли о нем. Утром рано после проверки работы доярок управляющий МТФ и другие лица, приехавшие с ним, нашли ведро с молоком у табора и трое из них выпили молоко и тут же почувствовали себя дурно. Это же молоко было выпито двумя доярками, которые также отравились, и все они (пять человек) были доставлены в Львовскую больницу, где пролежали 6—8 дней. Химический анализ показал, что в молоке был мышьяк в большом количестве. Привлечена к уголовной ответственности за это была доярка Кучерявых по ст. 19—136 УК. Она отрицала свою вину, но так как одна из отравившихся ее подруг заявляла, что через несколько дней после отравления она видела у Кучерявых в комнате рассыпанный на кровати порошок, похожий на мышьяк, то Кучерявых была предана суду и 12 января 1936 г. осуждена к 3 годам лишения свободы. Однако областной суд 1 февраля 1936 г. нашел, что дело недоисследовано, отменил приговор народного суда и передал дело на новое расследование.

Из обстоятельств дела видно, что между доярками и их б. бригадиром была вражда, что в совхозе имелись сторожа и некоторые другие работники, о которых были сведения, что это — бывшие кулаки и т. д. Одним словом дело требовало к себе самого тщательного и серьезного внимания. И вот, оказывается, что следователь Кривошустов, который вел расследование этого дела, получив его вновь для исследования, вынес 22 марта 1936 г. постановление о принятии дела к своему производству и потом ничего буквально не сделал до августа 1936 г., когда он был уволен. Вместе со всеми другими делами и переписками этого следователя дело по обвинению Кучерявых попало к и. о. пом. районного прокурора Голозубову, который ничего не сделал и не в состоянии был сделать с этим делом до назначения в Львовский район нового прокурора г. Разоренова. Теперь, когда через год взялись за это дело, оказалось, что Кучерявых нет уже в этом районе и, как это механически делается по всем подобным делам, вынесено постановление об объявлении розыска скрывающегося преступника. Нет сомнения в том, что такая борьба со столь серьезным преступлением явно обречена на неудачу.

Особенно скверно ведется борьба с растратами и недочетами в магазинах, колхозах, совхозах и т. д. Прежде всего всякую неудачу принимают за растрату и нередко зря привлекают людей к уголовной ответственности. Зато почти во всех случаях применяют к растратчикам ч. 2 ст. 116 УК, хотя для этого сплошь и рядом нет ровно никаких оснований, а преступление предусмотрено ч. 1 ст. 116 УК. Но главное в том, что, не успев вовремя раскрыть и расследовать растрату, пытаясь в документах, актах, бухгалтерских отчетах и тому подобных бумагах о недочетах при ревизии, без конкретных фактов о растрате, следователи вызывают и допрашивают много людей, отрывают их зря от работы, достаточных доказательств растраты не находят и нередко упускают настоящих растратчиков. Последние успевают уехать из данного

района неизвестно куда, и дела лежат без движения, объявляется розыск скрывшихся, и обесцениваются результаты работы органов прокуратуры. Происходит это часто потому, что до сих пор еще хозорганы и всякого рода ревизионные комиссии ограничиваются составлением формального акта о недочетах и, считая свою задачу выполненной, успокаиваются на этом, «передав дело судебно-следственным органам». Там, мол, разберутся. А там очень часто не разбираются. И так пропадают миллионы государственных и общественных средств.

Вот вам еще пример того, как милиция и прокуратура борются с расхищением собственности. В 1935 г. было начато дело по обвинению работников Олышанского спиртозавода Логачева, Меснянкина и др. по закону 7 августа 1932 г. Они обвинялись в расхищении 56 центнеров пшеницы, 5 овец и т. д. Собрано было много актов, документов, показаний, жалоб и т. п., но в течение 4 месяцев милиция не могла закончить расследование. Дело было затребовано Курской областной прокуратурой, которая 4 апреля 1936 г. за подписью старшего пом. областного прокурора Михайлова возвратила дело прокурору Львовского района со строгим письмом следующего содержания: «Областная прокуратура дело по обвинению Логачева и Меснянкина предлагает закончить в декадный срок, после чего сообщить о результатах расследования.

Обращаю ваше внимание, — писал далее строгий на словах начальник из области, — на безобразную волокиту по расследованию этого дела. Несмотря на то, что следствие начато еще 27 ноября 1935 г. (не заметил ст. пом. областного прокурора, что следствие начато 5 ноября 1935 г., но это не так важно), оно до сих пор расследованием не закончено. Какие вами приняты меры к быстрейшему окончанию расследования, сообщите».

А какие вами, тов. Михайлов, приняты меры, чтобы проверить исполнение вашего распоряжения? Ровно никаких. Занимаетесь вы лишь сотрясанием воздуха; «руками водите», воображая, что вы областное руководство, с которым на местах считаются.

Ровно через декаду после вашего распоряжения, 14 апреля 1936 г. следователь Львовского района Кривошустов успел лишь составить постановление о принятии дела к своему производству. С тех пор прошло много месяцев, Кривошустов был в августе 1936 г. снят или переброшен в другое место, а по этому делу, как и по ряду других, ничего не сделал; прокуроры же чередовались, как куклы на сцене кукольного театра, и передавали дела из рук в руки. При такой полной бесконтрольности дело лежало без движения до 25 декабря 1936 г., когда оно было принято к производству через милицию следователем Сухачевым, через месяц, 20 января 1937 г., составившим постановление об объявлении розыска обвиняемых, которые, по его мнению (ничем не подтвержденному), скрылись из Львовского района.

С подобной «быстротой» и «умением» ведется борьба с расхищением собственности. Столь же похвальное поведение прокуратуры и милиции по другому делу, в котором речь

идет о заведующем магазином «торга» № 2 Карпенко. Этот завмаг был арестован 14 ноября 1936 г. по обвинению в продаже сельдей по повышенным ценам. Продержав с санкции прокурора Голозубова до 27 ноября 1936 г. в тюрьме этого человека, отца трех малолетних детей, милиция не удосужилась проверить его заявления о том, что цены на сельди были установлены не им, а директором «торга» Жаровым. Освободив из тюрьмы Карпенку и приняв дело к своему производству, районная прокуратура (следователь Сухачев) также не допросила Жарова и дело направила в суд. Только на суде, 24 декабря 1936 г., при допросе директора Жарова выяснилось, что Карпенко не при чем, что директор «торга», не зная цен на сельди, но не желая в то же время сорвать торговлю 7 ноября 1937 г., предложил Карпенку продавать сельди по цене, которая оказалась выше прейскурантной. Как только ошибка эта была установлена, торговля сельдями по указанной цене была прекращена. Таким образом только на суде выяснилось, что Карпенко не виновен и он был оправдан. Между тем, достаточно было малейшей внимательности и добросовестности работников милиции и прокуратуры, чтобы зря не пострадал невинный человек.

Так работали в Льговской районной прокуратуре в 1936 г. Неудивительно поэтому, что около половины привлеченных к суду лиц оказались невинно или неосновательно привлеченными. За 1936 г. только по данным судебной статистики было прекращено дел в подготовительном заседании в отношении 65 человек (из 568 привлеченных к уголовной ответственности), а кроме того 85 человек были оправданы народным судом.

Небрежность, хаос в делопроизводстве, потеря бумаг и дел стали обычным явлением в районной прокуратуре. Попробуйте получить какую-либо справку в канцелярии прокурора, или пусть вам дадут самую простую статистическую отчетность о работе. Вы не добьетесь ничего.

Вот, например, серьезное дело о преступлении, которое в течение года лежало без движения и не расследовалось, перешло из одной комнаты (народного суда Льговского района) в другую, соседнюю комнату (прокурора того же района), а оттуда в третью, также соседнюю комнату (народного следователя района) не иначе, как с оформленной препроводкой следующего содержания (обратите при этом внимание на даты): «5 марта 1936 г. Льговской народный суд.

Льгов—Прокуратура—Народный суд Льговского района при сем направляет дело по обвинению Кучерявых для доследования согласно определению Курского облсуда. Секретарь (подпись)». И затем: «14 января 1937 г. Прокурор Льговского района. Нарследователю т. Сухачеву. При этом препровождается дело по обвинению гр. Кучерявых М. И. по ст. 19—136 УК для расследования согласно резолюции райпрокурора. Секретарь (подпись)».

Вот об этих именно случаях, когда районному прокурору для дачи распоряжения своему следователю о доследовании серьезного дела приходится писать через секретаря приведенную выше бумагу, да притом еще через

10 месяцев после поступления дела в районную прокуратуру, об этих случаях, очевидно, и сказано, что «форма заедает». Да, такое применение формы действительно может натворить беду.

Симпатией наполняется сердце к человеку, когда видишь четкость, конкретность и аккуратность в работе, стремление навести порядок во всяком деле и т. д.

Почему бы, например, не иметь в каждой районной прокуратуре книгу приказов, в которую записывать наиболее существенные распоряжения, ну хотя бы о перемещениях, назначениях и увольнениях работников. А то ведь иной раз нельзя даже установить, когда и кто был назначен на работу, при ком произошел тот или иной значительный факт и т. д.

Так думал, по всей вероятности, бывший прокурор района Гришин, который решил завести книгу приказов Льговской районной прокуратуры. Мы получили возможность заглянуть в эту книгу и с удовлетворением прочли на первой же странице этой книги: «Приказ № 1 по Льговской районной прокуратуре от 1 января 1936 г.». В нем сообщается, что «с сего числа после своей болезни вступаю на работу. Райпрокурор Н. Гришин». Из этой же книги становится нам известным много любопытных фактов, о которых мы предпочитаем рассказать языком тех же приказов. Прежде всего, приказ № 19 от 14 февраля 1936 г. сообщает, что «с сего числа райпрокурора Гришина Н. И. считать больным на дому согласно заключению врача. Пом. райпрокурора Коробов». Приказ № 20 от 18 февраля 1936 г. говорит: «С сего числа убаваю в командировку в колхоз «Путь к социализму» Износковского сельсовета и Ольшанской сельсовет по поручению РК ВКП(б) по проверке преследования стахановцев. Райпрокурор Гришин». Как видит читатель, не складно получилось с этим делом. Приказ пом. прокурора Коробова гласил о том, чтобы Гришина считать больным; и после этого не было никакого приказа, чтобы считать Гришина выздоровевшим, а он уже подписал приказ № 20 от 18 февраля 1936 г., что едет в командировку. Но надо отдать справедливость людям, эту ошибку на следующий же день исправил пом. прокурора Коробов. Приказ № 21 от 19 февраля гласит: «С сего числа райпрокурора Гришина Н. И. считать выздоровевшим и приступившим к своим обязанностям. Пом. прокурора Коробов». Это тоже не совсем точно, но зато здорово: никто не скажет, что в райпрокуратуре порядка нет, формы не соблюдают.

Приказы нового районного прокурора Редько начинаются с № 41 от 16 мая, когда она извещает, что едет в командировку вместе с б. районным прокурором Гришиным в Надеждовский сельсовет по делу председателя сельсовета Ткачева «по проверке его действий». Уже 10 июня в новом приказе № 46 она решает откомандировать пом. прокурора Коробова в распоряжение райкома ВКП(б). 1 июля 1936 г. она издает приказ № 51 об увольнении секретаря районной прокуратуры Жарких; 15 июля районный прокурор Редько увольняет машинистку прокуратуры; затем 2 августа издает при-

каз № 57 о том, что «с сего числа и. о. пом. прокурора Льговского района назначается Голозубов С. Ф.». Этот новый работник, принятый по рекомендации Редько, но ничего не понимающий в судебно-прокурорской работе, бывший инспектор собеса, был вскоре оставлен и. о. районного прокурора, так как Редько сперва уехала в Москву якобы по вызову прокурора РСФСР, а затем и вовсе была освобождена от работы в Льговском районе. Но до этого она успела написать несколько замечательных приказов. 22 августа 1936 г. в приказе № 60 районный прокурор Редько записала: «С сего числа наследователя Сухачева И. К. за неисполнение моих распоряжений от работы отстранить», 14 сентября 1936 г. был издан другой приказ № 63, в котором сказано: «С 15 сентября, с. г. и. о. пом. райпрокурора т. Голозубов отстраняется от работы как несоответствующий своему назначению».

Так буквально и записано у этого блюстителя советской законности в Льговском районе. Но так как, очевидно, она сама (прокурор Льговского района Редько) не принимала всерьез своих приказов, то 19 сентября 1936 г. записала новый приказ, в котором сказано, что вследствие временной своей нетрудоспособности исполнение обязанностей районного прокурора возлагает на народного следователя т. Сухачева (отстраненного ею же), а право на санкцию арестов предоставляет ст. народному судье т. Ильину. В общем, делаю все, что мне вздумается. Можно ли после этого удивляться, что этот, с позволения сказать, районный прокурор арестовал однажды шофера, отказавшегося взять его на свою машину и довести куда-то.

Картина будет неполной, если не сказать, что отстраненный приказом районного прокурора Редько от должности пом. районного прокурора Голозубов, не подчинившись приказу Редько, 19 же сентября 1936 г. издал свой приказ № 67, которым приказал: «С сего числа наследователю Сухачеву приступить к исполнению своих обязанностей. Пом. райпрокурора Голозубов». Нужно ли добавлять что-нибудь, чтобы было ясно позорное состояние, в котором находились дела в этом учреждении? Думаем, что ничего добавлять не следует. Но знала ли о состоянии работы Льговской прокуратуры областная прокуратура? Знала и не могла не знать, так как даже в районную печать проникла информация о безобразном состоянии дел в районной прокуратуре. Что же сделала областная прокуратура?

На это отвечают нам: а что же она могла сделать? Подбирала людей. Ведь кадры решают все!

В том-то и дело, что великий лозунг вождя народов товарища Сталина не стал еще для многих и многих руководящих работников прокуратуры действительным руководством к действию; этот мудрейший лозунг многие повторяют как аллилуйщики, но без понимания его существа и глубины, без реального проведения в жизнь. Как же можно было в дни всенародного обсуждения проекта Сталинской Конституции, в августе 1936 г., допустить назначение помощником прокурора Льговского района, а затем, через 1½ месяца, врио районного прокурора человека, не только совер-

шенно безграмотного, но и явно случайного. Ведь Голозубов, о котором идет речь, был назначен помощником районного прокурора по одной лишь рекомендации районного прокурора Редько, которая сама не знала его (не говоря уже о том, что сама занимала высокий пост прокурора явно по ошибке). Голозубов за полгода своей «работы» в районной прокуратуре не написал ни одной бумаги (кроме, впрочем «резолуций»).

Назначение других работников районной прокуратуры разве не с той же легкостью производилось? Возьмем хотя бы самое позднейшее назначение — следователя Тарасова, назначенного в начале февраля 1937 г. Человека, совершенно незнакомого даже с кодексами, прислали из областной прокуратуры для работы в Льговскую районную прокуратуру. Оказывается, он прошел какие-то 20-дневные курсы подготовки при областной прокуратуре; ему и другим таким же, как он, прочли лекции и послали работать в район. Хотелось бы видеть, как себя чувствовали бы эти люди (которые назначают подобных следователей), если бы дело о них расследовалось таким следователем. Преступно забывают, что районному прокурору, народному следователю приходится иметь дело с личной свободой, правом на отдых и другими правами гражданина СССР.

10 февраля 1937 г. новый народный следователь Льговского района, Тарасов, допрашивал в течение нескольких часов председателя колхоза, обвинявшегося в растрате 1270 руб. Этот председатель колхоза явился по вызову прокуратуры. Его местожительство — на расстоянии 18 км от Льгова. Самый материал обвинения достаточно шаткий. И когда на следующий день после допроса я потребовал протокол допроса председателя колхоза, я ровно ничего не понял из того, что было написано народным следователем Тарасовым. Но главное то, что не только я не понял, но не понял ничего из протокола допроса и прокурор района, и даже сам допрашивавший. Стало совершенно очевидно, что «протокол» этот должен быть уничтожен, а следовательно, председатель колхоза пока что зря прошелся 36 км в прокуратуру и обратно. Подсчитайте-ка с карандашом в руках и с необходимой добросовестностью, сколько таких напрасных вызовов и допросов, ненужных, вредных, преступных дерзаний причиняют празднам скверно работающие кадры в наших районных прокуратурах.

Нет действительного подбора кадров до сих пор еще во многих местах, работают люди по-старинке, без учета того нового, которое записано теперь в Сталинской Конституции. Нет настоящей заботы о кадрах, об их учебе, об обстановке, в которой они работают. Люди, являющиеся ответственными работниками в районе, не читают газет, ни одного журнала; следователь на мой вопрос, знает ли он какой-нибудь юридический журнал, отвечает, что «видел «Советскую юстицию» за 1932 г., она имеется у нас в районной прокуратуре». Ну, а еще какой журнал вы знаете, спрашиваю я, недоумевая. «А я видел, — говорит народный следователь Льговского района Сухачев, — в областной прокуратуре еще один

журнал в синей обложке, как он называется — не помню.

Так дальше работать нельзя. Нельзя допускать того, чтобы неграмотные люди, не желающие к тому же работать над собой, оставались бы на прокуратуре в сталинскую эпоху нашего великого социалистического государства.

Только ли в Льговском районе так работают? Думаем, что нет. Но наступила пора, засучив рукава и не покладая рук, вскрывать все недочеты в нашей работе, тщательно и без парадного шума работать над тем, чтобы по-настоящему укрепить районное звено прокурорского аппарата, сделать его боевым органом социалистического государства во всех областях работы.

ТАД.

Прокуратура г. Сталинска Западносибирского края в борьбе за соблюдение Сталинского устава с.-х. артели

За последнее время горпрокуратура провела целый ряд отчетных докладов о своей работе на колхозных собраниях в разрезе отдельных отраслей работы, как-то: а) борьба с нарушениями Устава с.-х. артели, б) борьба за сохранение и развитие животноводства, в) борьба с нарушениями ревзаконности со стороны сельсоветов и т. п.

Благодаря выступлениям в прениях и проверкой на месте протоколов заседаний правлений удалось установить целый ряд фактов нарушений колхозной демократии и Сталинского устава с.-х. артели.

Приведем несколько фактов: 17 декабря 1936 г. уже после утверждения Сталинской Конституции начальник горзо Логвиненко разослал всем колхозам циркуляр, в котором «разъяснял», что отныне «все решения колхоза без утверждения горзо считаются недействительными, вынесенные мероприятия и решения по тому или иному вопросу в протоколе общего собрания колхоза предварительно подлежат утверждению городским земельным отделом».

Этот же Логвиненко предложил, чтобы с выбывшими и исключенными из колхозов расчет производился за заработанные трудодни не натурой, а деньгами. Нет надобности доказывать, что первый циркуляр является грубейшим нарушением колхозной демократии и Устава с.-х. артели, а второе разъяснение также нарушает устав.

Директор Кузнецкой МТС Селиверстов сам налагал на председателей колхозов и счетово-

дов взыскания в то время, как они за свою работу отвечают перед общим собранием колхозников, а не перед директором МТС.

Сельсоветы Сосновский и Ильинский обязали колхоз не выделять на содержание родильных домов продукты и деньги, несмотря на то, что постановлением правительства от 10 ноября 1932 г. запрещено местным органам власти обязывать колхозы выделять денежные и натуральные фонды на нужды, не предусмотренные уставом и специальными постановлениями правительства.

В некоторых колхозах при исключении членов семьи из колхоза за то или иное нарушение устава заодно исключают и всю семью.

Некоторые колхозы стали на чуть подмены массово-политической работы штрафами, как, например, колхоз «Красное знамя» 26 октября 1936 г. оштрафовал 5 доярок по 0,50 трудней за неявку на собрание по изучению Конституции.

Все незаконные циркуляры, распоряжения сельсоветов и постановления правлений и общих собраний прокуратур опротестованы.

Кроме того, все эти факты нами освещались в местной газете «Большевистская сталь».

Пом. прокурора г. Сталинска
ГОЛЬБЕРГ

Заочное образование в Казахстане

Президиум Западноказахстанского облисполкома, заслушав сообщение областного прокурора т. Акжарова о ходе заочного юридического образования (в областной прокуратуре), отметил упорную работу заочников в этой области. В течение года и одного месяца студенты-заочники Саратовского юридического института достигли блестящих успехов, выразившихся в том, что 6 товарищей 5 февраля 1937 г. переведены на III курс института и один — на II.

Переведенные на III курс сдали зачеты по 11 основным дисциплинам и имеют следующие показатели:

1. Акжаров из 11 зачетов: отлично 10
2. Попов » 11 » » 8
3. Крайнев » 11 » » 6

За успехи в учебе, достигнутые в результате упорной работы над книгами, умелое сочетание учебы с основной работой и максимальное уплотнение дня, президиум облисполкома премировал тт. Полова, Крайнева и Мукашева по 500 руб. каждого, тт. Мухамедова и Сентяй по 300 руб. каждого.

Президиум облисполкома отметил также активную помощь по заочному образованию, оказываемую работникам областной прокуратуры заочным сектором Саратовского юридического института.

УССР

Семинар для следователей

Роль следователя как центральной фигуры в системе юстиции и, в частности, прокуратуры, неоднократно подчеркивала центральная печать и специальные юридические органы.

Для того чтобы с честью выполнить возло-

женные на него задачи, советский следователь должен обладать рядом качеств, одним из которых является высокая культурность и овладение техникой следственного дела.

Следователь раньше других прокурорских и судебных инстанций знакомится с материалами будущего следственного дела, оценивает

их, взвешивает все имеющиеся в деле «за» и «против» заподозренного или обвиняемого и первый решает вопрос о судьбе человека, чьи действия и поступки расследуются в процессе предварительного следствия.

В свете новой Сталинской Конституции, проникнутой заботой о людях — трудящихся нашей великой родины, эти задачи становятся еще более сложными и еще больше вырастает ответственность следователя.

Мы требуем к ответу инженера, небрежно смонтировавшего машину, если в результате допущенной им халатности погиб или выбыл из строя аппарат.

Мы требуем привлечения к ответственности врача за неправильно и небрежно проведенную им операцию, в результате которой пациент умер, остался калекой или подвергался ненужным мучениям.

Мы в такой же мере должны требовать ответственности следователя за необоснованные и незаконные действия, нарушающие интересы трудящихся Советского союза или незаслуженно оскорбляющие их достоинство.

С другой стороны, мы должны требовать от следователя умения разбираться в сложной, иногда весьма запутанной обстановке, мы должны требовать от него умения разоблачить классового врага и преступника, а это не всегда бывает просто и доступно.

Для того чтобы добиться этого, следователь должен овладеть техникой следственной работы.

В деле повышения квалификации следователей большую ценность представляет создание краткосрочных семинаров для следователей.

По директиве Прокуратуры УССР такие семинары были созданы в Киеве, Харькове, Одессе и Днепропетровске — в центрах, где находятся научно-исследовательские институты судебной экспертизы и юридические школы, которые этой же директивой были обязаны обеспечить семинары квалифицированными лекторскими силами.

Кроме того, семинары были организованы в Виннице, Чернигове и Сталине.

Прокурор Республики т. Г. А. Железнодорожский утвердил учебный план, охватывающий комплекс дисциплин, в первую очередь подлежащих усвоению следователями.

Эти семинары ставили своей целью подыять квалификацию лучших следователей областей Украины, освежить уже накопленные ими знания, приобщить их к научным методам расследования преступления, внедрить в практику следственной работы применение судебной фотографии и т. д.

Все семинары должны были начать работу в начале декабря 1936 г. и закончить программу занятий в 20 дней.

Для помощи Черниговской области была выделена бригада работников Киевского института научно-судебной экспертизы, следователи АМССР были прикреплены к семинару в г. Одессе.

В Киеве семинар окончили 18 человек, в Харькове — 24 человека, Днепропетровске — 20 человек и т. д.

Опыт работы Киевского семинара говорит о несомненной пользе этого начинания, о том,

что 20 дней занятий дали следователям не только теоретическое обоснование, но и практический базис для повседневной деятельности следователя.

Занятия семинара были построены с таким расчетом, чтобы не отрывать теоретическую подготовку от практического преломления полученных знаний.

Краткие курсы уголовного права и процесса были преподаны с разбором конкретных дел, проведенных как самими слушателями семинара, так и следователями прокуратуры области.

Разбор этих дел помог слушателям семинара усвоить основные требования процесса и правильно квалифицировать преступления.

Особое внимание было уделено технике расследования дел о хищении социалистической собственности. Этот раздел программы был иллюстрирован конкретными делами, по которым слушатели семинара могли учесть допущенные при расследовании ошибки и познать опыт хорошо, грамотно и правильно расследованных дел.

Специально были разработаны вопросы, связанные с назначением по делам экспертиз, в частности бухгалтерской экспертизы.

При этом были освещены последние директивы Прокуратуры Союза о создании бюро судебно-бухгалтерской экспертизы при органах прокуратуры.

Слушатели были ознакомлены с практическими мероприятиями при осмотре места происшествия, с техникой закрепления следов на почве, стекле и других предметах.

Во время занятий по судебной фотографии все слушатели семинара овладели искусством фотосъемки, и можно с уверенностью сказать, что выданные им в пользование фотоаппараты в дальнейшей работе будут верными и надежными помощниками в повседневной работе следователя.

При обсуждении итогов семинара большинство следователей высказалось за проведение повторного семинара повышенного типа и за установление повседневной связи с прокуратурой области в смысле получения методических указаний на запросы следователей по различным вопросам, возникающим в их оперативной работе.

Эти методические письма и квалифицированные консультации должны стать источником обогащения опыта следователей и дополнить работу семинаров.

Эта большая и необходимая отрасль деятельности прокуратуры должна быть, наконец, поставлена на принципиальную высоту. Конкретная помощь народному следователю должна быть обеспечена в полном объеме.

В порядке самокритики можно сказать несколько слов об организационных неполадках — о неудовлетворительном размещении слушателей, об отдельных случаях нарушения расписания занятий по вине лекторов, но все эти недостатки не могут умалить пользы семинара и его значения.

Это ценное начинание себя полностью оправдало.

П. ЮФФА.

Право-процесс-судоустройство в капиталистических странах

Уголовное законодательство Китая

Действующее на территории гоминдановского правительства Китая уголовное законодательство состоит из: 1) УК 1935 г., 2) закона 1928 г. о наказаниях за нарушения полицейских правил и 3) нескольких некодифицированных исключительных законов, сохранивших свою силу в соответствии со ст. 2 закона о введении в действие УК 1935 г.

Политический смысл действующего в Китае уголовного законодательства становится ясным после анализа породившей его социальной структуры гоминдановского Китая. Буржуазно-помещичий гоминдан осуществляет открытую диктатуру над китайским народом. Блок крупной буржуазии и помещиков составляет классовое содержание этого антидемократического и полукOLONИАЛЬНОГО государственного строя. Огромная территория занята Китайской советской республикой и ее красной армией; на значительной части территории власть гоминдана является только номинальной, находясь реально в руках отдельных генералов, безжалостно подавляющих революционное движение широких масс и пресмыкающихся перед империалистами всех стран, в особенности перед японскими империалистами.

На территории, подвластной гоминдановскому правительству, лишь за последний год намечались некоторые сдвиги в сторону готовности правительства к обороне Китая от чужеземной агрессии, в сторону общенационального движения, которое требует решительного сопротивления японскому империализму.

Поднявшийся не в первый раз на борьбу за свое освобождение китайский народ, под руководством вождя революции Сун Ят-сена в 1911 г. свергнул монархию. Одержанная национально-революционным движением победа положила конец средневековому уголовному законодательству манчжурской династии, существовавшему почти без всяких изменений с 654 года до 1912 года и, по выражению французского правоведа Гране, являющемуся «процедурой кровавой мести, законом войны»¹.

Конфуцианская мораль покорности и подчинения пяти наказаниям (легкое побивание палками, большое побивание палками, тюремное заключение на срок и пожизненно, смертная казнь), которыми правящий класс феодалов расправлялся с китайским народом, противоречил интересам национально-революционного движения.

Образованная Сун Ят-сеном при участии

японских и французских советников юридическая комиссия подготовила проект УК, который был в 1912 г. введен в действие.

Названный временным, УК 1912 г. был первым в Китае кодексом буржуазного типа и состоял из 411 статей. УК 1912 г. принял двухчленное деление на преступления и нарушения, причем наказуемость нарушений была изложена в отдельном законе.

Применение УК 1912 г. на практике выявило ряд дефектов его с точки зрения правящих классов (расплывчатые формулировки диспозиций составов преступления, слабая охрана семейных устоев, недостаточная тяжесть наказания). Была создана новая юридическая комиссия, которая в 1927 г. внесла на рассмотрение постоянной комиссии при ЦК гоминдана новый проект. К этому времени гоминдан не представлял собою больше блока рабочих, крестьян, национальной буржуазии и интеллигенции. Верхушка гоминдана во главе с Чан Кай-ши и Ван Цзинь-веем отказалась от оставленного умершим в 1925 году Сун Ят-сеном богатого революционного наследия и стала на путь кровавой расправы с революционным движением. Национально-революционная роль гоминдана закончилась, и он с тех пор стал выражением реакции, выражением интересов буржуазно-помещичьего блока. В качестве одного из орудий, призванных охранять интересы этого буржуазно-помещичьего блока, надлежало рассматривать УК 1928 г., выработанный при участии французского профессора Эскара под сильным влиянием японского УК 1907 г. Одновременно с принятием УК 1928 г. был принят в качестве приложения к нему отдельный закон о наказуемости нарушений полицейских правил, ничем не отличающийся от ранее действовавшего.

УК 1935 г. явился третьим по счету из построенных по буржуазному образцу и издан в период установленной гоминданом «политической опеки» над китайским народом, означающей по существу господство феодально-милитаристической клики.

Постановления общей и особенной части УК 1935 г. изложены в 357 статьях. Действовавший до него УК 1928 г. содержал в себе 387 статей. С внешней стороны УК 1935 г., по сравнению с УК 1928 г., отличается большей краткостью, сохраняя без изменения в общей части 45 статей из УК 1928 г. и почти целиком всю особенную часть 1928 г.

Общая часть китайского УК 1935 г. содержит 99 статей. Она состоит из 12 глав: 1) об уголовном законе (ст. 1—11), 2) об уголовной ответственности (ст. 12—24), 3) о покушении (ст. 25—27), 4) о соучастии (ст. 28—31), 5) наказания (ст. 32—46), 6) о рецидиве (ст. 47—49), 7) о совокупности преступлений (ст. 50—56), 8) усиление и смягчение наказания (ст. 57—73), 9) об условном осуждении (ст. 74—76), 10) об условно-досрочном освобождении (ст. 77—79),

¹ Granet, La civilisation Chinoise. Paris, 1929, p. 261.

11) о давности (ст. 80—85), 12) меры охраны (ст. 86—99).

Особенная часть китайского УК 1935 г. содержит в себе 278 статей и состоит из 35 следующих глав: 1) преступления против внутренней безопасности государства (ст. 100—102), 2) преступления против внешней безопасности государства (ст. 103—115), 3) преступления, нарушающие отношения Китайской республики с другими государствами (ст. 116—119), 4) должностные преступления (ст. 120—134), 5) преступления, препятствующие исполнению служебных обязанностей должностных лиц (ст. 135—141), 6) посягательство на избирательное право (ст. 142—148), 7) преступления против общественного порядка (ст. 149—160), 8) о наказуемости побега заключенных (ст. 161—163), 9) об укрывательстве преступников и уничтожении следов преступления (ст. 164—167), 10) о лжесвидетельстве и ложном обвинении (ст. 168—172), 11) преступления против общественной безопасности (ст. 173—194), 12) о подделке монет (ст. 195—200), 13) о подделке товарных знаков (ст. 201—205), 14) о подделке мер и весов (ст. 206—209), 15) о подделке документов и печатей (ст. 210—220), 16) преступления против общественной нравственности (ст. 221—236), 17) преступления против брака и семьи (ст. 237—245); 18) религиозные преступления, осквернение могил (ст. 246—250), 19) преступления, препятствующие земледелию, промышленности и торговле (ст. 251—255), 20) нарушение правил об опиуме (ст. 256—265), 21) об азартных играх (ст. 266—270), 22) об убийстве (ст. 271—276), 23) о телесных повреждениях (ст. 277—287), 24) об аборте (ст. 288—292), 25) об оставлении в опасности (ст. 293—295), 26) посягательства на личную свободу (ст. 296—308), 27) посягательства на честь и торговый кредит (ст. 309—314), 28) о нарушении чужой тайны (ст. 315—319), 29) о краже (ст. 320—324), 30) о грабеже, разбое и пиратстве (ст. 325—334), 31) о растратах (ст. 335—338), 32) о мошенничестве, злоупотреблении доверием и о ростовщичестве (ст. 339—345), 33) об угрозах и о похищении людей с целью получения выкупа (ст. 346—348), 34) о покупке похищенного (ст. 349—351), 35) о повреждениях чужого имущества (ст. 352—357).

В первой главе китайского УК 1935 г. содержатся общие положения об уголовном законе и пределах его действия. Как и УК 1928 г., УК 1935 г. разделяет новый для китайского уголовного законодательства принцип классической школы: «*nulla poena sine lege*» (ст. 1), отступая от общих положений УК 1912 г., которые (ст. 84) допускали применение аналогии.

С редакционной стороны между УК 1928 г. и 1935 г. в этой части имеется весьма существенная разница: УК 1928 г. декларировал, что деяние, не объявленное наказуемым, не является преступлением, а УК 1935 г. отвернул эту негативность, приняв следующую формулировку: «Наказуемым является деяние, которое до диспозиции закона рассматривается как наказуемое».

Смягчающему наказанию уголовному закону

придается обратная сила (ст. 2 УК 1928 и 1935 гг.). Но УК 1935 г. отдельно отмечает применение мер охраны («обеспечивающих мер») по закону, действующему в момент вынесения приговора (УК 1928 г. вовсе не знал мер охраны). УК 1912 г. не придавал обратной силы смягчающему наказанию уголовному закону. Наказуемость деяния, совершенного за пределами Китайской республики, определяется в УК 1935 г. частично иначе (ст. 107), чем оно определялось по УК 1928 г. По УК 1928 и 1935 гг. наказуемость преступлений против внешней и внутренней безопасности государства, совершенных за пределами Китайской республики, устанавливается безусловно. Остальные преступления по УК 1928 г., будучи совершенными за границей, караются в зависимости от наличия трех условий (наказание не менее срочного тюремного заключения, противоправность деяния по местным законам и уклонение от ответственности). УК 1935 г. сохранил только два условия (наказание не менее трех лет тюремного заключения, наказуемость по местным законам). Осуждение за границей не освобождает от уголовного преследования за то же преступление китайскими судами. Отбытие наказания за границей может быть учтено китайскими судами. Иностранец, совершивший преступление на территории Китайской республики или посягнувший на китайского гражданина вне ее пределов, несет уголовную ответственность на общих с китайскими гражданами основаниях, если этот иностранец не пользуется правом экстерриториальности.

На практике эта статья не имеет надлежащего применения и служит образцом социальной демагогии.

Сопrotивление этой главы с японским УК 1907 г. приводит к выводу о совпадении основных принципов китайского и японского УК.

В УК 1935 г. не вошли две главы УК 1928 г., посвященные китайскому юридическому статусу родственных отношений в том виде, как он был воспринят гоминданом. Этот юридический статус являлся результатом сохранившихся феодальных пережитков, освященных каноническим правом и охранявших неравенство перед законом мужа и жены, родителей и детей, лиц, имеющих право на особое уважение, и лиц, на это особое уважение прав не имеющих. Вокруг этого статуса была открыта очень большая дискуссия, в результате которой, очевидно, авторы УК 1935 г. пришли к выводу, что регламентация неравенства в законе при наличии ст. 6 конституции, формально это неравенство отвергающей, не может более иметь места.

В главе второй изложены обстоятельства, обуславливающие и исключающие вменение в вину. Как и УК 1912 и 1928 гг., УК 1935 г. признает подлежащими безусловно вменению з вину деяния умышленные. Деяния неосторожные караются только в случаях, предусмотренных законом. Под умышленным понимается деяние, совершенное при обстоятельствах, когда исполнитель сознавал все содержание деяния и намеренно привел его в исполнение (ст. 13). Под неосторожным пони-

мается деяние, когда исполнитель не представлял себе возможности его наступления или надеялся, что последствия его не наступят (ст. 14). Влияние возраста на вменение в вину отмечено в специальных статьях. По УК 1935 г. дети, которым не исполнилось 14 лет, освобождаются от уголовной ответственности. Несовершеннолетние от 14 до 18 лет могут быть подвергнуты, уменьшенному наказанию. Достившие 80 лет в свою очередь могут быть подвергнуты уменьшенному наказанию. Несовершеннолетние рассматриваются как смягчающее вину обстоятельство. По УК 1912 г. освобождались от уголовной ответственности не достигшие 12-летнего возраста, а по УК 1928 г. не достигшие 13-летнего возраста. В отношении достигших 80-летнего возраста УК 1912, 1928 и 1935 гг. основываются на одном и том же принципе, но УК 1912 и 1928 гг. допускали уменьшение наказания только наполовину, а УК 1935 г. предоставляет возможность уменьшения наказания усмотрению суда. Незнание закона не освобождает от уголовной ответственности, но в зависимости от конкретных обстоятельств может быть учтено судом как основание для уменьшения наказания.

Душевная болезнь исключает наказуемость, душевное расстройство допускает уменьшенную наказуемость (ст. 19). Немота допускает уменьшенную наказуемость (ст. 20). УК 1912 и 1928 гг. допускали уменьшенную наказуемость деяний, совершенных в состоянии опьянения, в которое исполнитель был приведен не добровольно. УК 1935 г. вовсе не упоминает о преступных деяниях, совершенных в состоянии опьянения. Преступные деяния, совершенные при исполнении закона, служебных обязанностей, или в силу профессиональной необходимости, или при использовании своего права в порядке необходимой обороны (ст.ст. 21, 22, 23), не наказуемы. Превышение пределов необходимой обороны может по усмотрению суда повлечь освобождение от наказания или смягчение в зависимости от конкретных обстоятельств (ст. 23).

Основные положения этой главы вполне совпадают с основными положениями японского УК 1907 г.

В третьей главе содержатся постановления, относящиеся к покушению. По УК 1935 г. под покушением понимается попытка совершить преступление, содержащая в себе начало исполнения, но без доведения преступления до конца. Наказуется не всякое покушение, а только в случаях, указанных в законе (ст. 25). Наказуемость за покушения может быть менее суровой, чем за оконченное преступление, и определяется по усмотрению суда в зависимости от результатов покушения (ст. 26). Покушение, добровольно оставленное, по усмотрению суда может остаться не наказуемым (ст. 27). По УК 1912 и 1928 гг. покушение каралось только в зависимости от объективных его последствий.

В четвертой главе изложены постановления о соучастии. Под соучастием понимается совместное совершение преступления двумя и более лицами (ст. 28). Различаются исполнители, подстрекатели и пособники. УК 1912 г. различал ответственность исполнителей и по-

собников. УК 1928—1935 гг. разрешает этот вопрос компромиссным путем, в зависимости от конкретных обстоятельств, по усмотрению суда (ст. 31).

Пятая глава общей части УК 1935 г. содержит в себе постановления о наказании. Наказание построено по принципу возмездия за вину. Наказания делятся на основные и дополнительные. Основными наказаниями являются: смертная казнь, тюремное заключение пожизненное, тюремное заключение на срок, арест и штраф. Дополнительными наказаниями являются: лишение гражданских прав и конфискация имущества.

Смертная казнь указана в качестве наказания за следующие преступления: 1) насильственное посягательство на внутреннюю безопасность государства (ст. 101), 2) посягательство на внешнюю безопасность с целью спровоцировать войну между Китайской республикой и другими государствами (ст. 103), 3) посягательство на внешнюю безопасность в целях отторжения части национальной территории Китайской республики (ст. 104), 4) служба в иностранной армии и вооруженная помощь иностранной армии (ст. 105), 5) сдача отдельной воинской части стратегического пункта, военного или воздушного корабля (ст. 107), 6) убийство (ст. 271), 7) убийство родственника по восходящей линии (ст. 272), 8) изнасилование, сопряженное с убийством потерпевшей (ст. 223), 9) разбой (ст. 232), 10) пиратство (ст. 233).

По УК 1912 и 1928 гг. смертная казнь приводится в исполнение на территории тюрьмы путем повешения. Отдельными законами о бандитизме и о «наказуемости лиц, угрожающих опасности республике», в 1927—1931 гг. была введена смертная казнь путем расстрела. По специальному распоряжению министерства юстиции приговоренные к смертной казни подлежали перед исполнением приговора обязательному хлороформированию. Каждый смертный приговор должен был быть утвержден министром юстиции. В УК 1935 г. не содержится никаких указаний на перечисленные постановления.

Тюремное заключение может быть пожизненным и срочным. Срочное тюремное заключение — от 2 месяцев до 15 лет (ст. 33), при отягчающих обстоятельствах — до 20 лет. По УК 1912 г. тюремное заключение было разделено на 5 степеней (первая степень — от 10 до 15 лет, пятая степень — от 1 до 2 лет).

Арест может быть назначен на срок от 1 дня до 2 месяцев (ст. 33), при отягчающих обстоятельствах может быть продолжен до 4 месяцев. Как арест, так и тюремное заключение могут сопровождаться принудительным (физическим) трудом.

Штраф назначается от одной иены (китайский доллар, содержащий в себе 23 грамма серебра). Максимум штрафа законом не ограничен. Штраф является очень серьезным наказанием вследствие нищеты китайских народных масс (одна иена является средним месячным заработком большинства населения Китая).

Неуплата назначенного судом штрафа вызывает замену его лишением свободы из расчета один день лишения свободы за штраф от

одной до трех иен. Лишение свободы, назначенное в порядке замены штрафа, отбывается в специальных помещениях при тюрьмах и обязательно сопровождается физическим трудом. Превентивный арест по УК 1912 г. не зачитывался вовсе в срок наказания, по УК 1928 г. зачитывался из расчета двух дней превентивного ареста за один день лишения свободы и по УК 1935 г. — день за день.

Лишение гражданских прав заключается в запрещении занимать должность на государственной службе, заниматься своей профессией и вообще в ограничении в 4 конституционных правах (участие в выборах, отозвание должностных лиц, инициатива, участие в референдуме) китайского гражданина. Конфискация применяется в качестве дополнительного наказания. Подлежат конфискации: предметы запретные, предметы, которые служили орудием совершения преступления, предметы, добытые преступным путем.

При освобождении судом от основного наказания конфискация имущества может быть все же сохранена (ст. 39).

В шестой главе содержатся правила о рецидиве. УК 1935 г. под рецидивом понимает совершение в течение пяти лет после отбытия или освобождения от наказания нового преступления (ст. 47). Наказание увеличивается при рецидиве на половину.

Седьмая глава содержит в себе правила применения наказания по совокупности преступлений. Правила почерпнуты из германского уголовного законодательства. При совокупности преступлений наказание повышается до половины высшего предела лишения свободы, назначаемого за одно из преступлений (ст. 56).

Восьмая глава посвящена правилам об усилении и смягчении наказания. Право усилить или смягчить наказание объявляется дискреционным правом суда (ст. 73). При определении наказания суд должен учесть: мотивы совершения преступления, его последствия, постороннее влияние на исполнителя, способ совершения, условия жизни исполнителя, поведение его, степень умственного развития, отношение к потерпевшему, опасность преступления и причиненные убытки, поведение после совершения преступления (ст. 57). При назначении штрафа подлежит учету и имущественное положение обвиняемого. Если обстоятельства, при которых совершено преступление, представляются суду смягчающими, то суд вправе снизить наказание по своему усмотрению (ст. 59). Исключением является наказание за разглашение служебной тайны, хотя бы и не относящейся к национальной обороне (ст. 132), подкуп избирателей (ст. 143), воспрепятствование участию в выборах (ст. 145), изготовление, хранение и перевозку взрывчатых веществ (ст. 186), убийство родственника по восходящей линии (ст. 272), неосторожное убийство (ст. 276), кражу (ст. 320), астрату (ст. 335), мошенничество (ст. 339), укравательство (ст. 340).

Лица, не достигшие 18 лет или старше 80 лет, не могут приговариваться к смертной казни или к пожизненному тюремному заключению. Недостигшие 18 лет за убийство родственника по восходящей линии могут быть

подвергнуты смертной казни и пожизненному тюремному заключению.

По образцу японского УК 1907 г. в случаях смягчения смертная казнь может быть заменена пожизненным тюремным заключением или на срок от 12 до 15 лет; пожизненное тюремное заключение — срочным от 7 лет; тюремное заключение на срок может быть сокращено на половину и в особо предусмотренных законом случаях — на две трети.

Главы девятая и десятая общей части УК 1935 г. содержат в себе постановления об условном осуждении и условно-досрочном освобождении. Постановления эти частично заимствованы из японского УК 1907 г. и ничем не отличаются от соответствующих постановлений УК 1928 г. Условное осуждение применяется в виде отсрочки исполнения наказания на срок от 2 до 5 лет. Оно может быть применено к приговоренным к тюремному заключению до 2 лет, аресту или штрафу. Условно-досрочное освобождение применяется по представлению директора тюрьмы высшими судебными властями к тем приговоренным к пожизненному тюремному заключению, которые отбыли 10 лет, а в остальных случаях к отбывшим половину срока. Непременным условием является установление признаков «исправления» (ст. 77).

Глава одиннадцатая содержит в себе правила погашения уголовного преследования давностью. Погашение давностью ранее не было известно уголовному законодательству Китая и до сих пор неизвестно гражданскому законодательству сегодняшнего Китая. Погашение давностью зависит от сроков наказаний, установленных для конкретных преступлений.

Глава двенадцатая общей части УК 1935 г. содержит в себе новые для китайского управления законодательства меры охраны («обеспечивающие меры»).

Применение мер охраны, чрезвычайной расширяющих репрессивные возможности наказания, является признаком фашизации юстиции соответствующей страны.

С такой оценкой обеспечивающих мер в китайском УК вынужден частично согласиться и китайский правовед доктор Хи Тай-ханг, признавая, что обеспечивающие меры примыкают к системе наказания¹.

Недостигшие 14 лет не наказуемы, но могут быть помещены в исправительный дом для перевоспитания и исправления. Достигшие 18 лет после отбытия наказания могут быть помещены в исправительный дом в тех же целях на срок до трех лет. Страдающие душевным расстройством могут быть помещены в специальные заведения сроком до трех лет. Наркоманы (курильщики опиума, морфинисты и кокаиновые, алкоголики) до отбытия наказания могут быть отправлены в специальные заведения на срок до шести месяцев (ст. 88). Нищенствующие, бродяжничающие, «отлынивающие от работы» могут быть помещены на срок до трех лет в специальные места для приучения к труду (ст. 90). Иностранцы, осужденные к тюремному заключению, после отбытия наказания или после освобождения от него подлежат высылке за пределы Китайской

¹ Z. f. St. W. 1934, 4 Heft, стр. 499.

республики. Меры охраны могут быть продолжены и сокращены по усмотрению суда в пределах установленных законом сроков (ст. 97).

Особенная часть китайского УК 1935 г. очень незначительно отличается от особенной части УК 1928 г. и находится под серьезным влиянием японского УК 1907 г.

Остановимся на преступлениях, которые наиболее ярко характеризуют социальные отношения на гоминдановской территории Китая и их классовую структуру.

В первой главе особенной части УК 1935 г. перечислены преступления против внутренней безопасности.

Посагательства на государственный строй, отторжение части территории или попытка сменить правительство караются срочным тюремным заключением от 7 лет. Руководители караются пожизненным тюремным заключением. Приготовление или участие в сговоре по поводу совершения этого преступления карается тюремным заключением от 6 месяцев до 5 лет (ст. 100). Те же деяния, сопряженные с повстанческими действиями, караются пожизненным тюремным заключением или тюремным заключением от 7 лет. Руководители караются смертной казнью или пожизненным тюремным заключением (ст. 101).

Глава вторая особенной части УК 1935 г. посвящена преступлениям против внешней безопасности (вовлечение в войну, отторжение части территории, служба в неприятельской армии и т. д.), которые караются смертной казнью или пожизненным тюремным заключением (ст. 103, 104, 105, 106 и 107). Покушение является наказуемым. Приготовление или сговор карается тюремным заключением от 3 до 10 лет.

Глава четвертая посвящена должностным преступлениям. Должностное лицо, предающее порученное ему дело, карается смертной казнью, тюремным заключением пожизненно или на срок не менее 10 лет (ст. 120). Должностное лицо, участвующее в иных преступлениях, карается по статьям, предусматривающим эти преступления, но с повышением наказания до половины (ст. 134). Взятничество карается тюремным заключением от 3 до 10 лет и штрафом до 10 тысяч иен (ст. 122). Вынесение несправедливого приговора в корыстных интересах вопреки закону карается тюремным заключением от 1 года до 7 лет. Злоупотребление судебно-следственной и исполнительной властью при превентивном аресте или исполнении наказания карается тюремным заключением от 1 года до 7 лет (ст. 125).

Главы пятая и седьмая посвящены преступлениям, препятствующим исполнению обязанности должностных лиц и направленным против общественного порядка. Насильственные действия против должностных лиц при исполнении ими своих законных обязанностей караются тюремным заключением до 3 лет или арестом и штрафом до 300 иен (ст. 135). Если в результате насильственных действий последовала смерть должностного лица, то наказанием является пожизненное тюремное за-

ключение и тюремное заключение от 7 лет. Надо отметить ст. 149, которая может быть использована в борьбе с революционной активностью масс. В ней указывается о том, что участники в толпе людей, собравшейся с намерением совершить насильственные действия, в случае отказа разойтись после трехкратного и более предупреждения со стороны представителя власти, подлежат наказанию в виде тюремного заключения до 6 месяцев. Руководители караются тюремным заключением до трех лет. Если толпа учинит насильственные действия, то участники караются тюремным заключением до 1 года, арестом или штрафом до 300 иен. Руководители и активные участники — тюремным заключением от 6 месяцев до 5 лет.

Отметим также, как УК 1935 г. охраняет «овещенную» частную собственность китайских капиталистов и помещиков. Разглашение профессиональной и торговой тайны карается тюремным заключением до 1 года или штрафом до 500 иен (ст. 315, 316). Подделка документа, исходящего от частного лица, карается тюремным заключением до 5 лет (ст. 210). Простая кража карается тюремным заключением до 5 лет (ст. 320). Квалифицированная кража (ночная, вооруженная, совершенная шайкой из трех и более человек) карается тюремным заключением до 7 лет (ст. 322). Виновный в краже у родителей может быть освобожден от наказания по их просьбе (ст. 324). Насильственное похищение (грабёж) карается тюремным заключением от 3 до 10 лет. Разбой карается тюремным заключением от 5 до 12 лет, а при отягчающих обстоятельствах (поджог, насилие, похищение людей с целью получения выкупа, убийства) — смертной казнью или пожизненным тюремным заключением (ст. 332). Пиратство карается пожизненным тюремным заключением, а при отягчающих обстоятельствах — смертной казнью (ст. 333). Растрата карается тюремным заключением до 7 лет и штрафом до 1000 иен (ст. 335). Мошенничество и злоупотребление доверием караются тюремным заключением до 5 лет (ст. 340 и 341). Повреждение или истребление чужого имущества карается тюремным заключением до 3 лет (ст. 350). Если при похищении или истреблении чужого имущества последовала смерть владельца, то это преступление карается тюремным заключением пожизненно или до 10 лет (ст. 353). Подделка мер и весов карается тюремным заключением до 6 месяцев, арестом или штрафом до 300 иен (ст. 206).

Следует отметить также, как караются посагательства на жизнь. Убийство карается смертной казнью, пожизненным тюремным заключением или тюремным заключением от 10 лет. Покушение наказуется. Приготовление карается двухлетним тюремным заключением (ст. 271). Убийство родственников по прямой восходящей линии карается смертной казнью или пожизненным тюремным заключением. Покушение и приготовление наказуемы (ст. 272). Детоубийство, совершенное во время родов или немедленно после них, карается тюремным заключением от 6 месяцев до 5 лет. Покушение наказуется (ст. 274). Подстрекательство к самоубийству, помощь при самоубийстве или убийство по требованию или с согласия по-

терпевшего карается тюремным заключением от 1 года до 7 лет (ст. 275). Неосторожное убийство карается тюремным заключением до двух лет; арестом или штрафом до 2 тысяч иен (ст. 276). Неосторожное убийство, причиненное при исполнении профессиональных обязанностей, карается тюремным заключением до 5 лет, арестом или штрафом до 3 тысяч иен.

Производство аборта по просьбе женщины и с ее согласия карается тюремным заключением до двух лет. Если в результате аборта последовала смерть, то наказание от 6 месяцев тюремного заключения до 5 лет (ст. 289). Производство аборта без согласия женщины карается тюремным заключением от 1 года до 7 лет, а при смертном исходе—тюремным заключением пожизненным или срочным, минимум 7 лет. Продажа женщины в целях наживы для разврата карается тюремным заключением от 1 до 7 лет (ст. 298). Половое сношение путем психического или физического насилия карается тюремным заключением до 5 лет. Это же деяние, учиненное двумя или более лицами, карается пожизненным тюремным заключением или тюремным заключением от 7 лет (ст. 222). Мужеложство путем физического или психического насилия карается тюремным заключением до 7 лет. Запрещенное половое сношение с девочкой, не достигшей 14 лет, карается тюремным заключением от 1 года до 7 лет, с девочкой от 14 до 16 лет—тюремным заключением до 5 лет (ст. 227). Побуждение с целью наживы к разврату женщины из «почтенной» семьи карается тюремным заключением до 3 лет. Нарушение «супружеской верности» карается тюремным заключением до 1 года, а партнер—тем же наказанием (ст. 238). Дело возбуждается только по жалобе другого супруга и может окончиться примирением сторон.

Применение опиума и иных наркотиков без цели наживы карается штрафом до 5000 иен, а с целью наживы путем содержания специальных курилен — тюремным заключением от 1 года до 7 лет и штрафом до 1000 иен (ст. 259).

Курильщики опиума и употребляющие иные наркотики караются тюремным заключением до 6 месяцев, арестом или штрафом до 500 иен (ст. 262).

Закон 1928 г. о наказуемости нарушений полицейских правил состоит из 53 статей, изложенных в девяти главах. Несовершеннолетние до 14 лет не подвергаются наказанию, но к ним могут применяться обеспечивающие меры. Основными наказаниями за нарушения полицейских правил являются: аресты до 2 месяцев, денежные штрафы и высылка. Дополнительным наказанием является запрещение торговли. По отбытии половины срока обнаруживший «признаки исправления» может быть досрочно освобожден. Закон содержит в себе перечень нарушений общественной тишины, порядка, правил о народном здравии, охране личности и частной собственности. Заслуживает интереса полицейская наказуемость нарушения врачом правил оказания неотложной помощи.

Из действовавших до 1 апреля 1935 г. ис-

ключительных законов часть была использована при составлении УК 1935 г. Заслуживает интереса сохранивший силу в качестве самостоятельного исключительного закона закон 31 марта 1931 г. о «наказуемости лиц, угрожающих опасности республике».

Закон этот был издан в отмену закона 7 марта 1928 г. о борьбе «против контрреволюционных махинаций».

По закону 7 марта 1928 г. контрреволюционерами объявлялись все, кто был не согласен с диктатурой гоминдана.

Закон 31 марта 1931 г. имеет отчетливый политический характер и направлен против коммунистического движения. Закон состоит из 11 статей, которые можно расчленить на следующие группы: 1) статьи, в которых указываются отдельные действия, подлежащие наказанию по этому закону, и меры наказания (ст. 1—6), 2) статьи процессуального характера (ст. 7—8) и 3) статьи, в которых разрешаются частные вопросы, связанные с применением настоящего закона (ст. 9—11).

В первой группе статей перечисляется применение смертной казни ко всем тем, кто в целях посягательства на республику нарушает общественную тишину и порядок, конспирирует с иностранными государствами, состоит в связи с повстанцами или побуждает солдат к дезертирству и грабежу (ст. 1). Смертной казнью или пожизненным тюремным заключением караются те, кто в тех же целях склоняет других лиц к нарушению общественного порядка или к связи с повстанцами, кто в письме или словесно ведет пропаганду к ниспровержению государственного строя. Пожизненным тюремным заключением или тюремным заключением до 10 лет караются те, кто согласился быть вовлеченным в ряды повстанцев или кто совершил дезертирство. Недоносительство карается тюремным заключением не ниже 5 лет. Донесший может быть подвергнут смягченному наказанию или освобожден от наказания вовсе. Тюремным заключением от 5 до 15 лет караются организаторы объединений или устроители собраний, имеющих целью посягнуть на республику или пропагандировать теории, противоречащие принципам Сун Ят-сена (ст. 6). Во второй группе перечисляются процессуальные правила, из которых видно, что дела по этому закону подсудны исключительно судам, состоящим из окружного начальника и двух судей. Приговор должен быть переслан военным властям и может быть приведен в исполнение по утверждении последними. В случаях, не предусмотренных настоящим законом, действуют общие положения УК.

Срыв гоминданом единого национального фронта, подавление массового движения китайского народа всеми имевшимися в распоряжении гоминдановского правительства средствами, в том числе и при помощи созданного им реакционного уголовного законодательства, посеяли и укрепили в китайских народных массах чувство недовольства теми, кто изменил заветам Сун Ят-сена.

Только единый национальный фронт может изменить уголовное законодательство Китай-

ской республики в сторону не подавления народных масс в интересах капиталистов и помещиков, как это имело место сегодня, а в сторону борьбы с врагами народа и для внедрения внутренней дисциплины в народные массы.

И. Я. САПГИР.

Уголовное законодательство фашистской Италии

Уголовная политика фашистской Италии является выражением общей ее политики. Последняя же охарактеризована в следующих словах товарища Сталина: «Шовинизм и подготовка войны, как основные элементы внешней политики, обуздание рабочего класса и террор в области внутренней политики, как необходимое средство для укрепления тыла будущих военных фронтов, — вот что особенно занимает теперь современных империалистических политиков». Все уголовное законодательство фашистской Италии определяется этой целью, призвано служить «обузданию рабочего класса», оголтелому террору в отношении антифашистских и революционных деятелей, «укреплению тыла военных фронтов», для фашистской Италии уже не будущих, а настоящих (Абиссиния, интервенция в Испании).

Уголовный кодекс фашистской Италии был утвержден 19 октября 1930 г. и вступил в действие 1 июля 1931 г. одновременно с фашистским уголовно-процессуальным кодексом.

Ни уголовный, ни уголовно-процессуальный кодексы нельзя изучать в отрыве от итальянского фашистского исключительного законодательства.

Изданный еще в 1926 г. в силу особого полномочия, предоставленного правительству, и переизданный в 1931 г. в порядке согласования с уголовным кодексом кодекс полиции безопасности («единый текст закона общественной безопасности») привели к тому, что даже некоторые фашистские правоведы вынуждены признать «чрезмерное расширение полицейского права за счет уголовного». «Полицейское право прозито уничтожить признанные в кодексе Рокко и подтвержденные основные положения об объеме притязаний государства на наказание. В результате создается второе, невидимое уголовное право, построенное целиком на понятии опасности» (Гунар Дибвад).

При ознакомлении с этим «вторым, невидимым уголовным правом» особенно ярко выступает здание полицейского произвола, фасад которого образуют фашистские суд и прокуратура, становится очевидным переход к методам прямой полицейской расправы.

Итальянское фашистское уголовное право эклектично. Оно сочетает положения буржуазных школ — классической и антрополого-позитивной или социологической. В нем мы находим как начала «моральной ответственности», влекущей за собою наказание-возмездие-искупление-устрашение, так и принцип «социальной опасности», влекущий за собою «меры социальной защиты». Именно этот принцип «социальной опасности» и «меры социальной защиты» объединяют кодекс полиции без-

опасности и фашистский уголовный кодекс, помогают координировать деятельность полиции безопасности с деятельностью судебно-прокурорских органов, заставляя судебно-прокурорские органы идти на поводу у полиции безопасности.

Это же вынужден признать тот же Гунар Дибвад в своей работе («Теория и практика фашистской пенитенциарии»). «Необходимо признать, — пишет он, — что меры социальной защиты, введенные в уголовный кодекс, по сравнению с мерами социальной защиты, которые предусматривает кодекс полиции безопасности, не имеют собственного содержания и собственной цели. Между полицейскими мерами безопасности и теми, о которых идет речь в уголовном кодексе, разницы нет, если не считать, что последние снабжены несколько большими гарантиями».

В каком порядке принимаются меры социальной защиты полицейского характера и против кого направлены эти меры, мы увидим в дальнейшем. Что касается мер социальной защиты, которые включены в уголовный кодекс, то и в отношении их уголовно-процессуальный кодекс предписывает упрощенное производство, причем суд (или особый «судья по надзору») и прокурор только «оформляют» требования полиции безопасности.

Полиция безопасности развивает большую активность по вмешательству во все стороны судебной жизни. От ее характеристик зависит применение мер безопасности, когда эти меры применяются судебными органами, от ее характеристик зависит и возможность реабилитации, — полиция безопасности составляет основное ядро судебной полиции, работающей в теснейшем контакте с прокуратурой и пр.

Таким образом, с одной стороны, нельзя изучать оба фашистских кодекса — уголовный и уголовно-процессуальный — вне их связи с кодексом полиции безопасности. С другой стороны, оба кодекса нельзя изучать вне их связи еще с одним исключительным законом — законом по охране государства. Этот закон определил характер уголовного кодекса в его наиболее существенной с точки зрения интересов фашистского «правосудия» части, именно в той, которая касается преступлений против «личности государства». Далее закон об охране государства существенно ограничил рамки применения фашистского уголовно-процессуального кодекса, сделал этот кодекс применимым только в общих судах и неприменимым в чрезвычайном (особом) трибунале для охраны государства.

Вот почему наш очерк об уголовном законодательстве фашистской Италии нам придется разбить на три части. В первой части мы даем характеристику исключительного законодательства Италии, поскольку это необходимо для понимания фашистского уголовного кодекса, во второй — характеристику основных установок фашистского уголовного кодекса (т. е. общей его части), а в третьей — характеристику особенной его части.

Таким образом нам теперь необходимо обратиться к анализу исключительного законодательства фашистской Италии.

В сборнике, изданном германским «Институтом по изучению иностранного публичного

права и международного права» (Берлин, 1928 г.) и посвященном исключительному законодательству «главнейших капиталистических стран, авторы пишут, что «с момента победы фашизма в Италии широко распространено мнение, особенно за границей, что Италия находится под длительной властью исключительного положения, каким является фашистский режим». Авторы, настроенные благоприятно к итальянскому фашизму, конечно, с такой характеристикой этого режима не согласны. Между тем эта характеристика совершенно справедлива. Она справедлива для периода с момента прихода фашизма к власти в Италии до 1925—1926 гг., когда «правящая уголовщина», не заботясь о сохранении видимости закона и права, громила рабочие и революционные организации, когда по стране катилась волна террора и внесудебных расправ. Она справедлива и для периода после 1925—1926 гг., когда, не прекращая внесудебных расправ, эта «правящая уголовщина» пыталась вместе с тем волну беспощадного массового террора ввести в русло исключительного законодательства.

Мы говорим об исключительном законодательстве в трех отношениях: 1) это законодательство исключительно потому, что оно нарушало итальянскую конституцию, 2) оно исключительно по способу своего издания и 3) оно исключительно потому, что, острем своим прямо направленное против широких трудящихся масс Италии, против рабочего и революционного движения, против антифашистских деятелей, оно осуществляет террор с исключительной жестокостью.

Прежде чем обратиться к кодексу полиции безопасности, который будет нас интересоваться в первую очередь как документ, обнажающий фундамент фашистской репрессии, а также к исключительному закону об охране государства, мы дадим краткую характеристику движения исключительного законодательства в Италии.

В момент прихода фашизма к власти в Италии (октябрь 1922 г.) действовали: 1) уголовный кодекс 1889 г. (кодекс Ценарделли), построенный на принципах буржуазной классической школы уголовного права, с введением которого отменялась в Италии смертная казнь, и 2) уголовно-процессуальный кодекс 1913 г. Для наиболее серьезных политических и уголовных дел сохранялся суд с участием присяжных заседателей.

Это законодательство, конечно, никак не могло удовлетворить итальянский фашизм. Не стал законом также изданный в 1921 г. проект Ферри, известный под именем уголовного кодекса без вины и наказания. Проект исходил из принципа «легальной ответственности» и «социальной опасности», упразднил понятие «исменяемости» и заменял наказание «мерами социальной защиты» или санкциями. Проект не пошел дальше составления первой книги, являвшейся общей частью кодекса и состоявшей, кроме «предварительных замечаний», из трех разделов: 1) преступление, 2) преступник и 3) санкция. Однако этот проект оказал огромное влияние на фашистский уголовный кодекс 1930 г., который не воспринял целиком идеи Ферри, а стал на путь эклектизма.

В области государственного устройства в момент прихода фашизма к власти действовала так называемая конституция короля Альберта. Эта конституция была введена в Сардинии-Пьемонте еще в 1848 г. и после объединения Италии в 1861 г. была провозглашена конституцией итальянского королевства. Эта конституция не предусматривала возможности введения чрезвычайного положения. Создание исключительных судов было прямо запрещено ст.ст. 70 и 71 названной конституции.

Таково было положение вещей в момент прихода фашизма к власти в Италии. Никакого исключительного положения объявлено не было, но сам фашистский режим явился таким «исключительным положением». Террор осуществлялся по линии форменных погромов, налетов, убийств, нападений, внесудебных расправ. Продолжал действовать суд присяжных, но противников режима не предавали суду, с ними прямо расправлялись без суда, и основная забота правительства сводилась к тому, чтобы создать безопасность для фашистских налетчиков, погромщиков и бандитов, а также освободить тех, кто попал в тюрьму при прежнем правительстве. Одна за другой последовали три амнистии, направленные на то, чтобы эти фашистские молодчики поскорее получили свободу. Первая амнистия от 22 декабря 1922 г. (она была выработана министром Овильо) покрывала все преступления, включая убийство, если они были совершены в «национальных интересах». Вторая амнистия последовала вскоре после первой — 31 октября 1923 г., а третья — 31 июля 1925 г.

Быстрым темпом шла фашизация государственного, фашизация судебного аппарата. Одним из первых шагов фашистского правительства было упразднение высшего совета магистратуры; принцип «несменяемости судей», для обхода которого и прежде итальянское судоустройство оставляло многочисленные лазейки, был окончательно обращен в прах: министр юстиции стал по своему усмотрению перемещать и увольнять судей.

Что касается сменяемой прокуратуры, то тут подбор нужных людей шел полным темпом. Особенно тщательно подбирались генерал-прокуроры апелляционного суда (в руках которых впоследствии фашистский уголовно-процессуальный кодекс 1930 г. сосредоточил чудовищные по своему объему полномочия). Список присяжных заседателей «очищался» от негодных фашизму лиц. Суд, присяжные, защитники, свидетели подвергались запугиванию, а защитники и свидетели иногда прямому насилию. В Италии ходячей фразой стало: «Фашист может рассчитывать на безнаказанность». Это значило, что если расправа совершена по приказу фашистской власти или заслужила последующее одобрение, эта самая власть вступает, чтобы помешать полиции, жандармерии или магистратуре возбудить преследование против виновных.

«Неизвестное лицо», по терминологии судебного-прокурорских и полицейских органов, — это фашист, который совершает налет, ограбление, убийство в полной уверенности, что он останется безнаказанным. Убийцы Matteotti тоже стали бы «неизвестными лицами», если бы номер их автомобиля не был замечен при-

вратником дома, около которого они поджидали намеченную к похищению жертву.

В этот период толпы людей, носящих фашистский значок, наводняли суды, угрожая судьям и присяжным, избивая защитников и свидетелей, нападая на закованных в наручники антифашистских заключенных. Свидетели бывали до такой степени запуганы, что они боялись что-либо «припомнить» и отказывались от ранее данных показаний, если они сводились к изобличению фашистских дружинников. Сальвемини рассказывает такой случай. Во время процесса фашистских провожатиков, совершивших 4 октября 1925 г. налеты во Флоренции, один из свидетелей обвинения на вопрос председателя, опознает ли он кого-либо из подсудимых, ответил отрицательно, даже не бросив взгляда на скамью подсудимых. Смущенный председатель под хохот всего зала заметил свидетелю: «Вы хотя бы повернули голову и посмотрели в ту сторону, где сидят обвиняемые».

В таком составе и в такой обстановке работали суды.

Для разгрома рабочего движения, кроме методов внесудебной расправы, пользовались старыми законами, в которые более или менее секретные инструкции вкладывали новый, извращенный, желательный смысл, и суды покорно подчинялись данным им директивам. Приведем некоторые примеры. Ст. ст. 248 и 251 уголовного кодекса 1889 г., каравшие за участие в преступных сообществах и за подстрекательство к неповиновению закону (ст. 248 предусматривала наказание исправительным домом от 1 года до 5 лет, а при отягчающих обстоятельствах от 3 до 10 лет), начали применяться к различным рабочим организациям, которые стали квалифицироваться как преступные. Под предлогом борьбы с франкмасонством в 1925 г. был издан закон о «тайных обществах», и правительство не постеснялось под тайные сообщества подвести организации МОПР. В начале 1925 г. фашистское правительство извлекло из забвения ст. 3 старого закона о провинциях и общинах, дававшую префекту право запретить любую газету, которую он признает «опасной для общественного порядка».

Оппозиционная пресса была окончательно раздавлена в декабре 1925 г. В том же 1925 г. был издан закон (впоследствии вошедший в уголовный кодекс 1930 г.), устанавливавший суровые кары за «посягательство на честь или достоинство главы правительства». Немедленно последовали многочисленные обвинительные приговоры, присуждавшие к 6, 9 и 12 месяцам заключения и даже к заключению на более длительные сроки (в ст. 282 фашистского уголовного кодекса наказание назначается уже от 1 года до 5 лет исправительного дома).

Годы 1925—1926 были годами лихорадочно-го законодательного вооружения фашистского кулака. Шло сосредоточение власти в руках главы правительства. Право издания законов передается исполнительной власти. Появляются так называемые «декрети-ледже» («декреты-законы»), для которых, правда, требуется последующее утверждение законодательных палат, но которые вступают в действие немедленно.

С другой стороны, для некоторых законодательных актов палаты заранее уполномочивают на их составление правительство, создавая вместе с тем упрощенный порядок для их утверждения.

Именно в этом последнем порядке законом от 24 декабря 1925 г. фашистское правительство было уполномочено на составление уголовного и уголовно-процессуального кодексов, а также судеустройственных законов. Особое полномочие правительство также получило, как мы видели, на составление кодекса полиции безопасности. (Ср. «закон о полномочиях и прерогативах главы правительства, первого министра, государственного секретаря» от 24 декабря 1925 г., закон от того же числа, уполномочивающий на составление кодексов, «закон о праве исполнительной власти издавать юридические нормы» от 31 января 1926 г. и др.).

3 апреля 1926 г. был издан закон о «правовой организации трудовых коллективных отношений», закладывавший фундамент «корпоративного государства» (ср. также изданную 21 апреля 1927 г. «хартию труда»), но одновременно воспрещавший стачки рабочих под угрозой суровых репрессий.

В ноябре 1926 г. фашистское правительство объявило все оппозиционные партии нелегальными.

6 ноября 1926 г. был издан кодекс полиции безопасности, 25 ноября 1926 г. был издан закон об охране государства. На этих двух последних исключительных законах мы остановимся несколько подробнее. Вместе с тем нам станет ясным, почему фашистское правительство после издания всех этих исключительных законов могло не очень торопиться с реформой обоих кодексов — уголовного и уголовно-процессуального и положения о судеустройстве.

Прежде чем подвергнуть анализу кодекс полиции безопасности, скажем несколько слов о том, что собою представляет полиция безопасности. Полиция безопасности — этот филиал национальной милиции — является вновь созданной фашизмом охранной политической полицией. Фашистский режим считает национальную милицию более надежной опорой, чем армию, и возлагает на нее, а особенно на ее филиал — полицию безопасности — основную задачу по охране фашистской диктатуры в стране. Постановление фашистского большого совета от 26 июля 1929 г. отмечает, что «милиция является организацией политической полиции в крупном масштабе». Мы уже указывали, что полиция безопасности составляет основное ядро также судебной полиции, полномочия которой в области производства арестов, дознаний и даже следственных действий значительно расширены фашистским уголовно-процессуальным кодексом 1930 г.

Изданный 6 ноября 1926 г. кодекс полиции безопасности вообрал в себя все фашистские законы, уничтожавшие свободу печати, союзов, собраний и пр., и вооружил полицию безопасности чудовищными полномочиями по борьбе с неугодными фашистскому режиму лицами и по применению к ним «мер безопасности».

Кодекс полиции безопасности разбива-

ются на следующие разделы: 1) о полицейских мероприятиях и их исполнении, 2) положения, касающиеся общественного порядка и спокойствия, 3) положения, касающиеся зрелищ, публичных представлений, агентств, типографий, афиш, разносчиков, рабочих и служащих, 4) положения о частной охране и частных сыскных конторах, 5) об иностранцах, 6) положения, касающиеся лиц, опасных для общества, 7) о институтах, 8) об обществах, союзах и организациях, 9) о состоянии общественной опасности и о состоянии войны, 10) постановления заключительные и временные.

Впервые в Италии были введены «идентификационные карточки», которые обязаны иметь все лица старше 15 лет. Каждое «подозрительное» лицо (а определение «подозрительности» вполне предоставлено произволу полиции) должно, кроме того, иметь на своей идентификационной карточке дактилоскопические отпечатки. О каждом «подозрительном» или «опасном» лице сообщается в министерство внутренних дел, которое составляет бесконечные описки этих лиц.

Суровые полицейские мероприятия предусмотрены кодексом для «неблагонадежных» и «опасных».

Что же это за категория «опасных» и какие права предоставлены полицией для расправы с ними?

Там, где кодекс полиции безопасности говорит о праве полиции безопасности применять ссылку, он расшифровывает с полной ясностью понятие «опасных». Речь идет в этом случае о «политически-неблагонадежных», о лицах, неугодных фашизму или опасных для него.

Принудительное административное интернирование знал и старый кодекс полиции безопасности 1889 г., но только для праздношатающихся, торговцев белыми рабами и привычных алкоголиков.

Между 1915 и 1921 гг. количество таких интернированных ежегодно колебалось от 136 до 152 человек.

Кодекс полиции безопасности 1926 г. создал новый класс нарушителей, которых можно интернировать, а именно: «всех тех, которые совершили или обнаружили обдуманное намерение совершить деяния, разрушительные для общественного, экономического или национального порядка, или способные уменьшить безопасность государства, а также лиц, которые мешают действиям или критикуют действия государственных властей опосредом, могущим принести ущерб национальным интересам в зависимости от внутренней или внешней ситуации данного момента». Из этой растяжимой формулы видно: 1) что речь идет именно о политически-неугодных для фашизма лицах и 2) что эти лица могут быть интернированы, хотя бы они не совершили никакого преступного деяния. В чем заключается интернирование и какой характер оно носит—это мы сейчас увидим.

Мерами социальной защиты, которые предусматривает кодекс полиции безопасности, являются: 1) выражение «недоверия», 2) предупреждение (выговор), сопровождающееся подлинным надзором полиции в самой тягост-

ной форме, и 3) наконец, принудительное интернирование.

Предупреждение может перерасти в интернирование и обыкновенно перерастает. Однако политически-неугодные для фашизма лица, подпадающие под приведенную выше формулу, подвергаются интернированию без предварительного предупреждения.

Что касается тех, кто может быть интернирован только после полученного предварительного предупреждения, то круг этих лиц значительно шире, и в этом случае «политически-неблагонадежные» сознательно помещаются в одну категорию с привычными пьяницами, с рецидивистами, с лицами, страдающими различными болезнями, сутенерами и пр., чтобы можно было их уравнять при применении репрессивных мер также в смысле режима. Общим для всех этих лиц, нарочно отнесенных в одну группу, является то, что об их опасности должна свидетельствовать «народная молва». Ссылка на «народную молву» упоминается в статье кодекса, которая уполномочивает полицию принимать меры безопасности и в тех случаях, когда обвиняемый в преступлениях против «личности государства», против общественного порядка или совершенных с помощью взрывчатых веществ будет оправдан по недостатку доказательств или дело о нем будет прекращено по тем же основаниям в стадии предварительного расследования.

Право выражать «недоверие» имеет префект полиции, и выражение недоверия является началом неизбежного длительного пути мучений, которые должен пройти тот, кому это недоверие выражено. Предупреждение (выговор) с полицейским надзором и интернирование выносятся административной комиссией, состоящей из пяти лиц: трех полицейских, представителя прокуратуры и одного члена фашистской партии. Лицо, получившее предупреждение, подвергается подлинному полицейскому надзору. Он получает специальную книжку, куда заносятся все предписания, которыми он должен следовать. Предписания эти делятся на такие, которые указаны в самом кодексе, и на такие, которые угодно избобрести самой полиции безопасности. К первой категории относятся следующие предписания: получившему предупреждение нельзя переменить места жительства без предварительного о том уведомления полиции. Ему предписывается «жить честно, уважать законы, не давать поводов к подозрению», не принимать участия в общественных собраниях, не выходить из дому ранее и не возвращаться домой позднее установленного часа, не носить оружия и пр.

Срок такого политического надзора—два года. Обыкновенно предупреждение влечет за собою с неизбежностью интернирование, являясь только ступенью к нему. Нарушение указанных правил влечет за собою арест от 3 месяцев до 1 года (не предвешая возможности дальнейшего присуждения к интернированию).

Если получивший предупреждение будет приговорен судом за какое бы то ни было деяние к лишению свободы, то по отбытии наказания к нему применяется мера безопасности в виде надзора (ст. 215, 228—232 фашистского уголовного кодекса), если суд не выберет более суровой меры безопасности.

Что же такое интернирование (конфино)? Интернирование — это назначение принудительного местожительства (домичилио коатто). Эта мера назначается от 1 года до 5 лет и отбывается в колонии или общине, не являющейся местом жительства интернируемого.

Назначив эту меру безопасности, комиссия имеет право немедленно взять под стражу интернируемого.

Место принудительного жительства устанавливает министр внутренних дел. Местами принудительного жительства для политических устанавливаются «ужасные острова смерти и безумия»: Липари, Лампедуза, Уstica, Фавиньяна, Пантеллерия (все вблизи Сицилии) и Понца и Вентотене (вблизи Неаполя).

При этом «политически-неблагонадежные» пользуются своеобразной «привилегией» (privilegio odiosa): в то время как для остальных категорий «опасных» требуется, чтобы они подверглись предупреждению, прежде чем им будет назначено интернирование, для политических такого предупреждения не нужно — они могут прямо быть присуждены к интернированию.

В виде тяжкого «привеска» к интернированию устанавливается обязательный труд, каким на практике является труд физический. Это — новшество фашистского кодекса полиции безопасности. Соответствующие статьи кодекса полиции безопасности делают необязательными для комиссии допрос интернируемых и предъявление им обвинения. Интернируемый часто узнает о примененной к нему ссылке, когда прибывает на место интернирования.

Мы имеем многочисленные описания тех ужасающих условий, в которых живут, а чаще погибают интернированные политические. Такие описания дает профессор социологии Натаниэль Кантор (Буффало, США) и даже кое-что выбалтывает германский правовед Гунар Дибвад, которому итальянское правительство дало разрешение посетить один из островов, являющихся местом интернирования.

Приведем сначала некоторые факты, сообщаемые Н. Кантором.

Прежде всего Кантор показывает, как мало требуется для того, чтобы человек очутился на одном из «островов смерти и безумия». Второе, невидимое уголовное право, о котором говорит Гунар Дибвад, выступает во всей своей «красе».

В 1929 г. на остров Липари был интернирован человек, на которого его деловой конкурент донес, что он коммунист, между тем как этот человек никогда не интересовался политикой.

Про бедного фермера, не знающего ничего о коммунизме, местный полицейский чиновник, находившийся в связи с его женой, донес, что он коммунист. Фермер был направлен на остров Липари.

Двадцать жителей Монтеротондо (близ Рима) были сосланы на Липари за то, что они присутствовали на похоронах одного рабочего, хорошо известного как социалиста. Среди этих двадцати имелось две женщины (родственницы покойного).

Доктор Розелли, автор книги «Манцини и Бакунин», был арестован и без всякого интер-

нирован в Устике летом 1927 г., в то время как «Общество истории Возрождения» присудило ему премию за его книгу.

Нередко политические подвергаются интернированию немедленно после того, как они бывают оправданы судом. Тот же Кантор приводит следующий факт: в сентябре 1927 г. Этторе Альбини, Франческо Спирито, Эмилио Амелио и Джакомо Оча, после того как они были оправданы судом в Савонне по делу о содействии побегу из Италии Филиппо Турати, лидера социалистов-реформистов, были немедленно же отправлены из тюрьмы: первые трое — на остров Липари, четвертый — на остров Устику.

Д-р Карло Розелли и проф. Ферричило Парри, после отбытия десятилетнего заключения за содействие побегу Турати, вместо освобождения были интернированы на остров Липари.

Интернированных перевозят в наручниках в специальных тюремных вагонах. Ночи они проводят в пересыльных тюрьмах, закованные в цепи по 4 человека, часто без пищи, в тесноте переполненных камер.

На месте ссылки заключенные живут в специальных бараках, лишенных элементарных удобств. Они обязаны возвращаться в бараки до захода солнца. Помимо нездорового климата (малярия) заключенные страдают от недоедания. Посылки и передачи запрещены. Муссолини в речи, произнесенной 18 декабря 1930 г., определил «экзистенц минимум» для рабочих в 8 лир на человека. Интернированным ассигнованная на содержание сумма снижена с 10 до 5 лир на каждого. На жену добавляется лира и пол-лиры на каждого ребенка.

Лагерь, определяющий «свободу» передвижения интернированных, чаще не более 1/2 квадратной мили. В июне 1933 г. на острове Понца на 320 интернированных приходилось 600 человек администрации. Письма просматриваются. Книга почти нет. Среди запрещенных книг А. Франс; Л. Толстой, Вольтер. Администрация груба и придирчива, дело доходит до избиений, жаловаться некому. Политические вынуждены терпеть общество уголовников-рецидивистов. Три раза в день в определенные часы интернированные обязаны являться в полицию. Опоздание на одну минуту влечет за собою три месяца тюрьмы. Издеваясь над своими жертвами, полиция нередко переставляет часы, чтобы создать повод для репрессий.

Германский правовед Гунар Дибвад, несмотря на сухость своего описания, дает в общем ту же картину положения интернированных, что и Натаниэль Кантор. Он посетил остров Вентотене и пишет: «Вентотене — остров небольшого размера к западу от Неаполя, принадлежащий к Понтийской группе островов. Интернированные (в Вентотене исключительно из числа политических) живут частью в старом замке, частью в расположенных отдельно бараках. Оба здания снаружи и внутри безусловно производят впечатление тюрьмы (разрядка моя — А. Б.). В этих зданиях интернированные должны находиться от 8 часов вечера до 7 часов утра. В 8 часов утра они идут за получением своего

содержания и для проверки в полицию (на содержание они получали сначала 10 лир, теперь 5 лир). В 2 часа дня и в 7 часов вечера снова обязательно посещение полиции. Обед имеет место за общими столами... Свободное распоряжение своим временем оильнейшим образом стеснено рядом специальных предписаний, которым интернированные должны следовать. Директор колонии уполномочен по своему усмотрению издать специальные предписания, обязательные для интернированных, если они вносятся в книжку, которой снабжен каждый интернированный. В Вентотене я прочел в этих книжках между прочим следующие предписания: не играть в карты, не собираться в количестве более трех человек, не встречаться с женщинами, находящимися в деревне. Прогулки внутри острова или к берегу запрещены. На 70 интернированных приходится 71 служащий. Передвижение совершается в наручниках и группами по 4 человека «жобанных цепями».

Гунар Дибвад добавляет: «В противоположность Новелли, необходимо прийти к выводу, что налицо подлинное заключение, подлинное и ничем не прикрытое лишение свободы». Гунар Дибвад не видит никакой разницы между мерами социальной защиты, которые введены в фашистский уголовный кодекс, и теми, которые предусматривает кодекс полиции безопасности, больше того, не видит никакой разницы между мерами социальной защиты и наказанием.

Кодекс полиции безопасности необходимо изучать в его неразрывной связи с фашистским уголовным кодексом. Кодекс полиции безопасности обращает в ничто один из основных конституционных принципов буржуазной формальной демократии о том, что «никто не может быть наказан иначе, как в силу закона, установленного и опубликованного раньше преступления», как это выражено в декларации прав гражданина и человека 1789 г., хотя этот принцип лицемерно повторен и в ст. 1 фашистского уголовного кодекса. Меры безопасности применяются в отношении лиц, не совершивших никакого преступления, — без суда, в порядке простого полицейского усмотрения. Меры безопасности применяются и в отношении оправданных. Что касается мер безопасности, предусмотренных уголовным кодексом, то они, правда, применяются только к лицам, совершившим определенное преступное деяние, но могут быть приняты до приговора, вне связи с приговором и даже в случае оправдания. При принятии мер безопасности суд и прокуратура действуют в тесном контакте с полицией безопасности.

В интересах полноты характеристики кодекса полиции безопасности нам необходимо в заключение остановиться на его IX разделе, который говорит о «состоянии общественной опасности и о состоянии войны» (ст. ст. 219—224). Как мы уже указывали, этим разделом впервые в Италии легализуется возможность введения исключительного положения.

Фашистский кодекс полиции безопасности не употребляет термина «осадное положение» и придает термину «состояние войны» совершенно новое значение.

«Состояние общественной безопасности» объ-

являет министр внутренних дел с согласия главы правительства и даже в порядке делегации префект путем издания соответствующего декрета. Префект в случае «неотложности» может предпринять по своему усмотрению любые мероприятия «для охраны порядка и общественной безопасности». После объявления «состояния общественной опасности» полиция получает право арестовывать любое лицо и держать его в заключении без ограничения срока, если она считает это необходимым для восстановления «порядка». Министр внутренних дел получает право, если «состояние общественной опасности» объявлено для всего государства, издавать распоряжения в противоречии с любыми законами под предлогом требования о восстановлении «порядка». Нарушители этих постановлений подвергаются аресту и наказываются в административном порядке заключением на срок не ниже года (предельный срок не указан), если они не подлежат более серьезному наказанию по уголовному закону. Тем же наказаниям подвергается лицо, нарушившее издаваемые префектом распоряжения. «Состояние войны» объявляется министром внутренних дел с согласия главы правительства и даже префектом в порядке делегации, когда они признают необходимым призвать военные силы для защиты «порядка». В этом случае распоряжения, о которых говорилось выше, выпускаются военным командованием. Нарушители подвергаются тем же наказаниям, о которых мы говорили выше.

Лица, совершившие преступления против «государства-лица», против порядка управления, против общественного порядка, против личности или имущества, судятся военным судом, если эти преступления совершены во время объявленного состояния войны или во время предшествовавшего такому объявлению «состояния общественной опасности».

6 ноября 1926 г. был утвержден кодекс полиции безопасности, а 25 ноября 1926 г. был издан закон о защите государства. Кодекс полиции безопасности — это подлинный кодекс политического бесправия итальянских граждан. Закон об охране государства — это введение во внешне «легальные» формы самого оголтелого фашистского террора.

Закон об охране государства 1) вводил смертную казнь за ряд политических преступлений, составы которых устанавливались в тексте самого закона, после того, как она в течение 27 лет была отменена в Италии, и 2) создавал чрезвычайный трибунал для охраны государства, военный по своему составу, с применением в нем военных судопроизводственных законов, изданных для времени войны.

Закон об охране государства был введен как исключительный и временный закон на пять лет. На пять лет был учрежден и чрезвычайный трибунал по охране государства. Действие чрезвычайного трибунала два раза отсрочивалось на пять лет, причем один раз вскоре после упразднения суда присяжных и замены его судом с assessорами, а второй раз совершенно недавно — королевским декретом от 15 декабря 1936 г. № 2136 («Газетта уффициале» от 26 декабря 1936 г. № 298). Недаром сенатор Сильвио Донги, восхваляя чрезвычай-

ный трибунал за его «заслуги» перед фашистским режимом, предлагал из чрезвычайного и временного сделать это судилище нормальным и постоянным, как нормальной стала та часть закона от 25 декабря 1926 г. об охране государства, которая вводила новые составы политических преступлений и применение смертной казни, поскольку она была воспринята фашистским уголовным кодексом.

Чрезвычайный (особый) трибунал для охраны государства был предметом постоянной заботы у нем фашистского правительства. Один за другим издавались многочисленные декреты, регулировавшие различные стороны его деятельности. При этом компетенция его постепенно значительно расширялась. В первоначальном законе в ведение этого трибунала передавались лишь некоторые политические преступления, перечисленные в ст. ст. 1—6 названного закона, причем смертная казнь устанавливалась в 7 случаях. При продлении действия чрезвычайного трибунала в 1931 г. еще на пять лет (первое продление) этому трибуналу передавались уже все преступления, предусмотренные разделом первым второй книги фашистского уголовного кодекса 1930 г. Раздел первый книги второй обнимает все преступления против «личности государства», т. е. все политические преступления. Этот раздел состоит из 72 статей (от 241 до 313) и устанавливает смертную казнь в 25 случаях, причем в большинстве случаев как единственную меру, как абсолютно-определенную санкцию.

Для полноты картины посмотрим, как «работает» чрезвычайный трибунал на практике.

Единственной — и притом неизбежной — мерой пресечения по делам, подлежащим суду чрезвычайного трибунала, является заключение под стражу. В силу ст. 9 декрета от 12 декабря 1926 г. № 2008 прокурор может прямо вызвать подсудимого в суд без предъявления ему обвинения, хотя бы подсудимому угрожала смертная казнь.

Следователь не обязан сообщать подсудимому о собранных против него доказательствах. В деле могут быть документы и вещественные доказательства, которые председатель трибунала может признать «секретными» и изъять от обозрения подсудимого и его защитника. Дело слушается через 24 часа после поступления его в суд, причем председатель может сократить этот срок. К этому нужно добавить, что предварительное следствие по делу тянется весьма продолжительное время (например, два года по делу Замбони, 16 месяцев по делу швейцарского гражданина Гофмейстера и пр.). Ознакомьтесь часто с многолетним делом, разбухшим за многие месяцы предварительного следствия, ни у обвиняемого, ни у его защитника не представляется никакой возможности за тот короткий срок, который предоставлен в их распоряжение.

Председатель и следователь чрезвычайного трибунала назначаются самим Муссолини.

Защитники боятся принимать на себя защиту в чрезвычайном трибунале, так как это чревато всякими неприятными последствиями. Кроме того, гражданский защитник может быть не допущен председателем к участию в деле и заменен военным защитником. Для этого достаточно простого требования прокурора.

Военный защитник не должен иметь чина выше капитана. Что представляют собою защитники, принимающие защиту в чрезвычайном трибунале, видно из такого факта: один из защитников в сентябре 1930 г., защищая группу славян, утверждал, что его подзащитные «находятся в ужасном положении» и что «по делу нужен смертный приговор». Этот защитник имел наглость после дела требовать от отца одного из своих подзащитных гонорар в размере 30 000 лир.

Заседания чрезвычайного трибунала считаются публичными, но председатель имеет право всегда по своему усмотрению закрыть двери заседания. Отчеты о заседаниях обыкновенно не печатаются, и о них можно узнать только по тем сведениям, которые просачиваются в иностранную прессу. Публикация отчетов о заседаниях (когда они печатаются) составляет монополию официального телеграфного агентства Стефани. Отчеты эти тщательно редактируются председателем трибунала и соответствующими заинтересованными лицами. Когда двери заседания не закрыты, председатель пользуется своим правом подбирать публику из числа тех, присутствие которых для него желательно.

Грубая фальсификация доказательственного материала составляет неотъемлемую принадлежность этого судилища. Как правило, свидетелями выступают чины полиции безопасности, которые не обязаны сообщать источников своей информации. Бремя доказательства перекладывается на подсудимого.

Приговоры трибунала окончательны. В течение трех лет не допускался даже пересмотр дела по вновь открывшимся обстоятельствам. Пересмотр необычайно труден даже после того, как он разрешен. Обыкновенно просьбы о пересмотре рассматриваются самим Муссолини, который запрашивает мнение трибунала, вынесшего приговор. Для полноты картины добавим, что по многочисленным свидетельствам, опубликованным в иностранной печати, во время следствия широко применяется допрос «третьей степени».

Мы видели положение политических интернированных. Не лучше положение политических заключенных как находящихся в предварительном заключении, так и отбывающих наказание.

Политические заключенные фашистской Италии содержатся в худших условиях, чем уголовные преступники. При отбывании наказания от 6 месяцев до 3 лет они находятся в одиночном заключении.

Без изучения кодекса полиции безопасности, без анализа исключительного законодательства вообще, закона об охране государства от 25 ноября 1926 г. в частности, нельзя приступить к изучению ни уголовного, ни уголовно-процессуального кодексов. Ни оба кодекса, ни упразднение суда присяжных и замена его судом с ассессорами не создали «нормализаций» фашистской «юстиции». Только на фоне кодекса полиции безопасности и всего исключительного законодательства раскрывается истинный смысл уголовного кодекса, к анализу которого в порядке дальнейшего изложения фашистского уголовного законодательства мы перейдем в следующей статье.

А. Е. БРУСИЛОВСКИЙ.

В Весоюзном Институте Юридических Наук

Рецидив и профессиональная преступность в капиталистических странах

На заседании секции уголовной статистики был заслушан доклад т. Утевского Б. С. на тему «Рецидив и профессиональная преступность в капиталистических странах».

Докладчик указал, что страх, внушаемый буржуазии ростом рецидива и профессиональной преступности, изображенный еще К. Марксом в его статье о Брюссельском тюремном конгрессе, усилился по мере того, как даже официальная статистика приносила все новые доказательства, что рост рецидива обгоняет рост преступности в целом, а в пределах группы рецидивистов наибольшие темпы роста обнаруживают рецидивы с наибольшим числом судимостей.

Этот страх отражала и буржуазная теория. Международные съезды криминалистов, десятки книг, сотни и тысячи статей были посвящены этому вопросу. В связи с ростом рецидива были сделаны такие реакционные предложения, как введение в законодательство понятия «опасного состояния», открывающего неограниченные возможности судебного и административного произвола; введение так называемых «мер безопасности», не связанных с тяжестью совершенного преступления или даже с преступлением вообще, и исключительное усиление репрессии.

Но эти предложения, формально направленные против уголовных рецидивистов—профессиональных преступников, открывали, однако, возможность использования их и для борьбы с так называемыми политическими преступлениями. В этом и заключалась причина того, что все школы уголовного права шли на любые компромиссы, лишь бы обеспечить введение в уголовные кодексы этих реакционных мер.

Докладчик приводит ряд специальных законов, изданных в разных странах Европы и США, и показывает, как все законы о рецидивистах, в особенности изданные в странах фашистской диктатуры, сформулированы так, что они делаются удобным оружием белого террора. Практика показала, что эти законы действительно в гораздо большей степени применялись к политическим врагам буржуазии, чем к уголовным рецидивистам.

При помощи статистического материала т. Утевский показывает, как рецидив и профессиональная преступность во всех странах капитала неуклонно растут и почти привели уже к такому положению, при котором приходится ставить знак равенства между преступностью вообще и преступностью рецидива.

Анализируя применение специальных законов о рецидивистах в отдельных странах, т. Утевский показывает, как эти законы на практике обанкротились. Банкротство это было двой-

ным: они не устроили преступный мир и они фактически применялись к уголовным элементам в таких мизерных размерах, что обывательские круги заговорили о «бессилии закона», о «банкротстве закона» и т. д. Это фактическое банкротство совершенно естественно вытекало из особенностей капиталистического строя.

Все внимание буржуазного государственного аппарата обращается не на борьбу с рецидивом, а на борьбу с революционным движением. Полиция, суд, прокуратура, тюрьмы в капиталистических странах вынуждены все меньше сил и внимания отдавать борьбе с уголовными рецидивистами и профессиональными преступниками и бросать все свои силы на борьбу с революционными и антифашистскими элементами, хотя бы это достигалось и ценою роста уголовной преступности. Более этого, они используют уголовные элементы для борьбы с революционным движением.

В заключение т. Утевский остановился на том недоверии к полиции и суду в их борьбе с уголовной преступностью, которое все больше овладевает обывательскими массами в капиталистических странах, и о том чувстве небезопасности этой борьбы, которая обнаруживается даже в трудах буржуазных криминологов.

По докладу т. Утевского развернулись оживленные прения.

Тов. Пионтковский отметил, что при окончательной разработке доклада необходимо больше внимания уделить анализу юридического понятия рецидива в уголовном законодательстве различных капиталистических стран, так как это понятие неодинаково в различных странах. Надо более широко развить верное положение докладчика о применении в капиталистических странах методов, предназначенных формально для борьбы с уголовным рецидивом, к политическим преступлениям, и о том, что усиленное внимание всего аппарата буржуазной юстиции к политическим преступникам понижает статистику по общей уголовной преступности.

Надо, наконец, указать, что описанные явления широко применяются империалистическими странами в колониях и представляют собой по существу перенесение колониальных методов расправы в метрополию.

Тов. Маньковский полагает, что главу о размерах рецидива надо сократить, дать более компактно, так как этот материал частично известен. Надо уделить больше внимания юридическому понятию рецидива, дать глубокий анализ его, изучить по этому вопросу не только законодательство в капиталистических странах, но и судебную практику. Тов. Маньковский находит, что доклад представляет интерес, но нуждается в некоторой доработке.

Тов. Герцензон отметил, что докладчик не только недостаточно юридически подошел к

понятию рецидива, но еще менее осветил его статистическими данными. Вопрос о различии учета рецидива полицейской и судебной статистикой докладчик обошел; не указал он ничего о движении рецидива в период мирового кризиса; не отразил в докладе вопроса о личности профессионального преступника, рецидивиста.

Тов. Трайнин считает, что доклад богат фактическим материалом и прекрасно обработан, но необходимо было остановиться и на общей теоретической проблеме рецидива, дать юридическое понятие рецидива, указать на различие этого понятия в разных странах и расказать, как эта проблема разрешается у нас.

По мнению т. Дурманова, доклад можно разделить на две части. В первой части говорится о развитии и росте рецидива в капиталистических странах, об отражении этого роста в буржуазной литературе, об интересе, который проявили теоретики к рецидиву и профессиональным преступникам и тому подобным вопросам. Эту часть т. Дурманов предлагает основательно переработать.

Вторая часть говорит о специальных законах в применении их к уголовным рецидивистам. Эта часть наиболее разработана. Однако недостатком этой части надо считать недостаточный юридический анализ законодательных актов.

Второй пленум Центрального комитета работников суда и прокуратуры

7—11 февраля с. г. в Москве состоялся II пленум Центрального комитета союза работников суда и прокуратуры.

В своих постановлении пленум отметил, что Сталинская Конституция возлагает на органы суда и прокуратуры особо ответственные и почетные задачи: охранять социалистическую собственность от расхитителей и воров, разоблачать классово враждебные элементы, искоренять всех последних троцкистской банды, которые своими подрывными действиями пытаются затормозить победоносный ход социалистического строительства и строжайше охранять революционную законность.

В этих условиях, говорит резолюция, «роль и задача профессионального союза работников суда и прокуратуры — добиться посредством политико-воспитательной работы усиления революционной бдительности, усилить критику и самокритику, внимательно изучать поступающие жалобы и предложения для устранения возможности врагу проникнуть в наш аппарат, поднять качество работы суда и прокуратуры на такую высоту, при которой была бы достигнута незыблемость решения народного суда».

Пленум констатировал, что за истекший год работа президиума ЦК союза, средних и низовых звеньев союза была главным образом направлена на выполнение решений I пленума ЦК союза по улучшению качества работы судебно-прокурорских органов и материально-бытового обслуживания членов союза, а также на подъем культурного роста членов союза и приведение в порядок профсоюзного хозяйства.

Тов. Дурманов считает, что нельзя безоговорочно сравнивать цифры судебной и тюремной статистики, нельзя также утверждать, как говорит докладчик, приводя слова профессионального вора, что арест для рецидивиста является лишь маленькой неприятностью. Уголовный закон в буржуазных странах довольноно суров к уголовным рецидивистам. Наконец, что надо было бы остановиться на отношении нашего закона к профессиональным преступлениям и рецидиву.

Тов. Булат присоединяется к мнениям выступивших товарищей, указав, что докладчиком представлен обширный материал, представляющий большой интерес. К недостаткам надо отнести, как уже отмечалось, то, что не дан анализ юридической природы рецидива. Надо было отчетливее показать классовую природу рецидива, показать лицемерие и фальшь законов против рецидивистов в буржуазных странах. В заключение т. Булат указал, что все сделанные замечания надо учесть и в этом направлении доклад доработать.

В результате прений по докладу секция постановила рекомендовать доклад для опубликования в печати, при условии, что докладчик на основе сделанных замечаний его доработает.

Проведенная президиумом ЦК союза проверка состояния профсоюзной работы по 40 областям, краям и республикам свидетельствует, что поставленные I пленумом ЦК союза задачи во многих областях не выполнены, а в некоторых областях эти решения не были даже проработаны на общегородских собраниях членов союза и в низовых коллективах.

Существенным недостатком в работе является то, что профсоюзные организации еще не повернулись лицом к работе суда и прокуратуры, не обеспечили охвата соцсоревнованием основной массы членов союза (всего соревнуется по полученным отчетам 20%), не обеспечили работы производственных совещаний и осуществления на практике решений XVII съезда партии об организации работы низового контроля, переданного профсоюзам после реорганизации РКИ.

Для устранения этих недочетов пленум поставил перед каждым коллективом союза задачу охватить соцсоревнованием всех работников суда и прокуратуры, привлекая к этой работе руководителей учреждений, поощряя лучших ударников, организуя постоянно действующие бригады низового контроля.

Особое внимание пленум обратил на необходимость глубокого изучения работы аппарата, решительного искоренения волокиты, бюрократизма, широкого развертывания самокритики и мобилизации творческой инициативы масс. Большевицкая самокритика должна стать основным методом работы производственных совещаний.

Проведенная работа по улучшению бытовых

условий работников суда и прокуратуры ставит перед низовыми и средними звеньями нашего союза задачу — закрепить уже достигнутые результаты и продолжать в дальнейшем улучшение условий труда, предоставление судебно-прокурорским органам помещений, обеспечивающих нормальную работу и культурное обслуживание населения.

В развернувшихся на пленуме прениях было установлено, что обмен профбилетов в ряде областей, краев не был использован для приведения в надлежащий порядок профсоюзного хозяйства, ликвидации задолженности по членским взносам, мобилизации членской массы и вовлечения ее в профсоюзную работу (Северокавказский край, Северная обл. и др.). Это ставит перед профсоюзными организациями задачу на ходу исправить допущенные ошибки, для чего необходимо провести в марте 1937 г. специальный профсоюзный день по обсуждению на общих собраниях докладов обкомов, оргбюро, председателей месткомов и профуполномоченных о результатах обмена профбилетов.

В решениях II пленума ЦК союза указано, что укрепление обороноспособности нашей страны обязывает каждого члена профсоюза включиться в военно-оборонную работу, обеспечить сдачу норм ГТО, ГСО, ПВХО, ворошиловского стрелка и т. д. Президиуму ЦК союза предложено дать соответствующие указания местам о проведении этой работы и организации всесоюзного стрелкового соревнования.

Обращает на себя внимание количество жалоб, поступающих в ЦК союза на нарушение законов о труде органами суда и прокуратуры, увеличившееся за истекший год в 2½ раза. Пленум поставил перед всеми низовыми организациями задачу решительной перестройки работы в этой области с тем, чтобы всякое нарушение трудового закона органами суда и прокуратуры было пресечено в корне низовым коллективом. Для устранения нарушений законов о труде и борьбы с этими нарушениями предложено выделить во всех коллективах общественных инспекторов труда.

В резолюции по докладу об итогах выполнения плана по профбюджету за 1936 г. и о плане на 1937 г. пленум ЦК отметил значительное улучшение материально-бытовых условий и обслуживание членов союза (путевки на курорты в дома отдыха в 1936 г. выдано на 56% больше, чем в 1935 г.), выполнение плана по профбюджету на 104,2%, упорядочение финансирования касс взаимопомощи и улучшение состояния профсоюзного хозяйства в результате обмена профбилетов.

В то же время пленум отметил основные недостатки в работе: перерасход фонда зарплаты (Одесса, Свердловская обл., ДВК), по расходам (Азербайджан, Винницкая, Донецкая обл.) и по орграсходам (Азербайджан, Винницкая, Черниговская обл., Татария, Днепропетровская обл.). Особо отмечен недорасход средств на культурные мероприятия (Азербайджан, Винницкая, Горьковская, Днепропетровская, Одесская обл. и Татария).

Пленум утвердил сводный профбюджет по доходной части в сумме 2574 000 руб. и расходную смету профбюджета по зарплате, хо-

зяйственным и организационным расходам и расходам по съезду в сумме 1 175 000 руб.

В принятой пленумом резолюции по докладу т. Чадарайн об итогах выполнения плана по социальному страхованию за 1936 г. и о плане на 1937 г. отмечено значительное улучшение соцстрахработы.

План соцстраха за 1936 г. выполнен по всему союзу на 113,2%. На первое место по выполнению плана вышли: Киргизия — 139%, Азербайджан — 138%, Восточная Сибирь — 126,4%, Сталинградская обл., Кара-Калпакия — 121,3%, Калининская обл., Грузия и Башкирия — 119% и т. д. В то же время нужно отметить невыполнение плана соцстраха по следующим областям: Свердловская — 85,9%, Черниговская — 91,3%, Ивановская — 94%, Омская — 94,3%, Харьковская — 94,5%, Саратовская — 97%, Казахская ССР — 92,5%, ДВК — 95,8%, Азово-Черноморский край — 96%.

Пленум поручил президиуму ЦК союза создать во всех коллективах и средних звеньях страховой актив, исключив его для проверки правильности выдачи больничных листов, изучения условий работы и разработки профилактических мероприятий по сокращению заболелаемости; рассмотреть вопрос о премировании лучших соцстрахделегатов на основе предоставленных материалов с мест; устранить случаи переплаты по больничным листкам, в случае установления переплаты относить ее за счет виновных лиц, а в случаях получения одновременно зарплаты и пособия по соцстраху виновных привлекать к ответственности.

Пленум отметил как ненормальное явление неизрасходование президиумом ЦК союза средств, отпущенных на врачебный контроль, обязав последний в 1937 г. организовать эту работу.

Пленум одобрил проект бюджета социального страхования и решил просить ВЦСПС утвердить его.

Пленум отметил также сдвиги в политико-воспитательной и культурно-массовой работе среди членов союза. Особо большое внимание этой работе было уделено профсоюзными организациями Ленинграда, Киева, Грузинской ССР, Азово-Черноморского края, Черниговской, Одесской, Воронежской обл., МК Прокуратуры СССР и Верховного суда СССР.

Несмотря на наличие сдвигов в этой работе, пленум считает, что они еще далеко не соответствуют тем колоссальным требованиям культурно-политической работы, которые обязаны претворять в жизнь профсоюзные организации в связи со Сталинской Конституцией СССР. Ряд средних и низовых профсоюзных организаций до сих пор недооценивает всю политическую важность этой работы. Несмотря на решение I пленума ЦК союза, крайне слабо развернута работа по Ивановской, Винницкой, Северной обл., Красноярскому краю, Казахской и Киргизской ССР. Неудовлетворительна постановка работы по Донецкой, Оренбургской обл., Северокавказскому краю, Белорусской ССР и Башкирии.

Отстающим участком культмассовой работы является массовая работа по художественной самодельности, библиотечная, работа по организации красных уголков, клубов и создание при них всех видов культурного развлечения.

ния. Со стороны ряда профорганизаций до сих пор нет должного отношения к работе по ликвидации неграмотности и малограмотности членов союза и членов их семей, вследствие чего план обучения за 1936 г. не выполнен. В ряде организаций еще недостаточно уделяют внимание вопросу 100-процентного охвата политучебой и работе стенгазет.

Пленум постановил: обязать республиканские, краевые, областные комитеты, оргбюро и месткомы активизировать работу кружков по изучению Конституции СССР, охватив ими всех членов союза и членов их семей. Развернуть широкую пропаганду Конституции не только среди членов Союза, но и всего трудящегося населения, обращаясь в наши учреждения, для чего организовать консультацию для посетителей, вывесить на видных местах Конституцию, организовать выставку литературы, касающейся этого вопроса, и обеспечить бесперебойную работу политкружков, бесед, читки газет, доклады, лекции на общественно-политические темы.

Во всей работе по повышению идейно-политического уровня членов союза должно быть обращено особое внимание на изучение истории ВКП(б), основ марксистско-ленинско-сталинского учения, повышая тем самым большевистскую бдительность членов союза, непримиримость и классовую ненависть к врагам Советского союза. Пленум обязывает профорганизации путем массово-разъяснительной работы обеспечить 100-процентный охват членов союза политико-воспитательной работой.

Учитывая огромное политическое значение работы по продвижению в массы советской книги и печати, пленум обязал профколлективы организовать при учреждениях библиотеки и развернуть в них массовую библиотечную работу, периодически изучая характер читаемой литературы. Обратив особое внимание на изучение художественной литературы и вопросов искусства.

Пленум поручил всем республикам, краям и областям провести смотр работы стенгазет.

Пленум обязал также все республиканские, краевые и областные отделы союза оказать всемерную помощь членам союза в поднятии общеобразовательного уровня, для чего выявить контингент товарищей, наиболее нуждающихся в этом, привлекая их к поднятию грамотности в учебных заведениях, а также практику организацию школ и общеобразовательных кружков.

Наряду с этим пленум предложил обратить серьезное внимание на поднятие юридической квалификации работающих через систему прохождения юридического минимума и заочного правового обучения.

Под персональную ответственность оргбюро и месткомов пленум обязал выполнить задание партии и правительства по ликвидации неграмотности в 1937 г. Для более успешного хода работы пленум предложил использовать положительный метод работы Грузин, Азово-Черноморского края, Одессы и предупредить оргбюро Белорусской, Казахской ССР, Ивановской, Западной, Донецкой, Северной, Винниц-

кой обл., что ими до сих пор не обеспечена работа по ликвидации неграмотности и малограмотности.

Огромные возможности, открывающиеся Сталинской Конституцией для проявления творческой инициативы трудящихся, обязывают профсоюзные организации проявить исключительное внимание работе по развертыванию художественной самодеятельности. Учитывая положительный опыт этой работы по Москве, Чернигову, Ленинграду и др., пленум обязывает средние и низовые звенья выявить творческие силы художественной самодеятельности, организовать во всех краевых и областных центрах и там, где возможно, в районах коллективы самодеятельности.

Президиуму ЦК союза поручено проработать вопрос об организации всесоюзного смотра художественной самодеятельности работников суда и прокуратуры.

Учитывая рост профактива и громадную потребность его в повышении знания, пленум обязал оргкомитеты проводить ежегодно краткосрочные курсы по подготовке профкадров (без отрыва от производства), организуя их по отдельным категориям актива (пред. МК, культработники, низовой контроль и др.).

Учитывая значительное увеличение финансирования судебно-прокурорских органов на мероприятия по созданию лучших культурных условий в наших учреждениях, пленум предложил оргкомитетам и МК поставить перед областными и краевыми судебно-прокурорскими организациями вопрос о создании красных уголков и их культурного оборудования. Одновременно обеспечить в них надлежащий разворот всей культработы.

В связи с утверждением титульного списка строительства в Москве дома НКЮ СССР, поставить вопрос перед НКЮ СССР о предусмотрении в плане этого строительства постройки помещения для клуба работников юстиции г. Москвы.

Учитывая громадное политическое значение работы с женами и членами семей работников промышленности, транспорта и женами командиров РККА, поручить всем средним и низовым звеньям развернуть работу по привлечению жен судебно-прокурорских работников и членов семей к работе профколлективов, в частности в кружки художественной самодеятельности, политпросвещения, к работе по организации культурных условий в судебно-прокурорских учреждениях, а также организовать работу среди детей членов союза.

Констатируя по ряду областей факты использования не по назначению культсредств, а по ряду областей недорасходование их вследствие слабого развертывания культработы, запретить обкомам и месткомам расходовать культассигнования на другие нужды. Обеспечить правильное и полное использование средств, отпускаемых на культмассовую и политико-воспитательную работу.

На заключительном заседании пленум принял ряд практических решений по вопросам оргработы.

Библиография

Тюрьма капиталистических стран. Сборник статей под редакцией А. Я. Вышинского. Гос. издательство «Советское законодательство». Москва. 1937 г. Цена 5 р. 20 коп.

В системе мер подавления буржуазией эксплуатируемого огромного большинства населения особое место занимает тюрьма, являющаяся орудием угнетения и насилия буржуазной диктатуры над трудящимися.

Рецензируемый сборник в ряде статей на большом конкретном, фактическом материале разоблачает сущность буржуазной тюрьмы как важнейшего метода угнетения трудящихся в капиталистическом обществе, обнажая систему произвола и беззакония, господствующую в этих застенках буржуазного государства.

Сборник состоит из шести статей: Лишение свободы в буржуазной уголовной политике Царская тюрьма; Тюремная политика буржуазии в колониях; Тюремная политика фашизма; Международный конгресс уголовного права и тюремоведения и его уголовно-политическое значение.

Статья т. Булатова «Лишение свободы в буржуазной уголовной политике» дает краткий очерк возникновения буржуазной тюрьмы и характеристику различных систем лишения свободы, действующих в капиталистических странах.

Лишение свободы, применявшееся в виде заключения в тюрьму, уже со времени возникновения рабовладельческого государства и в средние века служило, главным образом, местом предварительного заключения и пытки. В редких случаях в средние века тюрьма назначалась и в качестве наказания на неопределенные, как правило, сроки, являясь по существу более медленным способом смертной казни.

В основной вид наказания тюрьма превращается только с развитием буржуазного общества. Автор правильно указывает, что развитие лишения свободы соответствовало интересам эксплуатации ставших у власти капиталистов, извлекающих из реформированной ими соответствующим образом системы лишения «свободы ту выгоду, что выпущенный из тюрьмы локорно, как овца, работает на капиталистов в стенах фабрик, в поместьях, в копиях, на железных дорогах, в водных путях и т. д., содействует им в извлечении прибыли и, с голодным желудком проходя через картофельное поле, не решается взять ни одного клуб.¹ Именно в этом, в частности, смысл столь излюбленной буржуазному сердцу системы одиночного заключения и системы молчания, описываемых т. Булатовым в его очерке.

Задача буржуазии, нуждавшейся в рабочей силе как объекте эксплуатации, заключалась в том, чтобы, не уничтожая преступника, как это практиковалось в средние века, превратить его путем системы «донимающего исправления» в забитое, тупое и покорное буржуазной воле существо. Маркс дает исключительно меткую характеристику этого процесса «озверения», по выражению Энгельса, человека в одиночестве. «Изолирование человека от внешнего мира и насильственное погружение в глубокое душевное одиночество, соединение юридического наказания с теологическим мучительством получает законченное выражение в системе одиночного заключения».

Раскрывая классовые корни распространения лишения свободы в виде заключения в тюрьму в капиталистических странах, автор правильно в начале очерка критикует попытки искать причины этого в эквивалентной форме лишения свободы, которая, как утверждал в своей работе Пашуканис, является якобы специфической формой буржуазного уголовного права, будучи обусловленной отношениями обмена и связанной с «представлением об абстрактном человеке и абстрактном человеческом труде, измеряемом временем». Это типичный меньшевистско-ревизионистский для всей теории Пашуканиса отрыв формы права от ее классового содержания, подмена классового анализа существа буржуазного права и ее формы схоластическими рассуждениями об абстрактном труде и абстрактном человеке, социальный смысл которых и заключается в том, чтобы в конце концов выхолостить этим классовое существо и классовую направленность буржуазного права.

Однако т. Булатов не раскрывает до конца насквозь враждебный нам социальный смысл этой вредной «теории». При этом т. Булатов допускает в разделе IV своего очерка очень неясную формулировку, дающую повод к обвинению автора в противоречии с самим собой. Характеризуя взгляды «криминалиста-классика Цахариа, наиболее ревностного защитника лишения свободы, т. Булатов пишет: «Так подтверждается замечание Пашуканиса, что для широкого развития срочного лишения свободы необходимо было внедрение в общественное сознание представления об абстрактном человеческом труде» (стр. 21). Понять, что это автором относилось только к буржуазной идеологии, можно лишь из последующих страниц.

Автор прав, когда, переходя к характеристике так называемой прогрессивной системы тюремного заключения, вскрывает реакционный характер этого типа лишения свободы, очень тонко замаскированного либеральной фразеологией криминалистов из лагеря социологической школы. В конце концов и прогрессивная система превращается, как указывает т. Була-

¹ Маркс, т. V, стр. 179—180.

тов, «в жестокою систему обмана и эксплуатации заключенного обещанием заведомо недостижимых льгот» (стр. 19). Свою задачу подавления трудящихся путем устрашения и угнетения буржуазная тюрьма осуществляет как изоляцией, так и широкой системой мер дисциплинарных взысканий, являющихся по существу формами дисциплинарного издевательства над заключенными. Применяемый в капиталистической тюрьме труд является средством подавления и угнетения, превращаясь также в форму калечения, в способ издевательства над заключенным. Исключительно яркие примеры этого мы находим в последующих статьях сборника, написанных М. Н. Гернетом, М. К. Кесслером. Поэтому нельзя согласиться с т. Булатовым, что «труд заключенных и дисциплинарные взыскания — только наиболее характерные моменты содержания буржуазной тюрьмы» (стр. 41). Меньше всего труд характерен для содержания буржуазной тюрьмы; труд, применяемый в наиболее тяжелых для заключенного формах, является только придатком к методам насилия, применяемым в тюрьме, будучи одним из орудий этого насилия.

Исключительный интерес представляет статья М. Н. Гернета о царской тюрьме как по богатству собранного в ней материала, так и по его литературному оформлению. Это, собственно говоря, первая работа, обобщающая за период с 1905 по 1917 гг. огромный материал о царской тюрьме, этом мрачном и зверском застенке военно-феодалного империализма царской России, разбитом и сломанном вдребезги Великой социалистической революцией.

Автор, анализируя законодательство царизма, показывает беспредельную широту как «законных» возможностей заключения трудящихся в тюрьму, так и методов внесудебной расправы, лишивших свободы тысячи и десятки тысяч людей, негодных откровенному старому режиму, ибо «право арестов и высылки без суда остается у полиции и останется у нее до тех пор, пока существует самодержавие» (Ленин, т. V, стр. 173).

Очень интересен произведенный автором подсчет «законных» оснований применения лишения свободы по действовавшему в этот период законодательству. В результате подсчета «на каждую статью без санкции лишения свободы приходится статей, предусматривающих применение того или иного вида лишения свободы: по уложению о наказаниях 2 статьи, по уголовному уложению — 14½, по уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, — 1½, по воинскому уставу о наказаниях — 8 статей» (стр. 49). Фактически же лишение свободы применялось чаще, ибо им заменялся штраф, налагаемый в широких размерах на трудящихся, которые обычно не могли его уплатить. Не удивительно, что перед войной за год через русские тюрьмы проходило почти 2 млн. заключенных в среднем, по официальным данным: фактически же их было гораздо больше. Число арестованных и, в частности, в каторжных тюрьмах возрастало из года в год в связи с расправой царизма с революционным движением. Так, число каторжных заключенных возросло с 6 тыс. в 1903 г. до 32 тыс. в 1910 г.

Характерной особенностью царских тюрем

был царивший в них произвол и режим, физически медленно уничтожавший заключенных. Каторга была наиболее тяжелой формой заключения. Начиная с этапа на каторгу, осуществлявшегося, как правило, пешком, в ножных и ручных кандалах и цепях, каторга представляла сплошное физическое и душевное калечение заключенных, особенно политических. За малейшую провинность заключенного поролли, сажали в карцер, лишали пищи, воскрешая систему средневековых пыток. На этой почве имели место массовые самоубийства политических заключенных. Заканчивает свой очерк М. Н. Гернет яркими фактами упорного сопротивления и протеста, к которому в тюрьме прибегали политические заключенные.

Принудительный труд заключенных в тюрьме и особенно на каторге носил мучительный и унижительный для заключенного характер.

Статья М. А. Кесслера дает характеристику труда в царской тюрьме, являясь по существу дополнением работы М. Н. Гернета. Условия труда были настолько кошмарны, что заключенные наносили себе саморанения, чтобы от него избавиться. «Люди рубили пальцы рук, ног, вонзали железные ломы в собственные ступни и друг другу только для того, чтобы избежать ежесекундно витающей над ними смерти», описывает прошлое один из заключенных Нерчинской каторги (стр. 149). Заработок заключенного, занятого на работах, был ничтожен, доходя в лучшем случае до нескольких копеек в день. Заключенные были превращены в объект самой беззащитной эксплуатации своих тюремщиков; сама же работа была совершенно бесперспективна и бесцельна. Очень характерен отзыв об этой работе бывшего каторжанина Соболева, участвовавшего в сооружении дороги на Дальнем Востоке: «Мы строили дорогу, ненавидя ее... Мы чувствовали от первого до последнего всю ее бессмысленность, мы знали, что ни один обоз никогда не пройдет по ней» (стр. 152).

Такова была тюремная политика русского царизма, одного из наиболее отвратительных столпов европейской реакции.

Такова же характеризовавшаяся еще более крайним и безудержным произволом тюремная политика буржуазии в колониях, описанная в статье М. М. Исаева.

Статья М. М. Исаева содержит большой и ценный материал по этому вопросу. Ее дефект — недостаточная обработка материала, лодяного, как правило, в виде сводки еще сырых, хотя и интересных материалов.

Роль буржуазной тюрьмы как орудия подавления трудящихся и в особенности разгрома их революционного авангарда усиливается с обострением капиталистических противоречий в период империализма и особенно после войны.

Буржуазная тюрьма становится действенным орудием белого террора, широко практикуемого в странах, где господствует фашизм, являющийся террористической диктатурой наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала (Резолюция XIII пленума ИККИ).

Статья Б. С. Утевского дает характеристику тюремной политики фашизма, показывая со-

стояние тюрем в фашистских странах и процессы фашизации тюремной политики буржуазии в других капиталистических государствах. Автор в недостаточной степени при этом использовал имеющийся богатый материал о полном произволе и беспартии, характерном для фашистского мракобесия, и, в частности, тюремной политики фашизма, представляющей по существу возврат к средневековому тюремному режиму, в десятки крат ухищренным издании. Поэтому неправ автор, когда он утверждает, что «фашизм не только создал свою тюремную систему, но и получил свою тюремную теорию» (стр. 193). Фашизм возродил средневековую систему расправы и пыток, превратив свои тюрьмы и их якобы «новые» разновидности — концентрационные лагеря в место медленного физического зверского уничтожения своих политических противников. Теоретические потуги оправдать свою систему произвола и насилия также возрождают крошечку различных реакционных теорий конца XIX столетия и, в частности, «певца» средневекового тюремного рабства Миттельштедта, которого как новоявленного «теоретика», поднимают на свой щит фашистские «юристы». Этот «теоретик» писал:

«Заключенный должен работать тяжело, как раб, ибо он находится в уголовном рабстве. Его надо без всякого зазрения совести и без сожаления принуждать к самой тяжелой работе, которую только выносят мозг его костей и жилы в шее. Он должен ощущать ужасную боль, его душа и тело должны страдать, он должен стонать и сваливаться с ног, и каждый должен знать, что таков справедливый порядок на земле. Как, где и в какой области промышленности работает заключенный, на ступальном ли колесе, в рудниках ли, на галере, — глубоко безразлично: целью его рабского тягла является не создание какой-либо продукции, не получение какой-либо прибыли, а претерпевание тяжелого бремени, страданий и мук¹.

Последняя статья, помещенная в сборнике, дает характеристику XI международного тюремного конгресса, состоявшегося в 1935 г. в Берлине. Немецкие фашисты решили использовать намеченный еще в 1930 г. в г. Праге на X конгрессе созыв XI конгресса в Берлине, чтобы развернуть на нем свою социальную демагогию и добиться одобрения проводимой ими уголовной политики. Это было особенно важно для фашистов, как указывает автор, и потому, что авторитет германской юстиции резко упал, в связи с разгулом белого террора даже в буржуазном общественном мнении других капиталистических стран. Однако эти попытки немецких фашистов встретили очень сильную оппозицию со стороны делегатов Англии, Франции и ряда других буржуазных государств. Итоги конгресса явились по существу крупным моральным поражением гитлеровского правительства.

Ошибочно утверждение автора о том, что предшествовавший в Германии приходу Гитлера к власти период являлся либеральной эпохой (см. стр. 225 и др.). Это был тоже период реакции, прикрываемой цитом германской со-

циал-демократии, подготовившей приход Гитлера к власти, но реакцией, во многом, конечно, уступающей фашистскому разгулу.

Такое содержание рецензируемого сборника. Несомненно, что он дает в целом очень интересный материал для характеристики тюремного режима в капиталистических странах, для понимания полной противоположности ему советской исправительно-трудовой политики. С этой точки зрения надо пожалеть, что в сборнике отсутствует хотя бы краткий вводный очерк, освещающий принципы советской уголовной политики, вытекающие из основ советского социалистического уголовного права.

А. Ш.

С. КОПЕЛЯНСКАЯ, «Защита прав ребенка в советском суде», ОГИЗ, Советское законодательство. Москва. 1936 г. Стр. 136. Цена 1 р. 15 к.

Брошюра Копелянской С. Е. «Защита прав ребенка в советском суде» представляет собой практическое руководство для работников судбно-прокурорских органов, юридических консультаций и отдельных лиц.

Несмотря на относительную краткость пособия (130 стр.), в нем достаточно полно подобраны разъяснения Верховного суда РСФСР, циркуляры Прокуратуры Союза ССР, инструкции НКЮ, ряд законодательных актов и, наконец, дана Kommentация ряда разделов и статей Кодекса о браке, семье и опеке, касающихся защиты прав ребенка.

Специально освещен целый ряд вопросов и чисто практического порядка. Например, какие необходимы документы при подаче заявлений о признании отцовства, компетенция опекунских органов и т. д.

Соответственно указанным вопросам вся брошюра разбита на 6 разделов: 1) установление отцовства; 2) споры о детях; 3) алименты; 4) неплатеж алиментов; 5) подкидывание детей; 6) связь суда с учреждениями охраны детства.

Ограниченные размеры рецензии не позволяют достаточно подробно разобрать все выказанные автором брошюры положения, потому хотелось бы остановиться лишь на ряде основных из них.

С этой точки зрения прежде всего заслуживает критики то ничем необоснованное утверждение автора, сделанное им на странице 48 брошюры, что у нас «не ведется почти никакой борьбы с неплатежом алиментов, ни против самих неплательщиков, ни против предприятий и учреждений, виновных в нарушении интересов детей».

Это утверждение тем более странно, что на предыдущей 47 странице в таблице, характеризующей регулярность выплаты алиментов, говорится, что из всех прошедших в суды дела алименты платились регулярно от 28,6 до 45,1%. Платились нерегулярно от 7,1 до 13,9%, и присужденные судом алименты в 19,7—28,6% вовсе не платились.

Таким образом цифры говорят о том, что борьба с неплатежом алиментов ведется, но недостаточная.

Это утверждение тем более странно, что в распоряжении автора имелись цифры, характеризующие рост алиментных дел (135 588 дел в

¹ Mittelstädt, „Gegen die Freiheitsstrafe“, с. 37. Цитирую по статье Утевского, стр. 208.

1932 г. и 180 400 в 1934 г., стр. 46), которые как раз говорят о том, что рост их объясняется именно усилением внимания судебно-прокурорских органов к борьбе с этим злом.

Далее. Делая правильное утверждение на странице 91, что женщина в СССР поднята на небывалую высоту экономической самостоятельности, автор забывает, что в ряде случаев у ряда женщин живут и проявляются такие предрассудки, как стыд (например, при появлении внебрачного ребенка) и т. д., ведущие к такому преступлению, каким является подкидывание детей.

Не делая этой оговорки, автору брошюры ничего не останется, как утверждать, что раз теперь нет никаких оснований для подкидывания, а детей все же подкидывают, то это делается особыми (может быть «прирожденными»?) — **З. В.** преступницами.

Раздел, посвященный этому вопросу, так прямо и называется: «Преступницы по подкидыванию детей», а мать, которая, как говорит автор, подкидывает подростка, именуется злостной преступницей (стр. 96).

Наконец, наиболее серьезное и резкое выражение вызывает то обстоятельство, что автор брошюры находится под влиянием так называемой «теории факторов» преступности.

На странице 95 автор пишет следующее:

«Данные о жилищном положении большинства подкинувших матерей показывают, что и этот (жилищный — **З. В.**) фактор сейчас в большинстве случаев не может служить объяснением совершенного преступления». Суть, понятно, не в том, играет или не играет сейчас роль в совершении преступления жилищный вопрос, а в том именно, что о нем говорится не иначе, как о факторе, и в том, что это не просто неудобная терминология, а сознательно проведенное рассуждение, которое, как нами уже говорилось, приводит к теории «факторов преступности».

В заключение несколько слов о языке брошюры, вызывающем большие недоумения.

Такие выражения, как: «обобществление отдельных моментов быта» (стр. 50), «последнее время» (стр. 51), «профиль подкидывающих матерей» (стр. 90), «в этих преступлениях (т. е. в подкидывании — **З. В.**) таится коллизия интересов матери и ребенка» (стр. 90), вместе с такими названиями отдельных глав брошюры, как «Основные моменты оценки подкидывания детей», «Преступницы по подкидыванию детей», «Многожественность отцов» и т. д., сильно портят и без того нуждающуюся в серьезных исправлениях брошюру.

З. В.

Памяти В. А. Внукова

6 марта 1937 г. после тяжелой болезни (рак желудка) на 47 году жизни безвременно скончался профессор психиатрии Вольф Абрамович Внуков.

Тов. Внуков был хорошо известен не только врачам-психиатрам, не только широкому кругу деятелей медицины вообще. Вольф Абрамович Внуков был не только крупнейшим психиатром, блестящим лектором, вдумчивым клиницистом, отличным общественником, крупным организатором. Вольф Абрамович Внуков своей практической и теоретической работой в области судебной психиатрии дал много ценного и для работников теории права и для практической работы органов юстиции.

В области судебной психиатрии работа тов. Внукова внесла особенно много в решение наиболее спорного вопроса об уголовной ответственности психопатов. Громадное значение для судебной психиатрии имеют и работы тов. Внукова над диагностикой и клиникой шизофрении.

Экспертизы, которые профессор Внуков давал по наиболее сложным и запутанным делам (например, экспертиза по делу Шульца), являлись образцом экспертного заключения, образцом поведения эксперта на суде.

В последние годы своей работы проф. Внуков сделал немало для методологического разрыва ломброзианских теорий, особенно глубоко укоренившихся в области судебной психиатрии. Его статья в сборнике «Судебно-психиатрическая экспертиза» на богатом и тщательно проанализированном материале опровергает взгляды о криминогенном значении психиатрии, усиленно распространяемые фашистскими учениями.

Уже в самый последний год своей жизни тяжело больной, проф. Внуков выполнял громадную работу. Он руководил крупнейшей кафедрой общей психиатрии в СССР — кафедрой Московского медицинского института. Одновременно он руководил Институтом невропатологической профилактики Наркомздрава. Тов. Внуков сумел объединить в единый сплоченный коллектив эти два учреждения, сумел заставить интересы и работу теоретиков и практиков психиатрии и нейро-патологии. В это же время тов. Внуков работает в редакции медицинской энциклопедии и Московском обществе невропатологов и психиатров. Самые последние месяцы своей жизни он отдавал громадное количество сил и времени на организацию всесоюзного съезда невропатологов и психиатров. Последний доклад и выступление профессора Внукова на этом съезде запомнились всем участникам съезда.

Член партии с 1920 г., участник гражданской войны, тов. Внуков во все годы своей жизни был активным политическим бойцом. Громадная работа в области общей психиатрии не мешала ему уделять внимание тому наиболее политически острому участку, где работа врача-медицина непосредственно соприкасается с вопросами

классовой борьбы, — участку судебной психиатрии.

Под его редакцией и редакцией т. Фейнберг выходит капитальный учебник по судебной психиатрии, — учебник, рассчитанный в первую очередь на студентов юридических вузов и работников суда и прокуратуры. Этот учебник не только обобщает и излагает уже добытые научные истины. Многие вопросы он ставит по-новому, исправляя распространенные в судебной психиатрии ошибки. Этот учебник является незаменимым пособием для советского судебного психиатра и работников юстиции. В оригинальной постановке и решении целого ряда вопросов очень многим обязаны мы непосредственной работе В. А. Внукова.

Последняя встреча Вольфа Абрамовича с теоретическими и практическими работниками права произошла совсем недавно на I всесоюзном совещании работников судебной психиатрии, происходившем в Москве в конце декабря 1936 г. Вольф Абрамович, тонкий врач, знал про свою страшную болезнь и несомненно чувствовала, что смерть все ближе и ближе подходит к нему. Он уже не мог почти ничего есть, но большевистская воля не оставляла его, он не отказывался ни от какой работы.

Тов. Внуков по просьбе участников совещания нашел в себе силы выступить и на нем, и в блестящей речи охарактеризовал и общие задачи, встающие сейчас перед судебными психиатрами, и свое решение ряда наиболее сложных вопросов.

Вольф Абрамович Внуков умер еще совсем молодым (47 лет), не успев дать всего того, что он мог и хотел дать советской психиатрии, в частности советской судебной психиатрии, которую он также любил, интересами которой он жил до последних часов своей жизни, которым он отдавал все свои рано створевшие силы.

Но за свою юрюткую жизнь Вольф Абрамович успел сделать многое. Им написано свыше 30 крупных научных работ.

Вольф Абрамович оставил после себя не только большое литературное наследство. Его работа будет продолжаться в организованных и сплоченных им коллективах.

Вольф Абрамович Внуков оставил нам и прекрасный пример жизни большевика, ученого, организатора, общественника, непоколебимо смелого и мужественного человека, не выпускавшего своего теоретического оружия из рук до последнего момента своей жизни.

Преждевременная смерть т. Внукова — тяжелая потеря для советского здравоохранения, советской науки, общей и судебной психиатрии, тяжелая потеря и для нас, всех работников советской юстиции.

А. Я. Вышинский, Н. В. Крыленко, Г. М. Рогинский, Г. М. Леплевский, Ф. Е. Юрица, Г. И. Волков, В. П. Антонов-Саратовский, С. Я. Булатов, М. С. Строгович, Э. Э. Левентон, А. Р. Шейнин, Ц. Э. Фейнберг.